

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)

На правах рукописи

Медведев Владислав Валентинович

**ДОМЕСТИЦИРОВАННОЕ ПРОСТРАНСТВО
ЧУВАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Диссертация
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант –
доктор исторических наук,
внс МАЭ РАН А. К. Салмин

Санкт-Петербург – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I: ПОСЕЛЕНИЯ	36
1.1 Типы заселения и расселения	36
1.2 Типы и формы поселений	52
1.3 Общесельское пространство и сооружения	79
Глава II: ЖИЛИЩА	120
2.1 Материалы строительства	120
2.2 Конструкции жилищ	134
2.3 Двор	149
2.4 Дом	168
Глава III: ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ	218
3.1 Лачуга	218
3.2 Клеть	235
3.3 Амбар	250
3.4 Санитарно-гигиенические постройки	255
3.5 Помещения для скота	269
3.6 Другие постройки	282
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	304
Список использованных источников и литературы	312
Список сокращений	341
Приложение. Список информантов	343

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Доместицированное¹ пространство, под которым мы подразумеваем поселения, жилища и постройки – составляющая и основная часть материализованной культуры, выраженной единством традиционных представлений и материального воплощения. Их можно обозначить в качестве объектов, имеющих пространственное измерение. Граница между материальной и духовной культурами является относительной, поскольку всякое осознание элементов материальной культуры может содержать иной характер и выступать в качестве явлений культуры духовной². Наряду с системой питания и одеждой поселения, жилища и постройки занимают важнейшее место в жизнеобеспечении человека.

Следует согласиться с исследователями, которые не склонны отдавать предпочтение материальной культуре перед духовной. Ибо материальная культура – это лишь отражение в практической жизни наших помыслов, стремлений и духовного богатства. Народная культура, отраженная в жилище, постройках, поселении, одежде, украшениях, пище – продукт нашей деятельности сообразно потребностям духовным. А если более принципиально, то деление культуры на духовную и материальную – слишком условно, чтобы о них говорить в отдельности, ибо в совокупности они составляют единый продукт деятельности человека. Поэтому не без основания применительно к этнической культуре используется терминология «материализованная культура». Но и она – объект культуры, духовность. Например, женская головная повязка *сурпан* как для участников обряда и владельца, так и хранителя предметов старины, прежде всего вещь, имеющая отношение к духовной ценности, а не материальной. Женская головная повязка *сурпан* в любом контексте не представляет (в том числе и для зрителей в музее) материальную ценность, а вызывает интерес, любопытство и восхищение как явление духовной жизни³. Следует признать, что «материальная культура рождалась в духовной сфере»⁴.

¹ Доместикация – от латин. domesticus «домашний». В нашем случае «доместицированное пространство» означает использование человеком ландшафта в повседневной жизни. В этот круг, как правило, входят жилище, постройки и поселение в целом. В контексте обсуждаемой темы доместицирование предполагает и духовное освоение мира с последующей адаптацией к локальным условиям Республики Башкортостан. Это могут быть особенности естественно-географического ландшафта, иноэтничного соседства или взаимоотношения с местными административными структурами. Доместицированная территория, прежде всего, представлена освоенными человеком объектами, а в процессе обживания происходит расширение уже занимаемого пространства. Вновь исследованные территории приводят к созданию новой модели доместицированного пространства.

² Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. С. 21-22.

³ Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб., 2010. С. 95.

⁴ Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 24.

Поселения в традиционном плане представляли собой совокупность дворов, объединенных в неделимое сообщество и связанных повседневными отношениями: семейными узами, совместным землепользованием и хозяйственными занятиями. Крупные населённые пункты являлись средоточием экономической и культурной жизни для местного населения. Они консолидировали близлежащие деревни, создавая социально-экономическую структуру. Напротив, небольшие деревни, выселки и хутора, состоявшие из малого числа дворов, вели закрытый тип хозяйства, поскольку находились в более замкнутом пространстве, чем крупные села.

Изучение и реконструкция чувашских поселений в пределах современной Республики Башкортостан создает внятную картину исторического развития и этнографии их жителей. Поселения состояли из усадеб, имевших жилой дом и бытовые помещения для ведения хозяйства. Исследование традиционного расположения дома и построек во дворе и за его пределами является одним из приоритетных направлений, поскольку через них раскрывается их связь с материнской территорией.

В работе основное внимание уделяется жилым домам чувашей Республики Башкортостан с позиции регионального феномена. Традиционные жилища принадлежали к постройкам одного типа, но были не копиями, а вариантами по отношению друг к другу¹. Акцентируется внимание на выборе места жилища, строительного материала, конструктивных и технических особенностях, воззрениях, связанных с изучаемыми объектами. Дом является устойчивым элементом народной культуры, используемым семьёй на протяжении нескольких поколений, сочетающим одновременно традиции и принимающим изменения и обновления, впоследствии выступающие традициями².

Поселения чувашей в Республике Башкортостан образовывались в разное время. Их отличия от материнских деревень, несомненно, зависели от межэтнических соприкосновений и воздействия соседних народов. Несмотря на общие традиции зодчества народов, например, строительную технику, типологию построек, домостроительство и возведение иных зданий корректировал природный ландшафт. С его условиями связана численность дворов, сырьё и архитектурные решения. Жилища не только гармонировали с естественно-географическими условиями, но и вписывались в них, поскольку процесс возведения домов и хозяйственных построек представлял собой перестройку природных материалов, их перекомпоновку.

Традиционные поселения, жилища и постройки чувашей Республики Башкортостан были отличны от чувашских деревень и сел в других зонах расселения, имея облик, свойственный только этому региону. Вариативность традиции возникала из-за включения новых элементов и

¹ Чистов К. В. Указ. соч. С. 117.

² Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. М., 1997. С. 3.

благодаря сближению разных по происхождению форм. Вариации традиций формировались в условиях определенного локуса или этнической общности, а в более широком восприятии – в границах единой историко-этнографической области¹. В отечественной науке поселения, жилища и постройки чувашей Республики Башкортостан изучены слабо в сравнении с иными предметами традиционной культуры.

Не только вариативность традиций чувашей Республики Башкортостан в сравнении с другими группами чувашей побуждает к научным изысканиям, но и существующие локальные отличия между поселениями внутри одного региона. Анализ современного материала при соответствующей интерпретации позволяет получить информацию и реконструировать традицию. Поселения, жилища и хозяйственные постройки чувашей Республики Башкортостан составляют часть традиционной, т.е. устойчивой народной культуры.

В чувашском языке слово *сұрт* одновременно обозначает такие реалии, как «дом», «постройки», «строения», что позволяет говорить об их неразрывности при изучении. С домом мы ассоциируем пространство, занятое человеком для жизни. Постройки – единый термин для всех зданий, необходимых в домашнем хозяйстве. Слова «постройка» и «строение» нередко используются как синонимы. На наш взгляд, постройка – завершённое постоянное помещение (амбар, клеть, баня). Строение же представляет некапитальное, поставленное на определённое время сооружение (шалаш на сенокосной поляне или над погребом).

Поселения и комплекс зданий, находящихся во дворе, требуют специального исследования. В различной мере детали традиционного жилища и построек у чувашей сохранились до сегодняшних дней. Они отражают уровень развития общества, этнокультурные и социально-экономические процессы. Облик сельских поселений сильно изменился на протяжении последнего полувека. Традиционные жилища и постройки исчезают из современного сельского пейзажа, что вызывает необходимость интенсивного сбора информации и анализа опыта возведения домов и помещений. Исследование актуально как для сельского, так и для городского строительства, поскольку дом и постройки – олицетворение народных традиций, канонов зодчества.

Исследование универсального и особенного поселений, жилищ и хозяйственных построек чувашей Республики Башкортостан составляет актуальную комплексную проблему. Прежде всего, в связи с недостаточной изученностью, необходимостью выявления традиционных устоев и внедрения инноваций. Анализ исследуемого регионального феномена в контексте межэтнических связей, выявление роли материализованной культуры в повседневной жизни способствует получению инвариантной модели чувашской деревни по России в целом.

¹ Чистов К. В. Указ. соч. С. 110-111.

Объектом изучения является доместицированное пространство (поселения, жилища и хозяйственные постройки) чувашей Республики Башкортостан. Даже изучая современность, стремимся выявить и показать инновации, вписывающиеся в этнические традиции.

В качестве **предмета исследования** выступают типы и структура поселений, устройство дворов, домостроительство, назначение хозяйственных построек. Помимо архитектурных форм и структуры зданий, каждый объект и его звенья рассматриваются как подсистема, вписывающаяся в систему более высокого уровня (в ландшафт, схему поселения). В предмет изучения включены также народные обряды и верования, проецируемые чувашами Республики Башкортостан на поселения, дома и постройки.

Хронологические рамки исследования – XVIII – середина XX в. Работа опирается на источники и литературу, опубликованные за этот период времени. Наиболее ранние материалы собраны в ходе Академических экспедиций XVIII в., во время которых были зафиксированы первые комплексные сведения по традиционной культуре чувашей. Для анализа сохранения традиций привлечены архивные материалы и публикации по теме с середины XX в. по сегодняшний день. В целях изучения бытования традиционных элементов доместицированного пространства чувашей Республики Башкортостан в 2009–2014 гг. была совершена серия экспедиций. Изучение этого периода обеспечено широкой базой источников, имеющимися изданиями, полевыми этнографическими материалами автора, собранным согласно цели и задачам.

Территориальные рамки проведенного диссертационного исследования определены естественно-географическими границами Восточной Европы – Европейское Приуралье и Южный Урал, включая территорию современной Республики Башкортостан.

Рождением Республики Башкортостан считают 11 октября 1990 г. Республика стала приемником Башкирской АССР, основанной 23 марта 1919 г. До этого времени современная площадь республики входила в разные административные структуры Российской империи и многократно преобразовывалась.

Впервые переговоры о принятии русского подданства башкирскими родами прошли в 1556 г. К этому же времени можно отнести и территориально-административные изменения башкирских земель. В 1600 г. в рамках Казанского дворцового приказа был создан Уфимский уезд. С 1708 г. значительная доля территорий входит в Казанскую губернию. В 1712–1715 гг. разрабатывается проект Уфимской провинции, утвердившейся окончательно в 1728 г. До 1731 г. Уфимская провинция существовала самостоятельно. 1731–1737 гг. – провинция включена в Казанскую губернию. Указом Сената 15 марта 1744 г. была образована Оренбургская губерния, к которой относилась и Уфимская провинция. Постановлением от 23 декабря 1781 г. учреждено Уфимское наместничество, объединившее Уфимскую и Оренбургскую области. Следующее

преобразование произошло в 1796 г. Результатом стало переименование наместничества в Оренбургскую губернию. В 1865 г. губернию разделили на части – Оренбургскую и Уфимскую. Административное устройство Уфимской губернии 1865 г. сохранилось до создания Башкирской АССР¹.

Рис. 1. Карта расселения чувашей в Республике Башкортостан, 2010 г. // «Народы Башкортостана: энциклопедия», 2014 г.

Поэтапно чувашаи заселяли западные, юго-западные, центральные и южные районы Республики Башкортостан. Исследование базировалось на материале чувашей изучаемой респуб-

¹ Сайт Управления по делам архивов Республики Башкортостан. Режим доступа: <http://gasrb.ru/shegere6.html>.

лики (Рис. 1). Особое внимание уделялось чувашским поселениям Аургазинского, Бакалинского, Гафурийского, Зилаирского и Хайбуллинского районов Республики Башкортостан, находящихся в разных природно-географических зонах.

Цель исследования предполагает воссоздание и комплексный анализ традиционного доместицированного пространства чувашей Республики Башкортостан в качестве феномена народной культуры и реконструкцию целостной картины поселений, жилищ и построек как системы, актуальной не только на региональном, но и более широком территориальном формате.

Достижение цели возможно путем решения поставленных в исследовании **задач**:

- выявить региональный феномен развития поселений, жилищ и построек чувашей Республики Башкортостан;
- определить общие черты и индивидуальные особенности поселений чувашей Республики Башкортостан: типы заселения и расселения, виды и структуру, общесельское пространство и объекты;
- изучить региональную специфику материалов для строительства жилого дома чувашей Республики Башкортостан, особенности конструкции, организацию пространства двора;
- представить единое структурно-содержательное восприятие дома чувашей Республики Башкортостан, включающее представление об архитектурных приёмах и воззрениях;
- рассмотреть традиционные надворные постройки чувашей Республики Башкортостан;
- проанализировать иноэтничное воздействие на чувашей Республики Башкортостан и степень этнической обособленности в сохранении архитектурных и сакральных традиций.

Степень изученности проблемы. Поселения, жилища и постройки всегда находились в поле внимания этнографов. В процессе написания диссертации выяснилось, что публикации, как правило, затрагивают традиционную культуру чувашей пространства метрополии, а чуваша этнотерриториальных групп изучены не в полной мере. В представленном историографическом обзоре проанализированы работы, связанные с поселениями, жилищами и хозяйственными постройками чувашей. Прежде всего, и в основном, чувашей Республики Башкортостан. Общепринятая историографическая градация позволяет выделить три хронологических периода: до-революционный, советский и постсоветский.

Для **дореволюционного периода** характерны издания с описательным стилем изложения. Многие публикации содержат материалы не о поселениях, жилищах и хозяйственных постройках чувашей Республики Башкортостан, а ценные сведения о развитии населенных пунктов, жилищ и надворных помещений чувашей в целом (в основном, расположенных на территории современной Чувашской Республики). Об особенности расположения чувашских поселений в лесах в XVI в. писал князь А. М. Курбский. Естественные преграды скрывали небольшие де-

ревни от посторонних людей, защищая от неожиданного вторжения, заметил он¹. Основание поселений в лесах и искусственная посадка деревьев – характерная черта для чувашей Республики Башкортостан. Социально-экономическое положение и хозяйственные занятия чувашей Оренбургской губернии впервые затронуты П. И. Рычковым².

Участниками Академических экспедиций XVIII в. были собраны и опубликованы значительные исторические сведения и материалы по этнографии чувашей. Дневниковые заметки И. И. Лепёхина, П. С. Палласа, И. Г. Георги и Г. Ф. Миллера содержат не только описания поселений, домов и построек, но и раскрывают суть обрядов, проводимых в доме, во дворе и на природе. И. И. Лепёхин повествует о деревнях и жилище чувашей, рассматривает виды хозяйственной деятельности и другие стороны жизни. Путешественник, оговаривая животноводческую деятельность чувашей, делает запись о постройках для домашнего скота, а упоминание о молотье зерновых на гумне содержит сведения об овине³.

Работа П. С. Палласа – историко-этнографическое описание традиционной культуры разных народов. В его содержании встречаем информацию об устройстве двора, избы и её интерьере. Автором в качестве сравнения и анализа представлены этнокультурные параллели между чувашами, мордвой, татарами и другими народами⁴. И. Г. Георги уделил чувашам небольшой параграф, в котором отмечено не только их расселение по губерниям, но и сказано о хозяйстве и домашних промыслах. Особое внимание уделено обрядовым мероприятиям семейного цикла: рождению, свадьбе, похоронам и поминанию, а также религиозным воззрениям чувашей⁵.

По содержанию и информативности с предыдущими изданиями схожа публикация Г. Ф. Миллера. Наряду с чувашами исследователь изучает марийцев и удмуртов. Сказано о расселении, схемах деревень, усадьбах, домах, постройках. Автор излагает свои наблюдения о традиционном костюме, занятиях, языке и другие этнографические подробности⁶.

Комплексным изданием о чувашах и марийцах Казанской губернии являются «Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии»⁷. Собранные А. А. Фукс мате-

¹ Князь А. М. Курбский и царь Иоанн IV Васильевич Грозный. Избранные сочинения. СПб., 1902.

² Рычков П. И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинции, кратко и возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии // Тр. ВЭО. 1767. Т. 2. № 8. Ч. VII.

³ Лепёхин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб., 1771.

⁴ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1.

⁵ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1776. Ч. 1.

⁶ Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791.

⁷ Фукс А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840.

риалы, опубликованные в виде дневниковых записей, представляют систематизированное описание жизни чувашей и марийцев. Сведений о поселениях, жилищах и надворных постройках чувашей современной Республики Башкортостан эта работа не содержит, но её данные вполне можно применить по отношению к чувашам изучаемого региона. Использование материала А. А. Фукса оправдано тем, что традиционная культура функционировала и после переселения чувашей на новые земли. В её работах проанализированы чувашские деревни, жилища, домашний интерьер и постройки. Например, приведено описание организации жилого пространства для молодоженов в клети. Сказано о структуре поселений, наличии полевых ворот и изгородей, общественных зданий.

О мировоззрении чувашей, проводимых обрядовых действиях и жертвоприношениях, а также религиозных представлениях писал архимандрит Гавриил¹. Заслуживает внимания обряд избавления от злого духа, совершаемый семьей. Зарезав животное, аккуратно собирали его кровь, «чтобы ни одна капля не пала на пол»². Из подобных уточнений складывается картина восприятия архитектурных объектов чувашами и отношение к деталям. Воззрения чувашей являлись сферой исследования и протоирея В. П. Вишневого³. Как и у предыдущих авторов, представлено описание метрополии, но при реконструкции мы имеем возможность проецировать его и на чувашей Республики Башкортостан.

Немалый интерес для нашего исследования представляет труд В. А. Сбоева, затрагивающий вопросы, связанные с кучевой планировкой деревень, топонимией, расположением жилищ и построек во дворах. Им систематизированы сведения о духах-покровителях хозяйственных помещений у чувашей и другие сюжеты традиционной культуры⁴.

К началу 60-х гг. XIX в. был опубликован труд В. М. Черемшанского, знакомящий с населением и социально-экономическим развитием Оренбургской губернии, земли которой впоследствии частично были включены во вновь образованную Башкирскую АССР. Наряду с татарами, башкирами и другими сказано и о чувашах. Автор рассматривает антропологический тип, быт, религиозные представления, праздники, жилище, систему питания и костюм чувашей Оренбургской губернии. Поселения, жилища и надворные постройки проанализированы в пунктах «Быт чувашей» и «Жилище чувашей». Содержание дополнено статистическими сведениями с указанием территорий, занимаемых чувашами⁵.

¹ Гавриил, архимандрит. История философии. Казань, 1840.

² Там же. С. 12.

³ Вишневский В. П. О религиозных поверьях чуваш. Казань, 1846.

⁴ Сбоев В. А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856.

⁵ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.

Исследование о традиционной культуре чувашей появилось благодаря изданию Августа Гакстгаузена, путешествовавшего по Российскому государству и конспектировавшего свои наблюдения. Побывав у чувашей Казанской губернии, т.е. на территории их исторического расселения, он оставил записи о деревнях, обнесенных полевыми оградами и воротами, устройстве дворов с домами и хозяйственными постройками. Приведены сведения об обрядовых действиях¹. Аналогичная организация поселений и зданий бытовала у чувашей Республики Башкортостан.

Содержательный материал по этнографии чувашей заключен в работах А. Ф. Риттиха, И. И. Меньшова, архиепископа Никанора (Каменского). В их трудах приведена интересующая нас информация о традициях домостроительства и обрядовой жизни². Общепринятые представления и обряды чувашей собраны и проанализированы В. К. Магнитским. В числе приведенных календарных и семейных обрядов имеется описание моления при закладывании фундамента нового здания. В повествовании о молениях встречаются сообщения о жилище и территории двора, устройстве дома и построек³. Изучению темы поспособствовала публикация Е. А. Малова, в которой рассматривается религиозная жизнь чувашей: божества и духи, обрядность и общественные моления⁴. Издание позволяет проанализировать материалы о воззрениях чувашей, связанных с проблематикой диссертации и сопоставить с чувашами Республики Башкортостан.

Традиционной культурой чувашей интересовались К. С. Милькович и И. М. Красноперов⁵. Очерк К. С. Мильковича повествует о быте и обрядовой жизни чувашей. Помимо описания дома и его деталей, двора и хозяйственных построек, автор указывает на семейные торжества и поминальные действия. Проведение подобных церемоний чувашами связывалось с пространством жилища, двора и поселения в целом. Например, невесту при прощании с родственниками усаживали в дальний угол дома *тёпел*, а брачная ночь молодых проходила в клет⁶.

Дьяконом В. И. Миролубовым засвидетельствован быт чувашей, принявших православие, и обряды чувашей, сохранивших традиционные верования. Последовательно описаны моления

¹ Гакстгаузен Август. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1869. Т. 1.

² Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. XIV: Казанская губерния. Казань, 1870. Ч. I; Меньшов И. И. Этнографический очерк быта и обычаев чуваш Уфимской губернии, Златоустовского уезда // Записки Оренбургского отдела Императорского географического общества. 1875. Вып. III; Каменский Н. Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань, 1879; Никанор, архиепископ. Остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань, 1910.

³ Магнитский В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собраны в некоторых местностях Казанской губернии. Казань, 1881.

⁴ Малов Е. А. О чувашах // Православный собеседник. 1882. Т. I.

⁵ Красноперов И. М. Самарские чуваша // Русская мысль. 1884. Кн. 3; Милькович К. С. О чувашах. Этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия. Казань, 1888.

⁶ Милькович К. С. Чуваша // РГВИА. Ф. ВУА. 19026. Л. 270, 273.

в разное время года, их порядок, цель проведения. Рассмотрены жертвенные дары, виды, назначение, а также божества и духи, оберегавшие дом¹. Аналогичным является издание «Обряды и обычаи чуваш» В. И. Михайлова, содержащее краткие, но интересные сведения по обрядовой деятельности².

Свадебные процедуры чувашей зафиксированы Н. И. Ашмариным, Е. С. Шкапским, Г. И. Львовым. Работы посвящены проведению торжеств, но в содержании говорится о праздничных действиях в пространстве двора, дома и клетки³.

Разнообразные материалы сосредоточены в публикациях А. В. Рекеева, Н. А. Александрова, И. Н. Смирнова и Д. К. Зеленина. Авторы посвятили свои работы изучению обрядовой жизни чувашей, истории развития поселений, жилых домов, построек, их постепенной трансформации. Также имеются сведения о строительных материалах, формах, размерах и других деталях народного зодчества⁴.

Целый ряд изданий, посвященных традиционным воззрениям и обрядам чувашей, опубликован К. П. Прокопьевым. Автором засвидетельствованы похоронно-поминальные обряды, совершавшиеся в доме, во дворе, на кладбище, свадебные торжества и обряд прохождения в земляные ворота. Результатом его исследовательской деятельности стали последовательные этнографические описания событий⁵.

Ценные материалы по теме имеются в трудах этнографа и лингвиста Юрьё Вихмана⁶. Культ *Киреметя* у чувашей и марийцев адресовал свою работу М. О. Васильев. Издание посвящено возникновению культа у этих народов и происхождению *Киреметя*, его расположению относительно поселений, видам дароприношений и причинам, побуждавших к этому⁷. Подобные локусы составляли часть пространства, занимаемого человеком, находясь неподалеку от поселений. Проблему сохранения традиционных верований у чувашей затронул Т. А. Земля-

¹ Миролюбов В. И. Из быта крещеных чуваш. Казань, 1889.

² Михайлов В. И. Обряды и обычаи чуваш // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1891. Т. XVII, вып. II.

³ Ашмарин Н. И. Чувашская свадьба // Этнографическое обозрение. 1890. № 2; Львов Г. Языческие браки у чуваш. Казань, 1898.

⁴ Рекеев А. Из чувашских преданий и верований. Казань, 1897; Александров Н. А. Черемисы и чуваш (Лесная окраина). М., 1899; Смирнов И. Чуваш // Энциклопед. словарь. Т. 76. СПб., 1903; Зеленин Д. К. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904.

⁵ Прокопьев К. П. Похороны и поминки у чуваш. Казань, 1903; Прокопьев К. Брак у чуваш. Казань, 1903; Прокопьев К. П. Обряд прохождения в земляные ворота (Из быта чуваш) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1903. Т. XIX.

⁶ Wichmann Yrjö. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903.

⁷ Васильев М. О. О киреметях у чуваш и черемис. Казань, 1904.

ницкий¹. Рассмотрено отношение к дому и постройкам с точки зрения обитания в них домашних божеств и духов.

История и этнография чувашей Казанской губернии, Приуралья и губерний Сибири анализируются в работе Г. И. Комиссарова «Чуваши Казанского Заволжья». Отдельная глава в ней посвящена возникновению и развитию деревень и сел, их структуре, жилищу и постройкам. Описан внешний вид дома, интерьер, освещение и отопление. Подробно обозначено расположение хозяйственных помещений во дворе. Не менее содержательная информация о чувашах сосредоточена в дневниках и письмах этого автора, переизданных в книге «О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники, письма»².

Богатый фактический материал представлен в работе венгерского исследователя Дюлы Месароша, побывавшего в чувашских деревнях в 1906–1908 гг. в ходе поездки в Поволжье. Предметом его исследования стала обрядовая жизнь чувашей и их воззрения. Автор обратил внимание на существование у них различных этнографических групп и отличий в языке, традициях и других вещах. Рассматривая моления, жертвоприношения и мировоззрение чувашей, Дюла Месарош обращается к представлениям, связанным с домом, двором и постройками, что для нас наиболее ценно³. Зафиксированные им сведения и его аналитические труды относятся напрямую к чувашам Республики Башкортостан.

Стоит обратить внимание на данные о народной культуре чувашей, собранные С. М. Михайловым. Материалы по чувашам, марийцам и русским раскрывают быт и домашние занятия. Отдельного описания заслужила лачуга *лаç*, представленная подробно⁴.

Научные исследования дореволюционного периода имеют общий характер. Они посвящены описанию традиционной культуры, как чувашей, так и соседних народов. В этих работах содержатся сведения о поселениях, жилищах и постройках чувашей, благодаря чему реконструируем образ деревень и жилого комплекса. Наряду с изданиями И. И. Лепёхина, П. С. Палласа, Г. Ф. Миллера, Августа Гакстгаузена и других авторов, публикуются специальные работы о чувашах. Например, наблюдения местных священнослужителей, В. А. Сбоева, В. К. Магнитского и Г. И. Комиссарова. Хотя опубликованные материалы практически не охватывают деревни чувашей на территории современной Республики Башкортостан, они передают информа-

¹ Земляницкий Т. Чуваши (Некоторые исторические данные о чувашах вообще и в частности Козьмодемьянского уезда, в связи с вопросом о христианском просвещении их). Казань, 1909.

² Комиссаров Г. И. Чуваши Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1911. Т. XXVII, вып. 5; Комиссаров Г. И. О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники, письма. Чебоксары, 2003.

³ Mészáros Gyula. Csuvás népköltési gyűjtemény. I köt.: A csuvás ösvallás emlékei. Budapest, 1909; Месарош Дюла. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000.

⁴ Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972.

цию о чувашах исторической родины, что ценно для проведения сравнительного анализа и получения цельной картины.

Изучение чувашей в *советскую эпоху* укладывается в три этапа: 1) 1917–1930 гг. – повсеместно сохраняются приемы народного зодчества. К 1930 г. в архитектуре изменения проявляются; 2) 1930–1955 гг. – время ослабления интереса к истории и этнографии народов Советского Союза, вызванное общегосударственными и мировыми событиями; 3) 1955–1991 гг. – проведение специальных исследовательских экспедиций по изучению чувашей Башкирской АССР и других территорий.

Вопросы традиционной культуры чувашей затронул М. Е. Евсевьев при составлении путеводителя к выставке культуры народов Востока¹. Трансформация сельских поселений и образа жизни сельчан в 1919–1925 гг. отражена в статье Д. А. Золотарева. Автором подмечены изменения в быту и уровне жизни, выявлены нововведения под воздействием городской жизни². В качестве сравнительного материала нам интересны исследования о культуре чувашей Самарской и Саратовской губерний. А. С. Говоров посвятил работу чувашам с. Ивановка Екатерининской волости Самарской губернии. Рассматривая разные стороны жизни жителей поселения, автор излагает сведения по истории и этнографии деревни, организации жилого пространства, дому и постройкам чувашей³.

Содержательной публикацией стали «Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения: этнографический сборник», в которых особо выделим статьи Т. М. Акимовой и И. Д. Степанова. В их работах проанализированы воззрения и обрядовые действия чувашей, также собраны материалы по строительному делу. Небольшая заметка Т. М. Акимовой о чувашах опубликована в издании Саратовского государственного областного музея⁴. В 1928 г. состоялся первый Всечувашский съезд краеведов. На нём обсуждению подверглись вопросы, связанные с устройством и состоянием жилищ в селах чувашей⁵.

¹ Евсевьев М. Е. Отдел приволжских инородцев (чуваша, черемисы, мордва, вотяки) // Выставка культуры народов Востока: (Путеводитель по выставке). Казань, 1920.

² Золотарев Д. А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919–1925) // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. III. Вып. 1.

³ Говоров А. С. Ивановка. Монографическое описание села Екатерининской волости Самарской губернии. Самара, 1926.

⁴ Акимова Т. М. Старое и новое (Духовная культура с. Казанлы Вольского у.) // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения: этнографический сборник. Саратов, 1926. Вып. 34. Ч. IV; Степанов И. Д. С. Казанлы. Материальная культура (внешний быт) // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения: этнографический сборник. Саратов, 1926. Вып. 34. Ч. IV; Акимова Т. М. Саратовские чуваша // Саратовский гос. обл. музей. 1926. № 9.

⁵ Первый Всечувашский краеведческий сборник (15–21 июня 1928 г. в г. Чебоксарах ЧАССР): тез. докл. и резолюции. Чебоксары, 1929.

Специальный анализ строительной практики, структуры поселений, дворов и домостроительства у чувашей был проведен Н. В. Никольским. Из числа основных работ исследователя отметим «Краткий курс по этнографии чуваш». Материалы для этой книги были собраны автором и его корреспондентами в чувашских поселениях исторической родины, но имеются сведения и о чувашах, расселенных в Башкирии. Например, представлены статистические данные и описания хозяйственных построек *бурама* и *аласык*, используемых в качестве летнего жилья. Опубликованная информация базировалась на материале чувашских деревень Белебеевского уезда Уфимской губернии¹.

Значительным вкладом в изучение проблемы являются исследования П. А. Петрова-Туринге, организовавшего экспедиционное обследование ряда поселений чувашей. В итоге были изданы несколько публикаций, в числе которых выделим «Работу среди чуваш». Здесь помещены описания поселений чувашей в БАССР: структура, число дворов, характеристика избы, а также подчеркнута динамика традиционной культуры².

1930–1955 гг. характеризуются отсутствием комплексных исследований поставленной проблемы. Среди изданий обратим внимание на книгу А. П. Смирнова «Древняя история чувашского народа (до монгольского завоевания)». Используя археологические и нумизматические данные, автор анализирует условия проживания населения на территории современной Чувашской Республики. Информативные сведения приведены по описанию землянок и полуземлянок, расположению, конструкции³. Их использование в качестве временных жилищ при переселении, аналогичность при строительстве, безусловно, придают вес публикации. Итоги археологического изучения Тигашевского городища и исторической реконструкции объектов позднее издал Г. А. Федоров-Давыдов⁴. Традиции и обряды чувашей оказались в сфере интересов Хейкки Паасонена⁵.

Н. И. Воробьев, обратившись к этнографическим материалам, рассматривал происхождение и историю чувашей. На страницах небольшой, но содержательной научной статьи им реконструированы события прошлого, а именно, сказано о древних городищах чувашей, развитии поселений, жилых и хозяйственных постройках. Автор не владел сведениями о чувашах Рес-

¹ Никольский Н. В. Краткий курс по этнографии чуваш. Чебоксары, 1928. Вып. 1.

² Петров-Туринге П. А. Работа среди чуваш // Материалы общества по изучению Башкирии: Краеведческий сборник. Уфа, 1930. № 3–4.

³ Смирнов А. П. Древняя история чувашского народа (до монгольского завоевания). Чебоксары, 1948; Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951.

⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1962.

⁵ Paasonen Heikki, von. Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen. Helsinki, 1949.

публики Башкортостан, но приводил ценные замечания общего плана¹. На завершающем этапе советской историографии начинается всестороннее изучение чувашей. Н. И. Воробьев в своих публикациях занимался изучением эволюции жилища народов Поволжья, обращая внимание на декоративное внешнее оформление дома и его элементов, орнаментацию наличников, ставен и ворот во двор. Систематизированные сведения о традициях обработки дерева отражены автором в статье «Резьба по дереву у чувашей»². Его наблюдения могут быть использованы в сравнительных исследованиях, а также для создания реконструированной инвариантной модели.

В 1956 г. был опубликован первый том коллективного двухтомного труда «Чуваши: этнографическое исследование». Издание представляет собой монографический очерк истории и традиционной культуры чувашей. В нём изложены материалы по историографии, этногенезу и этнической истории, естественно-географических условиях, территории проживания чувашей, хозяйственных занятиях и промыслах, народной одежде, системе питания. Самостоятельная глава посвящена истории поселений, домам, постройкам чувашей. Во второй части работы рассматриваются общественные и семейные взаимоотношения, традиционные календарные праздники и обрядовые действия, верования, народное творчество³.

О средневековой истории чувашей писал В. Д. Димитриев, а дореволюционному социально-экономическому положению и уровню жизни в деревнях и селах адресовал свои работы И. Д. Кузнецов⁴.

Изучение религиозных воззрений чувашей, проведение обрядов, их анализ выполнил П. В. Денисов. Свои научные изыскания он изложил в монографии «Религиозные верования чуваш: Историко-этнографические очерки»⁵. В частности, были рассмотрены божества и духи, населявшие, по мнению чувашей, дома и хозяйственные постройки.

Традиционному зодчеству чувашей посвятил исследования Г. Н. Павлов, рассматривающий композиционные особенности чувашских деревень, усадеб, строительное искусство возве-

¹ Воробьев Н. И. Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. 1950. № 3.

² Воробьев Н. И. К истории сельского жилища у народов Среднего Поволжья // Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1956. Вып. XXV; Воробьев Н. И. Резьба по дереву у чувашей // Советская этнография. 1956. № 4.

³ Чуваши: этнографическое исследование. Материальная культура. Чебоксары, 1956. Ч. 1; Чуваши: этнографическое исследование. Духовная культура. Чебоксары, 1970. Ч. 2.

⁴ Димитриев В. Д. Население Чувашского Поволжья в составе Булгарского государства // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958. Вып. 1; Кузнецов И. Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963; Кузнецов И. Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1969. Ч. 2.

⁵ Денисов П. В. Религиозные верования чуваш: Историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959.

дения домов и построек, архитектурный орнамент. Отмечена не только эволюция строительного дела под влиянием русского населения, но и устойчивость традиции¹.

Небольшой, но содержательной стала статья Г. Е. Корнилова, посвященная чувашам с. Бердяш Зилаирского р-на РБ. Анализируя языковые процессы у чувашей этого поселения, автор приводит исторические и этнографические сведения². К. И. Козловой в книге «Этнография народов Поволжья» реконструированы структура деревень и сел, усадьбы, дома и постройки. Изучены материалы строительства, особенности приемов, традиции, обряды и другие вопросы, затрагивающие возведение помещений³.

Издание, основанное на археологическом и этнографическом исследовании чувашей, опубликовал В. Ф. Каховский. Проанализировав значительное количество разнообразных источников, автор представляет систематизированный труд, выделяя основные исторические периоды в судьбе народа. Поселения и жилища у чувашей также составили научный интерес исследователя⁴.

Посвятил статью деревням и селам чувашей Прикамья и Южного Урала Л. А. Иванов. Комплексное обследование во время экспедиций позволило автору проанализировать и разобрать историю возникновения поселений, их внутренние планы, строительные конструкции и материалы, приемы возведения, декоративное убранство и интерьер. Полученные результаты впоследствии составили часть содержания книги «Современный быт и культура сельского чувашского населения»⁵.

Об одной из хозяйственных построек чувашского двора – бане, написал статью Г. А. Алексеев. Затрагивая проблему традиционной медицины, автор приводит описание бани, композиционные особенности, раскрывает её роль в жизни чувашей⁶. В пособии по этнопедагогике Г. Н. Волков анализирует традиционную культуру и воззрения чувашей⁷.

¹ Павлов Г. Н. Чувашская народная архитектура (эволюция, особенности и связи с русской народной архитектурой) : автореф. дис. ... канд. арх. наук. М., 1963.

² Корнилов Г. Е. Некоторые материалы для характеристики говора села Бердяш Зилаирского района Башкирской АССР // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары, 1963. Вып. II.

³ Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М., 1964.

⁴ Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965.

⁵ Иванов Л. А. Поселения и жилища чувашского населения Прикамского Заволжья и Южного Урала // Вопросы истории Чувашии. Ученые записки. Чебоксары, 1965. Вып. XXIX; Иванов Л. А. Современный быт и культура сельского чувашского населения. Чебоксары, 1973.

⁶ Алексеев Г. А. Об использовании бани в чувашской народно-бытовой медицине // Вопросы истории Чувашской АССР. Ученые записки. Чебоксары, 1970. Вып. 52.

⁷ Волков Г. Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974.

В коллективном труде «Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки» дан обзор историческим событиям и этнографической специфике народов Урало-Поволжья¹. Переселение чувашей и других народов на территорию Республики Башкортостан разрабатывает У. Х. Рахматуллин, анализируя движение и образование небашкирского населения. Затронуты проблемы расселения на новых местах, взаимоотношения с землевладельцами, условия припуска и использования земель².

Отметим работы Г. Б. Матвеева, посвященные технике строительства и конструкциям жилых и надворных построек. В своих публикациях автор анализирует развитие поселений, эволюцию дома и других помещений чувашей, расселенных на разных территориях. Рассматриваются особенности строительства в различных естественно-географических зонах, изменения в процессе контактов с другими народами и проникновение городской архитектуры. Детализированы многие составляющие дома и внутреннего интерьера. Систематизированы сведения о надворных помещениях³. Постройку на гумне у чувашей – овин, в одной из публикаций охарактеризовал П. П. Фокин⁴.

Интересна и содержательна работа «Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы», созданная коллективом авторов на основе экспедиционных материалов 1987 г., собранных в чувашских поселениях Башкирской АССР и Оренбургской области. Издание рассматривает вопросы возникновения деревень чувашей на башкирских землях и причины переселения, традиционную культуру, хозяйственную деятельность, приводятся статистические данные. Уделено внимание народному зодчеству и домостроительству⁵.

Для *современного этапа* изучения этнографии и истории чувашей свойственно издание комплексных монографических трудов, раскрывающих исторические закономерности. Так, коллективом авторов опубликована работа «Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья». В ней содержатся сведения о региональных особенностях строительного дела

¹ Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985.

² Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988.

³ Матвеев Г. Б. Крестьянская строительная техника (Северо-западные районы Чувашии) // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. Чебоксары, 1986; Матвеев Г. Б. Сельские поселения чувашей во второй половине XIX – начале XX вв. (Материалы к историко-этнографическому атласу) // Этнография чувашского крестьянства. Чебоксары, 1987; Матвеев Г. Б. Жилище и хозяйственные постройки средненизовых чувашей (Вторая половина XIX – начало XX вв.) (Материалы к историко-этнографическому атласу) // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары, 1988.

⁴ Фокин П. П. Овинная сушка хлебов у чувашей в конце XIX – начале XX вв. // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары, 1988.

⁵ Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989.

чувашей. Исследователи акцентировали внимание и на строительстве чувашей Республики Башкортостан¹.

Необходимо подчеркнуть новые издания Г. Б. Матвеева. В числе публикаций – статья «Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья», в которой автор анализирует материалы о строительстве, конструкциях зданий, межэтнических контактах, повлиявших на архитектурные традиции. В книге «Чувашское народное зодчество: от древности до современности» исследуются традиции домостроительства чувашей с периода Средневековья до наших дней. Г. Б. Матвеев посвящает главы реконструкции общих и особенных черт строительного дела чувашей разных регионов. В книге имеются заметки о чувашах Республики Башкортостан, полученные благодаря использованию этнографического материала, собранного автором в ходе экспедиционных выездов².

Традиционные воззрения чувашей, связанные с похоронно-поминальными действиями и обрядовой жизнью в целом, надмогильной скульптурой и пространством деревенского кладбища, рассматривает в своих работах А. А. Трофимов. Изготовление надмогильных памятников и их установку на могилах в соответствии с традицией автор разбирает в книге «Чувашская народная культовая скульптура». Дальнейшие научные изыскания отражены публикацией о суваро-болгарской и чувашской культуре³. Традиционной архитектуре чувашей посвятил статью Р. К. Рахимов⁴.

Первым специальным изданием о чувашах Республики Башкортостан является сочинение И. Г. Петрова «Чуваши Башкортостана (Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры)»⁵. Работа внесла ощутимый вклад в изучение этой темы. Поселения, жилища и хозяйственные постройки рассмотрены в разделе о материализованной культуре чувашей. Используя сведения о традициях строительства у чувашей, исследователь применяет их непосредственно к чувашам Республики Башкортостан. Публикация формирует у читателя образ чувашских поселений. Вопросы, связанные со строительным делом, отражены и в последующих из-

¹ Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1993.

² Матвеев Г. Б. Материальная культура чувашей. Чебоксары, 1994; Матвеев Г. Б. Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья // Материалы по этнографии и антропологии чувашей. Чебоксары, 1997; Матвеев Г. Б. Эволюция чувашского народного зодчества в 1920-е годы // Художественная культура Чувашии: 20-е годы XX века. Чебоксары, 2005; Матвеев Г. Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары, 2005.

³ Трофимов А. А. Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары, 1993; Трофимов А. А. Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура. Чебоксары, 2009.

⁴ Рахимов Р. К. К вопросу о чувашских национальных архитектурных формах // Чувашское искусство: Вопросы теории и истории. Чебоксары, 1997. Вып. III.

⁵ Петров И. Г. Чуваши Башкортостана (Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры). Уфа, 1994.

даниях автора¹. В диссертации в качестве сравнительного анализа изучены труды Д. Г. Коровушкина о чувашах Западной Сибири. В его исследованиях представлен содержательный материал по истории поселений чувашей данной территории, их жилищах и постройках².

Дом и домашнее пространство среди народов Западного Приуралья проанализированы В. Б. Кошаевым³. О такой постройке чувашского двора как баня, изучая традиционную медицину тюрков Урало-Поволжья, писали Л. И. Никонова и И. А. Кандрина⁴.

Анализ строительных обрядов, совершаемых чувашами в настоящее время, проводил П. П. Фокин. Им рассмотрены традиции выбора места будущего дома и хозяйственных построек, разобраны обряды, предшествующие началу строительства, возведению домашних стен, выкладке печи. Статья реконструирует внутрисемейные действия чувашей и позволяет выявить традиции на современном этапе культуры⁵.

Расселение чувашей на территории Российского государства, динамика численности, межэтнические взаимодействия и идентичность – проблемы, составившие сферу научных интересов В. П. Иванова. Им создано комплексное исследование географии расселения чувашей с приведением и анализом статистических материалов⁶. Интересна статья Г. А. Николаева «Богатство и богатые люди в представлениях средневожского чувашского крестьянства второй половины XIX – начала XX в.», отражающая социальное и экономическое положение чувашей и разделение крестьян на категории в зависимости от степени зажиточности. Естественно, автором упомянуты домашние условия, в которых проживали⁷.

¹ Петров И. Г. Исламизация чувашей Южного Приуралья в середине XIX – начале XX века: причины и этнические результаты // Восток в исторических судьбах народов России. Книга 3. Материалы V Всероссийского съезда востоковедов 26–27 сентября 2006 года. Уфа, 2006; Петров И. Г. Слово о педагоге, краеведе и этнографе П. А. Петрове-Туринге // Чувашский гуманитарный вестник. 2008. № 3.

² Коровушкин Д. Г. Чуваша Западной Сибири (этнодисперсная группа на современном этапе). Новосибирск, 1997; Коровушкин Д. Г. Чуваша в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск, 2009.

³ Кошаев В. Б. Традиционное жилище народов Западного Приуралья: Культурогенез. Классификация. Искусство. Ижевск, 2001.

⁴ Никонова Л. И. Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения. Рузаевка, 2000; Никонова Л. И. Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья: историко-этнографическое исследование. Саранск, 2003; Кандрина И. А. Баня в системе жизнеобеспечения в трудах Н. В. Никольского (К истории вопроса) // Н. В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века: материалы конференции, посвященной 125-летию со дня рождения ученого. Чебоксары, 2005.

⁵ Фокин П. П. Строительные обряды современной чувашской семьи // Этнология религии чувашей Чебоксары, 2003. Вып. I.

⁶ Иванов В. П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары, 2005.

⁷ Николаев Г. А. Богатство и богатые люди в представлениях средневожского чувашского крестьянства второй половины XIX – начала XX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 5.

Изучение чувашей также проводится этнографами в деревнях и селах Самарской, Саратовской, Пензенской областей, Республике Татарстан и Пермском крае. В публикациях рассматриваются элементы народной культуры чувашей этих территорий. Представлены сведения о строительстве, домах и постройках¹. Материалы позволяют провести историко-сравнительное сопоставление с чувашами Республики Башкортостан.

Свадебные традиции чувашей рассматривает музыковед А. А. Осипов, выделяя особенности проведения этих торжеств у верховых чувашей, порядок действ, музыкальное сопровождение. Книга содержит примеры использования пространства деревни, двора и дома во время свадьбы². В работе И. Е. Карпухина о свадебной обрядности народов Республики Башкортостан сказано о подготовке и проведении свадьбы чувашами, подчеркнута специфика совершаемых действий³.

История переселения в современную Республику Башкортостан, основание новых поселений и их развитие, строительное дело и традиции, связанные с домом и хозяйственными постройками, систематизированы и изложены в издании «Чуваши: история и культура». На страницах двухтомного исследования представлен историко-этнографический очерк о чувашах. Материалы затрагивают регионы, в которых народ проживает в настоящее время⁴. Процесс христианизации чувашей в Республике Башкортостан и связанное с этим строительство церквей в крупных селах были разработаны И. В. Сухаревой⁵. Статистический анализ сведений о населении Уфимской губернии, в том числе и о численности чувашей, по результатам переписи 1920 г. произвел М. И. Роднов, подробно изучив этнический состав уездов⁶. В справочном издании по этнографии чувашей, составленном Н. Е. Наумовым, имеются сообщения о народном зодчестве⁷.

Проблема миграционных потоков чувашей, их причины и последствия, взаимоотношения с соседними народами, языковые процессы, традиционная культура и другие вопросы состави-

¹ Чуваши Самарской Луки. Чебоксары, 2003; Симбирско-Саратовские чувашы. Чебоксары, 2004; Столярова Г. Р. История формирования и обрядность чувашей-язычников Татарстана // Этнографическое обозрение. 2006. № 2; Черных А. В., Каменских М. С. Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2014.

² Осипов А. А. Чувашская свадьба: Обряд и музыка свадьбы вирьял. Чебоксары, 2007.

³ Карпухин И. Е. Свадьба в Башкортостане на стыке тысячелетий (состояние, поэтика, межэтнические контакты). Уфа, 2011.

⁴ Чуваши: история и культура. Чебоксары, 2009. Т. 1; Чуваши: история и культура. Чебоксары, 2009. Т. 2.

⁵ Сухарева И. В. Политика христианизации Русского государства и конфессиональное состояние чувашей Башкирии (до 1917 года). Уфа, 2011.

⁶ Роднов М. И. Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав. М., 2009.

⁷ Наумов Н. Е. Халӑх ҫӳпсинчен: этнографи ӑнлавӑсен пуххи. Шупашкар, 2010.

ли тематику исследовательских работ Е. А. Ягафовой. В перечне изданий необходимо выделить книгу «Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.)». Автор комплексно рассматривает причины и этапы образования этнотерриториальных групп чувашей и особенности традиционной культуры. Этнографом были охвачены чуваше, проживающие в Самарской, Саратовской и Ульяновской областях, Республиках Татарстан и Башкортостан, а также других субъектах Российской Федерации¹.

Реконструкция традиционных поселений, жилищ и хозяйственных построек чувашей Республики Башкортостан является сферой научных интересов В. В. Медведева. В публикациях предпринята попытка системного изложения и всестороннего изучения материала².

Исследования А. К. Салмина охватывают широкий круг вопросов, связанных с традиционными представлениями чувашей. В работах содержится существенная информация о поселениях, жилищах и постройках. Мировоззрение народа о доме и его структурных элементах изложены в книге «Семантика дома у чувашей». Доместичированное пространство было задействовано в проведении празднично-обрядовых церемоний³.

Постсоветский период этнографического изучения чувашей представлен разнообразными публикациями. В их числе, безусловно, выделим исследования по традиционной культуре чувашей А. К. Салмина, Е. А. Ягафовой, И. Г. Петрова. Строительная техника, как и приемы, особенности возведения здания проанализированы Г. Б. Матвеевым. В книгах и статьях разных авторов представлено историко-этнографическое изучение поселений, жилищ, построек чувашей.

Вместе с тем значительное количество опубликованных научных работ не устраняет лакуну в изучении традиционных поселений, жилищ и хозяйственных построек чувашей Республики Башкортостан. Отсутствие комплексного монографического исследования по обсуждаемой проблематике вызывает необходимость специального научного изыскания.

¹ Ягафова Е. А. Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары, 2007; Ягафова Е. А. Чувашское «язычество» в XVIII – начале XXI века. Самара, 2007; Ягафова Е. А. Чуваши-мусульмане в XVIII – начале XXI вв. Самара, 2009; Ягафова Е. А. Чуваши в межнациональном взаимодействии в Закамье // Этнографическое обозрение. 2010. № 6; Ягафова Е. А. Чуваши и мордва в Урало-Поволжье: межкультурное взаимодействие в XVIII–XX веках // Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 15–16 ноября 2011 г.). Чебоксары, 2012.

² Медведев В. В. Поселения и жилища чувашей Башкортостана второй половины XIX – начала XX века. Магнитогорск, 2012; Медведев В. В. Традиционные хозяйственные постройки чувашей Республики Башкортостан. Магнитогорск, 2014.

³ Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары, 1994; Салмин А. К. Семантика дома у чувашей. Чебоксары, 1998; Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб., 2007; Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей.

Источниковую базу исследования составляет материал различного характера, происхождения и степени репрезентативности. Используемые в диссертационном сочинении источники следует подразделить на группы.

Оригинальная категория представлена *неопубликованными источниками*, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Представлены они совокупностью материалов, почерпнутых из Государственного архива Оренбургской области, архива Института восточных рукописей РАН, архива Института истории материальной культуры РАН, фондов и коллекций Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, научного архива Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук, архива Российской академии наук, Российского государственного военно-исторического архива, отдела рукописей Российской национальной библиотеки, собраний Российского этнографического музея, архива Санкт-Петербургского института истории РАН и Центрального исторического архива Республики Башкортостан.

Документы, хранящиеся в Государственном архиве Оренбургской области, содержат сведения о социально-экономической ситуации чувашей Уфимской и Оренбургской губерний. Рассмотрены взаимоотношения с уездным и губернским руководством, православным духовенством и административное положение населения¹.

Источники, выявленные в фондах и коллекциях Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, позволили изучить фотографии поселений, жилищ и построек, а также домашние божества чувашей (в виде глиняных и тряпичных кукол). На снимках запечатлены деревни и здания чувашей Казанской губернии, а на более поздних – Чувашской АССР и Башкирской АССР. Фотографии и аннотационные записи отражают конструкции и приемы возведения построек, особенности строительных материалов, горизонтальное и вертикальное развитие, а также другие характерные черты традиционного зодчества².

В основе исследования – солидный корпус источников, извлеченный автором из фондов научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук. В диссертации рассматриваются фонды рукописей Н. И. Ашмарина, Н. Ф. Катанова, Н. В. Никольского, других этнографов (отд. I)³. В источниках сосредоточены сведения по археологии, этнографии,

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13404; Ф. 6. Оп. 6. Д. 13945; Ф. 13. Оп. 1. Д. 154; Ф. 13. Оп. 1. Д. 312; Ф. 154. Оп. 1. Д. 5; Ф. 154. Оп. 1. Д. 76; Ф. 167. Оп. 1. Д. 33; Ф. 172. Оп. 1. Д. 2086.

² МАЭ РАН. Коллекция 1040; Коллекция 1700; Коллекция И-1136; Коллекция И-1714; Коллекция И-1816; Коллекция И-1843.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 6; Ед. хр. 21; Ед. хр. 23; Ед. хр. 24; Ед. хр. 33; Ед. хр. 35; Ед. хр. 40; Ед. хр. 72; Ед. хр. 144; Ед. хр. 147; Ед. хр. 150; Ед. хр. 152; Ед. хр. 153; Ед. хр. 154; Ед. хр. 156; Ед. хр. 158; Ед. хр. 159; Ед. хр. 166; Ед. хр. 167; Ед. хр. 168; Ед. хр. 172; Ед. хр. 173; Ед. хр. 174;

фольклору, истории, литературе, диалектологии, топонимии, статистике и музыке чувашей. В единицах хранения заключена информация о миграционных процессах чувашей на башкирские земли, возникновении новых поселений, межэтнических контактах и строительном деле. Проанализированы устройство и развитие деревень, архитектурные особенности жилых зданий, построек и воззрения чувашей, связанные с ними.

Рукописный фонд профессора Н. В. Никольского по этнографии чувашского народа помимо исторических сведений о чувашах, их традиционной одежде, хозяйственной жизни и иной информации, хранит бесценные записи о деревнях и селах чувашей на территории современной Республики Башкортостан, статистике и расселении. Фонд включает большое количество текстов исторических преданий и воспоминаний, собранных на рубеже XIX–XX вв. самим Н. В. Никольским и его корреспондентами. Наиболее содержательными для работы стали записи с комплексным описанием чувашских поселений, усадеб, жилых и надворных построек.

Иллюстративные и экспедиционные материалы, полученные, в том числе в Башкирской АССР, хранит отдел III научного архива ЧГИГН. Здесь представлены рисунки Н. Ф. Калинина и отчёт об экспедиции В. Д. Димитриева. В анкетах подворного изучения чувашей, проведённого в 1929 г. студентами Уфимского педагогического техникума под руководством П. А. Петрова-Туринге, собраны сведения о жилищах и хозяйственных постройках. Например, информация об их размерах, о строительных материалах, высоте зданий, толщине стен, числе окон, освещённости, санитарных условиях. К описаниям прилагаются планы дома и двора с отмеченными постройками и границами участка¹.

Особо выделим отдел IV и рабочие записи 1962 г. в тетради № 1 Л. П. Петрова: «Материалы комплексной научной экспедиции, собранные автором в чувашских селениях Башкирской АССР и Оренбургской области»². В отделе VIII научного архива ЧГИГН хранятся фотографии этнографических экспедиций, реконструирующие вид поселений, жилищ и построек чувашей в XX в. Наиболее полной коллекцией является собрание П. А. Петрова-Туринге. На 200 фотографиях запечатлены разнообразные сюжеты традиционной культуры чувашей Белебеевского уезда БАССР. Фотоснимки разделены на тематические каталоги: «Поселения, жилища и надворные постройки», «Традиционный костюм», «Хозяйственные занятия и промыслы», «Обычаи и обряды» и т.д., что систематизирует сведения. Исследователь создал картину поселений своего времени, запечатлев общий вид и изображения отдельных дворов, домов и построек. Кроме того, многие фотографии выполнены в избе и на фоне надворных помещений. В отделе VIII также

Ед. хр. 176; Ед. хр. 177; Ед. хр. 178; Ед. хр. 180; Ед. хр. 184; Ед. хр. 203; Ед. хр. 209; Ед. хр. 219; Ед. хр. 233; Ед. хр. 247; Ед. хр. 256; Ед. хр. 343; Ед. хр. 348.

¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 140; Ед. хр. 212; Ед. хр. 277; Ед. хр. 706.

² НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 711.

сосредоточены материалы экспедиционных выездов разных лет к чувашам Башкирской АССР, Татарской АССР, Чувашской АССР, Оренбургской области и Куйбышевской (Самарской) области¹.

Из отдела X использован краеведческий сборник 1928 г. «Башкирский край», содержащий статью о быте и хозяйстве чувашей Башкирской АССР².

В архиве Российской академии наук содержатся дневниковые записи путешественников XVIII столетия, участвовавших в Академических экспедициях, И. И. Лепёхина и Г. Ф. Миллера, собрания фольклора и разнообразные заметки о жизни чувашей³.

Из документов Центрального исторического архива Республики Башкортостан извлечены сведения иллюстративного характера с изображением поселений чувашей Уфимской губернии, объединённых в фонде «Уфимская губернская землеустроительная комиссия»⁴. Планы деревень и сёл, безусловно, – незаменимый источник при изучении планировки поселений, поскольку воссоздают структуру и расположение по отношению к естественно-географическим условиям.

Полевые этнографические материалы, почерпнутые во время экспедиционных выездов, – один из главных источников настоящего исследования. Беседы с информантами в экспедициях проводились с 2009 по 2014 гг. в административных районах Республики Башкортостан, занимающих различные естественно-географические зоны. Это позволило увидеть различия в использовании чувашами неодинакового материала для строительства, также в самой архитектуре. Проводены научные изыскания в с. Бердяш и с. Ивано-Кувалат Зилаирского р-на РБ (2009 г.); в с. Бишкаин, д. Юламаново Аургазинского р-на РБ; с. Ахманово, д. Юльtimiровка Бакалинского р-на РБ; с. Ивано-Кувалат, с. Ямансаз Зилаирского р-на РБ; д. Пугачево, с. Яковлевка Хайбуллинского р-на РБ (2010 г.); в с. Антоновка, д. Дмитриевка Гафурийского р-на РБ (2011 г.); в с. Бишкаин, д. Куезбашево, с. Месели, с. Наумкино, д. Ташлыкуль, с. Толбазы, д. Утаркуль, с. Чуваш-Карамалы Аургазинского р-на РБ; с. Ивано-Кувалат Зилаирского р-на РБ (2013 г.).

Для наилучшей реконструкции исторического процесса и изучения общих черт и регионального феномена чувашей Республики Башкортостан были проведены выезды в сопредельные субъекты. Совершена экспедиция в Свердловскую область – в с. Горбуновское Талицкого р-на Свердловской обл. (2012 г.). Также осуществлен выезд к чувашам Челябинской области – в п. Полетаево и с. Чипышево Сосновского р-на Челябинской обл. (2013 г.). Совместно с этно-

¹ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 82; Ед. хр. 90; Ед. хр. 197; Ед. хр. 207; Ед. хр. 210; Ед. хр. 261; Ед. хр. 601; Ед. хр. 612; Ед. хр. 958.

² НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 514.

³ РАН. Ф. 3. Оп. 30.4; Ф. 21. Оп. 5.6; Ф. 21. Оп. 5.149; Ф. 21. Оп. 5.168; Ф. 77. Оп. 1. (1921-1929).30; Ф. 77. Оп. 3.29; Ф. 95. Оп. 4.4; Ф. 95. Оп. 4.5.

⁴ ЦИА РБ. Ф. 351. Оп. 1. Д. 2524; Ф. 351. Оп. 1. Д. 7670; Ф. 351. Оп. 1. Д. 8052.

графами Е. А. Ягафовой и И. Г. Петровым посещены поселения чувашей Республики Татарстан и Самарской области: с. Клементейкино, с. Новое Суркино, с. Старое Суркино Альметьевского р-на РТ; с. Новое Сережкино Лениногорского р-на РТ; с. Новое Ильмово Черемшанского р-на РТ; с. Рысайкино Похвистневского р-на Самарской обл.; с. Девлезеркино, с. Чувашское Урметьево Челно-Вершинского р-на Самарской обл.; с. Старое Афонькино Шенталинского р-на Самарской обл. (2014 г.). Обширная география расположения населённых пунктов позволила побывать у чувашей, сохраняющих традиционные воззрения, у чувашей, исповедующих православие, и у чувашей-мусульман.

На всем протяжении экспедиционной работы проводилась фото- и видео- фиксация материала, получаемого во время встреч с информантами, и обследования пространства поселений, с подробным фотографированием и зарисовками жилых и хозяйственных зданий. Накопленные сведения можно подразделить на тематические рубрики: 1) информация, касающаяся заготовки материалов, процесса строительства, обрядов и представлений чувашей, непосредственно связанная с проблематикой исследования; 2) сообщения о быте, домашних занятиях, хозяйственной деятельности и других сторонах сельской жизни, имеющих отношение к решению поставленных задач и формирующих единый образ традиционной культуры чувашей.

Работа с информантами, сбор нового и проверка полученного ранее полевого этнографического материала осуществлялись совместно со студентами и этнографами-специалистами как в период экспедиционных выездов, так и одиночных путешествий. Документальные фото- и видеосъемки позволили анализировать материалы по завершению поездок, перепроверять сведения о структурном разделении поселений, постройках, жилище, интерьере.

Деятельность экспедиционных отрядов, сформированных из студентов, проходивших этнографическую практику, позволила провести интервьюирование значительного числа жителей д. Юльtimiровка Бакалинского р-на РБ (2010 г.), с. Антоновка и д. Дмитриевка Гафурийского р-на РБ (2011 г.), с. Горбуновское Талицкого р-на Свердловской обл. (2012 г.), п. Полетаево и с. Чипышево Сосновского р-на Челябинской обл. (2013 г.).

Значительное количество фотоиллюстративного и вещественного материала хранят **фонды историко-краеведческих музеев** поселений, в которых проводились экспедиционные исследования. Историей и этнографией деревень и сел активно занимаются краеведы, формирующие самостоятельные музейные экспозиции. Например, рукописные, вещественные и фотографические фонды созданы собирателями И. В. Ефимовым (с. Месели Аургазинского р-на РБ), Н. Т. Федоровым (с. Наумкино Аургазинского р-на РБ), Р. М. Шляпкиным (д. Куезбашево Аургазинского р-на РБ). Подобные коллекции позволили расширить источниковую базу диссертационного сочинения. Собрания предметов быта и реконструкция интерьера чувашского дома непре-

менно представлены в школьных и сельских музеях. Например, показаны оригиналы оконных наличников и виды резьбы на элементах жилища. Фонды нередко содержат оригиналы и копии документов, проливающих свет на историю и становление поселений. В большом количестве в музеях хранится фотоиллюстративный материал (рисунки и фотографии). Картины посвящены сельской жизни, передавая пейзаж совместно с интересующими нас объектами. Фотографии запечатлевают события из семейной и общественной жизни. Помимо селян зафиксированы облики улиц, дворов, домов и построек.

Из *опубликованных источников* в исследовании задействованы делопроизводственные материалы об экономическом положении чувашей, развитии домашнего производства и уровне ведения хозяйства. Затронуты вопросы социального характера¹. Динамику численности населения и количество дворов в деревнях и селах, переселенческие движения позволяют проследить статистические издания².

Обширную группу источников составили этимологические и лингвистические словари. Прежде всего, труды Н. И. Золотницкого, Н. В. Никольского, Н. И. Ашмарина. Содержательны работы В. Г. Егорова и М. Р. Федотова с характеристикой значений, локальных вариаций и одно-коренных образований³. «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина представляет комплексное собрание слов языка чувашей с детализацией, а также комментариями⁴.

Сравнительно-историческое сопоставление потребовало обращения к словарям других тюркских и финно-угорских народов, также этимологическим публикациям по русскому языку⁵.

¹ Этнографическое описание Казанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1841. № 3; Материалы для исследования промыслов населения Казанской губернии. Казань, 1887; Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Отчет о командировке В. А. Абрютин. Уфа, 1898; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901.

² Населенные пункты Башкортостана. Уфимская губерния, 1877. Ч. I. Уфа, 2002; Роднов М. И. Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав. М., 2009; Численность населения по населенным пунктам Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. Уфа, 2012.

³ Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875; Никольский Н. В. Русско-чувашский словарь. Издание Переводческой Комиссии при Управлении Казанского Учебного Округа. Казань, 1909; Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964; Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990; Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 1. А–Р. Чебоксары, 1996; Т. 2. С–Я. Чебоксары, 1996.

⁴ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1994; Т. 3. Чебоксары, 1994; Т. 4. Чебоксары, 1994; Т. 5. Чебоксары, 1994; Т. 6. Чебоксары, 1994; Т. 7–8. Чебоксары, 1999; Т. 9–10. Чебоксары, 1999; Т. 11–12. Чебоксары, 2000; Т. 13–14. Чебоксары, 2000; Т. 15–16. Чебоксары, 2000; Т. 17. Чебоксары, 2000.

⁵ Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1988; Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь. Ижевск, 2006; Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Кн. 3: Вотско-русский словарь. Ижевск, 2011; Эрзянско-

Среди разнообразных изданий источникового характера особо следует отметить переиздание трудов Н. В. Никольского в четырех томах, посвященных истории, этнографии, археологии, статистическим исследованиям и др. вопросам жизни чувашей, народов Урало-Поволжья и иных регионов. Ценными для нас оказались материалы I, III и фотоиллюстративные сведения IV томов¹.

Актуальным на сегодняшний день является частичное издание текстов научного архива ЧГИГН, подготовленное А. К. Салминым, «Традиционная культура чувашей: тексты (материалы научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук)». Это – собрание сведений о культуре чувашей, хронологически охватывающее XVI–XX столетия. Здесь находим богатейший материал по истории, фольклору и этнографии².

Необходимо выделить фольклорные материалы, в которых раскрываются многие аспекты традиционной культуры, мировоззрение и сюжеты повседневности. Примечательно, что народные песни, пословицы и загадки своим содержанием описывают родное поселение, отцовский двор и дом, семейный быт и заботы чувашей. Фольклор – источник, рассказывающий не только о легендарных событиях и деяниях прошлого, но дающий богатый и четко структурированный этнографический материал³. Выполнение поставленных задач потребовало обращения в качестве сравнительного источника к фольклорным произведениям разных народов⁴.

русский словарь: Ок. 27000 слов. М., 1993; Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь с лексическими параллелями из южно-мансийского (кондинского) диалекта. Л., 1958; Асланов М. Г. Пушту-русский словарь: 50 000 слов. М., 1985; Древнетюркский словарь. Л., 1969; Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893. Т. 1. Ч. 2; Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1980; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина пратюркского этноса по данным языка. М., 2006; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е–Муж). М., 1986; Т. 3 (Муза–Сят). М., 1987; Т. 4 (Т–ящур). М., 1987; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. I. А – Пантомима. М., 1999; Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя. М., 1961.

¹ Никольский Н. В. Собрание сочинений. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары, 2004. Т. I; Собрание сочинений. Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. Чебоксары, 2008. Т. III; Собрание сочинений. Этнографические альбомы. Чебоксары, 2009. Т. IV.

² Салмин А. К., подг. к изд. Традиционная культура чувашей: тексты (материалы научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук). СПб., 2014.

³ Романов Н. Р. Чувашские пословицы, поговорки и загадки. Чебоксары, 1960; Сироткин М. Я. Чувашский фольклор: Очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары, 1965; Чувашские сказки. Чебоксары, 1984; Воробьев В. П. Чувашские народные песни. Чебоксары, 2011.

⁴ Минх А. Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861–1888 годах. СПб., 1890; Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915; Калевала. Финский народный эпос. М., 1915; Сказки. М., 1989; Перевозчикова-Владыкина Т. Г., Владыкин В. Е. Годовой обрядовый цикл удмуртов // Удмурт оскон: Ваш-

В числе изданий нельзя не отметить публикацию Н. И. Ашмарина «Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской». В очерке среди многочисленных чувашских песен представлены тексты из деревень Нижние Карамалы и Елбулак Белебеевского уезда Уфимской губернии¹.

К фольклору близки произведения художественной литературы. Естественно, поэма К. В. Иванова «Нарспи». Автор – уроженец крупного чувашского села Слакбаш, с момента рождения находившийся в окружении традиционной культуры сохранявшейся на рубеже XIX–XX вв. Поселения Сильби и Кош-Елга, фигурирующие в поэме, описаны им словами эксперта: структура села, деревенские локусы и сооружения, усадьба и постройки, дом и внутренний интерьер. Детализированы многие элементы, присущие устройству чувашской избы. Подробные заметки о чувашах, изложенные стихотворной формой, даны и о других сторонах жизни². Упоминания о чувашских деревнях, их описания встречаются у разных отечественных писателей. Например, в произведениях С. Т. Аксакова³.

Использована периодическая печать, освещавшая происходящие события⁴.

В совокупности источниковая база диссертационного исследования достаточно разнообразна, репрезентативна и открывает гарантии для основательного изучения темы и решения поставленных задач.

В диссертационной работе преимущественно использован **методологический принцип сравнительно-исторического исследования**⁵. Базовыми источниками явились материалы о поселениях, жилищах и постройках чувашей Республики Башкортостан, а в качестве сравнения использованы материалы и исследования о чувашах из других регионов, прежде всего, приграничных с Республикой Башкортостан и исторической родины. Автор под региональным феноменом подразумевает оригинальность доместицированного пространства в сравнении с территориями, откуда происходили переселения чувашей в пределы современной Республики Башкортостан.

Принципиально важным для методологической базы диссертационного исследования является применение приёмов **семиотического и семантического анализа**, основанного на учёте

кала куриськонъёс, вöсьяськонъёс, статьяос / Удмуртская вера: Древние молитвы-заклинания, статьи. Ижевск, 2010; Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор. Уфа, 2010. Т. 12.

¹ Ашмарин Н. И. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. Казань, 1900.

² Иванов К. В. Нарспи. М., 1937.

³ Аксаков С. Т. Собрание сочинений. М., 1955. Т. 1.

⁴ Баронов С. Изучение быта чувашей. Возвращение экспедиции Чувпедтехникума // Красная Башкирия. 1929. 12 июля.

⁵ Чубарьян А. О. (отв. ред.). Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М., 2014. С. 468-470.

знаково-символического содержания domesticiрованного пространства, прежде всего, жилого дома чувашей Республики Башкортостан. Знаки, несущие информацию, отражают традиции, контакты и взаимодействия чувашей, позволяя представить образ жилища в народной культуре. Дом, как и другие объекты, созданные человеком, наделён семиотическим статусом, несёт семантическую нагрузку, поскольку с его появлением мир приобрёл черты пространственной организации, актуальной по сегодняшний день¹. Поселения, жилища и постройки в семиотическом и семантическом контексте демонстрируют себя совершенно иначе, чем в бытовом восприятии. В исследовании они интересуют нас не только в рациональном, но и иррациональном варианте, как обладатели особого знаково-символического феномена.

В основе исследования заложены принципы историзма, объективности и системности. Благодаря принципу историзма проведен всесторонний анализ развития исторических событий. Он позволял рассмотреть явление на конкретном уровне, т.е. в процессе возникновения, становления и последующей трансформации. Принцип системности (системный анализ) предполагает единство взаимосвязанных и взаимодействующих предметов и объектов между собой, их изучение в совокупности. Анализируя развитие поселения, невозможно не затронуть усадьбы, дома и бытовые помещения, объединённых в три проблемно-тематических среза: поселения → жилища → постройки. Принцип системности связывает возникновение деревень и сел, архитектурное развитие дома с естественно-географическими условиями и взаимным наложением культурных традиций.

Теоретико-методологическое основание, определившее характер диссертации и принципы решения проблемы, составили положения, содержащиеся в работах К. В. Чистова, А. В. Головинёва, А. К. Байбурина, Е. С. Данилко, Р. Р. Садикова, Н. И. Шутовой, В. Е. Владыкина, А. К. Салмина, И. Н. Гемуева, Е. А. Ягафовой, Н. В. Ушакова, Г. Н. Павлова, Г. Б. Матвеева.

Методика исследования базируется на использовании общенаучных, общеисторических (специально-научных) и специально-исторических методов (этнографического исследования). В числе общенаучных методов задействованы анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, доказательство, логическое обоснование научных знаний, описание, классификация, типология.

Сбор полевого этнографического материала проводился методом непосредственного наблюдения, в результате которого возникал прямой контакт. Для исследовательской деятельности допускалось простое наблюдение, происходившее во время экспедиционных выездов со студентами, и включенное в долгосрочных поездках и проживании во многих чувашских поселениях Республики Башкортостан. В период полевой работы использовались комбинированные приёмы наблюдения при проведении выборочного и сплошного изучения. Сплошное обследо-

¹ Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 9-10.

вание представляло опрос в виде анкетирования. Для заполнения анкет были привлечены студенты, находящиеся на этнографической практике. Выборочное обследование позволило фиксировать компоненты традиционной культуры чувашей, бытующие на современном этапе, и уделять внимание особенностям развития поселения, композиции дворов, комплексу жилых и надворных построек. Близкое общение и радушие информантов способствовали созданию фотоиллюстративной и видео коллекции. Личный архив автора пополнили бесценные воспоминания и предметы, переданные на хранение в музеи Республики Башкортостан чувашами крупных сел и малых деревень.

Разновидность опроса представлена интервью. В беседах с информантами использованы как индивидуальные интервью (с представителями старшей возрастной категории, краеведами, музейными сотрудниками, участниками фольклорных ансамблей), так и совместные интервью. Проводились они в формате тематических бесед с достаточным числом информантов, подтверждавших и опровергавших сведения, полученные ранее, и высказывавших комментарии и дополнения. Подобные встречи помогли в создании картины восприятия и анализа проблемы.

Довольно часто интервью, планируемое формализованным по заранее подготовленному вопроснику, переходило в полужформализованное. Протекало и в виде открытой беседы, при которой автор только озвучивал тематику предстоящих вопросов. Реконструировать недавно исчезнувшие детали традиций строительного дела помогли таблицы узнавания, составленные из старых фотографий, иллюстративных материалов и схем приусадебного участка. В таблицы входил перечень обрядовых действий и воззрений, связанных со строительством и терминология, свойственная поселениям, домам и бытовым постройкам. Вариативность названий разных объектов у чувашей прослежена благодаря таблицам. Фотоиллюстративной основой выступили музейные и архивные фотографии, в частности снимки, выполненные П. А. Петровым-Туринге в 1929 г., а также материалы автора.

Общение с информантами проводилось и в соответствии с методом кейс-стади (*case study* «анализ случая») – получение сведений в виде рассказов старых жителей о событиях из жизни и услышанные разговоры. Например, строительство дома, совершение обрядов, помочь. Информант на вопросы отвечал рассказом из жизненной практики, вспоминая бытовые ситуации.

Наиболее близким к кейс-стади можно считать биографический метод. Его суть заключена в рассказах информанта о событиях, произошедших на протяжении жизни. Биографический метод позволяет использовать три типа рассказов – полные, тематические и отредактированные. В исследовании проанализированы материалы тематических повествований о поселениях и строительном деле. Старожилы часто говорили о возведении собственных домов и построек или *нине* «помочь». Полученную информацию вполне можно интерпретировать для более ран-

него периода. Пространственно-временной анализ возможен только по отношению к сведениям, полученным от старых людей, помнящих быт и жизнь своих отцов и дедов. В таких случаях автор использовал метод реконструкции. Обращение к научной реконструкции позволяет воссоздать события исторической реальности в процессе извлечения из источников информации.

Воспоминания и рассказы, относящиеся к проблематике исследования, свойственны методу устной истории. Обоснованность метода на реконструкции определенных событий позволила применить его для воспроизведения планов дворов и земельных наделов у чувашей в прошлом, на которых отмечено расположение ворот, изгороди, колодца, дома и построек.

Ретроспективный метод позволил изучение в настоящее время с целью восприятия прошлого. Сведения от информантов и тщательное обследование разных жилых и хозяйственных зданий помогли в реконструкции и воссоздании сюжетов прошлого. Использован метод терминологического анализа для разбора специальной номенклатуры. Разновидностью метода является топонимический анализ. Он раскрывает этимологию названий деревень, позволяет выявить степень преобладания естественно-географических названий, позаимствованных из языка соседей или принадлежавших личным именам первопоселенцев, т.е. антропонимическим. Из области исторической и гуманитарной географии применен лексико-географический метод, опирающийся на диалектные словари и предполагающий систематизацию диалектной лексики, анализ содержания и структуры терминосистем, ранжирование географических объектов, определение взаимосвязей между ареалами бытования народных терминов и распространением соответствующих географических объектов и явлений¹.

Описательно-иллюстративный и графический методы призваны наполнить содержание, сопроводив текст диссертационного сочинения тематическими изображениями.

Объективный анализ, базирующийся на обширном корпусе источников и научных изданий, предполагает создание единой основы методологии и методов, а также возможности избежать субъективизма при оценке событий². Сочетание принципов методологии и методики исследования позволяет создать комплексную работу по уникальному доместицированному пространству чувашей Республики Башкортостан.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые на монографическом уровне изучено доместицированное пространство чувашей Республики Башкортостан. К числу основных результатов, определяющих научную новизну работы, относятся следующие:

¹ Соколова А. А. Диалектология и гуманитарная география // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2011. Т. 1. Филология. № 4. С. 143.

² Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов и их изменения в XVII–XX вв. : автореф. дис. ... док. ист. наук : 07.00.02. Екатеринбург, 2006. С. 8.

- на основе понятийного аппарата проблематики исследования введено в научный оборот понятие «материализованная культура» и предложено его авторское определение как части этнической культуры, объединяющей традиционные представления и их выражение в виде объектов, имеющих пространственное измерение. «Материализованная культура» представлена совокупностью духовных воззрений и их материального воплощения;

- впервые в круг исследований чувашей Республики Башкортостан вводится терминология «доместицированное пространство»;

- проведен сбор и авторский анализ архивных источников, опубликованных изданий, фотоиллюстративных материалов, музейных предметов и сведений, полученных в результате полевых исследований;

- определены исторические пути развития поселений и их изменения в структурном и количественном отношении;

- систематизирована и проанализирована информация о жилом доме и постройках, строительных традициях и проводимых обрядовых действиях, связанных с материализованной культурой;

- предложен способ реконструкции периодов преобразования поселений, жилищ и построек чувашей Республики Башкортостан;

- разработана концепция функционирования традиционной культуры в жизни чувашей и создании этнокультурных границ на примере строительного дела и воззрений.

Теоретическая значимость исследования призвана снять существовавший до сих пор пробел в теории этнографического изучения чувашей Республики Башкортостан. Разработка новых концептуальных и методических основ расширяет и углубляет проблематику исследования, подчеркивая региональный феномен такого звена традиционной культуры чувашей РБ, как поселения, жилища и постройки. Систематизация и проведенный в работе анализ позволяют комплексное исследование темы, а полученные выводы подтверждают исключительную важность диссертационного сочинения.

Практическая значимость работы. Систематизированные знания содействуют всестороннему исследованию этнографии и истории чувашского народа. Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на изучаемый блок традиционной культуры, будучи актуальными для современных этнических процессов. Использование опыта исследования позволяет применить его по отношению к чувашам и других регионов. Кроме того, результаты послужат для сравнительно-исторического изучения народов Урало-Поволжья в контексте межэтнических взаимодействий. Несмотря на полиэтничность общества, традициям культуры народов в наши дни отводят особое внимание, что ведет к возрождению и их восприятию населением.

Материалы диссертации могут составить самостоятельный раздел по истории поселений, развитию дома и построек у чувашей Республики Башкортостан в научных и научно-популярных изданиях. Используя положения и результаты диссертационного сочинения можно разрабатывать новые лекционные курсы и практические занятия по этнографии, культурологии, краеведению и фольклору чувашей и соседних народов. Научно-практическое значение исследование найдет в музейной работе при сборе и анализе предметов с последующим формированием коллекций и тематических экспозиций, при разработке учебных программ школьного курса и культурно-просветительской деятельности.

Основные положения, выносимые на защиту:

– переселение чувашей на территорию современной Республики Башкортостан и основание ими деревень происходило на протяжении ряда столетий. Возникновение новых поселений или подселение в уже существующие деревни привело к межэтническим контактам. Сложились полиэтнические сообщества с уникальным обликом, отразившимся на структуре и развитии деревень. Поселения чувашей сохраняли традиции, но приобретали и новые черты, что проявилось в возникновении регионального феномена. Таким образом, в этнокультуре наблюдается синтез исторической памяти и новаций;

– изменения в народном зодчестве и традициях домостроительства чувашей исследуемой территории связаны с географической обособленностью и внешним влиянием соседей. В отдельных деревнях чуваша в большей степени соприкасались с культурой других народов, чем с дедовскими традициями;

– структура поселений, дворов, принципы расположения домов и построек, несмотря на внешние действия, оказались жизнестойкими и, преобразившись, бытуют на современном этапе. Детали домов и зданий в семиотическом и семантическом контексте, организация domesticiрованного пространства одновременно с заимствованными элементами продолжали присутствовать в мировоззрении чувашей, как и большинство сакральных воззрений, отразившихся в народной архитектуре;

– поселения, жилища и постройки чувашей Республики Башкортостан представляют собой неразрывную связь духовных воззрений и объектов их материального выражения, которые необходимо рассматривать как с материальной, так и духовной точек зрения.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. По теме диссертационной работы опубликовано 2 монографии и 52 научных статьи, в том числе 18 – в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий по списку ВАК. Основные положения и результаты представлены и обсуждены на международных (Челябинск, 2011, Брянск, 2011, Краснодар, 2013, Пржемысль, Польша, 2013, Прага, Чехия, 2013, Уфа, 2015, Алматы, Казах-

стан, 2016), всероссийских (Иркутск, 2010, Уфа, 2010–2015, Красноярск, 2011, Новосибирск, 2012, Казань, 2015, Челябинск, 2015), межрегиональных конференциях (Чебоксары, 2011, 2014, 2015, Челябинск, 2013, Тюмень, 2015). Автор выступал с докладами на IX–X Конгрессах этнографов и антропологов России (Петрозаводск, 2011, Москва, 2013) и XI Конгрессе антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2015).

Разработка темы сопровождалась привлечением к исследовательской деятельности студентов исторического факультета Магнитогорского государственного университета (по итогам реорганизации – направление «История и социология» Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова). Диссертация обсуждена и одобрена на заседании Отдела этнографии восточных славян и народов Европейской России ФГБУН «Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН».

Структура работы определена целью и задачами диссертационного исследования, состоящего из введения, трех глав, заключения, списков использованных источников и литературы, сокращений, приложения. Во введении оговорены структурные элементы, необходимые для написания сочинения подобного уровня. Первая глава посвящена истории и развитию поселений у чувашей. Цель второй главы – рассмотреть организацию двора и строительство дома, учитывая при этом традиционные воззрения. На территории усадьбы чувашаи возводили жилище, лачугу, клеть, амбар, помещения для домашних животных, а также ряд других зданий, необходимых в хозяйстве. Дом проанализирован во второй главе, а в третьей главе последовательно перечислены и изучены постройки, занимающие domesticiрованное пространство. В заключении резюмированы выводы, полученные при разработке основных положений диссертации.

Глава I: ПОСЕЛЕНИЯ

1.1 Типы заселения и расселения

Типы заселений предполагают расположение поселения в зависимости от природного ландшафта. История поселений неразрывно связана с водными ресурсами, необходимыми для сельчан. Вокруг водоемов традиционно концентрировались населенные пункты. Реки, озера, родники и ключи обеспечивали необходимым запасом воды сельских жителей. Искусственные запруды и вырытые колодцы восполняли потребность в живительной влаге и облегчали к ней доступ.

От типа водной артерии зависел вид заселения – приречный (расположенный вдоль малой или большой реки), приозерный и междуречный (пространство между речными системами или другими водоемами).

Наличие водного ресурса поблизости и возникновение поселения непосредственно у воды являлось обычным делом. Так, у чувашей Западной Сибири деревни также рассредоточены по берегам небольших рек¹. Чувашам Самарской Луки присущи приречный, приозерный и междуречный типы заселения. Например, к междуречному типу относится с. Кармалы². Подобное распределение поселений встречаем у мордвы. В XVIII–XIX вв. около 86% мордовских деревень находились вблизи естественных водоемов. Междуречное местонахождение получило развитие позднее³.

В широких долинах рек один конец села или деревни стоял у самой воды, а второй – несколько выше. Аналогично: низовые улицы вдоль реки и новые улицы, выстроенные им параллельно. В малых долинах поселения устраивали повыше от реки. Такая картина характерна для южных районов Чувашии, на севере селения находились на краю узких речных долин и оврагов, встречающихся в большом количестве⁴.

В Приуралье чувашаи заселялись у небольших лесов при речных долинах. К овражно-речному типу поселений, по мнению Л. А. Иванова, принадлежат села и деревни Аделькино,

¹ Коровушкин Д. Г. Чувашаи Западной Сибири (этнодисперсная группа на современном этапе). Новосибирск, 1997. С. 24.

² Матвеев Г. Б., Ягафова Е. А. Материальная культура // Чувашаи Самарской Луки. Чебоксары, 2003. С. 18-19.

³ Мордва: Историко-культурные очерки. Саранск, 1995. С. 159.

⁴ Чувашаи. Этнографическое исследование. Материальная культура. Чебоксары, 1956. Ч. 1. С. 168.

Асавбашево, Базлык, Слакбаш, Шланлы, Шеверли и Чубукаран¹. Приречный и долинный тип заселения были распространены здесь наиболее широко².

В одном из описаний начала XX в. говорится: «Старинные селения чувашей, во избежание нападений врага и вообще посещений чужих людей, часто основывались в дебрях и лесах, в долинах и оврагах, однако же возле проточной воды. Большая часть старинных селений бывают заметны проезжающему только при подъезде к ним вплотную»³.

Небольшие деревни чувашей располагались «при ручьях и возвышенностях, и всегда окружены маленькой рощей красивых деревьев»⁴. Поселения не имели строгого плана и уличной структуры, а состояли из дворов, расположенных группами⁵. Имели кучевую планировку.

Приречное распределение деревень и сел чувашей подтверждают архивные материалы. План Верхне-Меселинской дачи Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии 1864 г. отражает земельные угодья и структурную композицию поселения, основанного у реки⁶ (Рис. 1). Схема д. Ишпарсово Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии 1879 г. воспроизводит поселение на реке, разделившей его на две части. Берега соединены мостом⁷. Приречными были деревни Кси-Елга и Улу-Елга Белебеевского уезда Уфимской губернии (1883 г.)⁸.

Большинство поселений чувашей возникли при реках, что отражено в самих названиях, но достаточное число основали по берегам озер. Гидронимы содержатся в названиях многих чувашских населенных пунктов. Новые поселения часто получали названия тех рек и водоемов, которые имелись на месте и играли первостепенную роль в выборе местожительства. Так, с. Слакбаш основали в верховьях р. Слак⁹. Аналогичная ситуация с д. Асавбашево, расположенной на р. Асав, и с д. Чубукаран, по названию реки Чубукаран¹⁰. Аналогично: с. Месели – у р. Месели (Меселька), с. Шланлы – у р. Шланлы, с. Бердяш – у р. Бердяш, с. Чуваш-Карамалы – у р. Карамалы. Иногда к названиям поселений, помимо названий водоемов, прибавляется слово *елга* «река», *куль* «озеро», *чишма* «родник». Например, Кош-Елга, Нижнеулу-Елга, Кандры-Куль, Утаркуль, Ташлыкуль, Суук-Чишма.

¹ Иванов Л. А. Поселения и жилища чувашского населения Прикамского Заволжья и Южного Урала // Вопросы истории Чувашии. Ученые записки. Чебоксары, 1965. Вып. XXIX. С. 185-186.

² Матвеев Г. Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары, 2005. С. 214.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 71.

⁴ Гакстгаузен Август. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1869. Т. 1. С. 311.

⁵ Там же. С. 308.

⁶ ЦИА РБ. Ф. 351. Оп. 1. Д. 7670.

⁷ ЦИА РБ. Ф. 351. Оп. 1. Д. 8052.

⁸ ЦИА РБ. Ф. 351. Оп. 1. Д. 2524.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 711. Л. 68.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 39, 69.

питавший водой поселение, заколов его кусками войлока. Русские называли деревню Алешкино по имени поверенного Алексея Артемьева. Сами чуваша дали имя деревне *Майла пукан*, ибо, согласно преданию, одной из первых построек в деревне была клеть на высоких столбах-опорах *пукан*¹.

Вода из крупных водоемов употреблялась в хозяйственных целях. Для питья и приготовления пищи использовали воду из родников и ключей, за которыми тщательно ухаживали, следили (Рис. 2–3).

Рис. 2. Деревенский родник (БАССР, Белебеевский р-н, с. Слакбаш, 1962 г.) // Из собраний Р. М. Шляпкина

¹ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, д. Куезбашево).

Основание поселений у водных артерий объясняется традициями хозяйственной деятельности. Чуваши занимались земледелием, требовавшим плодородной почвы, ухода за посевами и орошения. Зерновые, посеянные на пахотных полях, были менее требовательны, их судьба зависела от выпадавших осадков и климата. Домашние культуры и развитие огородничества как преобладающего занятия отнимали много сил и времени при искусственном поливе. В таком случае водоем был необходим. Воду использовали и в уходе за домашним скотом.

Реки были удобны в качестве транспортных путей и пригодны для рыболовства. Вода служила человеку на водяных мельницах. Луга в поймах рек считали наиболее пригодными для сенокосов и сбора дикорастущих растений – ягод, плодов, трав. Речная вода до наших дней используется в домашних делах. Источниками питьевой воды служат не только родники, ключи, но и колодцы, сети водоснабжения (колонки и домовые водопроводы).

Рис. 3. У ключа (источник бьет из-под земли) (БАССР, Бижбулякский р-н, 1934 г.)
Фото Кудряшевича // МАЭ РАН. Коллекция И-1843. № 166

В этнически смешанных поселениях было особое отношение к источникам воды. В с. Наумкино Аургазинского р-на РБ, где совместно проживают чуваши и мордва, известно три родника. Один из них носит название *мордовский родник*, т.к. сюда за водой приходила мордва.

Со временем в хозяйствах появились личные колодцы, а этот родник забросили¹. Оставшиеся источники были благоустроены, их посещали чуваши. В засушливые годы вплоть до 1950-х гг. мордва у родника проводила моление *бабань каша*. Чуваши в этом случае обливали водой камень, именуемый *чул лаша* «каменная лошадь» на горе².

Внимания заслуживают *пусь*, *сай*, *тараса* «колодцы», снабжавшие поселение водой. Существовали как общественные, так и частные колодцы. Они были незаменимы в жизни человека. Деревенские располагались на улицах, а частные – во дворах. Кроме того, имелись колодцы за лабазом на границе двух соседних домов, используемые двумя семьями (как правило, родственными). Чуваши Буинского уезда Симбирской губернии выкапывали колодцы ближе к дому или напротив³. Такая традиция сохраняется и поныне.

Одним из преобладающих типов колодцев был журавль, широко распространенный в традиционной культуре народов Урало-Поволжья (Рис. 4). Л. П. Петров, составляя отчет об экспедиции в чувашские поселения БАССР и Оренбургской области, представил зарисовку конструкции, обозначив основные детали. Колодец состоял из *сиктёрме* «вертикального столба», *урлашка* «горизонтальной перекладины с веревкой и емкостью» и *тукмак* «противовеса». Представлен он четырехугольным срубом⁴. Колодцы с журавлем популярны в чувашских селах и в наши дни, как во дворах, так и доступные всем сельчанам.

В верхней части колодца могли установить ствол дерева соответственного диаметра и высоты, предварительно оставив лишь наружный периметр. Такое кольцо защищало источник от загрязнений. «За изгородью (*вёрлэк*) стоит столб (*тараса*). На столбе прикреплено бревно (*путь кашти*). Для черпания воды из колодца за один конец бревна привязана веревка (*путь вёренё*), а на нижнем конце веревки висит бадья (*патийен*); на другом конце бревна висит колесо (*кустърма*), которое при черпании воды из колодца оказывает своею тяжестью помощь черпающему», – говорится о колодце⁵.

Детям чуваши поясняли, что подняли их из колодца. В гаданиях к нему довольно часто обращалась молодежь⁶.

Среди зарисовок, созданных художником Н. Ф. Калининым в с. Тюрлема Козловского р-на ЧАССР в 1933 г., встречается изображение колодца. В землю уходит прочный сруб, колодец

¹ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Наумкино).

² Ягафова Е. А. Чуваши и мордва в Урало-Поволжье: межкультурное взаимодействие в XVIII–XX веках // Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 15–16 ноября 2011 г.). Чебоксары, 2012. С. 26.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 704.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 711. Л. 10.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 27.

⁶ Салмин А. К. Народные обряды чувашей в фотографиях. Чебоксары, 2001. С. 105.

обнесен изгородью, на двух вертикальных столбах держится крыша. Между столбами-опорами устроен механизм с ручкой, при вращении которой по цепи поднимается ведро с водой¹.

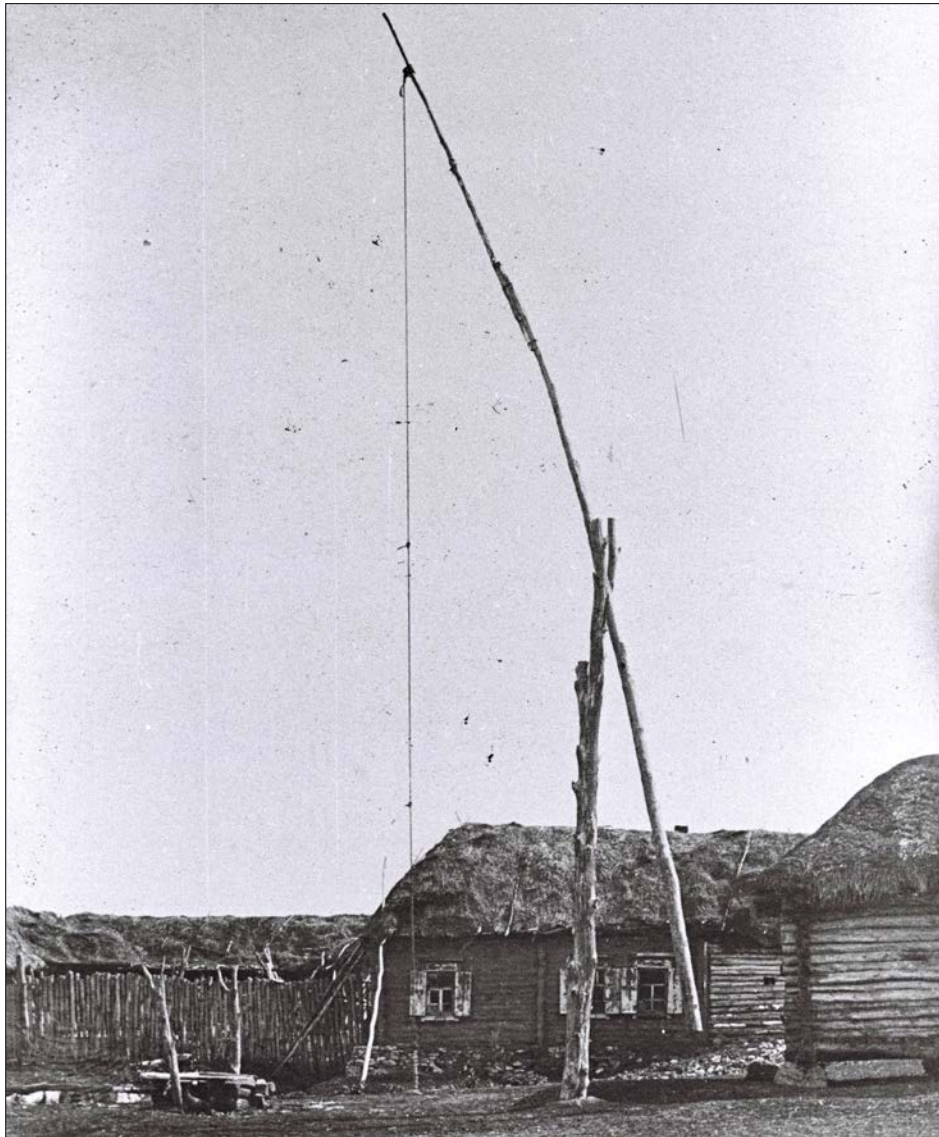

Рис. 4. Колодец с журавлем (БАССР, место съемки неизвестно, 1929 г.)
Фото П. А. Петрова-Туринге // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

Общие и индивидуальные колодцы похожи по своей конструкции. Например, в с. Бердяш Зилаирского р-на РБ на усадьбе О. И. Максимовой (1932 г.р.) находится колодец, действующий по сей день. Он вырыт напротив дома, установлена бревенчатая шахта, рубленая из осины «в охряпку». Имеются и общественные колодцы, срубленные из бревен и плах, нередко наземную

¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 140. № 1165-9.

часть сруба заменяют тесовой. Колодцы огорожены и снабжены крышками, предохраняющими воду от сора¹.

Чуваши д. Куезбашево Аургазинского р-на копали колодцы на границах земельных участков таким образом, чтобы один источник обеспечивал водой две семьи. Шахты колодцев, достигавшие 5–7 м глубиной, рыли вручную. Общественные колодцы в с. Чуваш-Карамалы одноименного района устраивали совместно 10 домами. Семьи черпали воду своими ведрами.

По словам старожил, колодезные срубы рубили из березы, «береза вкуса не дает, а от дуба – вкус жесткий». Над землей выводили два-три венца. Популярны были колодцы с журавлем и прокручивающиеся. Иногда на веревке просто сбрасывали пустое ведро².

При выборе места под будущий колодец чуваша обращали внимание на поведение гусей, часто укладывающихся на землю с подземными водами. По их поведению определяли наиболее удобное место для нового колодца.

Колодцы, как источники воды, имели широкую географию. Чуваши, переселившись в Западную Сибирь, выкапывали их почти в каждом дворе. В шахты также опускали срубы и ставили журавли для подъема воды³.

В настоящее время в поселениях установлены колонки водоснабжения, обеспечивающие жителей, наряду с колодцами, питьевой водой.

В представлении чувашей в колодцах имелись духи, называемые *Вутйи*, проживавшие в воде⁴. У колодца оставляли жертву, чтобы задобрить его обитателей⁵. Колдуны, пожелавшие навредить людям, могли испортить колодезную воду⁶.

Вода необходима и в обрядовых целях. Чуваши для жертвоприношения выбирали место в лесу или овраге, где в большом количестве имелась родниковая вода, которой обливали жертвенное животное и использовали при приготовлении обрядовой трапезы⁷. Общественные моления проводили сообща, собирая продукты и напитки, жертвовали животное⁸. Решив совершить жертвоприношение, объявляли об этом жителям своей деревни и назначали определенный день церемонии⁹. Место окружали изгородью, делали входы и калитки. С северной стороны заноси-

¹ ПМА – 2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш).

² ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, д. Куезбашево, с. Чуваш-Карамалы, д. Утаркуль).

³ Коровушкин Д. Г. Чуваши в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск, 2009. С. 33.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 150. Л. 362.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 147. Л. 237.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 24. Л. 589.

⁷ Миролюбов В. И. Из быта крещеных чуваш. Казань, 1889. С. 8-9.

⁸ Там же. С. 164.

⁹ Фукс А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 78.

ли необходимое количество воды, с восточной заводи́ли жертвенный скот, а с западной входили люди¹. Общесельские обрядовые действия проводились у воды. Во время обряда *сумър чу́к* «инициирования дождя» неперенным условием было наличие водоема. При нехватке воды сооружали запруды. В обращении к *Турă* сообщали о целях моления, видах даров, просили защиты от катаклизмов. Водой обливали друг друга, а часть пищи жертвовали, бросая в водоем². Такие же действия в засушливое время года проводили закамские удмурты³.

Моление *Учук* также проходило вблизи источника. Например, в наши дни жители д. Юльtimiровка Бакалинского р-на РБ совершают обряд на поляне у родника. Источник оборудован, воду используют для обливания жертвы, при разделке мяса животных и приготовлении пищи⁴. У воды собираются на *Учук* чуваша с. Старое Суркино Альметьевского р-на РТ. В поселении вытекают родники *Альмендей*, названный в честь одного из сыновей первого переселенца *Сёркё*, и *Хузанбай*, получивший имя в честь сельчанина, живущего рядом с источником, слышавшим лентяем. Первая изба, по легенде, была поставлена неподалеку от родника *Альмендея*. Известен и источник *Ердуха*⁵.

Локусы и деревья, олицетворявшие *Киреметей*, располагались также у водоемов. *Киремет хурами* – вязовое дерево, которому приносили жертвы чуваша с. Клементейкино Альметьевского р-на РТ, стоял в овраге у сильного родника⁶. Полагали, что здесь обитало и божество *Йёрёх*. Жители с. Старое Афонькино Шенталинского р-на Самарской области и в наши дни верят, что у водоема находится божество. Здесь нельзя ругаться и вести себя недостойно. Чтобы оградиться от несчастий, у *Йёрёха* следует попросить прощения и оставить небольшой дар (монету, конфеты). Про заболевшего человека, особенно детей, говорили, что его схватил *Йёрёх*⁷.

К реке чуваша относили тесто, совершая обряд от мужского бесплодия⁸. За водой к роднику или ключу родные жениха ведут молодую. Девочка три раза зачерпывает ей воду, а невеста опрокидывает ведро правой ногой. Прочитав молитву, сваха угощает молодую, которая в свою очередь делает подарок девочке. Затем собравшиеся возвращаются домой. Невеста, подняв коромысло, несет родниковую воду⁹.

¹ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб., 1773. С. 139.

² Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб., 2007. С. 116-120.

³ Миннихметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск, 2000. С. 47-49.

⁴ ПМА – 2010 (РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка).

⁵ ПМА – 2014 (РТ, Альметьевский р-н, с. Старое Суркино).

⁶ ПМА – 2014 (РТ, Альметьевский р-н, с. Клементейкино).

⁷ ПМА – 2014 (Самарская обл., Шенталинский р-н, с. Старое Афонькино).

⁸ Салмин А. К. Указ. соч. С. 195.

⁹ Магнитский В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собранные в некоторых местностях Казанской губернии. Казань, 1881. С. 205.

В цикле похоронных обрядов вода наделена символикой очищения. За проточной водой ходили после смерти человека. Речную воду могли перемешивать с колодезной¹. «Вода для обмывания покойника берется непременно из речки или из ключа, при чем самое черпание и принесение воды сопровождается известной церемонией. На речку отправляются три человека: двое мужчин и одна женщина, если умерший мужчина; или две женщины и один мужчина, когда умирает женщина... Пришедши на речку, они сначала опускают в воду небольшую монету, нитки и топор или косарь», – писал священник К. П. Прокопьев о чувашах². Монетой выкупали воду, нитки олицетворяли движение воды для утоления жажды усопшего, металл оберегал от злых духов. Чашу с водой ставили на подоконник или у кровати для души умершего человека, чтобы она омылась перед уходом³.

В воду или овраг чувашаи загоняли потусторонние злые силы во время очистительного обряда *сёрен/вирём*. Для этого «с криком начинают бить палками... и гонят шайтана (дьявола) по улицам до какого-нибудь оврага или речки»⁴.

Водное пространство принадлежало божеству *Шыв* (*Шу*, *Шыв турри*). Весной в его адрес проводили обряд жертвоприношения⁵. Заболевший человек обращался к *Шыв амйшэ* «матери божества *Шыв*» и с просьбами в воду бросал нитку длиной с человека и крупу⁶.

Местами обитания духа *Вутайш* были реки, озера, родники, прочие водоемы. Он помогал и, одновременно, вредил человеку⁷. У тюрков Саяно-Алтая (алтайцев, телеутов, карагасов, шорцев) также известна вера в существ, населявших водоемы и выполнявших роль их хозяев⁸.

Один водоем могли заселять различные существа. Например, озеро Эль Янтиковского р-на ЧР является домом для отца озера Эль, матери озера Эль, *Усала* озера Эль, доброго духа озера Эль, *Хаяр* озера Эль, *Инкек* озера Эль, *Синкер* озера Эль, *Тилтер* озера Эль, Голубого дуба озера Эль и пр.⁹.

Типы расселений. Поселения чувашей, расположенные на территории современной Республики Башкортостан, возникали с XVII до начала XX столетия в процессе переселения из уездов Казанской и соседних губерний Российского государства. История чувашей на башкирских землях связана с возникновением моноэтнических и смешанных поселений. Заселялись они

¹ Салмин А. К. Указ. соч. С. 289.

² Прокопьев К. П. Похороны и поминки у чуваш. Казань, 1903. С. 8-9.

³ Там же. С. 7, 9.

⁴ Вишневский В. П. О религиозных поверьях чуваш. Казань, 1846. С. 15.

⁵ Салмин А. К. Указ. соч. С. 464-465.

⁶ ПМА – 2014 (РТ, Альметьевский р-н, с. Старое Суркино).

⁷ Салмин А. К. Указ. соч. С. 480-482.

⁸ Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб., 2012. С. 134.

⁹ Салмин А. К. Указ. соч. С. 551.

и в существовавшие деревни. Крупномасштабные переселенческие волны приводили к освоению земельных угодий, движению населения, например башкир-вотчинников, и строительству новых поселений. Чуваша, марийцы, мордва и другие народы были вовлечены в миграционные процессы, создавая новое этнокультурное сообщество на территории не только современной Республики Башкортостан, но и Урало-Поволжья в целом.

Земельные и лесные наделы, осваиваемые чувашами в ходе заселения, должны были обеспечивать переселенцев необходимыми для жизнедеятельности условиями. В том числе – соответствовать традициям доместицированного пространства занимаемых территорий.

Г. Б. Матвеев справедливо обращает внимание на наличие общих признаков в чувашских поселениях, основанных столетия назад. Такие особенности проявлялись в населенных пунктах, возникших и в начале XX в. Например, поселения Поташовка, Три Ключа, Николаевский, Вишневка, Михайловка, Сосновка, Сармандеевка и др.¹. Разные волны переселений приводили к наслоению локальных традиций, смешению между собой. В одной деревне могли совместно проживать чуваша родом из разных уездов или губерний. Такие случаи выражались в раздельной группировке их расселения на улицах и концах.

Например, в с. Бердяш Зилаирского р-на долгое время на разных улицах жили *вирьялы* «верховые чуваша» и *анатри* «низовые чуваша», ранее заселившиеся. Со временем различия нивелировались². Старинное село Кош-Елгу Бижбулякского р-на, по преданию, основали выходцы деревень Тугаево и Ковали. Центральная улица села носит название *Тукай ушкӑн* «Тугаевский род»³. Переселенцы из деревни Тугаево сосредоточились на одной улице, а чуваша деревни Ковали объединены в патронимию Ковальцовых.

Разные миграционные потоки чувашей, протекавшие на протяжении почти трех столетий, нередко приводили к конфликтным ситуациям между новыми переселенцами и заселившимися ранее. Село Бугабашево Бакалинского р-на чуваша основали в 1865 г. Поселение возникло почти на два столетия позднее, чем соседние чувашские деревни. Результатом служили нередкие столкновения между переселенцами и чувашами, потомками мигрантов XVIII в.⁴. Столкновения, в основном, были связаны с разделом и правом использования угодий. Конфликты происходили и между чувашами с. Месели и д. Манеево Аургазинского р-на. По преданию, манеевцы

¹ Матвеев Г. Б. Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья // Материалы по этнографии и антропологии чувашей. Чебоксары, 1997. С. 118.

² Корнилов Г. Е. Некоторые материалы для характеристики говора села Бердяш Зилаирского района Башкирской АССР // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. II. Чебоксары, 1963. С. 134.

³ Иванов В. П., Архипов И. А. Краеведение: из истории старинного чувашского села Кош-Елга // Чуваша Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989. С. 125.

⁴ Ягафова Е. А. Чуваша в межатническом взаимодействии в Закамье // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 36.

отмерили большее количество земли и начали засеивать поле, не принадлежавшее им. Конфликт имел драматичную развязку¹.

Поселения чувашей, основанные на башкирских землях, относятся к категории сельских населенных пунктов. Деятельность чувашей составляли земледелие, домашнее животноводство и птицеводство. Кроме того, развивались промыслы, необходимые для сельского мира. Например, кузнечное дело. Жители одного поселения или близких друг к другу населенных пунктов были связаны между собой происхождением и родственными узами, составляли единую общину. Объединение сельчан отражалось в схемах расположения деревень, сел или других видов поселений по отношению друг к другу.

Среди чувашских деревень и сел преобладало гнездовое или кустовое расселение. В многочисленных записях, созданных авторами разных столетий, встречаются упоминания о кустовых поселениях чувашей. Об этом, например, писал В. А. Сбоев, предложивший версию близкого нахождения поселений от общих родоначальников. «Если два брата-родоначальника устраивались таким образом, то мало-по-малу пределы их поселений сближались между собою, сливались в одно; еще долго каждое из них носило свое название», – сообщал исследователь. По мере увеличения размеров деревни выделялись семьи и возникали выселки и околотки, по-прежнему составлявшие единый сельский мир². Так создавались кусты поселений. Наличие околотков в деревнях и селах олицетворяет сохранение традиций родовых отношений³.

Деревни чувашей были невелики размерами, но располагались довольно близко друг от друга. Г. И. Комисаров подмечал, что «от одной чувашской деревни до другой иногда всего только несколько сажень»⁴.

Кусты или гнезда чувашских селений возникали в результате выделения новых околотков, выселков и небольших деревень из крупных населенных пунктов. Единство поселений просматривается во взаимном расположении на местности и создании единой сельской общины. В таком случае она соединяла несколько деревень. Куст имел родовое имя, связывающее поселения. Одновременно персональные названия были у каждого пункта⁵. При выселении из материнской деревни или села семьи расчищали площади под посевы и строительство жилых домов с хозяйственными постройками и переходили на новое место.

¹ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Месели).

² Сбоев В. А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856. С. 18-20.

³ Воробьев Н. И. Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. 1950. № 3. С. 71.

⁴ Комиссаров Г. И. Чувашаи Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1911. Т. XXVII. Вып. 5. С. 351.

⁵ Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1993. С. 120-121.

Отделившиеся сельчане занимали свободное пространство рядом с родной деревней или на значительном расстоянии от неё. Освоенные территории служили околотками материнского поселения. Переселенцы на дальние земли давали поселениям имя первопоселенца, возглавлявшего прибывшие семьи. Названия также зависели от каких-нибудь особенностей заселенной местности с прибавлением слов *ял* или *кассы*. Например, «*Гаран-ял, Ибрай-ял*, т.е., Гаврилова, Абрамова деревня, – *Анаткассы, Хоракассы, Анишкиссы, Вурманкассы*, т.е., верхняя, черная, по реке Анишу расположенная, лесная деревня»¹.

Антропонимы в названиях населенных пунктов довольно часто присутствуют у чувашских деревень и сел Республики Башкортостан. Происходят от имен землевладельцев, бывших собственников и первопоселенцев. Например, названия Антоновка, Александровка, Алексеевка, Дмитриевка, Дарьино, Петровка, Яковлевка и многие другие.

Поселения первоначально объединяли внутри себя переселенцев, а затем в поисках более благоприятных земельных участков их потомки вновь начинали передвижение. Как и прежде, чуваша занимали и доступные, находящиеся поблизости территории, и уезжали далеко. В 1747–1748 гг. д. Куезбашево Аургазинского р-на возникла благодаря выделению двух семей из находящейся неподалеку д. Бишкаин (сейчас входит в с. Бишкаин Аургазинского р-на). Поселение Таштамак одноименного р-на основали чуваша д. Нижние Месели в 1799 г. Жители с. Тряпино в 1911 г. создали новые поселки в окрестностях – Веселовка, Ново-Троицкое и Архангельское, просуществовавшее до 1917 г. Чувашами д. Куезбашево также в 1911 г. заселены новые территории и основаны д. Князевка и д. Ивановка. В эту же деревню переселись несколько семей с. Бишкаин. Возникновение небольших поселков продолжилось и позднее. Так, чуваша д. Таштамак в 1927 г. образовали поселения Никольское и Культура, а в 1929–1930 гг. жители с. Месели выехали в поселки Дадановка, Вязовка, Сосновка, Каменка и Журавлевка².

Небольшие поселки и хутора постепенно объединялись в более крупные поселения. В 1911 г. возникло с. Ивано-Кувалат Зилаирского р-на РБ, где в настоящее время проживает 430 чел. К 1913 г. село состояло из 71 двора³. Заселяли поселение выходцы (чуваша и русские) из разных мест. Из Цивильского уезда Казанской губернии приехали чуваша Ивановы, Скуратовы, Корниловы. Семьи Ивановых, Андреевых, Иванушкиных, Красновых покинули Белебеевский уезд Уфимской губернии. Стерлитамакский уезд Уфимской губернии оставили Вавиловы, Пелагеины, Горюновы, Ершова, Корневы, Андреяновы. Из-под Оренбурга переселились патрионимии Петровых и Степановых. В новое село включились и жители ближних хуторов Александрийского (Пелагеины, Самохины, Цыбулько, Назаровы), Оренбуркино (Баталовы, Бахори-

¹ Сбоев В. А. Указ. соч. С. 19-20.

² ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, разные поселения).

³ ГАОО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 141.

ны, Проломовы и Шарановы) и небольшой деревушки Русский Бердяш (Проломовы, Хачины). Прибыли русские семьи из соседнего с. Кананикольское, основанного при одноименном медеплавильном заводе (Корольковы, Баскаковы, Тарасовы, Филипповы, Хреновы)¹. Чувашские семьи с. Ивано-Кувалат: Иванушкины, Ивановы, Маркеловы, Павловы, Скуратовы, Ершовы, Егоровы, Николаевы, Семеновы, Петровы, Кармановы, Корниловы, Степановы, Соловьевы, Сергеевы, Терпигорьевы, Гавриловы и Михайловы.

Типы расселения подразумевают две главные формы расположения поселений. Во-первых, кустовое или гнездовое нахождение. Во-вторых, может иметь место дисперсность населенных пунктов. В Республике Башкортостан у чувашей встречаются оба типа. Кусты поселений характерны для территорий, освоенных чувашами на более ранних этапах. Рассеянное расселение является особенностью южных районов, занимаемых позднее. Поселения здесь в кольце иноэтничных деревень и сел. Например, по сведениям, опубликованным авторами издания «Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы», в южной зоне Республики Башкортостан, охватывающей шесть административных районов, чуваша проживают в 26 населенных пунктах. Поселения моноэтничные и смешанные, расположены в границах Зиянчуринского, Зилаирского, Куюргазинского, Кугарчинского, Мелеузовского, а также Хайбуллинского р-нов². По переписи 2010 г. сосредоточено 3831 чувашей³.

Чуваши в этой зоне расселены в поселениях Серегулово, Сулейманово, Верхняя Акберда, Глинка, Лукьяновский, Бердяш, Ивано-Кувалат, Надеждинский, Старая Уралка, Красный Урал, Красный Восток, Новая Уралка, Новая Отрада, Кривле-Илюшкино, Суракаево, Давловка, Новомихайловка, Старомихайловка, Гавриловка, Давлеткулово, Старо-Альмясово, Красный Яр, Верхнее Сазово, Рассвет, Пугачево и Яковлевка. В районах населенные пункты имеют дисперсное рассредоточение. Напротив, кустовое расселение встречаем в Аургазинском р-не РБ, в котором проживает 10816 чувашей. Число поселений с чувашским населением здесь достигает 56 деревень и сел. Кустами сосредоточены и чуваша Бижбулякского р-на РБ. Насчитывают 34 поселения⁴. Добавим, что в настоящее время в процессе передвижения населения и взаимного влияния народов друг на друга этнический состав перечисленных деревень и сел подвергся изменениям. Опубликованные ранее материалы требуют уточнений и соответствующих комментариев, что позволит ввести в научный оборот обновленные сведения.

¹ ПМА – 2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат).

² Иванов В. П. Вместо предисловия // Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989. С. 9-11.

³ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан. Режим доступа: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/7ba81d004e64acd68cc5ef21f. С. 12-18.

⁴ Иванов В. П. Указ. соч. С. 9-11.

Кустовое расселение чувашей связывало поселения не только узами хозяйственной и трудовой деятельности, выражавшейся в общинном землепользовании, но и предполагало наличие родственных связей между односельчанами.

Посещение родных матерью красавицы Нарспи накануне свадебного пира красочно описывает чувашский поэт К. В. Иванов:

Со двора на двор заходит
С пивом пенистым старуха.
Всю родню она обходит
До восхода звезд полночных¹.

В пределах одной деревни не рекомендовалось заключать браки, поскольку жители были связаны кровными узами. Регламентировали выбор невест старшие в роду. Молодых людей, находящихся в близком или дальнем родстве, чувашаи даже не рассматривали в качестве брачного партнера. Г. Ф. Миллер подчеркивал запрет на заключение союза жителями одного поселения: «И не токмо чтоб в свойстве, но и без свойства в своих деревнях не берут, вменяя в грех и стыд»². Выбор будущей невесты проходил в местах общих сборов, например, в гостях и на хороводах молодежи³.

Для создания новых семей формировались брачные ареалы, существовавшие на протяжении веков. Е. А. Ягафова в среднем течении р. Белой выделяет три куста чувашских поселений, связанных брачными контактами. Выделены кармаскалинский (Кармаскалинский р-н РБ), бишкаинский и шланлинский кусты (Аургазинский р-н РБ). На юге населенные пункты с ними были связаны не плотно и входили в уралкинский и южный кусты⁴.

Память старых жителей по сей день хранит воспоминания о деревнях, в которые было принято ездить за невестами. Чувашаи д. Юльtimiровка Бакалинского р-на РБ поддерживали брачные связи с жителями сел Старое Суркино и Новое Суркино Альметьевского р-на РТ⁵. Из с. Зириклы Бижбулякского р-на РБ увозили невест в с. Рысайкино Похвистневского р-на Самарской области⁶. Чувашами с. Бердяш Зилаирского р-на РБ значительная доля браков заключена с девушками д. Пугачево и с. Яковлевка соседнего Хайбуллинского р-на РБ⁷.

¹ Иванов К. В. Нарспи. М., 1937. С. 37.

² РАН. Ф. 21. Оп. 5.149. Л. 150.

³ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 207.

⁴ Ягафова Е. А. Чувашаи Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары, 2007. С. 341.

⁵ ПМА – 2010 (РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка); ПМА – 2014 (РТ, Альметьевский р-н, с. Старое Суркино, с. Новое Суркино).

⁶ ПМА – 2014 (Самарская обл., Похвистневский р-н, с. Рысайкино).

⁷ ПМА – 2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш); ПМА – 2010 (РБ, Хайбуллинский р-н, д. Пугачево, с. Яковлевка).

Связывали поселения и религиозные предпочтения. Крещеные чуваша посещали храмы, церкви крупных сел, выполнявших роль экономических и культурных центров. Жители д. Камышлы на службу приходили в церковь с. Булгаково. Чуваша поселений Уралка, Кривле-Илюшкино, Павловский и Михайловский Орского уезда к 1911 г. составляли Ермолаевский приход, объединявший вокруг себя населенные пункты¹.

Чуваши, сохранявшие свою традиционную веру, проводили общие моления и укрепляли связи с единоверцами. Сельский мир заботился о дальнейшем благополучии, поэтому совершали крупные, охватывающие несколько деревень, обрядовые действия. К таковым принадлежит *Учук* «полевое моление», проводившееся жителями одного поселения, и *Пысак учук* «большое полевое моление» или *Мӓн кӓлӓ* «великое моление», совершаемое сообща несколькими деревнями.

Межсельский праздник *Пысак учук* объединял от двух до девяти поселений. В Буинском уезде Симбирской губернии, например, на общее моление собирались чуваша из деревень Карабай-Шемурша, Трех-Изб-Шемурша, Новая Шемурша и Старая Шемурша². Чуваша д. Юльtimiровка и ближнего с. Ахманово Бакалинского р-на РБ в 1921–1924 гг. проводили совместные моления, т.к. юльtimiровцы были выходцами из этого села³.

К общественным обрядовым мероприятиям относится и почитание мест *Киреметей*. Деревья и поляны хранили следы проходивших здесь жертвоприношений, которые чувашами, марийцами и мордвой «совершаются иногда одним каким-либо селением, а иногда принимают в них участие многие села и даже целые уезды»⁴. *Киремети* обитают в стороне от проселочных дорог и поселений (горы и холмы, деревья, овраги и места у воды) на расстоянии от одной до пяти вёрст, но, непременно, находятся за пределами domesticiрованного пространства.

Совместное проведение молений у народов, придерживавшихся дедовских традиций, было развито в Урало-Поволжье. Так, марийцами Чураевской волости Бирского уезда Уфимской губернии совершались коллективные обряды. По свидетельству В. И. Филоненко, побывавшего на одном из таких молений, вместе собрались жители 25 марийских деревень⁵.

Жертвенные действия встречались и среди татар-мишарей. Куст мишарских поселений Чембарского уезда Пензенской губернии, называемый *алты авыл* «шесть деревень», совершал общие моления, переходившие в сельские праздники. Жители деревень Кикино, Мочалейка, Кобылкино, Решеткино, Качкару и Телятина приглашали друг друга на моления, проводимые в

¹ Сухарева И. В. Политика христианизации Русского государства и конфессиональное состояние чувашей Башкирии (до 1917 года). Уфа, 2011. С. 50, 57-58.

² Салмин А. К. Указ. соч. С. 73-76.

³ ПМА – 2010 (РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка).

⁴ СПБИН РАН. Кол. 238. Оп. 2. 145а/85. Л. 2.

⁵ Филоненко В. И. У язычников-инородцев Уфимской губернии. Уфа, 1914. С. 14.

их населенных пунктах. Родственные связи поддерживали экономические, общинные и человеческие отношения¹.

Консолидация наблюдается и у чувашей, принявших ислам. К началу XX в. в чувашских поселениях Стерлитамакского уезда, а именно, в Зиргане, Тяттербашеве, Мелеузе, Уралке, Карлы-Куле (Аллагуватово) существовали прочные родственные связи. Брачные союзы объединяли поселения между собой. Жители селений Зирган и Мелеуз первыми начали переходить в ислам, а родственные связи с чувашами окружающих населенных пунктов ускорили распространение религии. В близлежащих поселениях появились чуваш-мусульмане².

Религиозное многообразие приводило к спорным ситуациям. Для сохранения независимости чуваш-мусульмане выделялись из крупных поселений и оседали в выселках, околотках и хуторах. Подобные населенные пункты создавали кустовое расселение. К 1917 г. в западных и юго-западных районах современной Республики Башкортостан в процессе религиозных противоречий в материнских поселениях возникли новые хутора Ведерников, Бикмухаметов, д. Борисовка и др.³.

Итак, выделим дисперсное и кустовое рассредоточение чувашских поселений. Кустовое расселение возникало в процессе компактного расположения населенных пунктов, что зависело от одновременного освоения земельных наделов родоначальниками и выделения из материнских поселений околотков, выселков и хуторов. Чуваш-мусульмане создавали сеть поселений, составлявших единую общину и сосредоточенных вокруг центрального крупного населённого пункта. Центр был локусом притяжения жителей разных деревень в экономическом и культурном отношении. Наличие родоначальника, семейные узы укрепляли взаимоотношения между чувашами. Это подтверждают общие моления, на которые сходились жители поселений. Ближние деревни и села объединялись также церковным приходом. А рассеянное рассредоточение населенных пунктов характерно для территорий, заселяемых чувашами в процессе поздних, нередко внутренних, переселений. Деревни в таких случаях были в иноэтничном кольце и находились на определенном расстоянии друг от друга.

1.2 Типы и формы поселений

Тип поселений. Сельские населенные пункты имели различия. Поселения заселяли один либо несколько народов, сказывался социально-экономический уровень и исторический путь

¹ Уразманова Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. XIX – нач. XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2001. С. 65.

² Ягафова Е. А. Чуваш-мусульмане в XVIII – начале XXI вв. Самара, 2009. С. 47.

³ Там же. С. 49.

развития. У чувашей, как и у многих других народов, поселения разделяются по составу жителей и назначению на виды. Крепкими были старинные деревни, имеющие длительную историю развития, а молодые поселения – небольшими. Их становление зависело от естественного увеличения жителей и переселенческих процессов.

Чуваши свои сельские населенные пункты обозначали словом *ял* «деревня», «село». Термин употребляли и в значении «народ», «общество», что подтверждает и наличие тесной взаимосвязи между представителями сельского мира¹. Другие поселения называли *ял-ял*². Использовали слово *ушкăн* «группа», «общество»³. Так односельчан объединяли в единое пространство. Крестьянская община состояла и из нескольких небольших деревень⁴. Выходцы из одного поселения создавали новые населенные пункты и общества⁵.

Слово *ял* имеет родственные связи с тофал. *ал*, *аал*, кирг. *айыл*, тат., ног. *авыл*, монг. *айл*, тув., хак. *аал*, узб. *овул*, башк. *ауыл*, якут. *ыал*. В. Г. Егоров связывал формы между собой, отмечая общее происхождение от монг. *айил* «кочевые стоянки, состоящие из отдельных юрт и кибиток»⁶. С таким утверждением соглашался М. Р. Федотов⁷. Формы *аул* и *агул* «деревня» вошли в русский, марийский и удмуртский языки⁸.

Небольшие деревушки называли *пёчĕк ял*. Слово, обозначавшее «село», в чувашском языке отсутствовало. Русские деревни и села называли *сала*⁹. В народе села отличали как *чиркӳлĕ ял* «деревня с церковью»¹⁰. Словами *чиркӳ* и *чирĕк* чуваша обозначали «церковь». Аналогично у удмуртов, именовавших села *черко гурт* «деревня с церковью»¹¹.

Деревни чувашей рассматриваемого региона были традиционным типом поселений. Возникновение и рост новых населенных пунктов приводили к изменению размеров, структуры, традиционного уклада. Подобные новшества влияли на социальные отношения, поскольку затрагивалась большая территория, а контакты становились интенсивнее и разностороннее.

¹ Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875. С. 9; Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 352.

² Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 4. Чебоксары, 1994. С. 176.

³ Никольский Н. В. Русско-чувашский словарь. Казань, 1909. С. 87.

⁴ Гакстгаузен Август. Указ. соч. С. 311.

⁵ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 173.

⁶ Егоров В. Г. Указ. соч. С. 352.

⁷ Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 2. С–Я. Чебоксары, 1996. С. 497-498.

⁸ Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1988. С. 127.

⁹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 11-12. Чебоксары, 2000. С. 24; Матвеев Г. Б. Материальная культура чувашей. Чебоксары, 1994. С. 19.

¹⁰ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 501.

¹¹ Волкова Л. А. Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX – начало XX века). Ижевск, 2003. С. 63.

Ко времени бытования семейно-родственных групп принадлежит устоявшееся мнение, что брачного партнера следует искать за пределами родного поселения, т.к. первоначально деревню заселяли родственные семьи, имеющие общие корни от первопоселенцев. С развитием населенных пунктов и возникновением околотков, выселков и починков такое требование утрачивает актуальность. Большие поселения состояли из самостоятельных околотков и концов, не связанных между собой родственными узами¹. В таких поселениях браки можно было заключать в пределах одной территории.

Деревни, а затем и села, были наиболее распространенной формой населенных пунктов чувашей. Новыми видами являлись *паçуллка* «поселки», *выçăлкă* «выселки», *хуттăр* «хутора». Появление небольших поселений, представленных несколькими усадьбами, относится к началу XX в., что было вызвано столыпинскими преобразованиями².

Со временем у чувашей помимо деревень получили развитие такие виды населенных пунктов, как села, околотки, выселки, починки, хутора и поселки³.

В бытовом разговоре поселения называли словом *кас*, *касă* «деревня». Другие значения термина – «околоток», «улица». Так, населенный пункт нередко делился на *Анат кас* «Нижний конец», *Вăта кас* «Средний конец» и *Ту (Тури) кас* «Верхний конец». Дополнение *кас* было распространено в названиях деревень верховых чувашей⁴.

Разделение поселения на концы бытует и в наши дни. В быту (беседах и общении) жители между собой *Анат кас*, *Вăта кас* или *Ту (Тури) кас* употребляют намного чаще, чем современные названия улиц. Интересная ситуация складывалась в полиэтничных деревнях и селах. В с. Чувашское Урметьево Челно-Вершинского р-на Самарской области известны *Чăваш кас* «Чувашский конец» и *Мокша кас* «Мордовский конец»⁵. Аналогичные названия встречаются и среди чувашей Республики Башкортостан. До сих пор в д. Юламаново Аургазинского р-на РБ две улицы называют *Пушкăрт касси* «Башкирская улица» и *Пелепей касси* «Белебеевская улица», поскольку на первой жили башкиры, а на второй улице заселились чуваша, приехавшие из Белебеевского уезда⁶.

Во время своего путешествия И. И. Лепёхин подметил у чувашей и их соседей наличие деревень и сел, отличавшихся от русских поселений планировкой. Но, упоминая чувашские

¹ Матвеев Г. Б. Сельские поселения чувашей во второй половине XIX – начале XX вв. (Материалы к историко-этнографическому атласу) // Этнография чувашского крестьянства. Чебоксары, 1987. С. 36.

² Петров И. Г. Чуваша Башкортостана (Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры). Уфа, 1994. С. 19.

³ Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 36.

⁴ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 6. Чебоксары, 1994. С. 127.

⁵ ПМА – 2014 (Самарская обл., Челно-Вершинский р-н, с. Чувашское Урметьево).

⁶ ПМА – 2010 (РБ, Аургазинский р-н, д. Юламаново).

населённые пункты, исследователь акцентирует внимание на слове «деревня» и делает записи о деревнях Мелекес, Малыклы и др.¹. О чувашских деревнях, сохранивших традиционные обряды и верования, проводивших коллективные моления с жертвоприношениями, писал и П. С. Паллас².

В 1856 г. В. А. Сбоевым опубликована книга «Исследования об инородцах Казанской губернии». Автор перечисляет такие виды населенных пунктов чувашей, как деревни, села, околотки и выселки³. Интересное наблюдение сделано исследователем об изменении облика поселений в связи с распространением православной веры: «Со времени обращения чуваш в христианство при каждом селе особая, отдаленная от чувашского селения либо леском, либо оврагом слободка, состоявшая из домов священно- и церковнослужителей; близь или в середине ее устраивалась церковь»⁴.

Рис. 1. Сельская церковь (БАССР, Белебеевский кантон, с. Кош-Елга, 1929 г.)
Фото П. А. Петрова-Туринге // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

¹ Лепёхин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб., 1771. С. 120-121, 138.

² Паллас П. С. Указ. соч. С. 135-139.

³ Сбоев В. А. Указ. соч. С. 13-20.

⁴ Там же. С. 20-21.

Церкви строили в центре населенного пункта. Строительство православных храмов и церквей происходило в Уфимской и Оренбургской губерниях. История развития культовых зданий на территории современной Республики Башкортостан проанализирована И. В. Сухаревой¹. В издании приведены сведения о количестве церквей в чувашских поселениях. Церкви заметно выделялись среди жилых и хозяйственных построек архитектурным стилем, преобразуя сельское пространство (Рис. 1–2).

Рис. 2. Вид церкви на фоне поселения (БАССР, Белебеевский кантон, с. Базлык, 1929 г.)
Фото П. А. Петрова-Туринге // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

Соотношение типов сельских поселений иллюстрируют статистические материалы. Например, на рубеже 1889–1890 гг. в Казанской губернии существовало 43 чувашских села, 867 деревень, 212 околотков и 28 других населенных пунктов. Хутора не записаны². В Уфимской губернии к 1877 г. чуваша большими массивами проживали в 1 и 2 стане Белебеевского, 1 стане Стерлитамакского, 3 стане Уфимского, 4 стане Бирского и частично в 3 стане Мензелинского уездов.

¹ Сухарева И. В. Указ. соч.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 166. Л. 9.

Рассмотрим подробнее чувашские поселения Белебеевского уезда Уфимской губернии. В уезде отмечено только одно село – Бижбулак, в котором находилась церковь. В д. Семеново-Макарова (Курьятмас) была часовня, в д. Суккулова – мечеть. Список деревень довольно обширен. 1 стан: Кистенли (Ивановка), Кистенли (Богданова Верхняя), Васильевка (Базлык), Седякбаш (Яковлева), Седяк Новый (Васильевка), Матвеевка (Елбулак, Юлбулак), Васильевка (Кекень-елга), Кожай-Семенова (Тимашева), Новая Карамала (Кызыл-яр-тамак), Уязыбаш, Николаева (Чуюнчи). 2 стан: Слакбаш, Кайряклы, Менеузбаш (Кош-Елга), Кажай (Икские вершины, Кажаява), Малый Менеуз, Адилькина, Савкина, Ермолкина, Елань-Чишма, Зингереева, Улуелга, Азналы (Карамала), Семенкина, Семенкина (Курган). 3 стан: Улканова, Базгиева, Дюртюлева. 4 стан: Юмашево (Камышлы), Новосеменовка (Тонканчи) и Старые Маты¹.

Населенные пункты чувашей, отмеченные как деревни, преобладали и в других административных единицах губернии. Так, в Уфимском уезде записаны 5 чувашских деревень. Церковь находилась в д. Сихонкина (Алмантаева). В Стерлитамакский уезд входили с. Верхние Месели, имевшее церковь, и 26 деревень². Проведенные подсчеты показывают численное превосходство деревень над другими типами населенных пунктов.

Несмотря на то, что появление чувашских хуторов относят на начало XX в., во второй половине XIX в. часть чувашей уже расселилась на них. Чувашский хутор Сулеймановский упоминается вместе с хутором Худабайдинский, где проживали русские в составе Салиховского общества Орского уезда Оренбургской губернии (в наши дни – часть Республики Башкортостан). Общество к 1882–1883 гг. составляли также башкирские деревни Серегулово, Байдавлетова, Урманчина, Сулейманова, Худабайдина, Салихова, Кинзебулатова³. Крестьянская община была смешанной, состоявшей из башкир, русских и чувашей.

Крупные деревни и села служили материнскими поселениями. В результате их деления возникали небольшие выселки и хутора, ставшие затем самостоятельными. К таковым относятся Чубукаран, Ермолкино, Юльtimiровка, Три Ключа и т.д.⁴. Не случайно сказано, что у чувашей «новейшие поселения состоят из одного, двух или трех хуторов»⁵. Известны и противоположные случаи, когда сельское поселение возникало в результате объединения некрupных хуторов и выселков.

¹ Населенные пункты Башкортостана. Уфимская губерния, 1877. Ч. I. Уфа, 2002. С. 101, 174-216.

² Там же. С. 129-173, 335-379.

³ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 312. Л. 28 об.

⁴ Ягафова Е. А. Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). С. 204.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 71.

Основанию деревни Пугачево Хайбуллинского р-на РБ в 1932 г. способствовало переселение жителей с. Яковлевка одноименного р-на, известного как *Якку хуттӑр*, и с. Бердяш Зилаирского р-на РБ. Основателем хутора в 1861 г. был чуваш Яков. Со временем небольшой населенный пункт вырос до размеров села. В 2010 г. в нем проживал 301 чел.¹

Крупные поселения выступают центральными усадьбами в сельских советах муниципальных районов РБ. Например, Чуваш-Карамалинский сельсовет объединяет с. Чуваш-Карамалы, д. Новочелатканово, д. Старые Карамалы, д. Дарьино и д. Ермолаевка².

В наши дни наименования видов поселений претерпели определенные изменения. Для примера проанализируем списки чувашских поселений Аургазинского р-на и Бижбулякского р-на РБ. Здесь наиболее компактно расселены чуваше, сосредоточенные в сельских административных единицах Республики Башкортостан. В Аургазинском р-не отмечены такие типы населенных пунктов, как села и деревни. Села выступают центрами сельских советов. К Бишкаинскому сельсовету относятся хутора Белогорский (6 чел.) и Пушкинский, оставшийся без жителей. Бижбулякский р-н РБ составляют села и деревни. Другие виды поселений не зафиксированы³. Ситуация аналогична и для других районов.

Таким образом, сельские поселения чувашей представлены разными типами. К таковым принадлежат деревни, села, околотки, выселки, хутора и поселки. Деревня – более старый и долгое время самый распространенный вид населенного пункта. На смену ей приходит село, связанное с процессами христианизации чувашей и других народов. Из крупных поселений выделяются самостоятельные околотки или выселки. Своего развития они достигают в первые десятилетия XX в., когда свободное пространство сельского мира покрывают хутора и другие не-крупные поселения.

Возникновение и развитие новых типов поселений одновременно происходили у чувашей, удмуртов, марийцев и других народов. Естественно, здесь прослеживается влияние русской традиции, что выражается в речевых заимствованиях и использованием в терминологии новых слов, обозначающих виды населенных пунктов. Сравним, русское *село*, чувашское *сала* и марийское *сола*. Наличие однокоренных терминов, имеющих общую основу, принятую из русского языка, свидетельствует об единых процессах у народов Урало-Поволжья.

Формы поселений. Поселения чувашей с исторической точки зрения можно, в основном, подразделить на два типа. Это гнездовые (или кучевые) и уличные планировки. И. И. Лепёхин в

¹ ПМА – 2010 (РБ, Хайбуллинский р-н, д. Пугачево, с. Яковлевка).

² ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Чуваш-Карамалы).

³ Численность населения по населенным пунктам Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. Уфа, 2012. С. 22-26, 42-44.

кучевой форме поселения видел одно из различий между чувашскими и русскими населенными пунктами¹. Кучевая форма деревень возникла в результате расселения потомков от родоначальника. При нехватке свободного пространства под строительство сыновья отделялись и возводили свои дворы, расширяя первичный круг гнездового селения. Между родственными семьями сохранялась крепкая связь, новые усадьбы продолжали носить имя основателя, называли их также в честь отца или общего предка². В патриархальных семьях вели совместное хозяйство и быт. Родные были вовлечены в единое экономическое пространство, а также в систему праздников, обрядов и представлений.

Завершает изменение поселений уличная планировка. *Урам, орам, кас* – эти термины использовали для обозначения улиц. Аналогии встречаются в тюркских языках, где *урам, орам* «улица», «владение», «квартал»³. Близки ему финно-угорские термины: марийское *урем* и удмуртское *урам* «улица», мокшанское *орам* «сходка», «собрание»⁴.

Переход от ранних форм поселений к улицам был един для народов Российской империи и вызван административной регламентацией. Законодательные акты о планировке поселений и борьбе с пожарами были опубликованы еще во время реформ Петра Великого. Первый указ о перепланировке деревень объявлен 7 августа 1722 г. Сенатом был издан и дополнительный указ от 3 апреля 1724 г. «О строении в деревнях дворов по чертежам, опубликованным именным указом 1722 г. августа 7-го, и о смотре земским комиссаром за исполнением сего указа»⁵.

С 1722 г. по 1856 г. в свет вышли 19 постановлений, предусматривающих перепланировку поселений. Беспорядочное нахождение усадеб и жилищ было небезопасно в пожарном отношении. Для ликвидации этого предпринимались меры по борьбе «с чувашским расположением построек». Указом от 27 октября 1830 г. улицы в поселениях должны быть прямыми, шириною не менее 10-ти сажень. С 1850 г. начинается застройка улиц правильной планировки. К 1870 г. традиционное расположение дворов и построек в чувашских поселениях было почти ликвидировано⁶.

Однако указания выполнялись не везде своевременно. Так, В. М. Черемшанский во второй половине XIX в. писал о чувашах Оренбургской губернии, что «деревни их расположены неправильно... Жилища чувашей обыкновенно строятся небрежно, как попало, без плана, сим-

¹ Лепёхин И. И. Указ. соч. С. 138.

² Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870. Ч. I. С. 62-63.

³ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893. Т. 1. Ч. 2. С. 1052, 1656.

⁴ Федотов М. Р. Указ. соч. С. 284.

⁵ Введенская А. Г. Из истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX в. // Тр. Государственного исторического музея. М., 1941. С. 77-78.

⁶ Никольский Н. В. Краткий курс по этнографии чуваш. Чебоксары, 1928. Вып. 1. С. 51.

метрии и без всякой тщательности в отделке»¹. Уличную планировку у чувашей объясняют воздействием русского населения, поэтому «чувашаи стали строиться за последнее столетие уже улицами, имеющими более и более правильный вид»².

Обычно под улицей подразумевают два ряда дворов и пространство между ними для движения. Но иногда улицу составлял и один ряд, например, крайняя улица поселения у водного объекта и оврага. Не исключение и улицы чувашских деревень и сел.

Рис. 3. Улица чувашского поселения (Казанская губерния, Ядринский уезд, 1908–1909 гг.)
Фото И. К. Зеленова // МАЭ РАН. Отдел Европы. Коллекция № 1700. Ед. хр. № 68

На иллюстрациях (Рис. 3–4) изображены деревья, характерные для чувашских поселений. Они были неизменным атрибутом населенных пунктов: «Улица чувашской деревни. Дома расположены по одной стороне. Между домами растут деревья»³. Аналогичные сведения и о другом поселении: «Везде по селу виднеются как маленькие, так и большие деревья... Через село проходит большая дорога, обсаженная березой»⁴. Чувашаи в оврагах сажали ветлы, на гумнах – березы и ветлы, во дворах и вдоль улиц – плодовые деревья, липу, рябину, вяз, черемуху, оси-

¹ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 174–177.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 72.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 53.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 52.

ну. В деревнях встречались небольшие осиновые рощи¹. В случае пожаров деревья, расположенные у горящей постройки, рубили, направляя в огонь. На некоторое время листва приостанавливала распространение пожара².

Деревенские улицы были засажены деревьями, особенно в поселениях верховых чувашей. Таковым является с. Косяковка Стерлитамакского р-на РБ, отражающее культуру *вирьял* («и зеленью, и постройками, и их планировкой»)³. Деревья высаживали по сторонам улиц, иногда и по центру. Предпочитали наиболее доступные виды, растущие рядом⁴.

Рис. 4. Деревенская улица (ЧАССР, Канашский р-н, д. Яманово, 1934 г.)
Фото П. Озерова // МАЭ РАН. Отдел Европы. Коллекция № И-1816. Ед. хр. № 2

Традиция искусственного озеленения либо сохранения участков леса в деревне и на ее окраинах встречается в настоящее время (Рис. 5). По словам жителей с. Яковлевка Хайбуллинского р-на РБ чуваша-переселенцы, обустроившись на новом месте, высадили несколько десятков ветел, некоторые из них сохранились по сей день⁵. Добавим, что во дворах, на улицах поселения и его окрестностях могли находиться рощи, предназначенные для обрядовых действий,

¹ Комиссаров Г. И. Указ. соч. С. 351-352.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 6-7.

³ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 54.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 73.

⁵ ПМА – 2010 (РБ, Хайбуллинский р-н, с. Яковлевка).

или священные деревья. Места считали локусом пребывания духов и божеств. Подобное дерево зафиксировал И. Н. Смирнов в 1902 г. на усадьбе одной из деревень чувашей Белебеевского уезда Уфимской губернии¹.

Улицы в поселениях были неоднородными. Например, с. Шланлы Аургазинского р-на отличаются широкие и прямые улицы, не имеющие зелени. Насаждения отсутствовали в д. Асавбаши одноименного р-на. Деревня имела широкие улицы и состояла из двух больших, одной большой односторонней, небольшой односторонней и небольшой двусторонней улиц. В с. Аделькино Белебеевского р-на РБ отмечали широкие и прямые улицы².

Структура поселения и число улиц напрямую зависели от количества жителей, этнического состава и конфессиональной принадлежности. Например, в с. Абашево Чебоксарского уезда Казанской губернии в 104 домах проживало около 600 человек. Село разделялось на три улицы – верхнюю, среднюю и нижнюю. На средней улице находились церковь и школа³. Таким образом, центр поселения был сосредоточен на средней улице, о чем свидетельствует размещение объектов религиозного и образовательного назначения.

Рис. 5. Уличные деревья (ЧАССР, Шемуршинский р-н, д. Старые Чукалы, 1957 г.)
Фото Н. И. Гаген-Торн // МАЭ РАН. Отдел Европы. Коллекция № И-1714. Ед. хр. № 18

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 256. Л. 329; РЭМ. Фототека. 203. № 45 а, b, с.

² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 5, 39, 92.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 382.

Нередки примеры расселения в новых деревнях и селах отдельными улицами и концами переселенцев из разных мест и представителями других народов. Деревню Пугачево Хайбуллинского р-на РБ заселяли чуваша из с. Яковлевка одноименного р-на и с. Бердяш Зилаирского р-на РБ. Первоначально были образованы две улицы, на которых проживали выходцы из разных поселений. Нижняя улица заселялась чувашами с. Яковлевка, верхняя – жителями с. Бердяш. Среди населения нередко возникали конфликтные ситуации. В таких случаях жители одной улицы поднимались против односельчан второй улицы¹.

В с. Наумкино Аургазинского р-на РБ проживают чуваша и мордва. Долгое время они ограничивали контакты между собой, расселившись раздельно. Для удовлетворения повседневных нужд использовали разные водоемы. В поселении известны названия *мордовская улица* и *мордовский родник*². Показательно в таком отношении с. Ахманово Бакалинского р-на РБ. Здесь проживают кряшены (крещеные татары), татары-мусульмане, православные чуваша, а также чуваша, сохранившие традиционные верования. Жители села жили обособленно, избегали межэтнических брачных союзов и имели разные кладбища. В наши дни чуваша-христиане, кряшены и русские погребают усопших на одном кладбище, а чуваша, придерживающиеся традиционных верований, провожают покойных на свое кладбище. Они всегда селились отдельно, сосредоточившись на одной улице³.

Конфессиональные отличия жителей одного поселения отражены на примере с. Зириклы Бижбулякского р-на РБ. На Нижнем конце либо Татарском конце (*Анат кас*, *Тутар кас*) проживали чуваша, исповедовавшие народные верования и перешедшие в ислам около 1910 г. В Верхнем конце (*Тури кас*) жили православные чуваша. Контакты между представителями разных улиц были редкими⁴. Также имелись раздельные кладбища⁵.

Деревенские улицы в новых поселениях заселялись родственниками и бывшими односельчанами. Зависело это и от конфессиональной ситуации. Несколько труднее процессы протекали в смешанных населенных пунктах, обладающих определенной спецификой. По мнению Е. С. Данилко, уникальность каждого случая вызвана культурными, языковыми, конфессиональными различиями, объективными историческими обстоятельствами и субъективной значимостью перечисленных компонентов для населения⁶.

¹ ПМА – 2010 (РБ, Хайбуллинский р-н, д. Пугачево).

² ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Наумкино).

³ ПМА – 2010 (РБ, Бакалинский р-н, с. Ахманово).

⁴ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 142.

⁵ Трофимов А. А. Народное и самодеятельное искусство // Чуваша Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989. С. 84.

⁶ Данилко Е. С. Татары в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья: особенности межкультурных взаимодействий // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 54.

Улицы поселения имели определенные названия, отражавшие антропонимы, географические особенности ландшафта или общие сельские объекты. Приведем примеры. В с. Чуваш-Карамалы Аургазинского р-на РБ появление первой улицы связывают с 1740 г. Село в настоящее время включает 12 улиц и 5 переулков. Главной улицей была *Аслă урам* (ул. Центральная), проходившая вдоль реки. *Тёпек урамё* (ул. Я. Н. Андреева, бывшая В. В. Маяковского) являлась основной улицей нового поселения. *Хупах урамё* «Кабацкая улица» (ул. Н. Авдокима, бывшая С. М. Кирова) получила свое название в честь магазина, совмещенного с питейным заведением, принадлежавшими купцу Матвею. Нижнюю часть улицы называли *Ўирёк урамё* «Ольховая улица». Современное название по имени первопоселенца Никиты Авдокима. *Масар урамё* «Кладбищенская улица» (ул. Садовая) известна по сельскому кладбищу, расположенному здесь до 1895 г. *Пасар урамё* «Базарная улица» – на улице находился базар, открытый для торговли по пятницам. Улица Советская известна как *Колчак урамё*. В период Гражданской войны по селу проходили белогвардейцы, мобилизовавшие в свои ряды мужское население. Одну из окраинных улиц называли *Урлă урамё* «Поперечная улица»¹.

В с. Тряпино одноименного р-на входили улицы *Хысал вёс*, *Вăта кас*, *Малти кас* (ул. Центральная), *Ўепёр урамё* (ул. И. В. Сталина), *Кўсен урамё* (ул. С. М. Кирова), *Юмансар урамё* (ул. Первомайская), *Тимёрсе урамё* (ул. Кузнечная) и др. На *Ўепёр урамё* первоначально расселились чуваша из Симбирской губернии. Улица изначально получила название Симбирская, а затем изменили на Сибирскую. *Юмансар урамё* названа в честь первого жителя по имени *Юман* «Дуб». Улица в разные годы известна как Церковная, Школьная, сейчас – как Первомайская. Старожилы во время общения называют её *Юмансар*². В расположенной неподалеку д. Утаркуль, состоящей всего из одной улицы (ул. Лесная), чуваша в разговоре используют слово *урам*, без каких-либо дополнений³.

Главные улицы поселений, как правило, наиболее старые и крупные, носят названия Большая и Центральная. Другие улицы называют в зависимости от расположения – Набережная (крайняя улица на берегу реки), Кузнечная, ведущая на кузницу, от направления по отношению к населенным пунктам – Байгульская, Еровчинская, Сосновская, Касмарская. Распространены названия Школьная, Садовая, Молодежная, Новая⁴.

Информанты в своих беседах применяют неофициальные наименования. Например, *Тури кас* «Верхняя улица», *Анат кас* «Нижняя улица», *Чиркў кас* «Церковная улица» и пр. Помимо слов *урам* и *кас*, улицу обозначают термином *вёс* «конец», «край». Верховые чуваша с. Анто-

¹ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Чуваш-Карамалы).

² ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Толбазы).

³ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, д. Утаркуль).

⁴ ПМА – 2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш, с. Ивано-Кувалат).

новка Гафурийского р-на РБ используют сочетания слов *Табын вёç* (улица по направлению с. Табынское), *Нагузак вёç* (сторона д. Чувашский Нагадак), *Саскуль вёç* (улица, выходящая своим концом в сторону д. Татарский Саскуль)¹.

Деревенская улица (особенно площадь, образуемая на перекрестке улицы и переулка) служила местом встречи односельчан. Здесь же шел процесс обмена новостями, решения совместных вопросов, проведения праздников и обрядов, а также времяпровождения (Рис. 6). В период *çинçe* «время покоя земли», жители, оставив дела, выходили на улицу, беседовали между собой².

Рис. 6. Односельчане на центральной улице поселения
РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат // Из собраний В. В. Медведева

Об объявлении *нине* «помочь» чувашаи сообщали на улице. Вместе сходились на сенокос, уборочную страду, для подъема сруба и другого строительства³. Коллективная взаимопомощь обеспечивала скорость работы и вовлечение родных, соседей, жителей одной улицы в единый круг, связывая более крепкими узами. Жители улицы имели традицию проводить обряд *çумър*

¹ Медведев В. В. Поселения и жилища чувашей Башкортостана второй половины XIX – начала XX века. Магнитогорск, 2012. С. 70.

² РНБ. Q.IV. 379. Л. 10 об; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 173. Л. 247.

³ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Наумкино).

чу́к «инициирование дождя». Во время беседы старшие женщины назначали день и оговаривали сбор продуктов. Улица принимала участие в приготовлении, трапезе и последующим обливанием водой¹. Моление и другие действия (жертвоприношение курицы, сбор продуктов, обрядовая каша, обливание) проводили и нагайбаки. Жители одной или нескольких улиц собирались у реки, другом месте и совершали обряд. Участниками выступали пожилые женщины, дети, редко присутствовали и мужчины. Информанты вспоминают случаи о проведении обряда рядом улиц, когда над частью села проходил дождь, а другие улицы оставались сухими².

Роль улицы получила отражение и в похоронно-поминальной обрядности. В случае смерти взрослого человека чуваша резали курицу, сделав круг над покойным, ее выбрасывали на улицу. Смерть бедняка либо ребенка сопровождалась кручением над ним куриного яйца, разбитого затем на улице. Так душа покидала тело усопшего³. Можно было использовать и петуха⁴. Животное убивали, чтобы дом покинуло четное число душ. В противном случае покойный требовал к себе одного из членов семьи⁵. Аналогичная ситуация среди удмуртов, в день похорон кидавших на улицу за ворота перья курицы. Человек, совершавший действие, обращался лицом на север⁶. На улице коми-пермяки изготавливали гроб, а затем заносили его в дом и ставили на пол у стола⁷.

Уложив усопшего в гроб, чуваша поминали его во второй раз. В изголовье ставили чаши для воды и лепешек, которые выносили на улицу и выбрасывали⁸. Процесс поминания заключался в том, что чуваша в честь усопшего отделяли часть от приготовленных блюд и напитков в посуду. Остатки выносили во двор, на улицу и отдавали собакам⁹.

При выезде на улицу вслед лошади, везущей гроб, бросали раскаленный камень¹⁰. Во время похоронной процессии улицы пустели; если встречались прохожие, провожавшие сбрасывали горсть соломы. Вернувшись с кладбища, на улице на три дня оставляли экипаж, конскую сбрую и лопаты¹¹. Накануне поминания усопшего на улице устанавливали столб *юпа*, ассоциировавшийся с покойным. Затем антропоморфный столб заносили в дом, начинались по-

¹ Салмин А. К. Указ. соч. С. 537-538.

² ПМА – 2014 (Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз).

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 24; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 158.

⁴ Прокопьев К. П. Указ. соч. С. 8.

⁵ Рекеев А. Из чувашских преданий и верований. Казань, 1897. С. 4.

⁶ Гаврилов Б. Г. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урьясь-Учинского прихода // Труды четвертого Археологического съезда в России. Казань, 1891. Т. II. С. 119.

⁷ Смирнов И. Н. Пермяки. Казань, 1891. С. 241.

⁸ Прокопьев К. П. Указ. соч. С. 16.

⁹ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 168-169.

¹⁰ Каменский Н. Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань, 1879. С. 32.

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 25.

минки. На рассвете его вновь выносили на улицу и ставили блюдо с остатками обрядовой пищи, поминали заключительный раз¹.

Для души умершего, пришедшей к родным и получившей часть ритуальной трапезы, напитки, утром на улице разводили костер. Выносили солому и поджигали, у огня собирались души умерших, явившиеся с кладбища². На улице у костра хозяева потчевали собравшихся родных, разбивали вещи умершего. Музыкант сопровождал действия игрой на скрипке³. После взаимных угощений под прощальную музыку покойного провожали на кладбище⁴.

Приглашали на поминки, распространяя известие по деревенским улицам. Чуваши с. Малый Седяк Бижбулякского р-на РБ в прошлом отправляли мальчика или юношу объезжать верхом поселение. Он извещал родных о предстоящем поминании усопшего. За гриву коня подвешивали колокольчик, всаднику надевали нагрудное украшение из монет, на спину крепили платок. У ворот двора покойного ставили ступу. После поминания ступу оставляли у ворот еще на несколько дней⁵. Объезжая улицы, наездник кричал: «Под свечку (собирайтесь)!»⁶.

При падеже лошадей чуваши снимали шкуру, расстилали в центре двора и плясали на ней. Закончив действия, у ворот зарывали череп черной собаки, обращенный к улице. Он защищал хозяев и двор от проникновения злого духа⁷. В пятницу, считавшейся днем молений, чуваши отдыхали, выходили на улицу и вели беседы. Молодежь посвящала день играм и забавам⁸.

На хороводах пели:

Хоть и мало наше игрище (молодежи. – *В. М.*).
Хоть и мало наше игрище.
Оглашает главную улицу,
Ай да люли, ай да люли,
Оглашает главную улицу⁹.

Улица встречается и в обрядах родильного цикла. В целях предотвращения смерти новорожденного чуваши выносили младенца на улицу и передавали ожидавшему человеку. Он заносил ребенка в дом и предлагал выкупить. Заплатив несколько монет, ребенка принимали¹⁰.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 22-23; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1999. Т. 9-10. С. 287-288.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 448-449.

³ Михайлов В. И. Обряды и обычаи чуваш // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1891. Т. XVII, вып. II. С. 113.

⁴ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 172.

⁵ Трофимов А. А. Указ. соч. С. 87-88.

⁶ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 170.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 348-349.

⁸ Михайлов В. И. Указ. соч. С. 100.

⁹ Ягафова Е. А. Указ. соч. С. 502.

¹⁰ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 196.

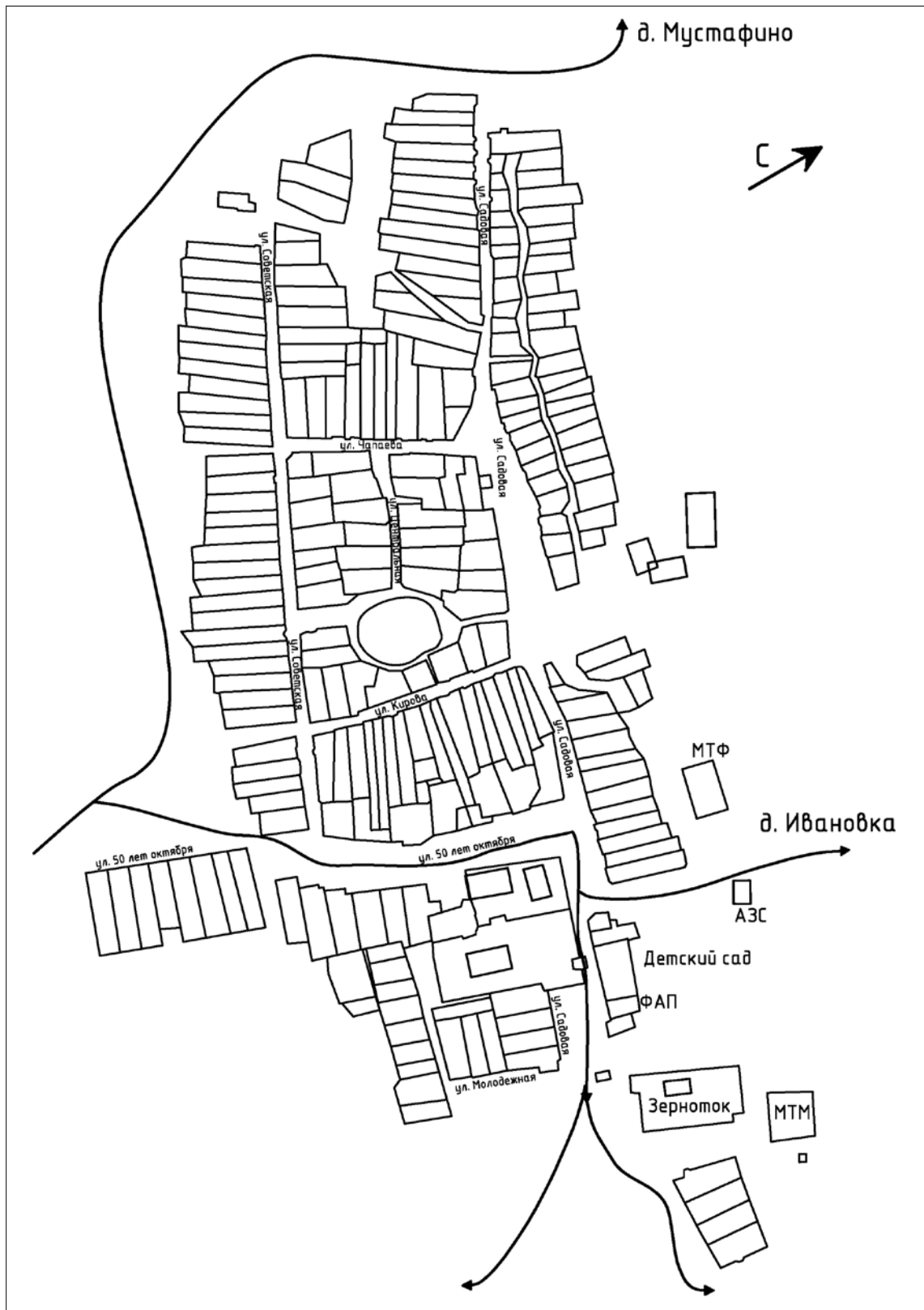

Рис. 7. Современная структура д. Кузбашево¹
РБ, Аургазинский р-н // Реконструкция автора и А. В. Маганёвой

¹ АЗС – автозаправочная станция, МТМ – автомастерская монтажно-тракторных механизмов, МТФ – молочно-товарная ферма, ФАП – фельдшерско-акушерский пункт.

Об улице упоминали в свадебных песнях, часть церемоний проходила на улицах. Супругов, пожелавших развестись, выводили на центр улицы, ставили спинами друг к другу, завязывали им руки. После разрезания узла они считались разведенными¹.

Таким образом, улицы в поселениях чувашей были не только местом расположения двора с жилыми, хозяйственными постройками, но и выполняли многие обрядовые функции. Улицы современного поселения реконструированы иллюстрацией (Рис. 7). На одной улице проживали родственными группами и конфессиональными общинами.

Праздники и обряды, так или иначе, имели связь с улицей: посещение родных, соседей, сбор продуктов, обсуждение новостей. В свободное время чувашаи встречались, молодежь начинала хороводы, старожилы обсуждали текущие дела. Улица влияла на решения сельского мира и играла важную роль во взаимоотношениях с другими населенными пунктами. Самостоятельная часть крестьянской общины имела право выбора и право для единоличных решений, что наглядно изображает обряд инициирования дождя. Уличная жизнь вводила определенный регламент, утверждавший поведение жителей поселения, связанный с традициями и нравственными представлениями чувашей.

Динамика поселений. Говоря о характеристике поселений, стоит обозначить такие её показатели, как число дворов и количество жителей. От этого напрямую зависели типы и структура населенных пунктов. Чувашаи проживали как в крупных поселениях, так и небольших деревнях. Г. Ф. Миллером подмечено, что чувашские поселения состояли из 20, 80 и 100 дворов. Деревня Пиктубаева превышала 200 крестьянских усадеб. Согласно его утверждениям, чувашаи проживали в крупных деревнях².

Условия расселения и размеры деревень и сел зависели от ландшафта, наличия пашенных угодий, лесных массивов, водных ресурсов. Благоприятные условия и стабильные отношения с землевладельцами способствовали росту поселения и увеличению числа жителей. П. С. Паллас, исследовавший территорию вдоль р. Черемшан, писал о черноземных пашнях и больших запасах леса. Чувашаи «здесь живут гораздо многолюднее, нежели на правом берегу Волги»³. «10–30 отдельно стоящих дворов вместе, образуют околоток, выселок; но есть много чувашских деревень и сел от 90–200 дворов», – сообщал А. Ф. Риттих о числе усадеб в чувашских поселениях⁴.

По сведениям А. А. Фукс, деревни чувашей объединяли 25, 30 или 40 хозяйств, но «в Цивильском уезде есть деревня Норваши, где 90 дворов». Околотки состояли из 7–9 подворий.

¹ Там же. С. 289.

² Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. С. 7; РАН. Ф. 21. Оп. 5.6. Л. 24 об.

³ Паллас П. С. Указ. соч. С. 135.

⁴ Риттих А. Ф. Указ. соч. С. 64.

Упомянуты селения в 10–30 усадеб¹. Добавим, что выселки были из нескольких хозяйств, а хутора объединяли в поселения. Они включали один, два либо три хутора².

В Заволжье поселения чувашей состояли из 40–50 дворов. Крупные села достигали 200–250 крестьянских усадеб. Деревни располагали довольно часто на небольших расстояниях друг от друга³. Особенность чувашских поселений заключалась в доступном нахождении между собой, что отличало их от деревень марийцев⁴. Свободное пространство в степных районах способствовало возникновению сел с большим числом дворов. В лесных районах поселения были не крупными, поскольку площади под них осваивали постепенно⁵.

Гнездовое расположение населенных пунктов, характерное для северо-западной территории Чувашии, отражалось на их масштабах. Центральное селение было крупных размеров, а дочерние деревни состояли из небольшого числа дворов⁶. Особенности исторического развития проявлялись и позднее. Поселения второй половины XX столетия имели широкий диапазон в размере от 50 до 1000 дворов. В Чувашии наиболее крупные села встречались в Батыревском р-не. Северные и северо-западные территории имели селения в 65–70 хозяйств (250–300 чел.). В центральных районах населенные пункты увеличиваются до 80 подворий, большие села достигали 120–150 усадеб⁷. Наиболее крупные пункты превышали 1000 дворов. Например, с. Старые Алгаши Цильнинского р-на Ульяновской области.

У чувашей, переселившихся на территорию современной Республики Башкортостан, размеры поселений, как и на исторической родине, были различны. Например, д. Ефремкино Дуван-Табынской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии по итогам X ревизии (1857 г.) состояла из 74 дворов, в которых проживало 189 мужчин и 180 женщин. В 1870 г. деревенское население состояло из 210 мужчин и 194 женщин⁸.

Встречались деревни и небольших размеров. Чуваша, переселившись в д. Алан-Елга Кичкиняшевской волости Белебеевского уезда, в 1883 г. совместно 4 дворами выкупили у муллы д. Турбеево 100 десятин земли, заплатив по 10 руб. за десятину. Задаток был внесен по 5 руб. за десятину. После смерти муллы, не оставившего наследников, чуваша продолжали пользоваться землей в течение 10 лет. По итогам судебных заседаний, состоявшихся в 1896 г., чувашей при-

¹ Фукс А. А. Указ. соч. С. 96, 120.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 71.

³ Комиссаров Г. И. Указ. соч. С. 351.

⁴ Сбоев В. А. Указ. соч. С. 18.

⁵ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 51.

⁶ Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965. С. 403–404.

⁷ Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 184.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 256. Л. 13.

знали собственниками. Землю выкупили 4 двора по 25 десятин, припустив на нее еще 4 двора. В 1898 г. в деревне проживал 41 чуваш¹.

О числе жителей в чувашских поселениях Оренбургской и Уфимской губерний свидетельствуют материалы, систематизированные Н. В. Никольским, хранящиеся в наши дни в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Сведения отражают картину, сложившуюся в селах и деревнях к 1911 г. Данные собраны училищными советами, исправниками и волостными правлениями (таблица №1).

Таблица №1. Поселения чувашей Оренбургской и Уфимской губерний² (1911 г.)

поселения	муж. православ- ные ³	жен. православ- ные	муж. традиц. религия	жен. традиц. религия
Оренбургская губерния				
Оренбургский уезд				
<i>Вторая Кипчакская волость</i>				
х. Давлеткировск	167	150	0	0
<i>Оренбургский поселок первой части</i>				
Оренбургский поселок: рус. православ. 5340 муж., 5463 жен.; рус. старообр. 156 муж., 171 жен.; татар мусул. 2628 муж., 2653 жен.	2	3	0	0
<i>Оренбургский поселок второй части</i>				
Оренбургский поселок: рус. православ. 1658 муж., 1542 жен.; рус. старообр. 37 муж., 39 жен.; крещеных татар 2 муж.; черемисы 4 муж., 6 жен.	4	7	0	0
<i>Бурзянская волость</i>				
Гнедязово: рус. православ. 157 муж., 132 жен.; рус. старообр. 12 муж., 15 жен.; башкиры 710 муж., 669 жен.; черемисы 2 муж., 2 жен.	30	25	2 ⁴	1
<i>Кананикольская волость</i>				
х. Александровск: рус. правосла. 22 муж., 24 жен.	16	9	0	0

¹ Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Отчет о командировке В. А. Абрютина. Уфа, 1898. С. 68, 75.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 343. Л. 52-68 об.

³ Сведения о количестве чувашей в поселениях (мужчин и женщин, исповедующих православие или придерживающихся традиционных обрядов и верований).

⁴ Чуваш, перешедшие в ислам, но отмеченные в источнике как приверженцы традиционной религии.

с. Ивано-Кувалат: рус. православл. 78 муж., 74 жен.	88	97	0	0
х. Надеждинский: рус. православл. 15 муж., 11 жен.	58	50	0	0
<i>Преображенская волость</i>				
с. Бердяш	659	656	0	0
<i>Тангауровская волость</i>				
х. Ново-Петровский: рус. православл. 414 муж., 380 жен.	14	11	0	0
д. Мухамедрахимова: рус. 62 муж., 56 жен.; татар мусул. 168 муж., 106 жен.	6	4	0	0
х. Яман Хаз	51	39	0	0
<i>Первая Усерганская волость</i>				
Ганка	70	67	0	0
х. Саратовский	81	83	0	0
Ново-Бидсеновский	65	54	0	0
<i>Вторая Усерганская волость</i>				
х. Александровский: рус. 21 муж., 28 жен.	165	166	1	0
Барнаковский: рус. 45 муж., 51 жен.	176	178	0	0
Дубиновский: рус. 133 муж., 143 жен.	28	10	0	0
Канчуринский: рус. 175 муж., 181 жен.	0	0	0	1
<i>Шестая Усерганская волость</i>				
д. Буказулово: рус. 7 муж.; татар мусул. 190 муж., 191 жен.	7	8	0	0
х. Ново-Петровский: рус. 70 муж., 76 жен.	117	100	0	0
Челябинский уезд				
<i>Метелевская волость</i>				
Метелевское: татар мусул. 347 муж., 312 жен.	4	3	0	0
Уфимская губерния				
Белебеевский уезд				
<i>Аксаковская волость</i>				
Малая Белебейка	191	193	0	0
<i>Альшеевская волость</i>				
Николаевка: чувашаи-сектанты 90 муж., 90 жен.	7	8	0	0
Николаевка-Чуюнчи	297	300	0	0
<i>Бакалинская волость</i>				
Бугабаш: рус. 35 муж., 33 жен.	69	70	0	0
Старые Маты: татар-кряшен 351 муж., 331 жен.	300	300	0	0
<i>Васильевская волость</i>				
Бижбуляк	584	590	0	0
Базлык-Васильевка	950	985	0	0

д. Елбулак-Антоновка: рус. 27 муж., 30 жен.	470	458	0	0
с. Зириклы	521	481	0	0
Ново-Седяк-Васильевка	243	259	0	0
Седякбаш-Яковлевка: рус. 40 муж., 45 жен.	342	309	0	0
<i>Бишиндинская волость</i>				
Каран-Бишинды: татар мусул. 251 муж., 250 жен.; черемисы язычники 23 муж., 18 жен.; черемисы отпавшие в мусул. 10 муж., 9 жен.	0	0	23	18
Липовый Ключ: татар. мусул. 167 муж., 166 жен.; чуваша отпавшие в мусул. 5 муж., 5 жен.	40	35	0	0
<i>Верхне-Троицкая волость</i>				
п. Никитинский: рус. 3 муж.	56	47	0	0
<i>Тайныямаковенская волость</i>				
п. Елапкуль	53	62	0	0
<i>Елизаветинская волость</i>				
д. Аделькино	407	403	0	0
д. Елань-Чишма	543	536	0	0
д. Ермолкино	576	529	0	0
д. Иделькино	260	239	0	0
д. Савкино	100	101	0	0
<i>Ермекеевская волость</i>				
с. Средние-Азналы Карамалы	290	287	0	0
<i>Заитовская волость</i>				
Ново-Узеево: рус. 160 муж., 150 жен.	100	90	0	0
<i>Казангуловская волость</i>				
Камчилы-Тишин: рус. 2 муж., 3 жен.	130	145	0	0
д. Камчадаево	—	—	—	—
<i>Киргиз-Миякинская волость</i>				
Кожай-Семеново	361	370	0	0
Кожай-Васильевка	339	367	0	0
Новые Кармалы	678	454	0	0
<i>Кичкинйашевская волость</i>				
д. Алан-Елга	22	23	0	0
с. Базгиево	305	312	28	23
д. Ново-Михайловка	189	157	0	0
д. Ново-Семенкино	410	402	0	0
д. Ново-Троицк	117	116	0	0
д. Ново-Юмашевка	87	84	0	0
с. Юмашево	681	668	0	0
<i>Менеузбашевская волость</i>				
Кайраклы	569	564	0	0
Кистенли-Богданово	823	911	0	0
Кистенли-Ивановка	343	334	0	0

Кожай-Икские Вершины	586	525	0	0
Кош-Елга	1083	1053	0	0
Малый Менеуз	319	398	18	20
Слакбаш	815	821	0	0
<i>Николаевская волость</i>				
Никитинка: рус. 65 муж., 86 жен.	205	185	0	0
<i>Семено-Макаровская волость</i>				
д. Верхняя Улу-Елга	328	317	0	0
х. Заряново	30	31	0	0
д. Зингиреево	163	162	0	0
д. Нижняя Улу-Елга	223	222	0	0
с. Семено-Макарово	462	449	0	0
д. Сукулова	224	230	529	566
<i>Тюменяковская волость</i>				
д. Верхне-Сардыкова: татар му- сул. 577 муж., 532 жен.; чуваш- шей отпавших в мусул. 6 муж., 9 жен.	59	47	0	0
д. Чувашский Чикан	125	119	0	0
д. Кучуково: татар мусул. 151 муж., 147 жен.	7	6	0	0
д. Дюртюли	417	401	0	0
<i>Чукадытамаковская волость</i>				
д. Васильевка: чувашей отпав- ших в мусул. 15 муж., 12 жен.	87	95	0	0
с. Ново-Семенкино	460	472	0	0
д. Старо-Семенкино: чувашей отпавших в мусул. 13 муж, 10 жен.	390	391	0	0
<i>Чермасовская волость</i>				
д. Михайловка: рус. 429 муж., 460 жен.	10	18	0	0
<i>Шаранская волость</i>				
Анисимова Поляна	172	155	0	0
д. Васильевка	220	198	0	0
д. Иштяг	110	106	0	0
д. Каракулька	53	56	0	0
д. Кучуково	71	78	0	0
д. Наратасы: татар мусул. 366 муж., 360 жен.	138	133	0	0
Ново-Александровка	93	97	0	0
Мензелинский уезд				
<i>Богодаровская волость</i>				
д. Коран Азиково	95	101	0	0
<i>Ерсубайклинская волость</i>				
Ерсубайкино: рус. 40 муж., 31 жен.	370	413	0	0
Клементейкино: рус. 212 муж., 160 жен.	370	413	196	239

<i>Заинская волость</i>				
д. Нижняя Сарапала: татар крещеных 351 муж., 350 жен.; татар мусул. 1 муж., 1 жен.	0	0	117	116
<i>Сухаревская волость</i>				
д. Нижняя Уратьма: татар мусул. 589 муж., 560 жен.	198	204	0	0
<i>Языковская волость</i>				
Драгун Бикмерево: рус. православ. 5 муж., 7 жен.; чувашей отпавших в мусул. 38 муж., 32 жен.	227	212	0	0
<i>Троицкая волость</i>				
д. Тузыйкино: рус православ. 105 муж., 118 жен.	185	154	0	0
Стерлитамакский уезд				
<i>Аллагуватовская волость</i>				
д. Аллагуватово: татар мусул. 1394 муж., 1436 жен.; чувашей отпавших в мусул. 7 муж., 8 жен.	206	208	0	0
д. Айгулево: рус. старообр. 165 муж., 164 жен.;	395	395	0	0
<i>Архангельская волость</i>				
Казанское товарищество	107	109	0	0
<i>Беченяг-Абукановская волость</i>				
Асавбашево	451	360	0	0
<i>Бишкаиновская волость</i>				
Антоновка	280	272	0	0
с. Бишкаин	780	785	0	0
Куезбашево	230	320	0	0
Малый Нагадак	105	212	0	0
Нагадак	443	582	0	0
Ново-Яредировка	420	534	0	0
с. Тряпино	743	719	0	0
<i>Дедовская волость</i>				
д. Кирюшкино	496	517	0	0
д. Новоселка	448	451	0	0
<i>Зирганская волость</i>				
с. Зирган: татар мусул. 727 муж., 858 жен.; чувашей отпавших в мусул. 157 муж., 201 жен.	92	103	0	0
<i>Ишпарсовская волость</i>				
Ишпарсовка	651	647	0	0
Манеево	422	412	0	0
Месели	705	691	0	0
Наумкино	808	809	0	0
Ташлыкулево	275	269	0	0
Турсагалино	206	210	0	0
Шланлы	473	492	0	0

<i>Кармышевская волость</i>				
Мраково: чувашей отпавших в мусул. 50 муж., 45 жен.	340	258	0	0
<i>Кугунинская волость</i>				
Ермово-Никольск	205	206	0	0
Карамалинское	13	13	0	0
Карамалы	683	682	0	0
Челатканово: татар мусул. 89 муж., 89 жен.	83	83	0	0
<i>Мелеузовская волость</i>				
Мелеуз: рус. православ. 1160 муж., 1173 жен.; рус. старообр. 60 муж., 52 жен.; татары крещенные 242 муж., 250 жен.; татар мусул. 396 муж., 399 жен.; чуваш отпавшие в мусул. 26 муж., 20 жен.	523	548	0	0
Преображеновка: рус. правос. 432 муж., 420 жен.	36	40	0	0
д. Татарский Куганак	90	98	0	0
<i>Федоровская волость</i>				
д. Текеева	711	739	0	0
<i>Петровская волость</i>				
Васильевка	329	364	0	0
Уфимский уезд				
<i>Булгаковская волость</i>				
д. Николаевка	393	394	0	0
с. Сихонкино	598	599	0	0
д. Ильтиряково	221	223	0	0
Камышлы	158	160	0	0
<i>Свято-Троицкая волость</i>				
п. Павловский	25	18	0	0
с. Чуваш-Кубово	750	743	0	0
Итого:	35450	34707	914	984

Таким образом, представленные в таблице материалы рисуют подробную картину, связанную с расселением и количеством чувашей в селах и деревнях в начале XX века. На данном примере хорошо отражено существование малых и крупных сел, что подтверждают численные показатели. К небольшим поселениям отнесем Елапкуль (115 чел.), Заряново (61 чел.), Алан-Елгу (45 чел.). Многолюдными были села Кош-Елга (2136 чел.), Бишкаин (1565 чел.), Чуваш-Кубово (1493 чел.) и другие.

Динамику численности населения проследим по результатам переписи 1920 г. Обратим внимание на Белебеевский уезд Уфимской губернии, наиболее плотно покрытый чувашскими селами и деревнями. По подсчетам М. И. Роднова в уезде проживали 38431 чувашей, сосредоточенных в этнически смешанных и самостоятельных селениях. Например, 261 чуваш прожи-

вал в 50 усадьбах Чуваши-Улкана Аднагуловской волости. Вместе с ними на одном дворе жили 4 кряшен. В Малой Белебейке Аксаковской волости 425 чувашей заселяли 74 подворья. Старые Маты Бакалинской волости включало 155 усадеб чувашей (814 чел.), 81 двор кряшен (469 чел.), 2 русских хозяйства (10 чел.). В Ахманово одноименной волости проживали 637 чувашей в 107 подворьях, 563 кряшен в 95 подворьях, 19 усадеб русских (97 чел.) и башкирская семья из 4 чел. В чувашском с. Зириклы было 195 дворов, в которых жили 1167 чел. Базлык-Васильевка состояла из 311 подворий чувашей (1787 чел.), 41 хозяйства татар (246 чел.) и 2 русских усадеб (16 чел.). Села Менеузбашевской волости включали Слакбаш из 361 двора с 1977 чувашами, проживавшими в них. В Кош-Елге насчитывалось 430 чувашских хозяйств и 2231 чел., 8 русских дворов (44 чел.), татарская семья из 4 чел. В Кистенли-Богданово было 232 чувашских двора (1372 чел.) и 2 русских усадьбы (17 чел.)¹. Добавим, что перечень поселений чувашей Белебеевского уезда Уфимской губернии воспроизведен частично.

В период экспедиции, организованной в 1929 г. П. А. Петровым-Туринге по чувашским селам и деревням Белебеевского кантона БАССР, в с. Кистенли-Богданово было 209 дворов. Чуваша проживали в 205 хозяйствах, русские – в 4. Семьи до 4 чел. занимали 82 усадьбы, 5–6 чел. – 76 дворов, более 6 чел. – 47. Число жителей Кистенли-Богданово заметно изменилось по отношению к 1920 г. Село Базлык объединяло 264 хозяйства и 1299 чел., в 262 дворах жили чуваша. 112 усадеб состояли из семей до 4 чел., 78 – из семей в 5–6 чел., большее число чувашей занимали 82 подворья².

Сведения о чувашских населенных пунктах, полученные участниками экспедиции, посетившей в 1962 г. чувашей Башкирской АССР и Оренбургской области, содержат материалы о числе дворов и населении. Вот некоторые примеры. Деревня Асавбашево Аургазинского р-на объединяла 156 хозяйств с 320 жителями. Соседняя д. Шеверли имела 91 двор, в которых проживал 421 чел.

В с. Слакбаш Белебеевского р-на входили 208 усадеб (867 чел.). Большое поселение подарило жизнь новым населенным пунктам. Так, в 1919 г. из с. Слакбаш выделились 6 дворов в п. Новый Слакбаш. В 1922 г. возникла д. Чубукаран из 22 хозяйств и 3 семьи создали п. Соловьевка. Следующим возник п. Степановка, собравший в 1923 г. 29 дворов. 36 хозяйств в 1927 г. объединились в д. Канаш. В этом же году 42 семьи обосновались на месте будущего п. Красный Яр (сейчас д. Краснояр). 11 хозяйств с. Слакбаш в 1922 г. отправились в Сибирь. Крупным было с. Аделькино, состоявшее из 160 подворий³.

¹ Роднов М. И. Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав. М., 2009. С. 24-119.

² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. Л. 1.

³ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 7, 9, 54, 57, 87.

До настоящего времени чуваши, проживающие в сельских поселениях Республики Башкортостан, преобладают числом над чувашами-горожанами. В городах насчитывается 46597 чувашей, а в сельской местности – 60853 чел.¹. В муниципальных районах чуваши сосредоточены в крупных селах и небольших деревнях. Существование разных населенных пунктов связано с развитием инфраструктуры, экономической жизнью, объективными историческими событиями, многочисленными факторами, индивидуально характеризующими поселения.

Наибольшее количество чувашей проживает в Аургазинском р-не РБ в таких населенных пунктах, как с. Бишкаин (1150 чел.), с. Месели (592 чел.), с. Шланлы (702 чел.), д. Чувашский Нагадак (408 чел.). В районе встречаются и малые чувашские поселения: д. Ивановка (83 чел.), д. Культура (47 чел.), д. Поташевка (25 чел.), д. Утаркуль (68 чел.) и многие другие². Подобная ситуация аналогична и для иных районов РБ.

Поселения, имеющие давнюю историю, являются более крупными. К таковым относятся села и деревни Бишкаин, Наумкино, Новофедоровка, Чуваш-Карамалы, Шланлы и прочие в Аургазинском р-не, Старые Маты Бакалинского р-на, Слакбаш и Ермолкино Белебеевского р-на, Бижбуляк, Базлык, Кистенли-Богдановка, Кош-Елга и Зириклы Бижбулякского р-на, Антоновка и Мраково в Гафурийском р-не, Суккулово в Ермекеевском р-не, Сихонкино и Ефремкино в Кармаскалинском р-не и т.д.³.

Таким образом, поселения чувашей, как на исторической родине, так и в Республике Башкортостан, были неоднородны. Чуваша проживали совместно с другими народами и в моноэтнических населенных пунктах. Большие села имели крепкую экономическую основу, были многолюдны и играли роль административного центра для близлежащих населённых пунктов. В некрупных деревнях и поселках дворов, естественно, было меньшее количество, как и число жителей. На рост поселения влияли исторические события, например, недавно возникший поселок и естественно-географические условия: свободные земельные площади в степи, а в лесах – небольшие участки. Доступность воды также обеспечивала рост деревни.

В целом, если провести параллели между сельскими поселениями Чувашии и селами, деревнями и поселками чувашей в Республике Башкортостан, то можно выявить общие черты, взаимно их характеризующие. Способствовали этому не только внешние факторы, влиявшие на динамику развития поселения, но и сохранение традиций.

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан. Режим доступа: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/7ba81d004e64acd68cc5ef211f. С. 12-18.

² Численность населения по населенным пунктам Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. С. 22-24.

³ Иванов В. П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары, 2005. С. 320.

1.3 Общесельское пространство и сооружения

Единоличное и общественное пространство – характерная черта чувашских деревень и сел. Дворы вместе с постройками и приусадебными участками составляли личную территорию, принадлежавшую роду и семье. Одновременно поселения имели места коллективного сбора жителей, культовые сооружения и общие постройки, отвечавшие нормам жизнедеятельности, традиционному мировоззрению, религии. К подобным объектам относятся гумно, околица, мост, кладбища, качели, церкви, мельницы, кузницы, сельские амбары и магазины. Позднее появились пожарные сараи, учреждены школы, больницы и почтовые отделения, в советское время были организованы клубы (нередко в зданиях закрытых церквей).

Гумно. Земельные наделы чувашей, как и среди других народов, занятых сельскохозяйственными работами, обязательно включали в себя гумно. Это – участок, нередко огороженный, предназначенный для хранения собранных снопов, их обмолота и других видов обработки. Здесь строили овин для сушки снопов, позднее – ригу, а также мякинницу, в которой хранили производственный инвентарь, иногда молотили хлеб. Гумно подразумевало собой не только земельный участок, но и молотильный ток, ровную площадку¹.

Чувашский язык располагает несколькими вариантами лексики для обозначения этого объекта. Основные из них – *авӑн карти* и *анкарти*. Буквально означают «овинная ограда» и «ограда загона». Другое название – *йӗтем* (диалектное произношение *итем*)². Аналогично у восточно-финских народов. Например, Г. Е. Верещагин считал «равнозначными» словами марийское *идым* и удмуртское *итым*, обозначавшими гумно³. Поскольку под гумном подразумевали не только определенный земельный участок, но и постройку, в которую свозили и молотили снопы, использовали сочетание *мӑн кӗлет* «большая клеть».

Относительно терминов *авӑн карти*, *анкарти* имеются две точки зрения. По мнению В. Г. Егорова, основу дало русское слово *овин* → *авин* → *авӑн*⁴. К нему присоединилось *карта* «изгородь, ограда». А. К. Салмин связывает происхождение слова *анкарти* с *ана* «загон» и *карта* «изгородь, ограда», основывая предположение на идее ограждения и защиты культурного пространства от вредоносных явлений⁵.

¹ Wichmann Yrjö. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903. S. 60.

² Егоров В. Г. Указ. соч. С. 19, 80.

³ Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Этнографические очерки. Ижевск, 1997. Кн. 1. С. 34.

⁴ Егоров В. Г. Указ. соч. С. 19.

⁵ Салмин А. К. Указ. соч. С. 542.

Для охраны гумна (не только от вредоносных сил, но и в практических целях) предназначался забор, а в сторону улицы либо поля сооружали ворота¹. Посредине тока устанавливали столб, служивший основой несущей конструкции².

Гумно и огород занимали примерно $\frac{1}{4}$ часть чувашской усадьбы, остальная площадь была под хозяйственными постройками и чистой половиной двора. В зависимости от расположения и структуры поселения гумно находилось на одной из сторон усадьбы или все гумна отдельного населенного пункта располагались в стороне вдоль деревни³. Сказывалось влияние ландшафта и устройство подворий. Аналогичная ситуация была и среди чувашей Республики Башкортостан. Здесь гумна огораживали неподалеку от усадеб или, наоборот, за околицей деревни, если земельные участки односельчан располагались кучно⁴. Устройство гумна было типовым и характерным для народов-земледельцев, его местонахождение также отвечало требованиям этого занятия. Главным условием являлось близость поля, гумна и усадьбы, куда свозили зерно. Естественно, учитывалось удобство для транспортировки. Например, тептяри старались засеивать участки рядом с дворами, а молотили прямо на пашне⁵.

Помимо места для обработки зерна, гумно использовали при складировании необмолоченных снопов, что иллюстрирует следующий отрывок. «Излишки хлеба чувашаи раньше хранили на гумне в копнах. Оставлять пустым гумно по мнению чувашина нельзя, – оно будет скушать, а последствия этого могут быть не совсем благоприятными для хозяина. Поэтому каждый чувашин старается оставить на гумне до следующего урожая хоть маленькую копешку, а если этого нельзя сделать, то оставляет необмолоченный сноп на высоком месте»⁶.

Сноп на вершине овина, по словам В. А. Сбоева, был отличительным признаком поселения чувашей, «смело заключайте отсюда, что это селение чувашское, а не татарское, и не русское»⁷.

Привезенный хлеб молотили, необмолоченные копны собирали в клады, называвшиеся *капан*. Они состояли из основания (6 деревянных чурбаков), уложенных на него прочных жердей и пологого конуса из снопов, который затем обкладывали. Клады, предназначенные для обмолота в ближайшем будущем, делали небольшими, а весь остальной запас мог простоять в копнах, вмещавших до двух тысяч снопов. Такие запасы сохраняли качество зерна, страховали

¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. 1-2. С. 250-251.

² Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. 3. С. 153.

³ Матвеев Г. Б. Материальная культура чувашей. С. 45.

⁴ Петров И. Г. Указ. соч. С. 15.

⁵ Якупов Р. И. Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. М., 2001. С. 143.

⁶ Евсеев М. Е. Отдел приволжских инородцев (чувашаи, черемисы, мордва, вотяки) // Выставка культуры народов Востока: (Путеводитель по выставке). Казань, 1920. С. 73.

⁷ Сбоев В. А. Указ. соч. С. 46-47.

на случай пожара, защищали от воровства, т.к. хлеб из амбара могли увезти, а необмолоченные снопы составляли неудобство при обращении с ними¹.

Сложенные снопы молотили по мере необходимости. При нехватке денег и неуплате налогов чуваш «опрометью бросается на гумно, если у него хлеб неперемолочен, расчищает ток, намолачивает хлеба и отвозит его на пристань или базары в город»².

Молотьбу проводили цепами (Рис. 1). Накануне ток очищали и раскладывали снопы в два ряда – колосья одного ряда обращали к колосьям другого³.

При этом пели:

На гумно придешь – отчего хорошо,
на гумно придешь – отчего хорошо?
От звуков цепов хорошо,
от звуков цепов хорошо⁴.

Другую форму молотьбы проводили лошадьми. «Среди гумна утверждают столб, на верхней зарубине которого кладут движущееся деревянное кольцо; к кольцу привязывают веревку, а к веревке двух лошадей рядом. Около столба расстоянием на сажень кладут развязанные снопы, так чтобы лошади всегда ходили по оным. Лошадей гоняют круг столба, которые своими копытами топчут колосы, ту же отправляют должность, какую отправляют цепи», – писал И. И. Лепёхин о таком виде обмолота зерновых среди черемшанских чувашей⁵.

Крытые тока на гумне были в хозяйствах зажиточных крестьян. Постройка состояла из высоких столбов, на которые ставили стропила и перекрывали соломой. Ровную площадку тока и пространство рядом со столбом *аван юпи* «столб для конной молотьбы» готовили заранее – срезали верхний слой земли, заросший травой, поливали водой и утрамбовывали толкушкой⁶. Подобные подготовительные работы совершали и татары. Молотьба в теплое время года проходила под открытым небом, зимой – в специальных сараях. Для твердости поверхности в холода ток заливали водой⁷. Чувашаи иногда вместо устроенного тока сбивали плотный дощатый пол, на котором молотили и провеивали зерно⁸. Помост, вероятно, был наиболее прочен и удобен в сельскохозяйственных занятиях.

¹ Чувашаи: история и культура. Чебоксары, 2009. Том 1. С. 230-231.

² РНБ. Q.IV. 379. Л. 5 об.

³ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 103.

⁴ Воробьев В. П. Чувашские народные песни. Чебоксары, 2011. С. 183.

⁵ Лепёхин И. И. Указ. соч. С. 146.

⁶ Чувашаи: история и культура. Том 1. С. 230.

⁷ Воробьев Н. И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры до-октябрьского периода). Казань, 1953. С. 90-91.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 219. Л. 66.

Описывали гумно так: «Оно (гумно. – *В. М.*) кругом обсажено растущими деревьями. Деревья придают гумну красоты и служат защитой от пожаров. На гумне находятся копны (капан). Они величины бывают различной, то в 10 только снопов, то в 25»¹. Как правило, гумно обсаживали ветлами и березами².

Рис. 1. Молотьба на гумне (БАССР, Стерлитамакский кантон, 1930 г.)
Фото А. С. Бежковича // НА ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 34

Обратим особое внимание на описание ворот, ведущих на гумно. Центральные ворота находились на противоположной от овина стороне. Они «бывают в 4–5 аршин шириною при саженой и более высоте; они двигаются при открывании и закрывании на толстой верее, представляющей вертикальную по середине проходящую ось, через которую продеты вверху и внизу две поперечные толстые рамы, края которых в свою очередь скреплены двумя вертикальными рамами; на этом остоле прибиты с одной, внешней, стороны вертикально поставленные тонкие доски. До нижнего края отверстия для этих ворот в стене идут от земли два или три венца бревен, и, таким образом, уже на втором или третьем бревне, в углублении посредине, ставится

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 28-29.

² Комиссаров Г. И. Указ. соч. С. 351-352.

нижний конец вереи (“пята”) ворот: верхний же конец этой вереи вплотную притянут к стенке над отверстием для ворот с помощью деревянного крюка, скобы или кольца. Когда ворота открыты, то одна половина их оказывается внутри, а другая вне гумна. Через такие ворота проезд совершенно невозможен, и даже неудобен проход»¹.

Наиболее часто гумно располагали за огородом². Чуваши старались разместить вместе участки под двор и постройки, огород и гумно, а землю под конопляники отводили в поле³.

В коллекциях Российского этнографического музея находится фигура *Йёрёха*, божества, помогавшего в лечении глазных болезней. Называли его *Ангарды* от слова *анкарти* «гумно», т.к. божество обитало на гумне. Это глиняная антропоморфная фигурка, раскрашенная позолотой⁴. Пространство гумна занимало божество «8-го разряда» *Итем перекечё*⁵. О спорынье *Идэмь перегечь*, приносящем удачу, успех в делах и прибыль, писал В. К. Магнитский⁶.

Чуваши просили помощи и в своих молитвах: «Когда привезем (хлеб) на гумно, дай спорынью (т.е. изобилие) на гумне»⁷. Подобные обращения имели разные локальные варианты, но смысл был един⁸. Удмурты осенью на гумне (в овине или риге) с целью получения хорошего урожая совершали моление *итым вёсь*⁹. На праздник *шийлык* (= *шиллык*) кряшены Бакалинской волости Белебеевского кантона БАССР собирались на гумне¹⁰. Событие посвящали севу, росту и уборке урожая. Чуваши с той же целью проводили *шилёк пйтти*¹¹.

Закончив со страдой и сложив снопы на гумно, «выходят паки в поля, в которых у них бывают огорожены высокие деревья – называемая киреметь, и вводят в тое киреметь подобно означенному животное и тем же манером режут, как упомянуто и выше, и жертву приносят богу ж, вменяя такое благодарение, что бог дал много хлеба и скот через весь год был безвредно, а кожи оных животных вешают в тех киреметях на деревья»¹².

На гумно чувашские девушки приходили гадать. Зубами вытягивали хлебные колосья, а затем рассматривали их дома. Если на стебле было много зерна – то быть богатой, а если мало –

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 219. Л. 66.

² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 706. Л. 7.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 215.

⁴ РЭМ. 967. № 1 а, в, с.

⁵ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 153.

⁶ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 89.

⁷ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1-2. С. 251.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 6. Л. 600; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 23. Л. 218; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 24. Л. 574.

⁹ Садиков Р. Р. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). Уфа, 2010. С. 41.

¹⁰ Коваль И. Обряды крещеных татар (именуемых кряшен) // Краеведческий сборник. № 3–4. Уфа, 1930. С. 84.

¹¹ Салмин А. К. Указ. соч. С. 124-125.

¹² СПбФ Архива РАН. Ф. 21. Оп. 5.149. Л. 115 об.-116.

значит бедной¹. Удмуртки на гумне гадали о будущем, около полуночи ходили на гумна и слушали, не звенят ли где-нибудь колокольчики. Если услышат звон, то полагают, что одна из них выйдет в том году замуж².

Таким образом, гумно как часть усадьбы и одновременно самостоятельная постройка было тесно связано с сельскохозяйственными занятиями чувашей. Территория предназначалась для хранения привезенных с поля снопов и их молотбы. Для этого делали ток под открытым небом или, в зажиточных семьях, в специальной постройке. В зависимости от структуры поселения гумно размещали рядом с огородом и двором или на окраине деревни, в этом случае совместно находились участки всех односельчан. Заботясь о собственном благополучии и стабильном урожае, в молитвах упоминали гумно и сложенный здесь хлеб. Для этого же оставляли необмолоченный сноп, посвященный потусторонним силам, обитавшим на гумне.

Околица и полевые ворота. По мере организации жизненного пространства и освоения территории (усадьба, загоны для скота, поселение, культовые объекты) человек старался огрადить свою собственность, защитить её от посторонних и вредоносных сил. Ставили изгороди, окружив место жительства и свое имущество, и чувашаи.

Изгородь, ограда, забор, прясло служили для охраны жилого и хозяйственного локуса. Чувашаи возводили их самостоятельно либо всем миром. Например, у Мало-Оринского общества (сельской общины. – В. М.) полевая изгородь вокруг деревни распределялась на всех её членов. В д. Синьялы домохозяину отводили по три сажени ограды. В случае убытков, нанесенных за счет сломанного прясла, например, от прорвавшегося скота, отвечал и расплачивался владелец поврежденного участка³.

В чувашском языке для названия ограждения используется слово *карта* «изгородь», «ограда». Одновременно термин обозначает «скотный двор», «хлев», «круг», «огород». Происхождение *карта* связано с глаголом *кар* «загораживать», «отгораживать», изменённого при помощи аффикса *-та*⁴. Существуют аналогии у финно-угорских народов⁵.

Кар означает «огородить, сделать ограду». Помимо финно-угорских языков слово распространено среди индоевропейцев и народов Кавказа. Так, в разных вариантах встречается в латин. *hortus* «огороженное место», греч. *hortos* «ограда», гот. *gards* «огород, город», грузин. *карта* «огороженное место для скота», осетин. *кiрт* «двор» и т.д. Слово обозначает ограду и по-

¹ Салмин А. К. Новогодние гадания о будущем у чувашей // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам: сб. науч. ст. СПб., 2012. С. 120.

² Гаврилов Б. Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. С. 160.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 222.

⁴ Егоров В. Г. Указ. соч. С. 91.

⁵ Wichmann Yrjö. Указ. соч. S. 69-70.

стройку¹. Чуваши *карта* называли и хлев без сруба и крыши, обнесенного лишь частоколом². Из чувашского языка *карда* (*калдас*, *калдус*, *гарда*) «задний двор», «загон для скота», проникает в обиход русских крестьян Оренбургской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской губерний³.

Для ограды поселения и усадьбы служили несколько разных типов изгородей, воздвигнутых из разнообразного строительного материала, что объясняется степенью достатка семьи и естественно-географической средой. Околицу деревни, гумно и огород загораживали изгородью *вёрлэк карта* «пряслем из жердей» (Рис. 2)⁴.

Рис. 2. Изгородь из жердей *вёрлэк карта*
(РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш, 2009 г., фото автора)

Чувашские поселения, как деревни и села соседних народов, были обнесены полевой изгородью, поскольку «за деревней сейчас же начинается пашня, которую надо беречь от скота»⁵. *Укълча* «околица», «полевая ограда», состояла, как правило, из прясла из жердей *вёрлэк карта*. Изгородь была немислима без полевых ворот, ведущих в деревню (*ял хапхи*, *уй хапхи*, *укълча*

¹ Салмин А. К. Чувашско-осетинские параллели // Известия СОИГСИ. 2011. № 5 (44). Режим доступа: <http://izvestia-soigsi.ru/archive/2011/107-article2>. С. 21.

² Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. 6. С. 111.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е–Муж). М., 1986. С. 196–197.

⁴ Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 44.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 73.

ханхи). Околица защищала будущий урожай и, одновременно, символизировала границу между пространством поселения и внешним миром.

И. И. Лепёхин, рассказывая о чувашских, мордовских и татарских селах, подчеркнул наличие особой ограды, «которая околицею называется, и состоит из жердей». Упомянуто и ее предназначение, а именно, защищать засеянные поля от домашнего скота¹. За такой изгородью домашний скот бродил без пастуха².

Сюжет приведен в поэме «Нарспи»:

Ял (деревня. – В. М.) Сильби богат и славен,
Как хоромы, встали избы,
Пьют прохладу старых ветел.
Новой ивовой оградой
Он затейливо охвачен.
Семь ворот – твердынь из дуба –
На семи концах деревни,
Будто псы сторожевые³.

Околица, опоясывающая поселение, считалась рубежом, который преодолевали рекруты, уходящие на военную службу, и молодые девушки, выданные замуж в иной населенный пункт. Прощание с родной деревней происходило именно на этой границе.

Так, в песне говорится:

Вышел я из дверей, поклонился – расстался с отцом и матерью;
вышел я из сеней, поклонился – расстался со старшим братом и его женою;
завернул я за угол и поклонился – расстался я со своими друзьями;
вышел я за околицу и поклонился – расстался со всею деревнею;
вышел я в поле и поклонился – расстался с землею и с водою⁴.

Пересечение полевой ограды поселения приравнивалось прощанию с родными местами, началом нового пути в чужом, неизведанном пространстве. Чуваша Тетюшского и Бугульминского уездов у ворот окончательно расставались с новобранцами. Крестьяне и целую воротные столбы, они прощались, провожающие в ответ желали легкой дороги и службы. Например, в Цивильском и Ядринском уездах провожали за околицу и расставались у загона, принадлежащего семье рекрута. Прочитав молитвы и совершив необходимые обрядовые действия (обход транспорта, бросание яйца, коленопреклонение), новобранец отправлялся в путь, а родные и

¹ РАН. Ф. 3. Оп. 30.4. Л. 60 об.

² Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 3. С. 244-245.

³ Иванов К. В. Указ. соч. С. 6.

⁴ Ашмарин Н. И. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. Казань, 1900. С. 49.

односельчане возвращались домой¹. До сих пор на околице с призывниками прощаются чувашки Республики Башкортостан.

В д. Сесмеры Ядринского уезда Казанской губернии рекрут, выезжая из полевых ворот, обязательно крестился. Окончательное прощание происходило у загона: «Затем упал ниц и поцеловал родную землю. Его (новобранца. – В. М.) подняли и усадили на сани». Известно поверье, согласно которому рекрут не должен сам подниматься, вставать на ноги, поскольку он может не вернуться².

Проходя по деревне в последний раз, новобранцы шли первыми, за ними следовали провожавшие. Мальчикам запрещали выбегать вперед, т.к. в таком случае они обязательно отправятся на военную службу. Простившись у полевых ворот, рекрут подкидывал монету, «орел – значит к добру, а если решка, то худо». Затем монету выбрасывали. Такие деньги называли *хаяр укши*³. Их жертвовали и в случае болезни⁴.

Околица и ворота занимали особое место в свадебных торжествах. Довольно емко о них было сказано А. А. Фукс. Побывав у чувашей в гостях, она застала стариков, совещающихся по поводу намечавшейся свадьбы: «Как можно делать свадьбу, не выехавши из полевых ворот... было решено так, чтобы свадьба со всем поездом выехала непременно из деревни, объехала ее кругом и возвратилась бы с другого конца, въехав в другие ворота. – Въехать свадьбе в одни и те же ворота у чуваш считается также дурным знаком»⁵.

Свадебный поезд невесты ехал только до околицы или полевых ворот, попрощавшись здесь, родные возвращались домой⁶. Покидая родину, невеста бросала монету, чтобы жених был богат и новая семья жила благополучно⁷. У марийцев молодая три раза раскидывала через левое плечо соль или щепотку измельченного банного камня⁸.

У полевой изгороди свадебная процессия останавливалась. Жених трижды символически ударял невесту плетью, «что она при всяком разе охала (это для того, чтобы она забыла девичью волю и привыкала к чужой стороне)»⁹. Плеть в деревне могла храниться у одного человека,

¹ Никольский Н. В. Собрание сочинений. Том I. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары, 2004. С. 361.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 168-169.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 45, 134.

⁴ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 2000. Т. 15-16. С. 10.

⁵ Фукс А. А. Указ. соч. С. 27.

⁶ Сироткин М. Я. Чувашский фольклор: Очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары, 1965. С. 31.

⁷ Осипов А. А. Чувашская свадьба: Обряд и музыка свадьбы вирьял. Чебоксары, 2007. С. 72.

⁸ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005. С. 169.

⁹ Фукс А. А. Указ. соч. С. 65.

вручавшего её женихам к свадьбам¹. Символические удары молодого должны были отогнать нежелательных духов и очистить невесту от девичьих шалостей. После этого обращались лицом к востоку и произносили молитвы. В последний раз угощали друг друга, а у околицы свадебный поезд разделялся².

Свадебный кортеж мариЙцев заезжал в ближайшие деревни, жители которых встречали молодоженов у полевых ворот. Въехав в ворота, свадьба останавливалась, подавали пиво и угощения. Начинались песни, танцы, молодожены посещали родственников. Попировав, отправлялись дальше³.

Чуваши использовали границу поселения и в цикле похоронно-поминальных обрядов. В доме только что умершего человека резали курицу, а также катали яйцо в сторону двери, затем выбрасывали за околицу, «дабы умерший укатил и улетел без возврата»⁴. Такая жертва, по мнению чувашей, способствовала мирному переходу души в иной мир⁵. Вещи покойного, лубок и солому, использовавшиеся при обмывании тела, родственники выбрасывали за полевую ограду⁶. При совместном поминании усопшего, продолжавшегося в зажиточных семьях несколько дней (неделю), в завершении отправлялись за околицу. С собой несли часть приготовленных кушаний. За изгородью прощались с покойным, пели и танцевали, тем самым провожая обратно в загробный мир⁷.

Полевая изгородь и ворота использовались в обряде *хёр аки* «Девичья пашня» либо *тимёр карта* «Железная ограда». Смысл заключался в опахивании поселения и создании символической ограды. Обрядом руководили старик или старуха, главными участниками были девушки в количестве сорока или сорока одной. Они проводили борозду вокруг деревни, местами закладывая в землю куски железа, что повлияло на название этого действия⁸. По сообщению В. К. Магнитского, перед началом процессии староста расставлял у полевых ворот сторожей, ограничивавших движение за пределами поселения. Подтверждением обряда «у чуваш служат борозды вокруг каждой деревни»⁹.

Околицу и ворота как неременный атрибут прошлого в своих воспоминаниях отмечали наши информанты. В с. Чуваш-Карамалы Аургазинского р-на РБ попасть можно было только

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 354.

² Никольский Н. В. Указ. соч. С. 371.

³ Фукс А. А. Указ. соч. С. 231.

⁴ Вишневский В. П. Указ. соч. С. 21.

⁵ Риттих А. Ф. Указ. соч. С. 119.

⁶ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 92.

⁷ Вышеславцев А. Похоронные и поминальные обычаи некрещеных чуваш Симбирской губернии во второй половине XVIII в. // Известия РГО. СПб., 1884. Т. XX. С. 279.

⁸ Салмин А. К. Система религии чувашей. С. 111-115.

⁹ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 136.

через ворота. Выходя из поселения, их закрывали. Подобной оградой обнесли и с. Месели. «Концы улиц *укълча* были с воротами из жердей *укълча ханхи*, на ночь их закрывали», – рассказывает краевед И. В. Ефимов (1947 г.р.). Следили за этим сторожа, охранявшие покой села по ночам. На рубеже 20–30-х гг. XX в. ночной обход поселения с трещоткой прекратился¹.

Деревни изгородью окружали марийцы, удмурты, татары. У пермских татар, например, для ограды использовали прясло и плетневый забор. Как и чуваша, они возводили общую изгородь совместными усилиями односельчан². У народов околица имела предназначение. Удмуртская молодежь играла здесь летними ночами, а мордва в период святок у околицы собиралась в хороводы³.

Помимо ограждения усадьбы, поселения, изгородь была свойственна культовым местам. Сейчас повсеместно забором обносят кладбища. В прошлом ограду могли поставить вокруг киреметища, где проходили общественные жертвоприношения⁴.

Обратим особое внимание на устройство полевых ворот – *ял ханхи*, *уй ханхи*, *укълча ханхи*. Необходимо уточнить, что приведенные названия не полные, поскольку одновременно бытовало большое количество локальных вариантов и их производных. Многие отражены в работах Н. И. Ашмарина⁵.

«Все деревни, которые я видел, обнесены красиво плетеною изгородью. При въезде в деревню и выезде из нее стоят ворота. Они вращаются около среднего столба и отворяются на обе стороны. При каждых воротах есть небольшой шалаш», – писал барон Август Гакстгаузен, побывав в чувашском поселении⁶. У полевых ворот рубили небольшой сруб, в котором летом жил сторож, оберегавший посеы от животных. Чуваша верили, что у деревенских ворот обитает божество *Пирёшти*, защищавшее поселение от несчастий⁷.

Чуваша называют домашние ворота *ханха*, таким же термином русские Казанской губернии обозначали околичные ворота, поставленные на границе поселения⁸.

Что представляли собой полевые ворота, ведущие в деревню или село? Изгородь, как правило, ставили в виде прясла *вёрлэк карта*, но использовали все подручные материалы (Рис. 3–

¹ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Чуваш-Карамалы, с. Месели).

² Мухаметшин Ю. Г., Халиков Н. А. Поселения, усадьбы, строительная техника жилища (конец XIX – начало XX вв.) // Пермские татары. Казань, 1983. С. 43.

³ Загребин А. Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. Ижевск, 1999. С. 136; Мельников-Печерский П. И. Очерки мордвы. М., 2012. С. 79.

⁴ ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 2.1453. Л. 18.

⁵ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 3. С. 170, 198; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 4. С. 177; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 9-10. С. 5.

⁶ Гакстгаузен Август. Указ. соч. С. 347-348.

⁷ Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш. С. 34, 51.

⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. (Т–ящур). М., 1987. С. 222.

4). Наиболее простым типом ворот были *вёрлѣк хапхи*, *сил хапхи*, представлявшие звено прясла. Жерди и тес крепили горизонтально по отношению к вертикально установленному столбу. Второй столб ворот свободно двигался в пространстве. Удерживал ворота врытый столб (Рис. 3).

Рис. 3. Улица с изгородью и воротами (Казанская губерния, Козьмодемьянский уезд)
Фото И. К. Зеленова // МАЭ РАН. Фонд Европы. Коллекция № 1700-69

Рис. 4. Жители чувашской деревни на околице во время проводов в солдаты
// Из собраний А. К. Салмина. № 207

Несколько иным типом были полевые ворота, имеющие П-образную конструкцию. Такие ворота представлены на иллюстрации (Рис. 4). На массивных столбах укладывали горизонтальное бревно, придающее П-образный вид. К основе крепили два вертикальных бруса с прибитыми жердями. Это звено служило воротами, свободно вращаясь в стороны. Именно такими изобразил околичные ворота Н. В. Никольский¹.

Полевая изгородь и ворота были связаны между собой. Для усадьбы и забора, опоясывающего деревню, было характерно прясло. Изгородь ограждала пространство, освоенное жителями поселения, предохраняя от несчастий. Как граница усадьбы, так и граница поселения служили рубежом внешнего мира. Функция отделения «своего» культурного пространства от «чуждого» внешнего, транслируется похоронно-поминальной и свадебной традициями. Показательна она в обряде *хёр аки* и проводах рекрутов.

Мост. Традиционная культура регламентировала расположение поселений, что отвечало повседневным потребностям и мировоззрению людей. В представлениях чувашей деревни и села должны были находиться в укромных местах, подальше от любопытных взглядов. Об этом во время похода на столицу Казанского ханства князь А. М. Курбский писал: «А сел со живущими зело мало: понеже у них (чувашей. – В. М.) села при великих крепостях ставлены и незримы, аще и по близку ходящим»². Одним из условий развития поселения было наличие водоема – реки, озера, родника, ключа и т.д. Нередко разные концы поселения находились на двух берегах одной реки, в таком случае их соединял крепкий мост.

Помимо водоемов мосты проходили через овраги и иные естественные препятствия, встречавшиеся на пути в селение и внутри него. Например, через высохшее русло реки. Деревни по склонам оврагов, как по берегам рек и озер, отвечали требованиям традиционного мировоззрения чувашей.

Одна из версий происхождения слова *кёпер* «мост» связана с греческим языком³. Однако, Р. Г. Ахметьянов считает такое предположение ошибочным и проводит языковую связь со словом *кõпур* «кожаный мешок, набитый соломой», применявшийся при водных переправах. Подтверждают это алтайский и хакасский термины *кõгәр* «кожаный турсук», кабардино-балкарский *кюбюр*, *кõбур*, *кõмур* «сундук», киргизский *кõмуркõй* «сундучок из верблюжьей кожи» и т.д. Слово с таким значением, помимо чувашского, встречается в башкирском, татарском, марийском, тувинском, хакасском и других языках⁴.

¹ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 34.

² Князь А. М. Курбский и царь Иоанн IV Васильевич Грозный. Избранные сочинения. СПб., 1902. С. 12.

³ Егоров В. Г. Указ. соч. С. 106.

⁴ Ахметьянов Р. Г. Указ. соч. С. 134-135.

Две теории происхождения и развития слова *köpür* «мост» объединяет И. Н. Шервашидзе. Термин известен в древнетюркском языке предположительно с VIII в., а в XI в. он окончательно закрепился. По мнению ученого «немногие общетюркские грецизмы проникли в тюркскую языковую среду через какой-то, пока еще не идентифицированный промежуточный источник». Возможно, существовал язык-посредник¹.

Под мостом подразумевается сплошной настил из досок, бревен, брусьев для конного и пешего перехода. Постройку ставили поперек реки или оврага (Рис. 5). Поэтому чувашки термином *кёпер* одновременно обозначали «мост», «помост», «мостики»².

Рис. 5. Деревенский мост через реку
(РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, 2010 г., фото автора)

Мосты можно разделить на две категории: строившиеся основательно, крепко, и самыми примитивными способами. Крупные мосты возводили из добротного, прочного дерева. Дорога в село Чувашская Сорма, расположенное на берегу реки Сорма, проходила через «довольно большой мост»³. Такой мост состоял из *кёпер кашти* «продольных бревен, на которые настила-

¹ Шервашидзе И. Н. Фрагмент общетюркской лексики: Заимствованный фонд // Вопросы языкознания. 1989. № 2. С. 79.

² Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Чебоксары, 1996. Т. 1. А–Р. С. 275.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 159. Л. 51.

ли мост» и *кёпер карлăкё*, *кёпер решетки* «перил»¹. Мост с перилами представлен на иллюстрации (Рис. 6).

Для небольших топких мест и расстояний делали некапитальные мосты. Например, из некачественных пород дерева, старого теса. На воде укладывали большие камни, по которым переходили реку. Наиболее простым типом моста был *хуп кёпер*, *хон кёпер* «лубяной мост». Для проезда через препятствие использовали кору, оставшуюся при снятии мочала с луба. Корой плотно заваливали топь².

В традиционных представлениях многих народов присутствует образ моста или переправы в целом, как связующего звена между миром живых и мертвых. Сюжет моста находим в чувашском фольклоре. Переправы созданы природой, герои проходят через реку, океан. Нередко переправой служит мост, протянутый над водой. Для перехода в иной мир необходимо построить новый мост или проехать³. В сказках он находится рядом с морем, домом на лугу, жилищем без крыши и протянут через надводное пространство⁴.

Рис. 6. Деревня Александровская (Казанская губерния, Ядринский уезд)
Для переправы построен деревянный мост. Фото И. К. Зеленова // МАЭ РАН.
Фонд Отдела Европы. Инв. № 1700-67

¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1999. Т. 7-8. С. 263.

² Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 15-16. С. 169.

³ Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары, 1994. С. 226-227.

⁴ Там же. С. 251.

Образ моста представлен сказками «Мост Азамата» («узорчатый, сверкающий семью цветами»), «Эдикан и Удикан» («у этого моста доски были серебряными, перила – золотыми»), «Иван-батыр» и др.¹. Аналогично и в русских волшебных сказках. Например, в повествовании «Царь-медведь» Марья-царевна бросает полотенце над озером и создает красивый мост². Герой «Калевалы» Лемминкейнен волшебством возводит ледяной мост, преодолевая преграды на своем пути³.

Рис. 7. Обрядовый мост (*Хупраххан, Чинави, Шинави, Синави*). Фото А. К. Салмина (Куйбышевская обл., Шенталинский р-н, д. Старое Афонькино, 1990 г.)

Мотив перехода из одного состояния в другое отчетливо прослеживается в похоронно-поминальной обрядности чувашей. Поминая усопшего на сороковой день и установив надмогильный памятник *юпа*, покойного приглашали домой. Неподалеку в овраге собирали импровизированный мостик (Рис. 7–8). Укладывали две–три доски или бревна, по углам ставили палки

¹ Чувашские сказки. Чебоксары, 1984. С. 3, 23, 28–41.

² Сказки. М., 1989. С. 273.

³ Калевала. Финский народный эпос. М., 1915. С. 211–212.

(по одной на каждой стороне), к ним крепили длинные жерди, символизировавшие перила. Рядом с мостом устанавливали два стола. В середине доски выбивали проем и продевали в него заготовленную палку – ножку. Закончив установку моста и столов, чувашки отправлялись домой поминать покойного. Возвращались перед рассветом с музыкантом, танцевали, пели, продолжали совместную трапезу. Каждый из присутствующих приплясывал с метлой на мосту. Сначала мели перед собой, возвращаясь, следы замечали. На столе раскладывали посуду и еду для покойного, перед отъездом разбивали и сбрасывали в овражек¹. Н. Я. Золотов, рассматривая представления чувашек, отметил существование веры в жизнь в загробном мире. Для создания дома и быта покойному были необходимы надмогильные сооружения *юпа* и *чартак*, стол, небольшой стульчик и мост².

Рис. 8. Переход через мост в день *юпа* «день окончательных проводов души умершего»
(РТ, Лениногорский р-н, д. Новое Срежикино)

Фото А. А. Трофимова // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 958. № 7

Чувашки, проходя по мосту, облегчали движение души покойного из мира живых, т.е. деревни, в мир умерших – кладбище (Рис. 8). Мост устанавливали через овраги, ложбины, преграды с водой, при входе на кладбище. Закончив обрядовые действия, пищу, стол и стул сбрасы-

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 171-174.

² РАН. Ф. 77. Оп. 1.30. Л. 140.

вали в овраг, а мост оставляли нетронутым для пользования в дальнейшем¹. Деревянный символический мост устанавливали в определенном для поселения месте. «Эти доски, по верованию чуваш, служат для покойника мостом, по которому он переходит в светлые обители рая»².

Предметы, связанные с покойным, уничтожали или изолировали от людей и прочих вещей. Чуваша верили, что брошенный за деревней луб послужит покойному санями, на которых он будет навещать родных³. Удмурты сжигали «нечистые» вещи или выбрасывали в овраги. Относили под ель, растущую у дороги. Выбрасывали постель, одежду, обувь усопшего, стружки от гроба, луб на котором мыли тело. Специальные овраги, ложбины и пустыри, куда относили предметы, удмурты называли *кыр куян*⁴. Сочетание означало «луба выбрасывания (место)»⁵. Локус, служивший для нахождения вещей, мусора от похорон, удмурты именовали и *куяськон*⁶.

Чуваша собирали во дворе мусор, оставшийся от изготовления гроба, и увозили вслед за покойником, выбрасывая в овраге или по дороге на кладбище⁷. Помимо сора и одежды, завершив похоронную процессию, уносили и другие предметы, которыми пользовался усопший, «чтобы покойник по привычке к этим вещам не воротился за ними в свой дом». Места, куда выбрасывали бытовые предметы, любили посещать умершие, поэтому для них приносили еду и пиво⁸. Овраги имели названия. Например, *Чанака* и *Хёл кащси*⁹. Некрещенные чуваша д. Старое Афонькино Шенталинского р-на Самарской области овраг для сбрасывания луба, на котором мыли умершего, называют *Хупраххан* «(овраг, куда) выбрасывают лубья»¹⁰.

Мероприятия, проводимые родными покойного, были направлены на очищение, защиту дома и его обитателей от вредоносных духов и нежелательных последствий общения с ними.

Мост, по которому проходили души усопших, чуваша нередко выкладывали из половин трех расколотых бревен. Нижней частью служила округлая сторона¹¹ (Рис. 9–10). Смысл этого моста в том, что при переходе по нему бревна раскачивались. Полагали, если человек грешный,

¹ Салмин А. К. Система религии чувашей. С. 343-345.

² Прокопьев К. П. Указ. соч. С. 31-32.

³ Там же. С. 19.

⁴ Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Вып. III: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань, 1921. С. 11.

⁵ Садиков Р. Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа, 2001. С. 133.

⁶ Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь. Ижевск, 2006. С. 139.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 694.

⁸ Сбоев В. А. Указ. соч. С. 133.

⁹ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 142; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 2000. Т. 17. С. 17.

¹⁰ ПМ – Салмин А. К., 1990 (Куйбышевская обл., Шенталинский р-н, д. Старое Афонькино).

¹¹ Трофимов А. А. Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура. Чебоксары, 2009. С. 143.

он может упасть с моста в овраг, т.е. бездну (= ад). Безгрешные переходят беспрепятственно. В традиционной религии чувашей мост называли *Чинави*, *Шинави*, *Џинави*.

Рис. 9. Мост для перехода души в иной мир. Фото А. К. Салмина (Куйбышевская обл., Шенталинский р-н, д. Старое Афонькино, 1990 г.)

Мост *Чинави* в верованиях чувашей по своему назначению близок мосту *Сират* в исламе. Например, чепецкие татары верили, что мост – испытание для верующих. Праведники пересекали *Сират* вслед за овцой, коровой и верблюдом, принесенных в жертву при жизни, грешники падали в пропасть. Мостом служила радуга – *салават күпер*¹. Радуга олицетворяла мост у чувашей, что видим из названий *аслати кёперри*, *асамат кёперри*, *сёвек кёперри* и др.².

В поминальных текстах башкир говорится:

Ножки мои пусть не скользят,
Когда придется пройти Сират.
Гайшу и Фатиму – святых
Пошли мне спутницами ты³.

Обрядовый мост через овраг на кладбище в традиции чувашей определял судьбу покойного, направляя его в рай или ад. Души пользовались мостом при посещении своих родных, во

¹ Касимова Д. Г. Семейная обрядность чепецких татар (середина XIX – XX вв.). Ижевск, 2003. С. 151, 288.

² Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 7-8. С. 263.

³ Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор. Уфа, 2010. Т. 12. С. 336.

время поминания¹. Марийцы для перехода души через реку, ближайшую к деревне, перекидывали доску (бревно), называемую «мост покойников»².

Возможно, округлые стороны расколотых бревен, качавшиеся при переходе, должны были напоминать живым, что после смерти они будут пересекать мост *Чинави*, на котором взвешат их прижизненные поступки.

Добавим, что под деревенским мостом чуваша могли держать кузовок с *Йёрёхом*³.

Рис. 10. Мост, столы, стульчики. Граница поселения и сельского кладбища (РТ, Черемшанский р-н, с. Новое Ильмово, 2014 г., фото автора)

Таким образом, мост представлял переход, переправу. Он соединял два берега реки, две стороны оврага, два мира. Живых людей и их предков связывал обрядовый мост *Чинави*, *Шинави*, *Џинави*. Согласно верованиям чувашей, преодолевая препятствия в виде опасного моста, души умерших одновременно переходили из одного мира в другой.

Качели. Весной в праздник *мункун* (*мӑн кун*) «великий день» чуваша в своих поселениях устанавливали качели. *Мункун* посвящали поминанию ушедших в иной мир родных, приходивших в этот день в гости. «Помянув усопших дома, с своими семейными, в тот же день ходи-

¹ Салмин А. К. Указ. соч. С. 345.

² Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. Казань, 1887. С. 72.

³ Салмин А. К. Указ. соч. С. 422.

ли к ближайшим родственникам, при чем ели кашу», – сообщил Г. И. Комиссаров об этой церемонии¹. Чуваши называли качели *таканка*, *чуччу*, *ярайчак*. Другие локальные производные – *таканкка*, *таканччи*, *таканччй*, *такарччи*. Слово *чуччу* имеет формы *чучу*, *чуччи*, *чуччу ярай*².

Верховые чуваши обычно называли качели *чуччу*, а низовые – *таканка*. Для них тщательно подбирали место, наводили порядок. Как правило, качели из года в год ставили на одной и той же возвышенной местности. После *мункуна* их убирали и хранили до следующего года. Качели в праздник *мункун* имели все этнотерриториальные группы чувашей. На них, стоявших на каждой улице, собирались дети и молодежь³ (Рис. 11).

Рис. 11. Качели (Казанская губерния, Козьмодемьянский уезд, д. Хыр-Касы, 1902 г.)
Фото И. Н. Смирнова // РЭМ. Фототека. Коллекция № 203, ед. хр. 8

Парни и девушки катались попарно, раскачивали их с разных сторон⁴ (Рис. 12). Марийцы ставили качели накануне *агавайрем* «праздника пашни». Совершив жертвоприношение и за-

¹ Комиссаров Г. И. Указ. соч. С. 387.

² Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 2. С–Я. С. 165, 426.

³ Ягафова Е. А. Указ. соч. С. 241, 303, 340.

⁴ Салмин А. К. Указ. соч. С. 160.

кончив молитвы, молодые мари́йки и девушки направлялись к качелям, на которых их качали парни¹. Помимо *агавайрем*, как и чуваша, мари́йцы устанавливали качели к празднику *кугече* «большой день»: «Вместе с тем выстраиваются во всех околотках, по близости сел и русского населения, качели, если не иначе, то на деревьях, вокруг которых устраивается гуляние и устанавливаются шалаши, для продажи разного угощения»².

В традиции славянских народов времяпровождение на качелях весной рассматривалось как средство для улучшения роста домашних растений и культур, т.е. способствовало плодородию. Раскачиваясь, люди просили хорошего урожая. Процесс качания проецировали и на другие виды домашних занятий.

Рис. 12. Жених и невеста на качелях. 1960-е гг. // Из собраний А. К. Салмина. № 185

Большие качели сооружали из деревянных жердей. С двух сторон вертикально устанавливали по три жерди и связывали их между собой, сверху укладывали поперечную перекладину, к ней подвязывали веревки. На концах этих веревок крепили доску или бревно, на которых качались (Рис. 13). По воспоминаниям информантов в с. Месели Аургазинского р-на РБ высота

¹ Фукс А. А. Указ. соч. С. 196, 200.

² Риттих А. Ф. Указ. соч. С. 179.

опорных столбов качелей составляла 5–6 м, а веревок или заменявших их жердей, на которых качались сельчане, была 3–4 м. При устройстве качелей гвозди не использовали. В центре села в *мункун* всегда устанавливали качели, которые занимали парами¹.

Наиболее простые качели обычно устраивали между двумя деревьями. Перекидывали между двумя крепкими деревьями или сучьями перекладину и привязывали веревки. Нередко качели подвешивали на одном суку. В д. Ивановка Аургазинского р-на РБ, по словам Н. К. Яковлевой (1946 г.р.) качели делали из двух вертикальных столбов, на которых держалась горизонтальная жердь с привязанными веревками и доской². Вариативность в устройстве качелей наблюдается у бесермян, соорудивших их к *паске* (*великтэм*) «великий (день)»³. По времени возведения и назначению качели среди чувашей в *мункун* и бесермян к *паске* аналогичны.

Как верно замечает Т. А. Агапкина, время, проведенное молодежью совместно, отдельно от родителей, способствовало социализации, созданию корпоративных интересов и установлению новых связей⁴. В этом немалую роль играли собрания молодежи на качелях и проходившие здесь игры, хороводы, исполнение песен. У завятских удмуртов бытовали специальные напевы, исполнявшиеся на качелях – *кузь таган куй* и *вакчи таган куй*, т.е. длинная и короткая качельные песни. Первый напев пели во время хоровода на лугу у качелей, а второй – расходясь по домам. Известны песни и при разборе качелей⁵.

О том, что чуваша ставили качели в канун праздника *мункун*, свидетельствует множество материалов⁶. Говорят об этом и информанты. Для верховых чувашей с. Антоновка Гафурийского р-на РБ *мункун*, прежде всего, ассоциируется с качелями *чуччу*. В числе атрибутов праздника качели называли и жители с. Чуваш-Карамалы Аургазинского р-на РБ⁷. К качелям на *оло кон* «большой (великий) день» собирались нагайбаки, а у молькеевских крышен известно поверье, согласно которому качавшиеся не будут болеть⁸.

¹ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Месели).

² ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, д. Ташлыкуль).

³ Попова Е. В. Календарные обряды бесермян. Ижевск, 2004. С. 86-87.

⁴ Агапкина Т. А. Мифоэпические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 480.

⁵ Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999. С. 102-103.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 173. Л. 255-256.

⁷ ПМА – 2011 (РБ, Гафурийский р-н, с. Антоновка); ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Чуваш-Карамалы).

⁸ Уразманова Р. К. Годовой цикл общественных обрядов и праздников нагайбаков // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). Казань, 1995. С. 80; Уразманова Р. К. Годовой цикл общественных обрядов и праздников молькеевских крышен: похоронно-поминальная обрядность // Молькеевские крышены. Казань, 1993. С. 83.

Татары ставили качели и в летний праздник *джиен*. В д. Кугеево Свияжского уезда локус, где проходили собрания молодежи, игры, назывался *таган асты* «под качелью»¹. Удмурты качели, сооруженные к Пасхе, держали до семи недель. По четвергам и пятницам здесь водили хороводы и пели. «Проводя под качелями целые ночи, парни и девушки расходятся только к утру попарно»². Наоборот, в ряде русских поселений Западной Сибири качели убирали с окончанием пасхальной недели, т.к. налагался запрет на качание³.

Рис. 13. Качели на окраине деревни, построенные для молодежи в *мункун* (ТАССР, Лениногорский р-н, д. Новое Сережкино, 1990 г.)
Фото В. А. Павлова // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Т. 958. Инв. № 2

Заметим, что традиция установки качелей довольно обширна (это очевидно из приведенных примеров) и служила главной цели – удачным всходам, росту и вызреванию обильного урожая и не только. Подразумевался приплод скота и, вероятно, достаток хозяйства в целом.

¹ Уразманова Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. XIX – нач. XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. С. 75.

² Гаврилов Б. Г. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урясь-Учинского прихода // Труды четвертого Археологического съезда в России. С. 97.

³ Золотова Т. Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.). Омск, 2002. С. 98.

Мы наблюдаем это на Русском Севере и, например, у табасаранцев Кавказа, использовавших качели в праздник *эбелцан* «день весеннего равноденствия»¹.

Таким образом, качели в традиционной культуре чувашей и других народов, связанных с земледелием, выполняли обрядовую роль и стимулировали богатый урожай к уборочной страде. На качелях не только проецировали будущее, но и изменяли настоящее, поскольку здесь парни выбирали себе невест и создавали новые пары. Происходила социализация молодых членов сельской общины, иногда впервые вводимых в новый круг общения. Нахождение по вечерам на качелях сопровождалось хороводами, исполнением песен, установлением новых пар среди молодежи. Оставшись без присмотра родителей и младших братьев и сестер, молодые люди лучше узнавали друг друга, делали выбор. Так одновременно заботились о достатке хлеба в семье и будущей судьбе молодежи.

Мельница. Известно, что перед употреблением зерновых культур в пищу проводится их обработка. Для этого чуваша использовали *килӗ* «ступы» и деревянные или каменные жернова, перемалывающие зерно и крупу. Для нужд поселения строили *арман* «мельницы». Слово *арман* возникло от *авӑр* «вертеть», «крутить», «вращать» и аффикса *-ман*². Несмотря на то, что мельницы принадлежали отдельным семьям и имели владельцев, они служили местами всеобщего пользования³.

Н. И. Ашмариным выделены различные виды мельниц: *ал-арманӗ*, *аларман* «ручная мельница», *шыв арманӗ*, *шыв арман* «водяная мельница», *сил арманӗ*, *сил арман* «ветряная мельница», *кӑрне арманӗ* «круподерка», *лаша арманӗ*, *вут арманӗ* «паровая мельница»⁴.

Ручными мельницами мололи в домашних условиях. Водяные мельницы зависели от движения воды, их ставили в запрудах, у реки. Движение ветра вращало крылья ветрянок, которые для них были обязательными.

Ветряные мельницы были характерны для юго-восточной территории Чувашии, поскольку здесь невелики речные ресурсы⁵. Подробное описание их технического устройства составлено Н. В. Никольским⁶.

Мельницу *сил арман* строили, поставив сруб «от земли аршина в четыре», «на четырехугольный сруб сажени в три сажается восьмиугольный сруб, а на верх крыша. Сверху поперек

¹ Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 31; Сефербеков Р. И. Об одном календарном и аграрном празднике табасаранцев: Эбелцан. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-239-5. С. 161.

² Егоров В. Г. Указ. соч. С. 32.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 187.

⁴ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1-2. С. 6.

⁵ Чуваша: этнографическое исследование. Материальная культура. Ч. 1. С. 240.

⁶ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 108-109.

восьмиугольного сруба кладется вал, у которого один конец выступает наружу – длиною в аршин и в этот конец втыкаются крылья»¹. Ветряные мельницы имели четное число вращавших их крыльев: четыре, шесть, восемь или десять. С противоположной стороны крыши, напротив крыльев, закрепляли три бревна, концы которых соединялись. Они служили рычагом для вращения мельницы к ветряной стороне² (Рис. 14).

Нижняя часть мельницы служила амбаром для зерна либо муки. Крылья приводили в движение вал, на котором держалось колесо с зубцами. Зубцы вращали шестеренку на верхнем конце веретена. Нижний конец был вставлен в порхлицу. Зерно засыпали в ковш, пересыпающий его под жернов, смолотую муку отправляли в лари³.

Рис. 14. Ветряные мельницы (ЧАССР, Аликовский р-н, 1928 г.)
Фото А. Ходосова // МАЭ РАН. И-1136. № 42

Для мельницы *шыв арман* был необходим водоем. Работа такой мельницы зависела от водяного колеса, имевшего два обода с закреплёнными на расстоянии досками. С внутренней стороны их подбивали, создавая ящики для подачи воды. По сбитому каналу вода попадала на ко-

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 39-40.

² Там же.

³ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 8.

лесо, наполняла ящики, приводила его в движение и, в свою очередь, вращало колесо с палицами, шестерни с жерновами¹ (Рис. 15). Канал обеспечивал непрерывную подачу воды² (Рис. 16).

Рис. 15. Водяная мельница (БАССР, место съемки неизвестно, 1929 г.)
Фото П. А. Петрова-Туринге // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

Водяные мельницы у чувашей были распространены широко. В Республике Башкортостан они встречались во многих крупных чувашских поселениях. Например, по притокам р. Меселька действовали пять водяных мельниц. Помимо них в с. Месели была ветрянка. В д. Таштамак Аургазинского р-на РБ к 1905 г. работали четыре мельницы. Располагались они по рекам Турса-

¹ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 109.

² Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 17. С. 178.

гали и Каран-Елга. Владельцами были Юнус, Василий, Захар и Иван, имевший еще молотилку, приводимую в движение водой. Старожилы с. Чуваш-Карамалы одноименного р-на вспоминают водяные мельницы р. Кармалка. До 1970 г. работали восемь мельниц. Помнят имена мельников Ивана Васильева, Николая Васильева, семью Стришенко (Струщенко)¹.

У чувашей с мельницами связаны мистические представления. Наиболее жуткими были устные повествования о водяных мельницах. При частом прорыве плотины мельники якобы крали маленьких детей, подкармливали их определенное время, а затем «сажали детей» в воду. При этом узнавали, будет ли ребенок «держаться» мельницу. Получив удовлетворительный ответ, их топили живыми. Ребенка старались «посадить в воду» у основания плотины². Иногда для кражи детей или подростков нанимали людей, называвшихся *арман ай*³. Поэтому, покидая дом, родители закрывали ребят, предупреждая их о грозившей опасности.

Рис. 16. Устройство водяной мельницы (БАССР, Белебеевский р-н, д. Чубукаран, 1962 г.)
Фото М. В. Румянцева // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 207-1564

В с. Новое Серезкино Лениногорского р-на РТ известно предание, датируемое старожилками 1890–1900 гг. Богатый мельник Улюк при строительстве новой мельницы привез со стороны молодую, невинную девушку. Несколько дней ее избивали кнутом, после чего девушка

¹ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, разные поселения).

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 80.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 247. Л. 79-82.

согласилась «держат» мельницу и была опущена на дно водоема¹. Легенды о человеческих жертвоприношениях у чувашей не находят подтверждений историческими фактами. В конце концов, такие нарративы растворились во времени и на смену им пришли обряды, согласно которым при закладке мельниц в фундаменты «сажали» животных².

Согласно народным знаниям, мельницы строили злые силы, мельники были людьми, общавшимися с ними и знавшими особые заклинания. Новая мельница, якобы, не будет работать, пока не совершено человеческое жертвоприношение. Согласно легенде, на р. Цивиль под некоторыми мельницами жили злые духи *Вутайш*. Если весной, летом и осенью в определенное время им не приносили жертвы, то они прорывали мельничную плотину. Потусторонняя сила, обитавшая на мельнице, выходила по ночам, перемалывала зерно. В это время духов можно было увидеть³.

Помимо животных жертвоприношений при постройке мельницы совершали жертву кашей. Для предотвращения прорыва запруды поверх воды протягивали три нити. При ремонте прорвавшегося пруда следовало уложить воз хвороста, затем стебли хмеля, засыпать землей и установить рябиновый крест. Процедура была рассчитана на предотвращение прорыва воды и улучшение работы водяной мельницы⁴.

Жертву приносили и в русской традиции. Рассказывали, что в омут сталкивали запоздалых путников или опускали убитое животное. Впоследствии жертву составляли мука, разведенная водой в хлебной посуде, крошки хлеба, по праздникам – водка⁵. Действия должны были защитить мельницу от поломки и задобрить хозяина воды, «ответственного» за плотину. Животные черной масти, водившиеся в хозяйстве при мельнице, русскими считались наилучшим даром водяному. Совершаемые жертвоприношения охраняли самого мельника от несчастного случая, т.к. он мог утонуть⁶.

Богат упоминаниями о ветряных и водяных мельницах повествовательный фольклор чувашей. Так, средний сын ветра в сказке «Дети ветра» ломает крылья ветрянок. Аналогичное повествование о нем ведется в сказке «Что сильнее всего на свете». В мельничную запруду Васyleй, герой «Нужды», случайно опрокидывает ведро с солодом для пива⁷.

Таким образом, ветряные и водяные мельницы были неотъемлемой частью традиционного хозяйства. О роли мельницы косвенно свидетельствует упоминание в фольклоре и отношение

¹ ПМА – 2014 (РТ, Лениногорский р-н, с. Новое Серезкино).

² Салмин А. К. Указ. соч. С. 481.

³ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 6-10.

⁴ Салмин А. К. Указ. соч. С. 546-547.

⁵ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 96.

⁶ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 124.

⁷ Чувашские сказки. С. 42, 111, 120.

чувашей к постройке. Зависимость и страх перед потусторонними силами, проживавшими на мельнице либо в мельничном пруду, общение мельника с ними, а также совершаемые обряды говорят о почтительном отношении чувашей к мельницам.

Церковь. Напомним, церкви чуваши называли словами *чирку* и *чирёк*. Их появление связано с началом христианизации чувашей. Церкви строили на наиболее удобных и видных участках, как правило, в центральной части населенного пункта («в середине села возвышается белая церковь»)¹. Близлежащие поселения объединяли в единый приход. Для её строительства использовали добротный лес, а позднее камень или кирпич.

Чуваши пели о своих церквях следующие слова:

В самом центре села белая церковь,
на маковке церкви золотой крест.
На золотом кресте орел –
не долго (ему) сидеть, полетит².

Общественные постройки. В поселениях чувашей имелись постройки, отвечавшие хозяйственным нуждам жителей. К таковым относятся кузницы, магазины, коллективные амбары и пожарные сараи. *Тимёрсё лаçси* «кузница» обеспечивала деревню или село металлическими изделиями. Кузнец работал с железом, изготавливал гвозди, правил домашний инвентарь. Легкие действия по калению железа совершали в семейных *лаç* «лачугах».

Кузница представляла постройку, покрытую пластами дерна, с одной наковальней и инструментами. В волостях насчитывалось от 1 до 15 кузнечных мастерских³. В результате восстаний народов Урало-Поволжья в 20-х гг. XVII в. правительством налагается запрет на кузнечное дело. В конце XVIII в. решение отменяют, но к этому времени кузнечных мастеров почти не остается. Русские кузницы обслуживали население, поэтому, когда в XIX в. у чувашей вновь появляются мастера, они имеют русскую выучку и используют приобретенную традицию обработки металла⁴. Запрет на работу с металлом коснулся многих народов. Например, «не позволялось в мордовских деревнях заводить кузницы, и даже земледельческие орудия и другие металлические вещи, необходимые в домашнем быту, дозволялось покупать только в городах и при том в ограниченном количестве»⁵.

Сельский мир планировал будущее, поэтому чуваши строили общественные амбары и клетки для хранения запасов хлеба *мйакача ампарё*. В неурожай его распределяли между жителя-

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 51.

² Воробьев В. П. Указ. соч. С. 125.

³ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 114.

⁴ Чуваши: история и культура. Том 1. С. 251.

⁵ Мельников-Печерский П. И. Указ. соч. С. 25.

ми. Прежде всего, помогали бедным семьям¹. Правительство также поддерживало нуждающихся крестьян, предоставляя семена и хлеб. Чувашей поселений Алешкино, Кирюшкино, Тенеево и др. Стерлитамакского уезда Уфимской губернии в 1865 г. материально поддерживали, «с допущением даже выдачи хлеба крестьянам, не имеющим своих запасов в магазинах, из запасов крестьян из других селений»².

Рис. 17. Фрагмент стены дореволюционного магазина, построенного из природного камня и кирпича, принадлежавшего Василию Евдокимовичу Иванову (РБ, Гафурийский р-н, с. Антоновка, 2011 г., фото автора)

В крупных деревнях и селах появляются магазины, иногда совмещенные с питейными заведениями (например, у купца Матвея в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского р-на РБ)³. Здания возводили из хорошего строевого леса или камня, использовали и кирпич (Рис. 17). Зажиточные люди делали основательными хлебные пекарни, лавки, другие общественные постройки, приносящие доход и обслуживающие жителей.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 284.

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13945. Л. 3.

³ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Чуваш-Карамалы).

Еще одним местом сбора односельчан для принятия коллективных решений служили пожарные сараи. В них хранили инвентарь, необходимый для борьбы с огнем – насосы, багры, топоры¹. Все вышеупомянутые постройки обслуживали население чувашских сел и деревень, создавая совместно с усадьбами и земельными наделами domesticiрованное пространство.

Кладбище. Важным компонентом сельского поселения является кладбище или даже несколько кладбищ. Такая ситуация характерна для смешанных населенных пунктов, где представители разных народов или одного народа исповедуют разные религии. В чувашских поселениях можно встретить кладбища *чйваш масарё* «чувашей, придерживающихся традиционной веры и обрядов», *вырйс масарё* «крещеных чувашей», *тутар масарё* «чувашей, принявших ислам» и *салтак масарё* «погибших на войне и не вернувшихся на родину». *Салтак масарё*, как правило, самое маленькое кладбище, иногда это группа надмогильных памятников, расположенных за границей центрального кладбища, не обнесенных общей оградой. Например, *юна* «надмогильные столбы», установленные в память о погибших солдатах, в с. Чувашское Урметьево Челно-Вершинского р-на Самарской области разделены с кладбищем дорогой и представлены единой группой². Традиция жива и среди крещеных чувашей. Мать, супруга погибшего на стороне устанавливали у реки либо ручья крест, у которого затем совершали поминальные действия³.

Места захоронения покойных чуваша называли *сйава, масар* «кладбище». В первом случае происхождение слова связано с древнетюркским языком, а во втором – с арабским и персидским. *Масар* крепко закрепилось среди тюркоязычных народов⁴. Одно из первоначальных значений термина «могила святого человека»⁵. Захоронения служили объектами паломничества, поэтому другое обозначение «место, которое посещают»⁶. География употребления слова довольно обширна, от пуштунского *мәрестән, мәрестүн* «кладбище» до мансийского *мөсәр* (второе название *савыңкан*) «кладбище»⁷. Также кладбища чуваша именовали *куринке, вилё карти*⁸.

В некоторых местах одно кладбище состояло и из разных концов: *чйваш масарё, вырйс масарё* и *тутар-пушкёрт масарё*⁹. Деление кладбища – отражение культурной изоляции некрещеных чувашей от мусульман и православных. При отсутствии отдельных кладбищ имеют-

¹ Никольский Н. В. Собрание сочинений. Том. IV. Этнографические альбомы. Чебоксары, 2009. С. 42.

² ПМА – 2014 (Самарская обл., Челно-Вершинский р-н, с. Чувашское Урметьево).

³ РАН. Ф. 95. Оп. 4.4. Л. 2-2 об.

⁴ Егоров В. Г. Указ. соч. С. 129, 204.

⁵ Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 1. А–Р. С. 343-344.

⁶ Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 151.

⁷ Асланов М. Г. Пушту-русский словарь: 50 000 слов. М., 1985. С. 817; Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь с лексическими параллелями из южно-мансийского (кондинского) диалекта. Л., 1958. С. 95.

⁸ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 7-8. С. 4, 202.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 152. Л. 126.

ся самостоятельные участки, разделенные тропой или рвом¹. Границу обозначают и искусственно высаженные деревья, также религиозные символы. Кладбище с. Новое Сережкино Лениногорского р-на РТ делится на стороны некрещеных и крещеных чувашей. Символическая преграда в прошлом представляла собой *юпа* и крест, воздвигнутые напротив друг друга². В удмуртских деревнях, населенных представителями нескольких родовых групп, были отдельные кладбища или определенные участки закреплялись за родами. Принцип строго выполняли некрещеные и крещеные удмурты³. Кроме того, отдельные кладбища, расположенные на определенном расстоянии, являются общей чертой смешанных поселений⁴.

Одним из видов кладбищ были *кив масар* «старые кладбища»⁵. Так называли деревенские кладбища некрещеных чувашей, объединявших родственные селения. На старом кладбище д. Полевые Кизильяры погребали усопших жители восьми окрестных деревень⁶.

Известно *Шуру масарё* «кладбище белой воды», расположенное на левом берегу р. Белая Воложка. Чуваша деревень *Паймиш, Йершер, Пърмас, Чашлама, Юпсар, Туканаш* и *Ватнер* использовали кладбище совместно⁷. В Буинском уезде Симбирской губернии ряд деревень был объединен названием *Тăхър ял* «девять деревень» (*Пъркел, Пимърсел, Кивё Мертлё, Сёне Мертлё, Елиел, Раккаси, Таккавар, Киштек* и *Хирти Кушкă*), имели общее кладбище *Тăхър ял масарё* «кладбище девяти деревень»⁸.

Совместные кладбища явный признак родственных связей и выделения деревень из материнского поселения. Так, с. Новое Сережкино Лениногорского р-на РТ основанное в 1750-х гг. некрещеными чувашами д. Старое Сережкино (сейчас с. Старое Сережкино Черемшанского р-на РТ) до 1920-х гг. не имело собственного кладбища. По сведениям информантов, покойных отвозили на старосережкинское кладбище. С выделением земли под новое кладбище жители долгое время не решались хоронить здесь умерших. Первым был похоронен сирота, впоследствии сельчане уже не увозили усопших в соседнее село⁹.

¹ Ягафова Е. А. Чувашское язычество в XVIII – начале XXI вв. Самара, 2007. С. 60.

² ПМА – 2014 (РТ, Альметьевский р-н, с. Новое Суркино; Лениногорский р-н, с. Новое Сережкино).

³ Шутова Н. И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск, 1992. С. 57.

⁴ Садиков Р. Р. Процессы межконфессионального взаимодействия в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: история и современные тенденции развития // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 14; Попова Е. В. Удмурты в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: опыт соседства // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 68.

⁵ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 7-8. С. 204.

⁶ ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1927). № 230. Л. 2; ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1927). № 231. Л. 7.

⁷ ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 2.1453. Л. 15; Магнитский В. К. Указ. соч. С. 165.

⁸ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 15-16. С. 7.

⁹ ПМА – 2014 (РТ, Лениногорский р-н, с. Новое Сережкино).

Помимо древнетюркского языка предложена гипотеза финно-угорских корней слова *çăva*. Языковед М. Р. Федотов проводит аналогии с марийским *шӱгар* «могилка», мокшанским *шувомс*, эрзянским *чувамс* «рыть, копать, вырыть, выкопать», удмуртскими словами *шай* и *шайгу* «кладбище»¹. Термином *сюва* (*çăva*) кладбище называло нерусское население Казанской губернии².

Под *масар* подразумевали не только кладбища, но и места, на которые чувашаи относили вещи усопших³. «По возвращении с кладбища, домашние покойного прежде всего относят на *мазарки* платье, в котором он умер, его постелю, посуду, из которой его обмывали, а также некоторые другие вещи»⁴.

Наблюдения, проводимые во время выездов, позволяют выделить черты, отвечавшие требованиям чувашей при организации кладбища. Во-первых, определенная удаленность от сельского поселения. Здесь не существует единого расстояния, поэтому оно может занимать путь от десятков метров до нескольких километров. Чувашаи выбирали территории одновременно отдаленные от деревни, сакральных мест и больших дорог⁵. Во-вторых, на кладбище ведет накатанная дорога, как правило, грунтовая, пересекающая географическое препятствие. Дорога – последний путь, который преодолевает покойный, покидая родных и дом. По ней же душа будет навещать своих близких в поминальные дни. Дорога должна быть свободной и удобной.

Естественно-географическими преградами служат река, ручей, овраг или заболоченная местность. Видим и искусственно созданные препятствия, например, распаханная борозда. На пути можно встретить и мост, объединяющий противоположные стороны оврага либо реки. Следующая черта сельского кладбища – лесная роща, в которой оно находится. Г. Ф. Миллер подчеркивал обязательное расположение деревенского кладбища в лесу⁶.

На безлесных участках распространена посадка деревьев и кустарников. Кладбище может находиться на пригорке или другой возвышенности, что позволяет быстро стекать воде, не размывая могилы. Занимают под последние дома усопших и ровные пространства (Рис. 18).

Чувашские кладбища находились в стороне от поселения и главных дорог. Границей сельского мира «мира живых людей» и кладбища «мира мертвых» служили овраг, река и ручей. Традиционное расположение кладбища, по сведениям А. К. Салмина, приходилось на угол, об-

¹ Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990. С. 315; Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 2. С–Я. С. 89.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т. 3 (Муза–Сят). М., 1987. С. 822.

³ Золотницкий Н. И. Указ. соч. С. 42.

⁴ Сбоев В. А. Указ. соч. С. 132-133.

⁵ Паллас П. С. Указ. соч. С. 143.

⁶ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 78.

разованный рекой и ближним оврагом¹. Подобной реконструкции соответствует *чăваш масарĕ* некрещеных чувашей с. Старое Суркино Альметьевского р-на РТ. Перед кладбищем проходит овраг *хуп пăрахнĕ вар* «овраг для сбрасывания луба», где установлены столы и стульчики, а в прошлом скидывали вещи покойных. Чувашаи раскладывают на столиках и стульчиках пищу, а на землю ставят мешок с костями жертвенного животного, собранные при поминании усопшего². Вход на кладбище устроен с западной стороны, восточная (тыльная) часть кладбища оканчивается неглубокой речкой. Практически на стыке реки и оврага находится кладбище. В созданном углу огорожено *салтак масарĕ*. *Вырăс масарĕ* и *тутар масарĕ* расположены поближе к поселению перед оврагом, но с разных сторон дороги³.

Рис. 18. Деревенское кладбище некрещеных чувашей
(РБ, Бакалинский р-н, д. Юльтимировка, 2010 г., фото автора)

Периметр кладбищ чувашаи окружали рвом, т.к. в таком случае мертвые не могли их покинуть⁴. На этой линии проводили поминальные обряды, посвященные предкам⁵. Удмурты также размещали кладбища за естественными преградами и за изгородью дополнительно выкапывали ров, олицетворявший рубеж между мирами⁶.

¹ Салмин А. К. Указ. соч. С. 557-558.

² Ягафова Е. А. Указ. соч. С. 62.

³ ПМА – 2014 (РТ, Альметьевский р-н, с. Старое Суркино).

⁴ Салмин А. К. Указ. соч. С. 558.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 175.

⁶ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 162.

Заслуживает внимания сюжет расположения кладбища относительно поселения. По традиции удмурты занимали западную сторону, что подтверждают проводимые в честь предков обряды, когда молящиеся обращались лицом на запад. Близким к западной стороне является ориентир на север¹. Неслучайно, приглашая усопших на поминки, чувашки поворачивались к северу, т.к. «общая обитель мертвых предполагается где-то на севере»².

Экспедиционные наблюдения позволяют выборочно проанализировать информацию о нахождении кладбищ в структуре нескольких поселений. Проведем краткий анализ, затрагивающий чувашей Республики Башкортостан, Республики Татарстан и Самарской области, отметив направления сельских кладбищ (таблица №1).

Таблица №1. Соотношение нахождения кладбищ в поселениях сторонам света

Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Самарская область
с. Антоновка, Гафурийский р-н – запад	с. Новое Серезкино, Лениногорский р-н – юг	с. Рысайкино, Похвистневский р-н – север
с. Ахманово, Бакалинский р-н – запад	с. Новое Ильмово, Черемшанский р-н – север	с. Староганькино, Похвистневский р-н – запад
с. Ивано-Кувалат, Зилаирский р-н – север	с. Новое Суркино, Альметьевский р-н – юг	с. Старое Афонькино, Шенталинский р-н – север
д. Юльtimiровка, Бакалинский р-н – запад	с. Старое Суркино, Альметьевский р-н – север	с. Чув. Урметьево, Челно- Вершинский р-н – север

Среди указанных 12 деревень и сел выделяем западное расположение (4 поселения), северное (6 поселений) и южное (2 населенных пункта). Дань традиции в выборе месторасположения кладбищ по сторонам запад и север сохранена. Ориентир на север преобладает над западным направлением. В восточной части поселений кладбища не зафиксированы. В настоящее время традиционное мировоззрение подверглось глубокой трансформации, поэтому многие черты народной культуры исчезли или находятся в переходном состоянии. Знания относительно расположения кладбищ по сторонам света у чувашей также изменились.

Устойчивым элементом кладбища являются лесные массивы и насаждения. Могилы копают в небольших рощах, их территорию засаживают деревьями либо кустарниками. На кладбище встречаются дуб, липа, осина, береза и сосна. Из искусственно высаженных деревьев и кустарников видим рябину, калину, черемуху, сирень, яблоню, смородину.

В память об усопших на могилах сажали также вишню, акации, клен, ветлы. Осина, растущая на кладбищах, пользовалась нехорошей репутацией и ее вырубали, «от того, что листья у

¹ Там же. С. 554.

² Смирнов И. Чувашки // Энциклопед. словарь. Т. 76. СПб., 1903. С. 937.

них трясутся не как у других деревьев». Бытовал строгий запрет на нахождение осины на кладбище¹. Одновременно, встречаются сведения, что деревья на кладбищах чувашей не сажали².

Кладбища чувашей имеют прямоугольную либо квадратную формы. В зависимости от числа жителей и возраста размеры кладбищ различны. Их периметр обнесен оградой. В прошлом эта роль отводилась борозде и символической изгороди. Огораживание связано с деятельностью священнослужителей и распространяется в начале XX столетия³. Борьба с традиционными обрядами чувашей продолжалась на протяжении веков. Священник Архип Степанов еще в 1757 г. ходатайствовал о строительстве часовен и расположенных при них огороженных кладбищ для погребения по православному канону чувашей из деревень Ганкино, Сантангулово и Ибраево⁴.

Современные кладбища повсеместно обнесены изгородью из штакетника или металлической сетки. Традиционно выглядит ограда *вёрлĕк карта* «прясло из жердей». Огораживание кладбищ было развито у марийцев и удмуртов, объединявших места молений и кладбища между собой⁵.

Чувашские кладбища имели своих символических глав, которых почитали и к которым обращались при посещении. *Масар пуçĕ, çăва пуç, пуçлăхĕ* «глава кладбища», т.е. первый похороненный на новом кладбище человек. Он имел надмогильный памятник, приходя на кладбище, чуваше оставляли около него небольшие подношения. Дарами служили монеты, кусочки пищи, ткань, головные платки. Сейчас встречаем искусственные цветы, посуду, сигареты. Покойные «живут на своем кладбище под властью кладбищенского начальника – первого человека, похороненного на кладбище»⁶.

В с. Средние Алгаши на новом кладбище первым был похоронен Ахмат, выкапывая могилу к нему обращались с просьбой выделить место для покойного⁷. Божествам земли и главе кладбища было принято приносить жертву. На землю бросали кусочки хлеба и сыра и произносили: «Отец земли, Мать земли, Начальник сего кладбища, пусть наша жертва будет пред вами. У нас помер такой-то, дайте ему уголок земли»⁸. Для жертвы приносили с собой и один блин. В обращении к главе кладбища просили чистого места (не имеющего ранних захоронений), поскольку в таком случае в загробном мире покойный будет счастливым. У блина отщипывали

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 289, 293.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 376.

³ Салмин А. К. Указ. соч. С. 559.

⁴ ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 2086. Л. 1.

⁵ Смирнов И. Н. Указ. соч. С. 10.

⁶ Смирнов И. Указ. соч. С. 937.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 24.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 40. Л. 256.

кусок, клали на землю, вырезали квадрат с середины будущей могилы. Затем приступали к выкапыванию могилы¹.

Масар пуѣ имел помощников, управлявших кладбищем: судья (занимавший должность при жизни), сторож, нанимавшийся караульным, умерший в свадебном поезде и покойный, имевший в доме *Киреметя*². Чуваши верили, что если при жизни глава кладбища был добрым человеком, то будет мало покойных, а если злым – заберет много душ³.

К главе кладбища обращаются при поминании усопших. Спрашивают разрешения на приглашение умерших родственников на время домой, при посещении могил и при новых захоронениях. В Старом Суркино кладбищем некрещеных чувашей руководит легендарная *Матруне*. По преданию, *Матруне* – дочь первопоселенца *Сёркё*. Отправившись в лес девушка заблудилась, не смогла вернуться домой и умерла. Родные, обнаружив ее, похоронили на том же месте. Душа *Матруне* не успокоилась и по ночам из леса слышались крики, поэтому по совету старых людей было решено провести перезахоронение. Выбор кладбища предоставили лошади, лишённой еды в течение трех дней. Ее вывели в центр поселения ипустили. Лошадь ускакала на север, где начала щипать траву. На этом месте перезахоронили *Матруне*. Ее могила стала первой на сельском кладбище.

Надмогильный памятник *Матруне* прямоугольной формы, вытесан из белого камня, фасадная сторона слабо обработана, тыльная часть не тронута. На передней стороне высечен треугольник, символизирующий лицо. Высота наземной части памятника составляет 81 см, ширина – 37, толщина – 20 см. Треугольник правильной формы (17 к 22–23 см). Датируется памятник второй половиной XVII столетия⁴. Покойному в изголовье ставят три свечи, одна из которых обязательно адресована *Матруне* как главе сельского кладбища⁵.

В с. Месели Аургазинского р-на РБ у крещеных чувашей главой кладбища считается могила сына местного священника, точнее его надмогильный камень. После смерти сына, священник похоронил его в церковном дворе, затем камень перенесли на новое кладбище. Этот памятник считают хозяином (Рис. 19). В данном случае, на лицо синтез традиционной культуры и православия. По воспоминаниям, чуваши в селе долгое время придерживались народной религии, что выражено устойчивой верой в хозяина кладбища. Как и к *Матруне*, к главе с просьбами и подарками обращаются при посещении кладбища, прощании с усопшими и поминании.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 87.

² Магнитский В. К. Указ. соч. С. 190.

³ Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000. С. 204.

⁴ ПМА – 2014 (РТ, Альметьевский р-н, с. Старое Суркино).

⁵ Столярова Г. Р. История формирования и обрядность чувашей-язычников Татарстана // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 111.

На кладбищах каждый род занимал определенный участок¹. Умерших детей хоронили со старшими членами патронимии, оберегавшими их как земные родители². Известны и *ача масарёсем* «детские кладбища», возникавшие в годы эпидемий и голода. По другим преданиям, на подобных кладбищах хоронили незаконнорожденных детей³. Особое отношение было к людям, совершившим суицид. Чуваши хоронили их за пределами кладбища, за изгородью. Иногда в тело вбивали осиновый кол. В с. Старое Суркино на кладбище была похоронена женщина, наложившая на себя руки. После этого началась засуха, по решению старых жителей, ее перезахоронили уже за кладбищенской оградой⁴. Самоубийство Нарспи в одноименной поэме воспринято односельчанами именно таким образом:

И поныне в славном яле (деревне. – В. М.)
 О Нарспи – нечастной деве
 Вспоминают поселяне.
 И всегда, как суховеи
 Не дают дождям пролиться
 На сухую землю, люди
 На унылую могилу
 У долины Конопляной
 Щедро льют с молитвой воду⁵.

Чуваши воспринимали кладбище как «место сбирища злых духов»⁶. Ночью не рекомендовалось находиться вблизи него, поскольку наступало время потусторонних сил⁷. На кладбищах в ночь накануне праздника Троицы в образе разных животных и птиц собирались *тухатмйш* «колдуны». В течение этой ночи людям, занимавшимся колдовством, было необходимо посетить семь деревенских кладбищ. Ночью расстояние между кладбищами колдунам казалось длиною с коромысло⁸. Умершие колдуны также вредили сельчанам. По легенде, жители с. Пурмас Чебоксарского уезда Казанской губернии опасались надмогильного камня, установленного после смерти колдуна. Душа, заключенная на кладбище, посылала болезни на людей и животных⁹.

На могилах чуваши устанавливали деревянные или каменные памятники. Завершив похороны, в землю вбивали антропоморфную дощечку *чёре калак* «ложечка или лопаточка сердца» или *салам калак* «ложечка или лопаточка приветствия». Вариативность форм и названий до-

¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 4. С. 58.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 523.

³ ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 2.1453. Л. 16-16 об.

⁴ Столярова Г. Р. Указ. соч. С. 114.

⁵ Иванов К. В. Указ. соч. С. 137-138.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 520.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 150. Л. 371.

⁸ Рекеев А. Указ. соч. С. 8-9.

⁹ Васильев М. О киреметях у чуваш и черемис. Казань, 1904. С. 12.

щечки очень широка. На сороковой день старались установить антропоморфный *юна* «надмогильный памятник», изготовленный из дерева или камня. *Юна* на могилах мужчин рубили из дуба, для женщин – из липы. «В лесу срубают липу, не очень тонкую, – приблизительно вершка два с половиной или три толщиной и два аршина длины. Кору с такого чурбана соскабливают и ставят его столбом... столб обертывают войлоком и везут домой»¹. Как и с *чёре калак*, формы *юна* весьма разнообразны. На них присутствуют треугольные углубления, обозначающие лицо, глаза, рот, элементы женского головного убора, сверху иногда прибавляют деревянные шляпки и т.д. На памятники привязывали белые платки и длинные полотенца, чтобы умершие, поев в поминальные дни, могли утереться².

Чуваши верили, что усопший должен иметь свой дом и необходимые вещи, поэтому на могилах строили *чартак* «домик с навесом». *Чартак* считали жилищем, изготавливали в ночь перед поминанием одновременно со столом, стульчиком, мостом, *юна*³. Невысокий сруб для *чартак* возводили вдоль могилы, сверху укладывали перекладину⁴. Срубом в пять венцов, оканчивающимся тесовой крышей, закрывала могилы и мордва⁵.

Поминали усопших в определенные дни (третий, седьмой, девятый, сороковой дни и пр.). Накануне посещали кладбище и приглашали родных к столу. На кладбище брали пиво, отваренную голову и ноги зарезанного животного, обратившись к покойному, вскачь возвращались домой⁶. В праздник *симёк* чуваши поминали предков в домах у родственников. Затем близкие отправлялись на кладбище с напитками и едой, часть которых адресовали покойным: «Потребивши все привезенное, поминающие возвращались домой, но не вскачь, как после похорон, а намеренно тихо, для того, чтобы умершие успели соскочить с телеги. Садятся же они на телегу будто бы для того, чтобы провожать своих живых родственников»⁷.

Помимо специально отведенных дней, чуваши поминали умерших в будни. Собирали стол заболел, посетив кладбище или его окрестности, увидев во сне покойника, также при недомогании домашних животных⁸. Во время поминальных действий на кладбище на могилах оставляли часть приготовленной трапезы и напитки⁹.

Деревенское кладбище занимало особое место в структуре поселения, о чем свидетельствуют названия улицы – *Масар кас*, *Масар касси* «кладбищенская улица» и традиционные об-

¹ РЭМ. Ф. 1. Оп. 2.496. Л. 7.

² Фукс А. А. Указ. соч. С. 13, 15.

³ РАН. Ф. 77. Оп. 1. (1921-1929).30. Л. 140.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 152. Л. 127-128.

⁵ Мельников-Печерский П. И. Указ. соч. С. 43.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 101.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 172. Л. 13-14.

⁸ РНБ. Q.IV. 379. Л. 21.

⁹ Вишневский В. П. Указ. соч. С. 23.

ряды, например, *сёрен/вирём*. Завершив обход деревни в *сёрен/вирём* чуваша собирались на лугу перед кладбищем и устраивали совместную трапезу.

Рис. 19. Могила символического хозяина кладбища у крещеных чувашей (РБ, Аургазинский р-н, с. Месели, 2013 г., фото автора)

Кладбища чувашами рассматривались как места обитания духов предков. Тщательно выбирали место под кладбище, похороненный первым становился его главой. Традиционная религия чувашей предполагала продолжение жизни в загробном мире, поэтому кладбище считали домом умерших сельчан. Говорили, что кладбище – деревня покойных, называя *вилнисен ял* «мертвая деревня» и *пирён ял* «наша деревня». В память об умерших высаживали деревья, придерживались родового принципа и поминали. Эти основные традиции сохраняются и поныне.

Глава II: ЖИЛИЩА

2.1 Материалы строительства

Материалы, применяемые чувашами в строительном деле, зависели от естественно-географических условий, в которых располагались поселения. Для создания жилых и хозяйственных построек, ворот и изгородей использовали древесину. Лесные зоны позволяли рубить из добротного дерева. В безлесных местностях употребляли и некачественный материал. Чувашаи Башкортостана широко использовали камень, позднее – кирпичи, сохранялось и развивалось саманное производство. Вспомогательными элементами выступали мох, глина, камыши и солома. В строительстве дерево использовалось не только в виде бревен, но и подвергалось обработке. Изготавливали дрань, доску и снимали луб.

В строительстве чувашаи использовали хвойные (*хыр* «ель», *чърйш* «сосна», *семсе чърйш* «лиственница») и лиственные породы (*юман* «дуб», *сайка* «липа», *хурама* «вяз», *сирёк* «ольха», *хурън* «береза» и *айвас* «осина»). Из этих пород рубили жилые и надворные постройки. В фольклорном тексте упоминается и *сёмёрт* «черемуха»: «Ваших окон, ай, рамочки из черной черемухи, ай дерева»¹.

Наиболее распространенным материалом считали древесину липы, в прошлом её предпочитали для дома². С истощением запасов дерева, в качестве строительного материала широко используемого по сей день, чувашаи применяют осину³. Осиновый сруб, обшитый тесом, считается довольно теплым жилищем⁴.

Осину, несмотря на бытовавшие в народе запреты и негативное восприятие, в строительном деле применяли довольно активно, поскольку она приобретала твердость и не гнила. Из неё строили жилые и хозяйственные постройки (Рис. 1).

По отношению к этому дереву на лицо совершенно противоречивая ситуация. Традиционные верования соотносят осину как *усал йывайс* «злое дерево». В православии осина также пользуется недоброй славой. Парадоксально, но и у чувашей, придерживавшихся традиционных верований, и среди крещеных чувашей осина является самым доступным и популярным материалом. Религиозные каноны отходят на второй порядок, а естественно-географические

¹ Воробьев В. П. Чувашские народные песни. Чебоксары, 2011. С. 120.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 354; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 441.

³ Матвеев Г. Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары, 2005. С. 215.

⁴ ПМА – 2010 (РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка).

факторы корректируют традицию. Осиновые леса, произрастающие повсеместно, несмотря на не очень качественную древесину, служили источником строевого сырья.

Рис. 1. Фрагмент сруба из осиновых венцов
(РБ, Хайбуллинский р-н, д. Пугачево, 2010 г., фото автора)

На строительство с использованием осиновых бревен существовал ряд запретов. Это дерево в прошлом не употребляли для домов и хозяйственных построек. Чуваши, поднимавшие амбары из осины, подвергались осуждению старожилками. Со временем «нет уже прежнего нетерпения к этому дереву»¹. Однако осину чуваши не использовали в строительстве церкви. Согласно легенде, на осине повесилась девушка, а другие деревья не позволили ей совершить этот поступок на своих ветвях². Из её досок было запрещено сбивать гроб³.

Нежелание строить из осины присутствует в мордовской культуре. В песнях крепкий сосновый дом и чувство надежности противопоставляется осиновой избе, хозяин которой сравнивается с бездомным человеком («кто построит осиновый дом, кто срубит осиновую избу, тот пусть скажет: у меня нет дома, тот пусть скажет: я бездомный»)⁴.

Ненадежным осину считали за свойство венцов лопаться, так же как и о березе говорили, что она холодна и не терпит влаги.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 293.

² Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000. С. 98, 319-320.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 8.

⁴ Мокшин Н. Ф. Мордва: мокша и эрзя. Саранск, 2008. С. 94-95.

Естественно, главный строительный материал – *йывăç* «дерево». Традиционные знания чувашей делили древесные породы на хорошие деревья, находящиеся под покровительством *Турă*, и плохие, принадлежавшие *Усалу*. К *усал йывăç* причисляли тополь и осину¹.

Ландшафт определял использование различной древесины. Чуваша с. Зириклы Бижбулякского р-на РБ на протяжении столетий зависели от ольхового леса, на окраине которого возникло поселение. Название села – *Çирĕклĕ* «Зириклы» напрямую связано со словом *çирĕк* «ольха». Из этого дерева рубили дома и постройки, изготавливали хозяйственный инвентарь, домашнюю утварь, мебель. Ольховые волокна использовали как красильное вещество.

Семьи чувашей, выделявшиеся из крупных поселений или прибывавшие со стороны, арендовали и выкупали земли под новые селения. Нередко это были лесные участки, сразу вырубавшиеся, а деревья употребляли в строительство. Иногда участки леса на проданной под населенный пункт земле вырубали бывшие собственники.

Башкиры-вотчинники Иглинской волости Уфимского уезда Ногайской дороги и чуваша-переселенцы в 1718 г. заключили договор аренды сроком на 50 лет. Чуваша имели право заниматься земледелием, хмелеводством, уборкой сена, животноводством, рыболовством, сбором дикорастущих плодов и растений, строить мельницы, но вырубать только лиственные породы дерева, используя их в строительстве².

Чуваша, основавшие с. Ивано-Кувалат Зилаирского р-на РБ в 1911 г., и выкупившие землю у Оренбургского Лесного, Промышленного и Торгового общества, на протяжении последующих четырех лет наблюдали за вывозом леса, оставшегося в собственности общества. Большая часть леса была передана во владение сельчан. Для Ивано-Кувалатского товарищества в общее число проданных 2275,00 дес. входило: а) под лесонасаждениями с господством хвойных пород, отнесенных по действующему плану к хозяйственной части для рубки всех пород в первое пятилетие 1905–1909 годы, молодыми 168,64 дес., средне возрастными 8,05 дес., спелыми 169,89 дес. всего 346,58 дес., в) под лесонасаждением с господством лиственных пород тоже туда отнесенных, молодыми 220,86 дес., средне возрастными 107,10 дес., спелыми 659,49 дес., всего 987,45 дес. Итого для Ивано-Кувалатского товарищества было выделено 1334,03 дес.³.

В отличие от осины липу считали священным деревом и охотно рубили из нее срубы⁴. Липовые столбы *юпа* – неотъемлемая составляющая женской могилы, в отличие от мужской, на которых устанавливали дубовые. Липа – материал мягкий, шедший не только на бревна, но и на

¹ Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб., 2010. С. 160, 170.

² Иванов В. П., Архипов И. А. Краеведение: из истории старинного чувашского села Кош-Елга // Чуваша Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989. С. 132.

³ ГАОО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 142 об.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 249.

более искусно обработанные детали. Внутреннюю часть дома из липовых стволов дополнительно не тесали. Дуб обязательно укладывали нижними венцами. По мере доступности дерева и зажиточности, дубовыми были один-два венца, у крепкого хозяина – три-четыре бревна. Иногда дуб доходил до оконного проема, т.е. из него старались срубить до четырех-пяти венцов, следующий ряд – окно, остальные венцы рубили из осины или другого дерева. Использовали березу, несмотря на трудности работы с подобным материалом. Дуб, осину и березу довольно часто комбинировали в строительном деле в одном срубе¹. Ограниченный доступ к лесу или его небольшое количество сказывались на материалах и качестве работы, иногда выполняемой весьма грубо. Наиболее эстетичными и аккуратными, и, одновременно, добротными были сосновые срубы. Их популярность за долгий срок службы, удержание тепла, легкий воздух, сохраняется и сейчас (Рис. 2).

Хвойное дерево в современном строительстве используют наиболее часто. Бытовые постройки также стараются возводить из такой древесины. При нехватке леса, его привозили со стороны. Чуваши с. Шланлы и д. Утаркуль Аургазинского р-на РБ во второй половине XX столетия везли сосновые срубы из богатого лесом Белорецкого р-на РБ.

Вырубка и дальнейший вывоз леса были регламентированы правительством, выдвигавшим требования по отношению к строевому лесу и идущему на дрова. В отчете 1912 г. Преображенского лесничества Орского уезда Оренбургской губернии записано: «В пределах лесничества заготавливаются: а) бревна: Сосновые и лиственные: Размеры от длина (в арш.): 7; толщина (в вершк.) 4; ширина (в вершк.)...; до длина (в арш.) 12; толщина (в вершк.) 10; ширина (в вершк.)... Березовые, Осинные и Липовые от: длина 6; толщина 3; до: длина 9; ширина 8... Дрова: дубовые, березовые, осинные и сосновые 3-х аршин»².

Постройке бревенчатого дома предшествуют заготовка строевого леса, обработка и рубка плотниками³. Крупные работы чуваши проводили сообща, созывая односельчан на *ниме* «помочь». Несколько в иной форме чувашского языка – *миме*. Созвучия встречаем у закамских удмуртов *веме* «помочь», *вемечи* «помочане»⁴. О намечавшихся работах заранее сообщали родным и соседям в разговорах на улице или хозяин дома лично обходил и приглашал на помощь односельчан. Информантом упомянуто, что помогать «выходили, заслышав стук топоров». Чуваши *ниме* делили на смешанные и женские. Собирали их в праздники и дни, свободные от ра-

¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. Л. 52, 134 об.

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13404; ГАОО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 76. Л. 26-27.

³ Фокин П. П. Строительные обряды современной чувашской семьи // Этнология религии чувашей. Чебоксары, 2003. Вып. I. С. 65.

⁴ Садиков Р. Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа, 2001. С. 50-51.

бот. Помочь проводили при заготовке сена, уборке урожая или строительстве¹. Приходившие на помощь с собой приносили инструменты².

Рис. 2. Дом из соснового сруба
(РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат, 2009 г., фото автора)

Заготовкой строевого леса занимались в зимний период, в зиму старались поставить и готовый сруб, чтобы он выстоял до наступления тепла и просел³. В разных деревнях бытовали свои строительные нормы. Чуваш с. Новое Ильмово Черемшанского р-на РТ срубы рубили весной накануне полевых работ, в таком случае дерево за лето просыхало⁴. С момента рубки до установки на фундамент проходило до года. Уложенные венцы окуривали, чтобы обезопасить их от древесных насекомых⁵.

Вырубку леса проводили по выписанным билетам, выданным землевладельцами или местной администрацией. У жителей Преображенской волости Орского уезда Оренбургской губернии «при сухопутной перевозке леса билеты не должны быть требуемы, и таким образом

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 163.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 299.

³ Фокин П. П. Указ. соч. С. 65.

⁴ ПМА – 2014 (РТ, Черемшанский р-н, с. Новое Ильмово).

⁵ ПМА – 2014 (РТ, Альметьевский р-н, с. Клементейкино).

мастеровые при покупке леса у башкир не стеснены»¹. Сообщение относится не только к русским рабочим Преображенского медеплавильного завода, но и чувашам д. Бердяш (с. Бердяш Зилаирского р-на РБ).

Чуваши готовили лес зимой, а в Заволжье – в предвесенний период. Из-за отсутствия лесных массивов приходилось выезжать за Волгу и выкупать здесь участки леса. Это характерно и для безлесных районов Чувашии. Семьи самостоятельно вырубали лес, собирая на помочи родных и соседей. Сваленный лес перевозили в ближайшее поселение в веренице из 10–15 (иногда и 30–40) телег. Дерево, вырубленное в Заволжье, сплавляли по притокам Волги. Связывали в плоты и переправляли с началом весеннего паводка. Со спадом воды на противоположном берегу бревна были на суше и их на телегах перевозили в свою деревню². Для транспортировки заготовленного леса чувашаи использовали длинные телеги *каска урати* (от *каска* «колода, кряж, чурбан, плаха» и *урапа* «телега»)³. Нередко в связи с нехваткой материала лес вырубали ночами или утром и вывозили тайно.

Рис. 3. Готовый сруб держат перед усадьбой
(РБ, Аургазинский р-н, д. Кузбашево, 2013 г., фото автора)

¹ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 154. Л. 5 об.

² Матвеев Г. Б. Эволюция чувашского народного зодчества в 1920-е годы // Художественная культура Чувашии: 20-е годы XX века. Чебоксары, 2005. С. 143.

³ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Месели).

Доставленные бревна укладывали в невысокие штабеля для просушки под солнцем. С бущих венцов обрубали сучки, пробеливали меловой пастой, чтобы избежать появления трещин на высохшем дереве. Затем сортировали бревна и определяли их назначение – для венцов сруба, для распиловки, т.е. под брус, пластины для переводин, оконные рамы, косяки, стойки для перегородок или перекрытия¹.

В работе использовали главный строительный инструмент по дереву – *пуртй* «топор». Первым делом со стволов обрубали сучья, нежелательные наросты и очищали от коры. В строительном деле мастера отдавали предпочтение разным породам дерева в зависимости от назначения. Например, сосна годилась для поднятия сруба, для пола предпочитали использовать сосновые и еловые доски, осину пускали на тес, дуб шел на окладной венец и фундамент здания². Добротная подготовка материала – необходимая составляющая строительного процесса. Русское население Среднего Урала избы и клетки поднимало в два приема. Заготовленный лес рубили, срубы оставляли до полного высыхания на два–три года. Возводили на фундамент уже просушенный на солнце сруб³. Также поступают с готовыми срубами чувашаи, ожидая полного высыхания бревен и постановки их на фундамент с укладкой венцов сруба (Рис. 3).

Продолжительные по времени работы с деревом объясняются и бытованием ряда запретов. Нежелательным считали заготавливать бревна в новолуние⁴. По рассказам информанта, чувашаи стволы дуба, идущего нижними венцами, выдерживали в воде (воспоминания жителя д. Шинеры Вурнарского р-на ЧР). В Республике Башкортостан об улучшении качества дерева подобным способом старожилками не оговорено. Русские-водлозеры, проживающие на берегах о. Водлозеро Пудожского р-на Республики Карелия, перевозя бревна в поселение и освободив от коры, не начинали рубить сруб, пока стволы не пролежат 40 дней, поскольку в это время бревна плакали о своей судьбе (из дерева вытекала смола). Дерево сушили не менее года. Старые люди с. Ундозеро выдерживали бревна не на берегу, а в озерной воде⁵.

Среди чувашей была развита и форма покупки и перевоза из одного места на другое срубленного дома. Жители д. Уралка Орского уезда Оренбургской губернии покупали готовые жилища в соседних русских и башкирских деревнях, поэтому «избы у них устроены неодинаково»⁶. Несомненно, покупка или рубка срубов посторонними мастерами отражалась на строи-

¹ Кошаев В. Б. Традиционное жилище народов Западного Приуралья: Культурогенез. Классификация. Искусство. Ижевск, 2001. С. 242.

² Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 143.

³ Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века. Пермь, 1995. С. 187-188.

⁴ Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб., 2007. С. 583.

⁵ Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006. С. 220-221.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 8.

тельном деле чувашей, создавая новые формы. Если в семье начинались болезни и несчастья, то старую избу продавали и покупали новый сруб. Его непременно ставили на другом участке двора, обманывая этим злого духа, вредившего домочадцам¹.

Сруб для дома поднимали мужчины, женская работа заключалась в прокладывании пазов пластами сухого мха и соломой, замешанной с глиной. Мох собирали заранее в болотистых местах и окрестностях мельничного пруда. На дом расходовали две телеги мха.

Современное строительство не обходится без использования керамического и силикатного кирпича. Его распространение у чувашей связано с дореволюционными зданиями состоятельных жителей крупных сёл и горожан. В XX в. кирпич всё чаще начинают использовать вне зависимости от естественно-географических условий. Производство кирпича в большей или меньшей степени охватило все уезды, в которых проживали чуваше. Связано это было с ликвидацией курных изб (в таком случае кирпич шел для строительства печей) и развитием каменного зодчества. Более предприимчивые мастера отправлялись на заработки.

Данная отрасль у чувашей не получила централизованного развития, распространяясь как кустарный вид деятельности. Кирпич в Казанской губернии (конец XIX в.) изготавливали следующим образом: «Очень многие из кирпичников, быть может, даже большинство, никаких особо приспособленных помещений для занятия своим промыслом не имеют, а производят работы во дворах или под навесом, или под открытым небом. В этих случаях, если кирпич выделяется не сырцовый, то для обжигания его за селом обыкновенно устраивается горн, очень часто принадлежащий не одной семье, а составляющий общую собственность двоих, или нескольких кирпичников... напр., в Высоковке Цивильского уезда, где кирпичным производством занято 27 семей, горнов насчитывается 8»².

Прежде всего, кирпичный промысел был ориентирован на изготовление строительного материала для печей. Возведение дома и построек из такого материала – привилегия зажиточного населения. Пожалуй, наиболее известный кирпичный дом в чувашском селе Республики Башкортостан принадлежал отцу поэта К. В. Иванова, родившегося в с. Слакбаш Белебеевского уезда Уфимской губернии. Строили кирпичные дома и в других поселениях, например, в с. Табынское Гафурийского р-на РБ (Рис. 4). Таких зданий насчитывались единицы, чем крупнее село и состоятельнее жители, тем больше возводилось домов. В крупном с. Девлезеркино Челно-Вершинского р-на Самарской обл. к началу XX в. тремя зажиточными семьями построены три больших кирпичных дома, сохранившихся до наших дней³.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 512.

² Материалы для исследования промыслов населения Казанской губернии. Казань, 1887. С. 39.

³ ПМА – 2014 (Самарская обл., Челно-Вершинский р-н, с. Девлезеркино).

Рис. 4. Двухэтажный кирпичный дом, принадлежавший Федору Терентьевичу Иванову (РБ, Гафурийский р-н, с. Табынское, 2011 г., фото автора)

Для производства кирпича и дальнейшей работы с мастерами заключали договор. Из содержания одного из протоколов: «1903 года февраля 21 дня, мы нижеподписавшиеся Оренбургского уезда Кургазинской волости, крестьяне дер. Уралки, заключили настоящее условие с крестьянином деревни Уралки Петром Федоровичем Ивановым в нижеследующем:

1) Мы Василий Дмитриев и Михаил Иванов подрядились сделать ему Петру Иванову... кирпичей такое количество, какое потребуется для выкладки ему Петру Иванову кладовой. Кладовая эта должна иметь во внутрь меру... ширина которой во внутрь шесть аршин и в длине во внутрь восемь аршин.

2) Упомянутый кирпич мы Дмитриев и Иванов должны сделать из красной глины с применением соломы, песку и чернозема длина которого должна быть три четверти аршина в длину и ширина пол аршина»¹. Естественно, после формовки кирпич направляли на обжиг.

Нередко в строительстве прибегали к комбинации природного камня и кирпича. Его использовали для возведения жилых и нежилых зданий или печей. Кирпичом и камнем в двухэтажных домах выкладывали первые этажи. Зажиточная семья чувашей в 1894 г. построила

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 159. Л. 9.

двухэтажный дом в д. Бердяш (сейчас с. Бердяш Зилаирского р-на РБ). Первый этаж был предназначен под магазин и торговый склад и выстроен из камня и небольшого количества кирпича. Второй этаж – деревянный сруб. Поскольку подобная архитектура не свойственна чувашам, вероятно, прототипом послужили аналогичные жилые здания соседнего крупного русского с. Преображенское (бывший медеплавильный завод, а с 1930 г. с. Зилаир Зилаирского р-на). Постройки повторяются и в русском с. Кананикольское, расположенное на расстоянии нескольких десятков километров. В данном случае налицо проявление межэтнических контактов и заимствование из русского зодчества, нового для чувашей архитектурного решения.

Кирпич довольно успешно применяли в строительной практике. Оренбургские казаки в первую очередь выкладывали из него печи в церквях и домах офицеров. В начале XX в. объемы использования материала увеличиваются и из него строят целые здания – склады, магазины, административные постройки¹. Кирпичные и каменные дома мордвы, как и у чувашей, в прошлом были характерны только для крупных развивающихся поселений².

Немаловажным материалом, проявляющим прочность большую, чем дерево, не требующим изготовления, как кирпич, является *чул* «камень». Плитняковый камень добывали в карьерах, расположенных неподалеку от поселения, поэтому степень его популярности в строительном деле, как и с видами дерева, зависела от ландшафта местности. Камень, используемый при постройке дома, называли *чул пурт* «дом из камня».

Для Приуралья разработка природного камня была традиционным занятием. Семьи добывали его в собственных карьерах, закрепленных за ними, и поставляли на рынок. Заготовленный дикий камень тесали до получения плоских плит *чул хьма* «каменных досок». В настоящее время добыча камня не ведется, поскольку его редко используют для строительства. Камень экономит цемент и не уступает по качеству другим материалам³. Чуваша при возведении жилища камень укладывали в фундамент либо угловые опоры, предшествующие современному фундаменту. В большом количестве камень употребляли при строительстве хозяйственных построек или изгородей усадьбы⁴. Надворные помещения, выложенные камнем-плитняком, часто встречаются в безлесных районах и местах, где имеются открытые выходы породы, доступные жителям для добычи (Рис. 5). Из камня выкладывали лачуги, клетки, помещения для скота.

¹ Рыбалко А. А. Традиционная архитектура оренбургских казаков (вторая половина XIX – начало XX века) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Челябинск, 2007. С. 100-101.

² Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. Йошкар-Ола, 2002. С. 6.

³ Матвеев Г. Б. Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья // Материалы по этнографии и антропологии чувашей. Чебоксары, 1997. С. 120.

⁴ Петров И. Г. Чуваша Башкортостана (Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры). Уфа, 1994. С. 20.

В период 1960–1980 гг. камень постепенно теряет былую популярность в строительном деле чувашей и употребляется только в качестве дополнительного материала. Но для надворных построек он также используется¹. Необходимо уточнить, что дикий камень добывают и сейчас, но делают это в небольших масштабах. Основное предназначение – заложить фундамент будущего дома.

Рис. 5. Хозяйственная постройка из дикого камня
(РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, 2010 г., фото автора)

Выход породы на поверхность и карьеры, находящиеся у поселений, позволяли каменное строительство. Чуваша с. Старое Суркино Альметьевского р-на РТ привозили камень из-под с. Чупаево одноименного р-на, где разрабатывался карьер. Камень отправляли не только на стройку, но из него изготавливали и надмогильные столбы *юпа*². Доступность материала отразилась на его частом использовании.

Надворные постройки из камня – атрибут и современного чувашского двора. Сохранившиеся или перестроенные каменные помещения используются сельчанами в быту. Новые постройки, естественно, выкладывают из камня, освободившегося при разборе старых зданий и изгородей. Поскольку процесс добычи был трудоемким и требовал больших затрат на помочь,

¹ Матвеев Г. Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. С. 215.

² ПМА – 2014 (РТ, Альметьевский р-н, с. Старое Суркино).

то в прошлом каменные здания на усадьбе являлись привилегией состоятельных семей. Из камня выкладывали общественные склады, магазины и ограды (Рис. 6).

Рис. 6. Изгородь из природного камня. Нижние венцы дома заштукатурены глиной (РБ, Бакалинский р-н, с. Ахманово, 2010 г., фото автора)

В безлесных районах (например, в Хайбуллинском р-не РБ, граничащим с Оренбургской областью) чуваша в качестве строительного материала применяли *саман*, *вастуш* «сырцовый кирпич». *Саман* (от тюркского слова *saman* «измельченная солома») – глиняный кирпич с добавлением мелко изрубленной соломы, высушенный на солнце и не подвергавшийся обжигу¹. Другое название кирпича – *вастуш*. Происхождение слова связано с русским «воздушный», т.к. кирпич получался не очень плотным с воздушными пустотами. Использование сырья легко объяснить нехваткой древесины.

¹ Рыбалко А. А. Указ. соч. С. 101.

Из такого материала возводили целые дома. Например, в д. Базлык-Васильевка Бижбулякской волости Белебеевского кантона дом Петра Иванова, высотой 202 см, построен был из сырцового кирпича с толщиной стен в 25 см¹. В Республике Башкортостан чувашаи саманные постройки возводили довольно часто. Остатки подобных помещений сохранились до наших дней. Например, в д. Пугачево Хайбуллинского р-на РБ (Рис. 7–8).

Рис. 7. Дом из саманного кирпича (БАССР, Белебеевский кантон, с. Бижбуляк, 1929 г.)
Фото П. А. Петрова-Туринге // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

Саманные постройки имели широкую географию. Чувашаи Симбирско-Саратовского Предволжья к концу XIX в. в связи с истощением лесных запасов переходят к строительству саманных зданий. На новый уровень изготовление самана выходит с 1930-х гг. в результате колхозного строительства, раскулачивания, пожаров. Взрослому сыну при выделении отдавали саманную постройку, но в таких помещениях было сыро и прохладно².

Саманные дома среди башкир бытовали у беднейшей части населения. Башкиры усергане, кара-барын-табынцы, зауральские катаяцы, юго-западные бурзяне, кипчаки, минцы, ирехтинцы и канлинцы строили жилища из самана – *саман өй*, *кирбес өй*, *балсык өй*³.

¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. Л. 131.

² Симбирско-Саратовские чувашаи. Чебоксары, 2004. С. 205.

³ Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006. С. 186-187.

Глину использовали не только для изготовления саманного кирпича, но и для промазывания пазов между венцами. В таком случае мох был защищен от внешнего воздействия (Рис. 6). Дом оштукатуривали глиной раз в два года, а у косяков – ежегодно. Употребляли всю доступную глину. Изба с обмазанными красной глиной косяками и маленькими окнами выглядит, естественно, «плачущей физиономией»¹. Добычу этого материала проводили на ближайших к поселению участках. В землянках глиной промазывали потолки, полы, что было не очень практично в дождливую погоду.

Рис. 8. Саманная постройка с соломенной кровлей
(РБ, Хайбуллинский р-н, д. Пугачево, 2010 г., фото автора)

Нередко сени дома, постройки или изгородь сооружали из плетня. Материал был доступным, но не лучшего качества. Его использование, как и саманное строительство, характерная черта районов, не обладавших строевым лесом в нужном количестве. Приведем выдержки из документов 1929 г.: «Пос. Петровка Бижбулякской волости Белебеевского кантона... постройки из плетня и бревен; пос. Николаевка... дом построен из дуба, сени из плетня; д. Базлык-

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 12.

Васильевка... двор огорожен местами камнем, местами плетнями; с. Базлык, дом Романова Анисима Матвеевича... надворная постройка чиста и опрятна, огорожены плетнями и каменными заборами»¹. Плетень вокруг двора – признак несостоятельности². Для жилищ города Сувары делали плетневые каркасы, обмазанные с двух сторон глиной. Внешняя сторона имела заглаженный вид, а обратная сохраняла отпечатки прутьев³.

Материалом для кровли, помимо теса, служили дрань, луб, солома и камыш. Способы перекрытия построек и их вариации рассмотрим в следующем параграфе.

Следует отметить, что строительное дело чувашей и окружающих их народов были взаимосвязаны с естественно-географической средой и между собой. Дерево было основным материалом, шедшим на возведение жилых и хозяйственных построек. Природный камень и кирпич в строительстве являлись привилегией зажиточных чувашей. Нехватка лесных массивов приводила к поискам других материалов, поэтому развивается и саманное производство. Доступность глины, соломы и самой технологии способствовали повсеместному употреблению материала, но предпочитали его только при отсутствии более надежного сырья. Для строительства заготавливали также мох, луб, камыш и солому.

2.2 Конструкции жилищ

Дом представляет собой один из главных компонентов крестьянской усадьбы. Традиционное жилище чувашей было стационарным, поскольку они вели оседлый образ жизни, связанный с земледелием и требующий проживания в пределах одной территории. Необходимо выделить два типа строительства помещений – горизонтальное и вертикальное. Усадьба с расположенными здесь жилыми и хозяйственными зданиями занимала ровное горизонтальное пространство относительно земли.

Вертикальное строительство народной культуре чувашей было несвойственно. Строились двухэтажные амбары, служившие для бытовых нужд и проживания в теплое время года, но они были характерны не для всей территории расселения чувашей. Со строительством церквей в поселениях появляется еще один вид вертикально построенного здания. К таковым отнесем и пожарные вышки. Однако имеются сведения о бытовании у чувашей не только домов в два, но и три этажа⁴. Напомним, что развитие двухэтажных жилищ – результат взаимодействия с рус-

¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. Л. 52, 131.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 52-53.

³ Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951. С. 238.

⁴ Никольский Н. В. Собрание сочинений. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары, 2004. Т. I. С. 137.

ским населением и влиянием городского строительства, проявившегося в появлении в деревнях и селах новых типов домов зажиточных чувашских семей (Рис. 1).

Типологию горизонтальной планировки определяют в зависимости от числа жилых и нежилых частиц дома. Для этого используется термин *камера*, в соответствии с которым возможны однокамерные, двухкамерные, трехкамерные или многокамерные помещения.

Деление жилища на *камеры* совпадает с его подразделением на *части*. Смысловая нагрузка сохраняется. Термины определяют жилые и нежилые элементы, т.е. и комнаты, и сени. При этом возникают противоречия, поскольку постройки, имеющие конструкционные отличия и различное функциональное назначение (изба + сени или изба + изба) принадлежат к одному типу. Подобные наложения легко устранить, используя термин *камера* по отношению к жилой половине дома, а под *частью* подразумевать составные элементы (изба + сени)¹. Например, жилище изба + сени относится к однокамерному типу, но двухчастному.

В прошлом основным видом дома чувашей в Республике Башкортостан был однокамерный тип изба + сени. Г. Б. Матвеевым структура жилища изба + сени + клеть соотносится с Бижбулякским р-ном РБ. Двухкамерный вариант изба + сени + изба встречался в лесной и лесостепной зоне. Части дома называли *хура пурт* «черная изба» и *шуря пурт* «белая изба». Избы по-черному исчезли на рубеже 30–40 гг. XX в., однако, в единичных примерах они встречались и в 50-х гг. Бытовое назначение соответствовало временам года. Иногда избы по-черному выступали в роли зимней половины, а избы по-белому – летней частью, спальней и горницей. В 1950–1980 гг. развивается строительство дома с прирубом, пятистенки и дома-крестовика. Новыми формами обладают и кирпичные здания².

В чувашских поселениях и сейчас можно встретить весьма разнообразные виды жилых домов. Сохраняются однокамерные постройки небольших размеров. Свой век в таких домах, как правило, доживают люди старшего поколения и избравшие путь одиночества. В больших однокамерных срубках воздвигают капитальные стены, разделяющие пространство. Наиболее популярны пятистенки, построенные во второй половине XX столетия. Их рубят и наши современники. Кирпичные или блочные дома строят в зависимости от предпочтения владельцев с необходимым числом комнат.

Вид и качество строительных материалов определяли их дальнейшее предназначение. У чувашей известны три техники работы с деревом при строительстве – столбовая, каркасно-столбовая, срубная. Столбовая конструкция заключалась в установке ряда столбов с вырублен-

¹ Атнагулов И. Р. Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века. Магнитогорск, 2007. С. 104.

² Матвеев Г. Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. С. 215.

ными вертикальными пазами, в которые закладывали бревна небольшого диаметра, полубревна или плахи. Таким способом возводили помещения для скота, сени и изгороди (Рис. 2). Каркас-но-столбовая техника заключена в первоначальном создании деревянного каркаса из столбов. Пазы такого корпуса совместно с глино-соломенной и земляной массой заполняли рядами жердей, хвороста и плетня¹.

Рис. 1. Двухэтажный дом (на первом этаже располагался магазин, второй этаж – жилой) (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш, 2009 г., фото автора)

Постройка жилищ из дерева – характерная черта чувашей. Наиболее востребованной была срубная техника строительства. Из бревен рубили венцы, сложенные в стены, которые создавали замкнутое пространство сруба, т.е. будущего дома.

В строительном деле выделяют разные приемы изготовления сруба. Так, Е. Э. Бломквист подмечала у русского, украинского и белорусского населения такие способы, как рубка «в угол» – «в простой угол», «в чашу», «в чашку», «в обло» (у украинцев «у зуб», «у цівки»). Такие приемы считаются наиболее древним способом рубки с остатком – сцепления бревен с выпуском концов. В этом случае в бревне на расстоянии примерно 20 см от края делают полуцилиндрическое углубление, соответствующее соединенному под прямым углом другому венцу.

¹ Матвеев Г. Б. Материальная культура чувашей. Чебоксары, 1994. С. 36.

Первоначально углубления вырубали в нижнем венце, а затем – в верхнем¹. Выпуск бревен предохранял углы от промерзания и изменчивой температуры. Венцы старались укладывать северной стороной наружу, поскольку здесь кольца были плотнее и защищены от морозов².

Рис. 2. Звено изгороди, выполненное столбовой техникой (рисунок автора)

К другим способам рубки с выпуском венцов относятся приемы «в замок», «в крюк», «в иглу», «в охряпку», «в охлуп». Каждый из способов наделен своими преимуществами. Например, рубка «в угол» – наиболее быстрая и дешевая, прием «в крюк» сохранял бревна от перегнивания. На концах венцов без остатка рубили способом «в лапу». Такая техника удобна для основания печи или срубов крыльца³.

Чувашиам была известна рубка *кѣтес картини, ѓавринккѣ карт* «в угол» («в чашу», «в обло»). Небольшие бревна рубили способом *йытй карчѣ* «в охряпку». Плотники рубить срубы

¹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М., 1956. С. 68.

² История и культура Вятского края. М., 2005. С. 186.

³ Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 69-70.

нимёсле «в лапу» начали в 1970–1980 гг., что было удобным при последующей обшивке дома тесом¹ (Рис. 3–5). Мельницы и хозяйственные постройки также рубили «в лапу». Полубревна соединяли «в крюк»².

Строительные приемы были общепринятыми у народов Урало-Поволжья. Популярностью пользовались рубки «в угол» или «в обло». Углубление вырубали в верхнем венце, а иногда использовали старую технику – рубили в нижнем. Применяли и способ «в крюк». Дома «в лапу» рубили нечасто³. Вероятно, данный прием вошел в обиход только во второй половине XX в., когда жилища начали повсеместно обшивать тесовым покрытием.

На строительную практику этнографической группы *анат енчи* «средненизовые чуваш», сосредоточенных на северо-востоке Чувашской Республики, большое влияние оказали русские мастера, но многие традиционные приемы продолжали существовать. Как и в других группах, срубы, главным образом, возводили «в угол», надворные постройки помимо этого «в охряпку» и «в замок»⁴. Аналогично у чувашей Республики Башкортостан.

Рис. 3. Венцы сруба, соединенные *кётес картини, савринкке карт* «в угол» (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат, 2010 г., фото автора)

¹ Матвеев Г. Б. Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья. С. 119-120.

² Матвеев Г. Б. Материальная культура чувашей. С. 36.

³ Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М., 1964. С. 56-57.

⁴ Матвеев Г. Б. Жилище и хозяйственные постройки средненизовых чувашей (Вторая половина XIX – начало XX вв.) (Материалы к историко-этнографическому атласу) // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары, 1988. С. 54.

Чуваши были известны две техники рубки дерева – с выпуском остатков венцов и рубка без остатка. Первый вид часто употребляли в строительстве. Так же работали и русские мастера¹. Избы, покупаемые чуваши у других народов, соответствовали общим тенденциям: «Стоит дом, купленный у русского... рядом изба, купленная у башкир, с рубленным из бревен коньком, с длинными (от угла $\frac{3}{4}$ аршина) концами бревен»².

Рис. 4. Способ рубки *нимёсле* «в лапу»
(РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, 2010 г., фото автора)

При рубке срубов венцы нумеровали, чтобы не перепутать их при установке на фундамент. Топором делали специальные зарубки, отражавшие порядок возведения венцов. У удмуртов при строительстве на бревнах также вырубали знаки³. Плотники топором наносили удары по дереву, оставляя неглубокие насечки в виде вертикальных линий, квадратов, ромбов и скрещенных полос, т.е. наносили зарубки, означающие последовательность бревен⁴. Сейчас повсеместно пользуются римской нумерацией, отмечая краской порядок и число венцов в срубе. Краской подписывают номера и буквы стен, избегая путаницы.

¹ Федоров П. А. Плотничное ремесло. Постройка сельских деревянных домов и принадлежностей к ним. СПб., 1902. С. 68; Ащепков Е. А. Русское деревянное зодчество. М., 1950. С. 10.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 8-9.

³ Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Записки Императорского Русского географического Общества по отделению этнографии. СПб., 1889. Т. 14. Вып. 3. С. 70.

⁴ ПМА – 2014 (РТ, Лениногорский р-н, с. Новое Серезжино).

Вдоль бревна вырубали пазы, которыми укладывали на предыдущий венец. Между ними клали мох, солому, замешанную с глиной, и паклю. Кстати, в деревнях Чувашской Республики солома и глина не используются. Таким образом, стены не продувались, не мокли, следовательно – не гнили.

Рис. 5. Фрагмент угла способом *йытй карчӗ* «в охряпку»
(РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш, 2009 г., фото автора)

От качества леса зависело число венцов в срубе. Добротная сосна, ель либо дуб позволяли обходиться меньшим количеством стволов, чем некрупные осиновые бревна. При постройке нижними венцами старались уложить более крупные и надежные стволы, в основном, дубовые. Для последующих венцов в случае нехватки хорошего дерева выбирали некрупные бревна. Особенно это характерно для комбинированных построек. Количество венцов и их диаметр

подтверждают высота и толщина стен жилых домов. Например, в д. Кистенли-Богданово в 1929 г. было описано жилище высотой в 202 см, с толщиной стен в 18 см. 225 см высотой и 15 см толщиной и 278 см высотой и 20 см толщиной известны дома из с. Базлык. В д. Базлык-Васильевка высота одного из домов составляла 183 см при толщине стен в 15 см¹.

Во время специальных экспедиционных выездов автором этих строк зафиксированы дома, имеющие разное число венцов и построенные из разных пород дерева. Например, встречались жилища в 12 (с. Антоновка и д. Пугачево), 13 (с. Бердяш), 14 (с. Бишкаин), 15 (с. Ивано-Кувалат), 16 (д. Юламаново), 17 (с. Ахманово и д. Юльtimiровка) венцов. Сохранились постройки с большей либо меньшей высотой.

Термин *пёрене* «бревно» заимствован чувашами из русского языка, как и в случае с татарским, башкирским и казахским языками². Из бревен рубили срубы, служившие хозяйственными и жилыми постройками. С внутренней стороны дома стены тесали, промазывали глиной и белили или оставляли нетронутыми. Поминая усопших, к передней стене дома ставили восковые свечи³. Зажигая, их крепили по одной сбоку от входной двери. Свечи соотносили с числом покойных, иногда их количество достигало десяти. Под свечами ставили пустое ведро или чашу⁴.

Деревянный сруб устанавливали разными способами. Во-первых, под углы вкапывали *пукан*, *юпа*, *шашка* «деревянные столбы», «чурбаки». Предпочтение отдавали дубовым столбам⁵. Их число было различным, ставили только по углам 4 опоры либо по 6 и даже 8 чурбаков. Например, для с. Новое Сereжкино Лениногорского р-на РТ было характерным возводить сруб на 6 столбах, равноудаленных друг от друга⁶. Пространство между землей и срубом закладывали камнями либо засыпали землей. В случае установки будущего дома без фундамента, т.е. непосредственно на землю, нижние венцы забрасывали грунтом⁷.

Для фундамента кроме дубовых столбов использовали еловые или сосновые чурбаки. Расстояние, на которое их вкапывали в землю, было различным. Информанты говорят о 50, 60 или 80 см под землей при общей длине столбов до 1–1,5 м. Чуваша д. Куезбашево Аургазинского р-на РБ вкапывали в землю 1–1,5 м дубовые бревна⁸. Один из критериев глубины ямы для столбов – это выкапывание её «до глины»⁹. Нередко опорами были выкорчеванные пни деревьев.

¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. Л. 52, 134 об.

² Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 156.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 417.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 178. Л. 203.

⁵ Матвеев Г. Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. С. 215.

⁶ ПМА – 2014 (РТ, Лениногорский р-н, с. Новое Сereжкино).

⁷ ПМА – 2014 (РТ, Альметьевский р-н, с. Старое Суркино).

⁸ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, д. Куезбашево).

⁹ ПМА – 2014 (РТ, Черемшанский р-н, с. Новое Ильмово).

Иной формой фундамента служили огромные камни, на которых возводили сруб. В образовавшееся пространство закладывали природный камень. В южных районах Республики Башкортостан камень для фундамента применяли наиболее часто. С конца XX в. под фундамент используют цемент¹. Камни выбирали крупные, чтобы постройка располагалась над землей до полуметра² (Рис. 6). Добавим, что подобный фундамент был доступен зажиточным семьям³.

В прошлом на каменном фундаменте некрещеными чувашами с. Старое Суркино Альметьевского р-на РТ была построена клеть, в которой приносили дары добрым духам. *Ырӑсем кӗлечӗ* «клеть *ырӑсем* (добрых духов)» представляла собой постройку с дверью, обращенной на восток. Дальнейшая судьба неизвестна, т.к. по одним сведениям в 1920-е гг. её разобрала татарская семья из соседнего села и увезла с собой, за что они понесли наказание, вскоре умерев. По другим – клеть стояла еще в послевоенные годы. Фундамент, по словам информантов, был сложен по углам из четырех камней⁴.

Срубы поднимали и без фундамента. В бедных чувашских дворах Республики Башкортостан дома и надворные помещения ставили прямо на землю⁵. В таком случае нижние венцы называли *никӗс* «фундамент». Их, чтобы сохранить тепло, закидывали землей⁶. Фундамент отсутствовал и у саманных построек, поскольку первые ряды кирпича укладывали на землю. Однако в большинстве случаев жилище имело фундамент, от которого зависела высота пола. По наблюдениям Н. В. Никольского, наибольшая высота встречалась в Белебеевском, Козьмодемьянском и Чебоксарском уездах⁷. Для утепления и эстетичного восприятия, в XX в. основание дома начинают зашивать досками, иногда покрывают краской.

Устройство чувашами фундамента совпадает со строительной практикой восточных марийцев, устанавливавших по углам дома деревянные опоры или камни, и татар, поступавших аналогично⁸.

Основание жилища – фундамент, стены – пространство, в котором проживает семья, завершающим звеном конструкции построек выступает *витӗ, тӑрӑ, тӗне* «крыша». У чувашей здания покрывали двускатные, трехскатные и четырехскатные кровли. Для надворных помеще-

¹ Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 215.

² ПМА – 2010 (РБ, Аургазинский р-н, д. Юламаново).

³ Воробьев Н. И. К истории сельского жилища у народов Среднего Поволжья // Краткие сообщения Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Вып. XXV. М., 1956. С. 7.

⁴ ПМА – 2014 (РТ, Альметьевский р-н, с. Старое Суркино).

⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 35.

⁷ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 137.

⁸ Сепеев Г. А. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX–XX вв.). Йошкар-Ола, 1975. С. 143; Воробьев Н. И. Казанские татары (Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1953. С. 165.

ний устраивали и односкатную (плоскую) крышу. В чувашских деревнях и селах Республики Башкортостан развитие получили все перечисленные виды (Рис. 7). Для лесного массива (северо-западные районы) доступным был двускатный тип кровли, у чувашей распространенный повсеместно. В лесостепи (юго-западная зона) появляется четырехскатная форма – *уна кучё, шатрун*. *Уна кутлă*, т.е. крыша в три ската также довольно часто встречается в поселениях. Нередко разные типы соседствуют друг с другом. Шатровое покрытие дома, по мнению информантов, удобно при отсутствии теса для фронтонов¹.

Перекрытие здания в три ската представляло «так называемый особый способ крыть крышу»². Переходным видом кровли, применяемым чувашами поныне, является двускатная крыша, которая делается немного короче длины сруба. С торцевых сторон к ней подводят дополнительные скаты, но короткие, не достигающие её конька. Свободный участок зашивают вертикальным тесом, как на фронтоне кровли в два ската³.

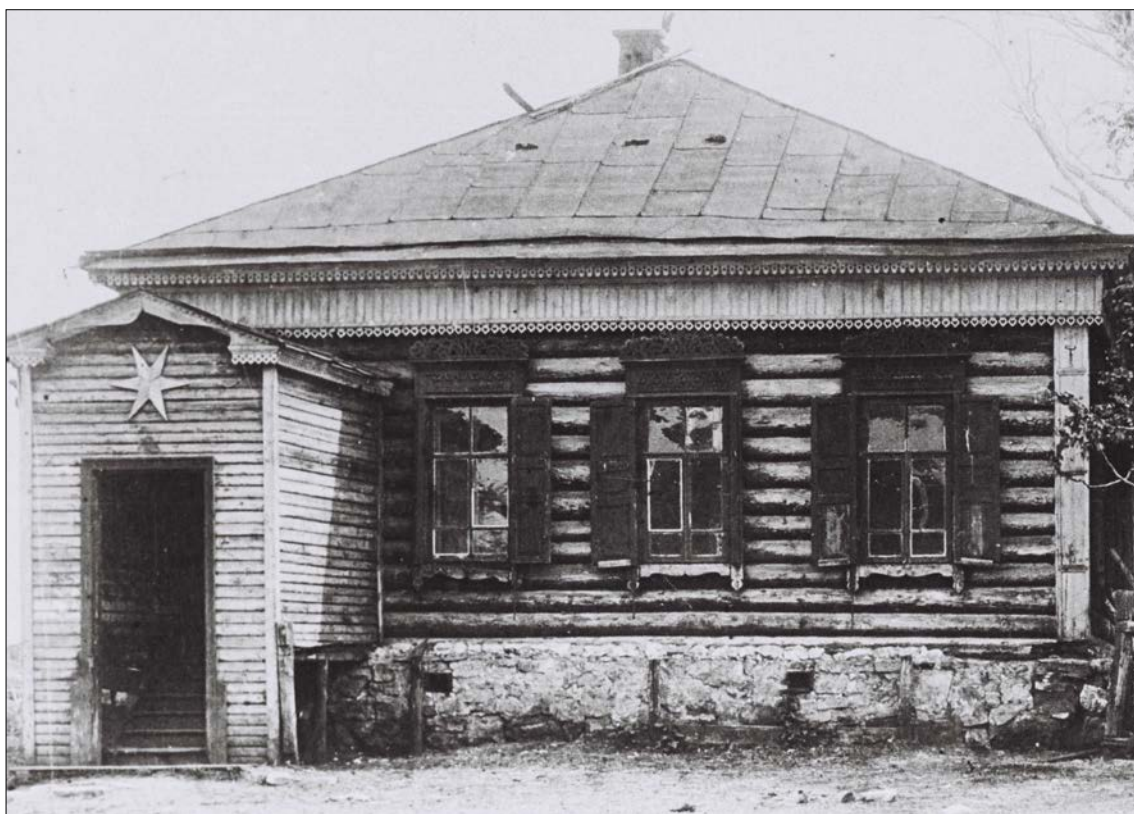

Рис. 6. Дом на каменном фундаменте (БАССР, место съемки неизвестно, 1929 г.)
Фото П. А. Петрова-Туринге // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

¹ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, д. Утаркуль).

² Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. 3. С. 249.

³ Чуваша: этнографическое исследование. Материальная культура. Чебоксары, 1956. Ч. 1. С. 179.

Дома и другие постройки чувашаи Республики Башкортостан, как правило, завершали двускатными крышами, характерными для многих поселений¹. Другие виды были менее употребляемы, что неоднократно подчеркнуто архивными сведениями и информантами². При возведении кровли в три ската, на улицу выходила двускатная сторона с тесовым фронтоном, третий скат – во дворе (Рис. 9).

Рис. 7. Двускатная, трехскатная и шатровая крыши
(РБ, Гафурийский р-н, с. Антоновка, 2011 г., фото автора)

И шатровые, и двускатные конструкции были под соломенным перекрытием. Железо и тес могли позволить себе только богатые чувашаи и сельская интеллигенция³. Деревни и села чувашей Республики Башкортостан выделялись старыми домами с обилием шатровых крыш. Кровельными материалами служили солома, железо и шифер, набравший свою популярность в строительном деле во второй половине XX столетия⁴. К списку необходимо добавить камыш, луб, тес и толь, в наши дни – профилированный лист.

Переход к использованию новых материалов в качестве кровельных и отказ от традиционной соломы в разных поселениях происходил неравномерно. Например, старожилы Аургазинского р-на РБ вспоминают, что до 1950 гг. сельские дома имели только соломенные кровли

¹ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Чуваш-Карамалы).

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 150. Л. 338; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 238; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 10; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 170.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 9.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 5-143.

(с. Бишкаин), одновременно в д. Утаркуль жилища начинают перекрывать тесом. В с. Месели исчезновение соломенных перекрытий соотносят с 1960 гг. На смену приходят тес и железо, первоначально использовалось бочковое железо. Материалы были впоследствии заменены на более прочный и долговечный шифер¹.

Крыши чуваша перекрывали доступными по ландшафту материалами – *у́лм* «солома», *хуп*, *курӑс хуппи* «луб», *чӑренче* «дрань», *чус* «тес», *калай* «железо». Динамику иллюстрирует отрывок: «В прежние времена крыши состояли из драницы, лубка, соломы, а за последнее время стали употреблять больше тесу и кровельное железо»². Аналогично другое сообщение: «Кровли на домах бывают разными, соломенные, из драни, тесовые и в последнее время, когда земство стало принимать противопожарные меры и выдавать кровельное железо на льготных условиях, нередко стали появляться крыши покрытые железом»³. Помимо железа для предотвращения пожарной ситуации использовали глиносоломенное перекрытие, т.е. соломенные снопы, пропитанные жидкой глиной⁴.

В XVII – первой половине XIX в. преобладающим типом материала для перекрытия у чувашей лесной местности были дрань и луб. В лесостепной зоне они использовались и в начале XX столетия. Еловые бревна при помощи клиньев раскалывали топором на части. Полученные доски длиной в два и более метра с шириной в 10–15 см при покрытии упирали нижней частью в бревна, закрепленные на деревянных крюках. Бревна с желобом были водостоком. Луб укладывали сверху вниз под жердями, прикрепленными к слегам кровли. Бытовало и двойное покрытие. В таком случае расстилали ряд камыша, затем – луб. Он же шел основанием под дранку, заготовленную из осины, дуба, ели, сосны и т.д. Дерево для расщепления распиливали на чурбаки в 35–50 см и кололи. Под дранку подкладывали тес, бересту либо луб⁵. Лубяные крыши – атрибут небогатых чувашских семей, в отличие от жилищ состоятельных хозяев:

Богатые люди чем приметны? –
Дома крыты тесом,
Жены одеты в фабричное сукно.
Бедные люди чем приметны? –
Дома крыты лубом,
Жены одеты в домотканое сукно⁶.

¹ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Бишкаин, с. Месели, д. Утаркуль).

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 34.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 616-617.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 170.

⁵ Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 45-46.

⁶ Николаев Г. А. Богатство и богатые люди в представлениях средневожского чувашского крестьянства второй половины XIX – начала XX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 45.

Чувашские деревни и села представляли собой, прежде всего, крестьянские дворы с жилыми и подсобными помещениями, перекрытыми соломой (Рис. 8). Этот материал наиболее часто использовали в строительном деле. Соломенные кровли на рубеже XIX–XX веков преобладали над тесовыми и железными крышами, встречавшимися в деревнях в малом количестве¹. Дом, поставленный на фундамент, старались сразу перекрыть. В течение одного дня закрывали соломой. При нехватке свободного времени крышу обкладывали соломой по утрам, перед началом рабочего дня.

Рис. 8. Дома покрытые соломой (БАССР, Белебеевский кантон, с. Бижбуляк, 1929 г.)
Фото П. А. Петрова-Туринге // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

По словам старых жителей, прежде чем перекрывать крышу, устанавливали стропила, например, на сруб в шесть метров через два метра поднимали три ряда стропил. Привязывали к ним горизонтальные жерди, на которые вертикально укладывали луб, ветви и стволы молодых деревьев. Чтобы выпрямить луб либо большие куски бересты их держали под грузом. В завершении сверху к низу крыши начинали складывать солому. Слой достигал пятидесяти сантиметров. Со временем он спрессовывался, становился меньше. При необходимости солому докладывали, а в голодные годы снимали и кормили скот. Солому с крыши перемалывали и добавляли в муку, из которой выпекали хлеб. Завершали покрытие крыши жерди, связанные попарно

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 150. Л. 338.

между собой и придерживающие соломенный покров. Их старались уложить на расстоянии пятидесяти сантиметров друг от друга. В советские годы для покрытия новой крыши колхозное правление выделяло один воз соломы. Конечно, подобная кровля не была совершенной и во время дождей часто протекала.

Для соломенных перекрытий ставили каркас в два ската либо шатрового типа. При двускатной крыше фронтоны не заделывали, оставляя их свободными¹. Дома с соломенными крышами встречались в Республике Башкортостан вплоть до конца XX в. Так, в с. Кош-Елга Бижбулякского р-на РБ последнюю старую избу, перекрытую соломой, разобрали в 1992–1993 гг.

Главным приемом при использовании соломы был способ «внатруску», связанными снопами крыли редко. «Внатруску», т.е. покрытие рядами соломы, укрепленной слегой, привязываемой к обрешетке крыши. Известны приемы установки снопов комлем вверх и комлем вниз. Иногда последующий ряд прикрывал нижнюю линию. Способ «под щетку» заключался в применении развязанных снопов и расстеленных рядами на кровле.

Уже описанная конструкция соломенной крыши имела дополнения. В нижней части устраивали основание. К нижним слегам крепили крюки и жерди и на их концах врубали палки, упиравшиеся своим окончанием в венцы сруба. На крюках держались два-три ряда жердей и солома. В приготовленное основание втыкали концы палок обрешетки, настилали хворост, а затем укладывали соломенные ряды. Солому притаптывали ногами и очесывали граблями, снимая излишки и формируя плотный слой. Поверх, как оговаривалось, на крыше ставили перевязанные жерди, перекинутые на коньке. Закрепляли солому и специальными шнурами *уртмах*, *ленкёрлѣх* «соломенные жгуты»².

На смену соломенным кровлям приходят тесовые крыши. Новый тип придавал жилищу более надежный и эстетичный вид: «Дом имеет тесовую крышу, обшитые тесом углы, украшенный карниз»³. Тес относился к добротным материалам, что видим в народном творчестве чувашей:

Белая изба покрыта тесом,
чтобы не проливалось во время дождя;
те, у кого есть дочери,
стерегут их, чтобы дочери не вышли (тайком) замуж⁴.

¹ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Чуваш-Карамалы).

² Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 46-47.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 120.

⁴ Ашмарин Н. И. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. Казань, 1900. С. 79.

Чуваши возводили тесовые крыши двумя способами. В первом случае из бревна готовили четырехугольный брусок, равный длине будущей крыши, на одной из сторон которого делали паз. Бревно «прибивается к нижнему концу крыши посредством двух крючков, концы которых прикрепляют к стропилам. Затем возьмут бревно погребут его на костре и начнут щипать большим ножом, который сделают исключительно для этого. Как пройдут один раз, начнут еще и т.д. пока не кончат. Так щипают много досок толщиной с пальцы. Эти доски вставляют одним концом в закрой, а другой конец прислоняют к стропилам. Так обставляют обе стороны и получается крыша... Другой способ, который общепринят, как русскими, так и чувашами делается так: пилят бревно и прибивают прямо гвоздем»¹.

Тесовые крыши делали двухрядными. Первый ряд теса настилали на горизонтальные слеги, поверх них укладывали второй ряд. Он закрывал собой стык между досками первого ряда. В таком случае крыша была защищена от непогоды, дождевая вода не проникала в дом. Тес крепили к слегам, число которых было различным в зависимости от размеров жилища или постройки. Завершал конструкцию конек. Для стека воды доски, закрывающие первый ряд, были несколько длиннее и имели на конце одну или две выемки (Рис. 9).

Рис. 9. Дом-пятистенки с тесовой трехскатной крышей (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат, 2009 г., фото автора)

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 441-442.

Стропильные конструкции крыши изготавливали одновременно с самцовыми, вытесненными из строительного дела в настоящее время. Способ *сыснала*, *шитме* «самцовый тип крыши», по праву можно отнести к архаичным приемам. Сейчас он встречается только на старых хозяйственных постройках, например, у клетей или амбаров. Самцами называют укорачивающиеся венцы стен, создающие треугольные фронтоны. У сруба они продолжают переднюю и заднюю стены. На концы самцов укладывали *кашта* «слеги», образующие каркас будущей кровли. Их крепили в пазах деревянными гвоздями. *Тўне кашта* «верхняя слега» лежала на верхних самцах¹.

Крыши саманных построек состояли из стропил, установленных на деревянные венцы поверх ряда кирпича, или стропила поднимались на самостоятельных столбах, закрепленных с наружной стороны здания².

Таким образом, традиционные жилища чувашей Республики Башкортостан подверглись долгому процессу трансформации от простейшего строения типа изба + сени до многокамерного здания. В строительном деле использовали разные материалы и приемы работы. Свойства дерева определяли стиль рубки и долговечность будущей постройки. Завершив сруб, чувашаи выдерживали его длительное время до полного высыхания дерева, а затем устанавливали на фундамент. Известны дома, не имеющие основания, возведенные на земле. В строительстве применяли камень, кирпич, саманные блоки и т.д., но доминирующим было дерево. Крышу покрывали дранью, лубом, камышом, соломой, а позднее железом и иными материалами. Возводили как самцовые, так и стропильные конструкции кровель. Стропильная основа позволяла делать двускатные, трехскатные и четырехскатные перекрытия домов. В зависимости от доступности разных видов материала бытовала вариативность его использования при постройке жилых и хозяйственных помещений.

2.3 Двор

Единство жилых и бытовых построек, расположенных в непосредственной близости друг от друга на определенном земельном участке, составляло замкнутое пространство – двор, подворье, усадьбу. В чувашском языке для обозначения этого пространства в значении «двор» употребляются слова *карташ*, *картиш*, *кил картиш*, *кил-сұрт*, *кил хушиш*, *нұрт-сұрт* и др. Со звуком с чувашскими *карташ* и *картиш* является мордовский (эрзянский) термин *кардаз*, од-

¹ Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 44.

² Иванов Л. А. Современный быт и культура сельского чувашского населения. Чебоксары, 1973. С. 47.

новременно обозначавший и «двор», и «хлев»¹. Двор возникал в процессе застройки участка постройками, а при сохранении патриархально-родовых взаимоотношений с объединением домов достигал внушительных размеров². На свадьбу в просторный двор въезжали до 25–30 верховых³. На одном большом дворе могли поставить несколько изб. Как правило, для женатых сыновей. Такой пример подметил И. Н. Смирнов в 1902 г. у чувашей Белебеевского уезда Уфимской губернии⁴. Двор выступал самостоятельной хозяйственной и социальной единицей, где проживала одна или несколько семей, скрепленных родственными отношениями⁵. Двор у чувашей имел вариантные названия, отражавшие объекты, подразумеваемые разными словами. Дом и жилые постройки в целом обозначались термином *сұрт-йёр*, а дом и усадьба – *сұрт вырй*⁶. Собственно двор, стоит напомнить, называли *карташ/картайш*. Второе значение – «огород»⁷. Религиозно-обрядовая семантика дома, предложенная А. К. Салминым, включает *нурт* «избу», жилые и хозяйственные постройки и земельный надел, на котором они расположены, – *сұрт*. Объединяет все это, включая семью и скот, *кил-сұрт*⁸.

В некоторых местах центр двора у чувашей занимала жилая изба, не имеющая каких-либо пристроек, а домашняя дверь открывалась сразу во двор⁹. Со двора заходили и в другие постройки¹⁰. В деревнях на неогороженных изгородью дворах П. С. Паллас встречал и бессистемное расположение изб с постройками¹¹. Чувашские подворья были подобны марийским, но жилой дом стоял отдельно посреди двора и имел другой вид и другое расположение¹².

Для чувашей традиционным было содержать дворы в чистоте и сохранять в течение лета «около своих хижин зеленеющую траву и деревья»¹³. Чисто выметенный двор подчеркивал ак-

¹ Эрзянско-русский словарь: Ок. 27000 слов. М., 1993. С. 235.

² Салмин А. К. Указ. соч. С. 528.

³ Фукс А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 63-65.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 256. Л. 327.

⁵ Сулейманов Ф. М. Башкирский двор в конце XVIII – первой половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Уфа, 1998. С. 3.

⁶ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 2000. Т. 11-12. С. 274.

⁷ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. 6. С. 116-117.

⁸ Салмин А. К. Семантика дома у чувашей. Чебоксары, 1998. С. 17.

⁹ Лепёхин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб., 1771. С. 138.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 34.

¹¹ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 138.

¹² Гакстгаузен Август. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1869. Т. 1. С. 309.

¹³ Говоров А. С. Ивановка. Монографическое описание села Екатерининской волости Самарской губернии. Самара, 1926. С. 53; Милькович К. С. О чувашах. Этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия. Казань, 1888. С. 1.

куратность и хозяйственность семьи¹. Особенно тщательно дворы готовили на свадьбы, как со стороны жениха, так и невесты².

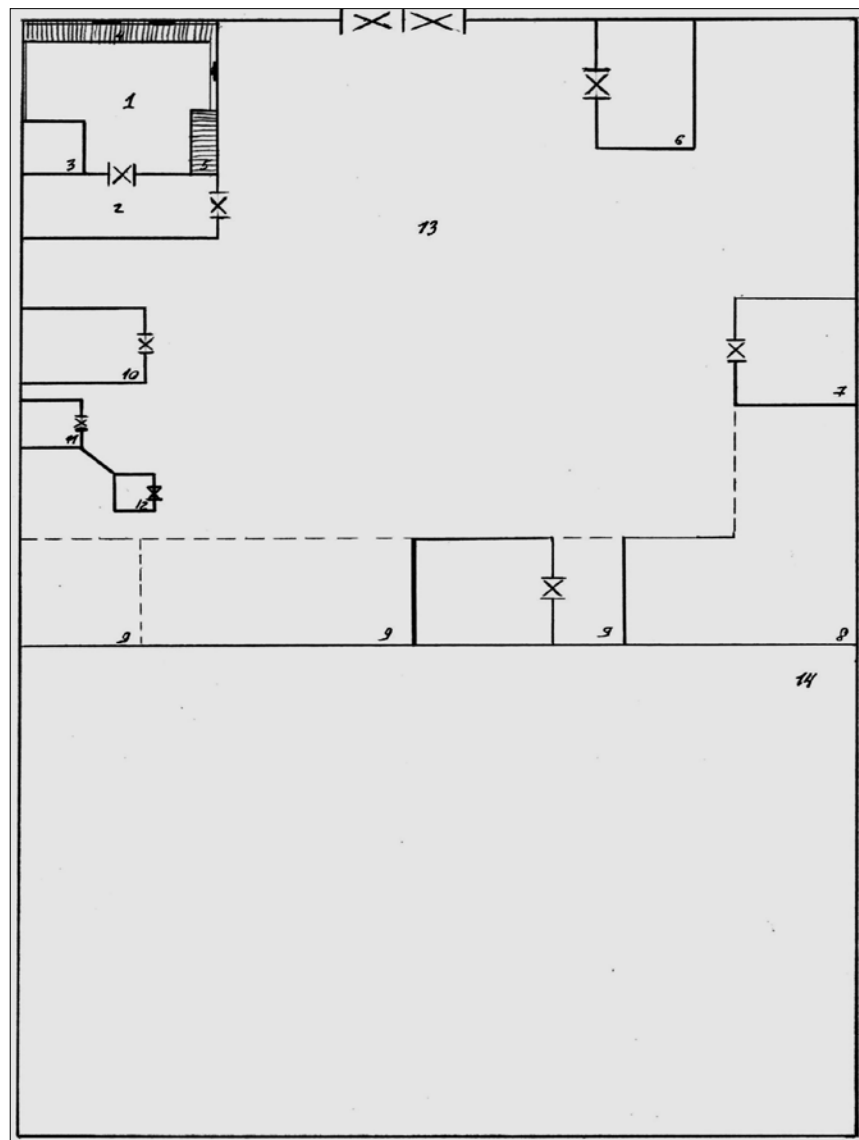

Рис. 1. Дом и двор (БАССР, Белебеевский кантон, с. Кош-Елга, 1929 г.)
1 – изба, 2 – сени, 3 – печь, 4 – нары у передней стены, 5 – нары у входа, 6 – амбар,
7 – курятник, 8 – сарай, 9 – хозяйственные постройки, 10 – погреб, 11 – чулан,
12 – лаç, 13 – двор, 14 – огород // НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. № 1720

Домашними делами занимались на хозяйственной, удаленной от ворот и дома, половине. Жители с. Нижние Карамалы Белебеевского уезда пели: «Почаще метите у себя на дворе, чтобы

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 348. Л. 87.

² Фукс А. А. Указ. соч. С. 62; Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 50-51.

играть, катая садовые яблоки»¹. Летом двор целиком покрывала зеленая трава². У дома чуваша сажали деревья, называвшиеся *чӱк йывӑс* «жертвенное дерево»³. А у марийцев на дворах обязательно росли одна или две липы⁴. Совершая жертвоприношение *Киремету* дома, чуваша резали животное у дерева, растущего во дворе или на огороде⁵.

Дворы чувашских поселений по классификации соотносятся с типом круглого, известного как двор-крепость. Жилой дом располагался в центре, окруженный несомкнутыми надворными помещениями на большом участке⁶. При дворе-крепости на улицу выводили глухие стены домашних построек, окружавшие территорию двора⁷. Для Республики Башкортостан типично самостоятельное нахождение изб или соединение с постройками в Г-образную (глаголеобразную) и П-образную (покоеобразную) связь. Постройки чувашских дворов имели определенное местонахождение⁸. Не только в Республике Башкортостан, но и в деревнях и селах чувашей Западной Сибири двор застраивали в Г-образном или П-образном порядке⁹. Новые дворы создавали на участках, прилегавших к поселению¹⁰.

На земельном наделе, занимаемом семьей, располагались двор, огород и гумно, если оно не было соединено с гумнами односельчан и не находилось отдельно с дворовой частью. Экспедиция Приуральского чувашского педагогического техникума 1929 г. во главе с П. А. Петровым-Туринге, изучая разные аспекты традиционной культуры чувашей, фиксировала планировку подворий¹¹. По заданию Академии Наук выполнены работы над 1200 планами чувашских жилищ и надворных хозяйственных построек¹².

Общие фотографии с видами поселений Базлык, Бижбуляк и Кош-Елга воспроизводят типы дворов чувашей конца XIX – начала XX в. Отчеты экспедиции содержат сведения о структуре дворов и расположении на них построек (Рис. 1).

¹ Ашмарин Н. И. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. С. 21.

² Меньшов И. Этнографический очерк быта и обычаев чуваш Уфимской губернии, Златоустовского уезда // Записки Оренбургского отдела Императорского географического общества. 1875. Вып. III. С. 238.

³ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 2000. Т. 15-16. С. 263.

⁴ Гакстгаузен Август. Указ. соч. С. 296.

⁵ Вишневский В. П. О религиозных поверьях чуваш. Казань, 1846. С. 14.

⁶ Матвеев Г. Б. Материальная культура чувашей. С. 43.

⁷ Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. М., 1997. С. 15.

⁸ Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 185.

⁹ Коровушкин Д. Г. Чуваша в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск, 2009. С. 31.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 215.

¹¹ Петров И. Г. Слово о педагоге, краеведе и этнографе П. А. Петрове-Туринге // Чувашский гуманитарный вестник. 2008. № 3. С. 32-44.

¹² Баронов С. Изучение быта чувашей. Возвращение экспедиции Чувпедтехникума // Красная Башкирия. 1929. 12 июля. С. 4.

Территория двора занимала меньшую часть по отношению к огороду. Разница площади зависела от общих размеров усадьбы, степени застройки бытовыми помещениями и их собственных объемов. Но дворы всегда были меньше огородов, что подтверждают фотоснимки, выполненные П. А. Петровым-Туринге¹. Естественно, изменения связаны с развитием огородничества, а затем и садоводства, возделыванием новых видов культур.

До середины XIX в. у чувашей Республики Башкортостан огороды располагались в стороне от усадьбы и даже поселения: по долинам рек, у водоемов, на пойменных лугах. С началом перепланировки сельских поселений в 40–50 гг. XIX в. огороды переносят в пределы дворов². Для сохранности овощей их обносили изгородью.

Рис. 2. Рядовая застройка бытовых построек двора
(РБ, Хайбуллинский р-н, с. Яковлевка, 2010 г., фото автора)

Традиционная планировка сельского двора подверглась внешнему влиянию и изменилась, чему способствовали и естественно-географические условия. Однако в поселениях, удаленных от центральных населенных пунктов, она распространена и в наши дни. В селах и деревнях встречаются разные варианты местонахождения жилых и хозяйственных построек, отвечающие предпочтению домовладельцев и внешним факторам. Например, в с. Яковлевка Хайбуллинско-

¹ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210.

² Петров И. Г. Чуваша Башкортостана (Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры). С. 16.

го р-на РБ на усадьбе бытовые помещения находятся в единой связи между собой и домом. Для удобства устроены внутренние двери, позволяющие не выходить на улицу (Рис. 2). Исключением служат гараж для транспорта и баня, построенная в глубине двора или на огороде. Подобный тип планировки вызван суровыми зимами и большими снежными завалами села, находящегося в степной зоне.

Для с. Ивано-Кувалат Зилаирского р-на РБ предпочтительно П-образное (покоеобразное) незамкнутое соединение построек. Аналогично и в д. Юльtimiровка Бакалинского р-на РБ, перестроенной, по словам информантов, в конце 90-х гг. XX века, когда многие сельчане срубные деревянные дома заменили кирпичными зданиями. Но планировку двора сохранили¹ (Рис. 3).

Рис. 3. П-образное (покоеобразное) расположение надворных построек и дома (РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, 2010 г., фото автора)

Попробуем реконструировать чувашское подворье с. Ивано-Кувалат Зилаирского р-на РБ, принадлежавшее В. Ф. Иванову (1930 г.р.). Дом устроен к улице боковой стороной, перед ним участок, отведенный под палисадник, засаженный плодовыми деревьями и кустарниками. Усадьба в целом состоит из палисадника, двора, на котором в П-образном виде расположены не сомкнутые между собой хозяйственные помещения, и огорода, засаженного овощами. Параллельно дому находится гараж, а рядом – погреб с вместительной наземной частью. Затем следу-

¹ ПМА – разные годы (РБ, Хайбуллинский р-н, с. Яковлевка; Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат; Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка).

ет навес для дров и домашнего инвентаря, амбар из 14 осиновых венцов, установленный на высокие дубовые опоры. Когда-то к амбару примыкал навес, служивший столярной мастерской. Эти постройки соединены между собой. Отдельно располагаются помещения для скота. Они состоят из открытой части, обнесенной изгородью из горизонтальных жердей с одной стороны, выполняющей функцию ворот, а с другой – глухим дощатым забором с выходом на огород. В углу стоит уборная. Закрытая часть сарая состоит из крепкого сруба, разделенного на секции для скота и пристроенной неутепленной части. Под углом к этому комплексу стоит летняя изба. По конструкции изба – четырехстенный сруб с одним небольшим окном, выходящим во двор, закрытая двускатной тесовой крышей. Перед избой построены легкие сени. Баня находится в стороне от построек на расстоянии 6–7 м на рубеже палисада и огорода. Планировка встречается на многих дворах в разных вариациях, например, погреб выкапывали в начале, середине или конце огорода¹.

Другая форма застройки двора представлена одной из усадеб с. Бердяш Зилаирского р-на РБ. Дом занимает правый угол двора и обращен торцевой стороной по отношению к улице. Хозяйственные постройки объединены в два ряда, параллельные друг другу. Левая сторона состоит из амбара, теплых помещений для домашних животных, а правая – из бани, навеса для скота, разделенного на части, и летней кухни².

Пространство двора принимало участие в обрядовой жизни чувашей. На свадьбу во дворе устанавливали скамьи и столы, создавая П-образный *шилёк*. Это место подразумевало наличие скамей, стола, деревьев, у которых проходили основные события³. Прежде чем заехать к невесте во двор, родные жениха объезжали его несколько раз⁴.

Если в семьях умирали новорожденные дети, то младенца в летнее время выносили во двор. Когда в доме появлялся новорожденный, то повитуха поднимала ребенка и передавала родителям, предсказывая ему жизнь в семье⁵. Трудные роды облегчали, обращаясь во дворе с просьбой о душе для новорожденного, жертвуя при этом хлеб. При родах, протекавших без затруднений, повивальная бабушка в благодарность бросала во двор яйцо, хмель и солод, после чего мыла младенца⁶. При болезни ребенка его выносили на середину двора, прикрывали до-

¹ ПМА – 2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат).

² ПМА – 2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш).

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 373.

⁴ Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. С. 76; Сбоев В. А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856. С. 33.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 411-412.

⁶ Магнитский В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собраны в некоторых местностях Казанской губернии. Казань, 1881. С. 193, 195.

машним корытом для замешивания теста, читали молитву. Затем здесь же били по корыту, а ребенка омывали отваром¹.

Проводя домашнее жертвоприношение, чувашаи резали скот во дворе, но готовили пищу в летней кухне или избе. Последующая совместная трапеза также проходила на дворе². Покровителем домашнего скота и территории двора считается божество *Карта турри* «хозяин прясла» либо «божество дворового скота». Ему в дар адресовали кашу из пшена или полбы³.

У чувашей во дворе существовало специально отведенное место для забоя домашнего скота и птицы. На этом месте закалывали животных и для жертвоприношений. Данное пространство считали священным, на котором нельзя было плевать и справлять нужду. От детей его огораживали, могли туда поставить обрубок бревна⁴. Мордва верила, что во дворе находится божество, оберегающее семью, скот и в целом усадьбу. Обитало оно в центре двора под камнем, в яме. У камня проводили жертвоприношения. Плита была уложена на уровне земли, «под ней вырыта яма, куда, закалывая животных для домашних жертвоприношений, спускали кровь». На камне резали скот и вливали под него кровь и в повседневное время. Исключения делали для птицы⁵.

Чуваши во дворе совершали семейное моление *килѣш пӓтти*⁶. В пространство двора удмурты также постепенно переносили обряды, ранее проходившие в семейной *куале*. Для этого отводили место, обнесенное изгородью, чтобы избежать его осквернения⁷.

Поскольку двор выступал самостоятельной единицей, то продукты на коллективные моления собирали от каждого хозяйства. Например, совершая обряды *сумӓр чӓк* либо *авӓн сӓри*⁸. Двор как особое место чувашаи и марийцы почитали для произношения клятвы. В доме этого не делали, опасаясь последствий⁹.

От семьи, занимавшей один двор, призывали на службу рекрута. Именно во дворе завершалась определенная часть проводов в солдаты, проходившая дома. В центре двора новобранец совершал три земных поклона¹⁰.

¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 3. С. 84-85.

² Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 61.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 40. Л. 268; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 78-79.

⁴ Михайлов В. И. Обряды и обычаи чуваш // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. 1891. Т. XVII, вып. II. С. 103.

⁵ Мельников-Печерский П. И. Очерки мордвы. М., 2012. С. 32, 43-44.

⁶ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 46.

⁷ Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Вып. III: Остатки старинных языческих верований и обрядов у вотяков. Казань, 1921. С. 69.

⁸ Миролубов В. И. Из быта крещеных чуваш. Казань, 1889. С. 11-12.

⁹ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 122.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 166.

Перед выходом, выездом со двора чувашаи придерживались примет: если встречалась женщина с пустым сосудом или собака, то выезд откладывали на один-два часа¹.

С территорией двора связаны похоронно-поминальные обряды чувашей. Перед смертью человека во двор выносят вещи, поскольку *Чун или (Эсрел)* «ангел смерти», приходящий за душой, надрезает суставы и сбрызгивает кровью домашние предметы². С целью очищения в доме после смерти человека мыли стены семи нижних венцов³. У марийцев умершего сразу же выносили во двор и омывали на лубе, надевая затем чистую одежду⁴. Этим его готовили в последний путь на деревенское кладбище. Прощание покойного с домом и родными проводили во дворе и удмурты. Закрытый гроб выносили из избы, ставили на обрубок бревна, разворачивали три раза против солнца. Так закрывали дорогу домой для умершего, приходившего теперь только в поминальные дни по приглашению⁵.

Поминальные действия сопровождались обязательным сбором части пищи и напитков для покойного, а в общие дни памяти – для всех умерших родственников. В ходе совместной трапезы в посуду складывали еду, выливавшуюся затем на дворе для животных⁶. Нового покойного поминали каждую пятницу вплоть до обряда *юна*. Обязательно пекли блины, готовили яйца. Кусочки каждого блюда выносили во двор и складывали где-нибудь в углу⁷.

Частично поминание происходило во дворе. На рассвете здесь собирали стол, вокруг него играли музыканты и плясали присутствующие, в завершении стол как бы случайно опрокидывали. Действо символизировало возвращение покойника на кладбище, поучаствовавшего в трапезе, поминках и удовлетворенного таким вниманием⁸.

Ежегодным днем памяти предков считается *калӑм кун* – за день до весенних поминок, обычно в среду. Для этого умершим родственникам накрывали стол. Во дворе разводили символический костер, олицетворявший домашний очаг, у которого обогревались собравшиеся души родственников⁹. Кашу для обряда варили в центре двора, трапезу совершали в доме. предска-

¹ РАН. Ф. 21. Оп. 5.149. Л. 119.

² Прокопьев К. П. Похороны и поминки у чуваш. Казань, 1903. С. 7.

³ Салмин А. К. Система религии чувашей. С. 483.

⁴ Фукс А. А. Указ. соч. С. 253.

⁵ Гаврилов Б. Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. С. 184.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 79; Сбоев В. А. Указ. соч. С. 136; Магнитский В. К. Указ. соч. С. 170, 175; Вышеславцев А. Похоронные и поминальные обряды некрещеных чувашей // Известия Русского географического общества. 1884. Т. XX. С. 279.

⁷ Никанор, архиепископ. Остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань, 1910. С. 35-36.

⁸ РНБ. Ф. Q.IV. 379. Л. 20-20 об; Сбоев В. А. Указ. соч. С. 139.

⁹ Сироткин М. Я. Чувашский фольклор: Очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары, 1965. С. 12.

зывая будущий урожай, в чашку с приготовленной для обряда кашей клали сырые яйца и обходили двор. Если яйцо варилось за это время, надеялись на урожайный год¹.

Смерть зажиточного и уважаемого человека сопровождалась длительными поминками. Согласно Г. Ф. Миллеру, в этом случае не только выполняли необходимые обрядовые предписания, но совершали цикл мероприятий. Среди них – и игровая часть. Так, вколачивали на дворе две жерди, между которыми натягивали нить с продетым кольцом. Молодые люди соревновались в стрельбе из лука. Победителю отдавали лошадь покойного².

Чуваши приписывали мертвым отрицательные черты, в том числе – способность вызывать болезни. Для выздоровления готовили лепешки из качественной муки и во дворе, поделив на кусочки, бросали за изгородь, затем выливали пиво, вино³. Такими действиями задабривали рассердившегося покойного. От болезни защищались и другими способами. Например, накаливали 42 камня и в полночь выбрасывали во двор. Аналогичное действо проделывали с 42 горошинами. Обращаясь к духу *Хытӓм* и молясь в избе, собирали в кадушку пиво и продукты. Наполненный до краев сосуд выливали во дворе. Этим участники обряда оберегали себя от воздействия злого духа⁴.

Изгородь. Общими усилиями чуваши огораживали деревенское пространство, а свои усадьбы каждый домохозяин самостоятельно обносил изгородью. Ставили заборы *çатан карта* «горизонтальный плетень» и *шӓтӓрнам* или *тӓратма çатан* «вертикальный плетень». Зажиточные чуваши вокруг усадьбы устанавливали *хӓме* «бревенчатый забор» и *тӓкме* «изгородь из дубового частокола».

В наши дни в чувашских селах Республики Башкортостан по-прежнему распространены различные названия типов дворовой изгороди. Например, в с. Бердяш Зилаирского р-на РБ ограду и помещения для содержания скота называют *карта*. Жители д. Юламаново Аургазинского р-на РБ уточняют – *вӓрлӓк карта*, а в с. Бишкаин заборы именуют *хӓме*. Чуваши из с. Месели вертикальную ограду называют *шӓтӓрнам*, плетневую – *çатан*, а сбитую из двух-трех жердей – *вӓрлӓк*. Добавим, что изгороди из жердей крепили к столбам не только прибивая, но и перевязывая гибкими прутьями вокруг них в форме «восьмерки». Так, на х. Надеждинский Зилаирского р-на РБ подобные ограды встречались до начала 60-х гг. XX в., позднее жерди начали прибивать гвоздями. Что касается забора из плетня, то, по воспоминаниям информантов, для него использовали ивовые прутья⁵.

¹ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 106-107.

² Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 79.

³ ИВР РАН. Р. II. Оп. 4.23. Л. 3 об.

⁴ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 156, 119-120.

⁵ ПМА – разные годы (РБ, поселения Аургазинского и Зилаирского р-нов).

Основой каждого типа изгороди, за исключением *тёкме*, состоящего из поставленного вплотную частокола (Рис. 4), были вертикально вкопанные столбы. К ним крепили промежуточные звенья. Например, вязали или прибивали жерди (Рис. 5), пропускали горизонтальный плетень (Рис. 6), крепили жерди, через которые продевали вертикальные прутья (Рис. 7). В пазы столбов укладывали бревна при строительстве забора *хўме*.

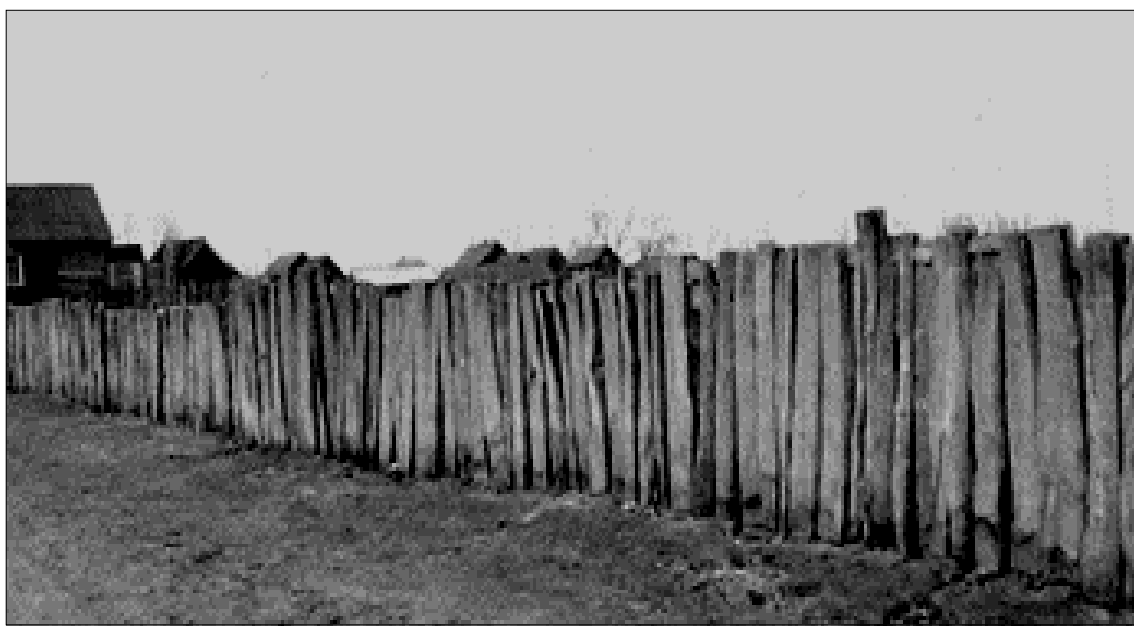

Рис. 4. Забор *тёкме* (ЧАССР, Батыревский р-н, д. Сидели, 1976 г.)
Фото Ф. И. Хатаевского // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Т. 612. № 2

Изгородь зависела от местности, где расположено поселение. В лесных районах использовали большее количество леса, здесь ограды были капитальными. В степи бытовали легкий плетень и прясло. Плетневым забором огораживали дворы небогатые чуваш¹. Из добытого дикого камня выкладывали *чул сапур* «каменный забор». Г. Б. Матвеев справедливо подмечает, что вариативность названий изгородей носит локальный и объяснительный характер, т.к. указывает на материал, область распространения и заимствования².

В Республике Башкортостан каменные ограды получили распространение у чувашей Аургазинского, Белебеевского и Бижбулякского районов³. Каменным забором и плетнем к 1929 г. загородил двор крестьянин с. Базлык Бижбулякской волости Белебеевского кантона БАССР

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 52-53.

² Матвеев Г. Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. С. 88.

³ Иванов Л. А. Указ. соч. С. 66.

(Бижбулякский р-н РБ) Анисим Романов. Жители д. Базлык-Васильевка аналогично, т.е. «местами камнем, местами плетнями», окружали усадьбы¹.

Рис. 5. Изгородь *вёрлэк карта* (РБ, Аургазинский р-н, с. Бишкаин, 2010 г., фото автора)

Рис. 6. Плетневая ограда *сатан карта*
(РБ, Аургазинский р-н, д. Утаркуль, 2013 г., фото автора)

¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. Л. 52, 131.

В наши дни ограда из камня встречается редко. На усадьбах чувашских поселений имелись разные типы изгородей. В с. Ближнее Сормово Канашского р-на ЧР популярны заборы из жердей *вёрлĕк карта* и плетня *ракатка карта*, как вертикального, так и горизонтального, вид которого считали наиболее эстетичным¹. В с. Шланлы Аургазинского р-на РБ чувашаи обносили свои дворы «плетенью, простой оградой и решеткой», а жители д. Чубукаран устанавливали дубовый тын *тĕкме*².

Рис. 7. Вертикальный плетень *шăтăрнак* (РБ, Аургазинский р-н, с. Наумкино) // Из собраний Н. Т. Федорова

В условиях современного строительства чувашаи огораживают приусадебные участки и дворы глухим дощатым забором, штакетником, кирпичной кладкой, листами железа и стали (профилированный лист). В удаленных поселениях и среди пожилого населения сохраняются и старые типы изгородей. Встречается прясло из жердей, плетневые и бревенчатые заборы с горизонтально заложенными в пазы столбов плахами и целыми стволами. *Вёрлĕк карта*, как пра-

¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 706. Л. 4.

² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 6, 75.

вило, служит для ограждения огородов и земельных наделов, расположенных за усадьбой, предназначенных под капустник, сад, участки под сено.

Рис. 8. Ограда из штакетника с антропоморфной вершиной (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат, 2009 г., фото автора)

Наиболее популярным видом забора является штакетник, встречающийся в сельской местности повсеместно. Выделим три формы вершин: 1) прямая, отпиленная ровно; 2) углом, имеющая треугольный вид; 3) антропоморфная. Верхняя часть подобной ограды напоминает голову человека. Большую роль сейчас имеет полихромная раскраска изгородей. На фотографии видим окрашенный в два цвета забор, антропоморфное окончание которого выделено краской другого цвета (Рис. 8). Прием покраски разными цветами широко распространен, подчеркивая детали ограды.

Изгородь, возведённая вокруг двора, оберегала избу и надворные постройки от посторонних взглядов, олицетворяя своеобразный рубеж внутрисемейного быта и деревенского мира, связь с которым осуществлялась благодаря воротам.

Ворота. Въезд на усадьбу со стороны улицы был оформлен воротами, которые можно назвать своеобразным лицом двора. Неслучайно при строительстве особое внимание уделяли воротам, а подъезжая их, в первую очередь, рассматривали¹.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 169; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 444.

Называли ворота *хапха*, что, несомненно, связано с глаголом *хуп* «затворять», «закрывать»¹. Архитектурные формы представлены разными вариантами. Из жердей и прясла создавали ворота *вёрлэк хапха* или *сил хапха* (Рис. 9). Дощатые ворота без крыши называли *чйвашла хапха* «чувашские ворота» (Рис. 10). Заимствованными у русского населения, но широко распространенными среди народов Урало-Поволжья были *вырйсла хапха* «русские ворота», представлявшие собой тесовую конструкцию с двускатным перекрытием (Рис. 11). Для Южного Урала и Заволжья характерны глухие двустворчатые либо одностворчатые ворота с крышей и без неё, легкие ворота из прясел².

Рис. 9. Ворота во двор из жердей
(РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш, 2009 г., фото автора)

Помимо слова *хапха*, чуваша говорили *хам*, *йлак*. Ворота называли *хапха алйк*, *итем хапха* «ворота на гумно», *йыт карти хапха* и *сил хапха* «ворота из жердей», а калитку обозначали словосочетанием *кёсён хапха*³. Тщательная отделка свойственна воротам русского типа. Домовладелец старательно занимался нанесением резьбы на ворота, а «после этого только принима-

¹ Егоров В. Г. Указ. соч. С. 286.

² Иванов Л. А. Указ. соч. С. 65.

³ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 15-16. С. 53-56.

ется за избу, хотя бы в постройке избы было больше нужды, чем в воротах»¹. В одном из описаний двора зажиточной чувашской семьи говорится о воротах из добротного теса с двускатной крышей и решеткой. Завершает композицию фигура петуха, изготовленная столяром².

Большое значение чуваша придавали декоративному украшению воротных столбов. На них наносили орнаменты при помощи резной, барельефной, пропильной (накладной и ажурной) и резной накладной резьбой. Дополнительными деталями выступали точеные украшения. Столбы нередко орнаментировали резной резьбой.

Рисунок покрывал, как правило, лицевую сторону воротных столбов. Вверху орнамент начинался резной розеткой, а вниз были направлены рельефно вырезанные веревочные полосы. Узор иногда располагался на середине столба. Пространство между веревочными лентами заполняли комбинации прямых линий или некрупные розетки³. Орнаментами подлежали столбы и переводы, но не полотна ворот. Подзоры под перекрытием украшали узорами. В зажиточных дворах над воротами крепили резную доску, как и на фриз жилого дома⁴. Столбы на воротах аналогично орнаментировали марийцы, башкиры и коми⁵.

Строительство ворот *вырӑсла хапха* в соответствии с русской традицией и их монументальность отражают фольклорные произведения чувашей:

Отцовские ворота на русский лад, эх, на русский лад –
как же я выйду из них, как выйду...

Ворота русские тяжелы,
Саньке не под силу,
ворота русские тяжелы,
Саньке не под силу⁶.

Добротные тесовые ворота противопоставлялись воротам из прясла *сил хапха*, которые были «устроены кое-как из жердей». Помимо резьбы на столбах вершины русских ворот чуваша оформляли зубцами⁷.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 169.

² Никольский Н. В. Собрание сочинений. Этнографические альбомы. Чебоксары, 2009. Т. IV. С. 49.

³ Воробьев Н. И. Резьба по дереву у чувашей // Советская этнография. 1956. № 4. С. 145.

⁴ Чуваша: этнографическое исследование. Духовная культура. Чебоксары, 1970. Ч. 2. С. 285-286.

⁵ Соловьева Г. И. Марийская народная резьба по дереву. Йошкар-Ола, 1986; Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Декоративное творчество башкирского народа. Уфа, 1979; Жеребцов Л. Н. Крестьянское жилище Коми АССР. Сыктывкар, 1971.

⁶ Воробьев В. П. Указ. соч. С. 108, 279.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 53-54.

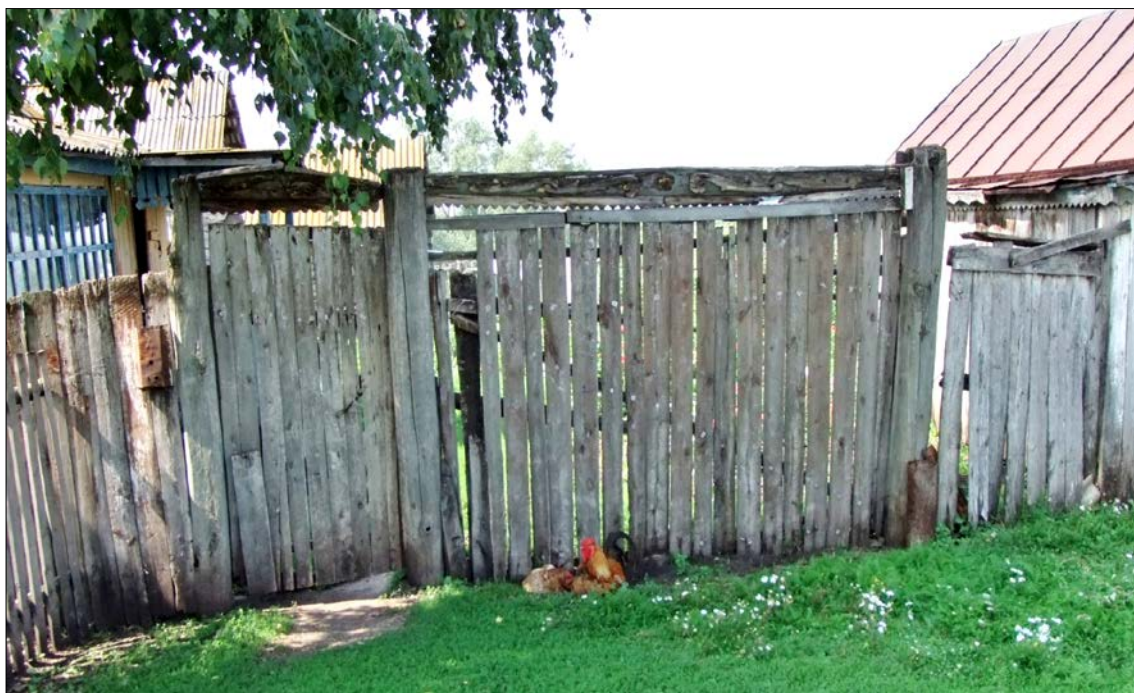

Рис. 10. Тип ворот *чъвашла хапха*
(РБ, Аургазинский р-н, с. Чуваш-Карамалы, 2013 г., фото автора)

Виды ворот в чувашских деревнях и селах Республики Башкортостан довольно разнообразны. Естественно, наиболее простой конструкцией обладают *вёрлэк хапха* либо *сил хапха*. Популярны и вышеупомянутые ворота русского типа. Сейчас полотна ворот, крышу изготавливают из железа или профилированного листа. На деревянных конструкциях столбы обшивают тесом с наложением разнообразных узоров, заменяя традиционную орнаментацию резьбой. Встречаются ворота без крыши – *чъвашла хапха*.

Экспедицией, проходившей в 1962 г. в д. Аделькино Белебеевского р-на БАССР, были описаны двустворчатые типы ворот, имеющие П-образный каркас. Створки изготавливали тесовые и железные. Вертикальные столбы, составляющие основу конструкции, выступали над горизонтальным. На нем возвышалась полукруглая дуга, имитирующая крышу ворот¹. Функционирующие ворота подобной конструкции зафиксированы в с. Ивано-Кувалат Зилаирского р-на РБ. Одностворчатое полотно расположено между двух вертикальных столбов. Две калитки из теса с разных сторон ведут в соседние дворы. На воротах нанесено полихромное покрытие синего цвета² (Рис. 12).

Работая «в поле» удалось осмотреть значительное число разнообразных типов ворот, ведущих во двор. Наибольшего внимания, несомненно, заслуживают *вырйсла хапха* с орнаменти-

¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 93.

² ПМА – 2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат).

рованными резьбой воротными столбами. Рассмотрим ворота, обследованные в двух домохозяйствах с. Ивано-Кувалат Зилаирского р-на РБ. На усадьбе А. К. Корниловой (1926 г.р.) столбы украшены двусторонним веревочным узором. Центральную часть по всей длине столба занимает ромбовидный сюжет, выполненный врезной резьбой. В верхних и нижних частях нанесены солярные символы. На вершине входных ворот высверлена линейная композиция (Рис. 11). Воротные столбы у Н. И. Петрова (1930 г.р.) имеют по центру крупный веревочный узор. Вершины венчает символ, аналогичный солярному знаку, наверху – треугольник, напоминающий женское нагрудное украшение. Ворота с полихромной раскраской¹.

Символ, украшавший столбы ворот, распространен на старых надмогильных памятниках у чувашей, придерживающихся традиционных верований². Нанесение резьбой на воротные столбы узоров служило признаком зажиточности и статуса семьи.

Рис. 11. *Вырйсла хапха* «русские ворота» с орнаментированными столбами (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат, 2010 г., фото автора)

¹ ПМА – 2009–2010 (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат).

² Руденко С. И. Чувашские надгробные памятники // Материалы по этнографии России. СПб., 1910. Т. 1. С. 81-88.

Ворота, согласно мировоззрению чувашей, так же, как и изгородь, воплощали собой идею рубежа. Их считали признаком оседлого образа жизни, пограничным периметром жилого пространства семьи. Линию «дом – улица» дополняли символические знаки. Накануне *мункуна* в ворота, амбары, сараи втыкали рябиновые ветви, оберегавшие домочадцев от несчастий. Защиту границы дома осуществляла подкова, прибитая с улицы¹. Злых духов отгоняли и цветами чертополоха на воротах, двери и окнах. Ежегодно во время цветения растение меняли.

У ворот девушки гадали, перебрасывая через них на улицу лапти. В зависимости от направления веревочек, определяли сторону, откуда появится жених². В Крещение от ворот до дома рассыпали горох, поскольку верили, что после этого куры будут хорошо нестись³.

С воротами связан и выезд свадебного поезда со двора, у них молились, обращаясь во все стороны света⁴. В воротах родители невесты встречали прибывший поезд жениха⁵. Важное значение занимали ворота в похоронно-поминальных обрядах⁶.

Рис. 12. Ворота, увенчанные дугой, заменившей двускатное перекрытие (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат, 2009 г., фото автора)

¹ Салмин А. К. Указ. соч. С. 537.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 395.

³ РАН. Ф. 77. Оп. 3.29. Л. 3.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 40. Л. 236.

⁵ Салмин А. К. Указ. соч. С. 254.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 25.

Безусловно, ворота – это линия границы, о чем свидетельствуют обрядовые функции полевых ворот поселения, ворот во двор, а также обряд «Прохождения в земляные ворота». Идея заключена в очищении и обновлении разрушающегося организма – деревенского пространства¹. Для проведения обряда готовили *сёр ханхи* «земляные ворота», в которые проходили жители деревни и прогоняли домашний скот, что предохраняло сельский мир от бед и эпидемий или защищало от уже наступившего несчастья².

Таким образом, пространство двора являлось не только местом сосредоточения жилого дома и хозяйственных построек, но и принимало участие в обрядовых действиях. С улицей двор связывали и отделяли ворота, а изгородь служила защитой. Первоначальное строительство дома в центре со временем исчезло. Дом был перенесен в угол участка, выходящего одной стороной на улицу. Традиционные П-образная и Г-образная планировки двора сохранялись до наших дней, но расположение построек варьировалось в зависимости от территории и вкуса владельцев. Новым элементом усадьбы стали палисадники, цветники, а из построек – гаражи для транспорта. На архитектуре отразилось влияние городского строительства, что видим в использовании новых материалов. Как и прежде, надежная ограда усадьбы и искусно выполненные ворота, орнаментированные узорами, подтверждают положительные качества семьи. Обряды, совершаемые во дворе, подчеркивали роль территории, служившей для повседневного времяпровождения домочадцев и проведения религиозных церемоний.

2.4 Дом

Дому чуваша отводили наиболее благополучное и удобное место своего двора. Жилище называли *пурт* «изба, дом», созвучное с марийским словом *пöрт* «изба» и финским *pirtti* «курная изба», «баня»³. *Пыртом* именовали свои срубные избы и саамы⁴. Для обозначения жилища чуваша употребляли и другие термины: *сурт*, *сорт*, *кил*, *пурт-сурт*, *сурт-йёр* и *кил-сурт*⁵. Семантическое значение слов было рассмотрено ранее. У чувашей избы представлены двумя видами: традиционная *хура пурт* «курная изба» и более поздняя *шуря пурт* «белая изба», имеющая печь с дымоходом и трубой⁶. Но более примитивными типами жилища у них являются шалаши и землянки. Чуваша использовали их как временные постройки при переселении на новое

¹ Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары, 1994. С. 60.

² Прокопьев К. П. Обряд прохождения в земляные ворота (Из быта чуваш) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XIX. 1903. С. 208-213.

³ Егоров В. Г. Указ. соч. С. 172.

⁴ Харузин Н. Н. Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895. С. 16.

⁵ Салмин А. К. Семантика дома у чувашей. С. 8.

⁶ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1999. Т. 9-10. С. 88.

место жительства. Например, проживая в землянках, возводили срубный дом. Стены внутри помещения закрывали каркасом из прутьев, крышу промазывали глиной, полы оставляли земляными либо наносили слой глины, а иногда застилали деревом. Именно такое объяснение было получено автором этих строк от жительницы с. Ямансаз Зилаирского р-на РБ Купцовой Елизаветы Никаноровны (1946 г.р.). Проживание чувашских семей в землянках в ходе возведения нового дома встречалось еще во второй половине XX столетия¹. В землянке проживали до года и более, в зависимости от завершения строительства.

В Ядринском уезде Казанской губернии чувашаи еще в начале XX века жили в землянках, имевших стены, потолок и укрепленные столбами углы. «Этот тип землянок заставляет вспомнить жилища Городецкого городища на Оке... Жилища этого городища являются землянками прямоугольной формы, с плоским полом и односкатной кровлей. Посреди некоторых были обнаружены примитивные очаги», – писал А. П. Смирнов о подобном виде жилого пространства. По мнению исследователя, бытовавшие у чувашей полужемлянки аналогичны помещениям Пермиловского селища V–VI веков².

Землянки использовали и финно-угорские народы. Развитие подобного рода жилищ зафиксировал арабский писатель X в. Ибн-Даста (Ибн Русте, Абу Али Ахмед ибн Омар). Он пишет, что народы, соседствующие с волжскими булгарами, зимой проживали в ямах, закрытых крышами, поверх засыпанными землей³. Поскольку автор не указывает названия народов, то под ними можно подразумевать предков и чувашей, и финно-угров.

В процессе раскопок Первого Тигашевского городища в Батыревском р-не ЧАССР были исследованы остатки неглубоких полужемлянок и срубных наземных помещений, в которых сохранились фрагменты пола и подполий. В одном из углов располагали печь из камней, промазанную глиной. Печь устанавливали на деревянные брусья, что встречаем в сельских чувашских избах⁴. При строительстве печи в соответствии с традицией и сейчас используют подобную конструкцию.

Говоря о видах жилых помещений населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. стоит выделить переносные жилища и стационарные постройки. Археологами обнаружен однокамерный наземный дом без подпола на Измерском селище, однокамерный наземный дом с заглубленным земляным полом без подпола на Остолоповском селище, жилище с ямой-подпольем на Рождественском V селище. С конца XI в. встречаются срубные дома-пятистенки (например, на

¹ ПМА – 2010 (РБ, Зилаирский р-н, с. Ямансаз).

² Смирнов А. П. Древняя история чувашского народа (до монгольского нашествия). Чебоксары, 1948. С. 27.

³ Харузин Н. Н. Указ. соч. С. 10.

⁴ Димитриев В. Д., Паньков И. П. Население Чувашского Поволжья в составе Булгарского государства // Материалы по истории ЧАССР. Чебоксары, 1958. Вып. 1. С. 78-79.

Алексеевском VI селище). Другими видами жилища были полуземлянки. Над землей выводили по два–три венца, двускатная крыша упиралась на угловые столбы. Бытовали односкатные и шатровые кровли (Старокуйбышевское V селище). Полуземлянки с центральным опорным столбом соотносят с началом XIII в. (Рождественское V селище)¹.

У чувашей, расселившихся среди башкир, были известны строения *аласык* и *бурама*. Чувашаи Белебеевского уезда в летнее время использовали *аласык*. В центре находился открытый очаг, у стен складывали домашнюю утварь и постель. Постройки из некачественной древесины в виде четырехстенных срубов называли *бурама*. Пол, потолок отсутствовали, здание венчала двускатная кровля, выступающая впереди. Окон не делали, свет проникал через щели между венцами. Заходили в дверь. В *бураме* устраивали очаг и нары, на которых хранили необходимые в быту вещи и продукты².

Постройки *аласык* и *бурама* получили свое развитие у чувашей в процессе взаимных контактов с башкирами. У чувашей известна *лас* «лачуга», служившая жилым помещением в теплое время и летней кухней³. Ей аналогична и удмуртская *куа* или *куала*, представлявшая сруб без пола и потолка⁴. В случае же с постройками *аласык*, *бурама*, башкирские названия прочно вошли в обиход чувашей и стали применяться по отношению к бытовым помещениям, летом используемым для жизни и приготовления пищи.

Среди башкир *аласык* встречался у несостоятельного населения и как наиболее простой в своем исполнении имел вид плетневого сооружения с коническим окончанием. Его ставили на летовках и аулах. *Бурама* строили зажиточные хозяева. Возводили четырех или восьмиугольный деревянный сруб. Подобная постройка предшествовала стационарной избе башкир, поэтому её, прежде всего, соотносят с зимними аулами⁵. *Бурама* и *лас* имели общее предназначение и архитектурные формы. Один из архаичных видов лачуги чувашей представлен шести или восьмигранным срубом⁶.

Завершенным типом жилого помещения, встречающимся в чувашских поселениях и в наши дни, стала срубная постройка. Естественно, первоначально она состояла из однокамерной четырехстенной избы. Такие жилища чувашаи возводили к середине XIX в., пристраивая к ним крыльцо, служившее сенями. В доме ставили глинобитную печь квадратной формы размером

¹ История татар с древнейших времен. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006. Т. II. С. 232-233.

² Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928. Вып. 1. С. 35.

³ Медведев В. В. Традиционные хозяйственные постройки чувашей Республики Башкортостан. Магнитогорск, 2014. С. 9-31.

⁴ Harva (Holmberg) Uno. Der ursprung des *kuala-kultes* bei den wotjaken // Finnisch-Ugrische Forschungen. Bd. 22. Helsinki, 1934. S. 146-147.

⁵ Калимуллин Б. Г. Башкирское народное зодчество. Уфа, 1978. С. 58-59.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 74.

4,5×5 м и более. Постройку называли *тăваткал пурт* «четырёхугольная изба»¹ (Рис. 1). Подобные жилища, также как пятистенные и шестистенные дома, были известны еще в Волжской Булгарии². Квадратная или прямоугольная курная постройка *корка* в конце XIX – начале XX в. служила удмуртам зимним домом³.

Первые комплексные сведения о внешнем виде и интерьере жилища чувашей были собраны в период академических экспедиций XVIII в. Чувашаи тогда проживали на обнесенных изгородью дворах, в центре которых возводили дома, не имеющие ни сеней, ни чуланов. В избах встречались полати и нары, служившие кроватью и местом для вещей⁴.

Рис. 1. Жилая курная изба (БАССР, Белебеевский кантон, с. Базлык, 1929 г.)
Фото П. А. Петрова-Туринге // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

Г. Ф. Миллером о чувашских домах сказано, что «над печами и очагами сделаны дымовые окошки и комли. В избах везде делаются у них, как и у татар, широкие лавки, или полки так,

¹ Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 27.

² Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф. Древнее искусство Татарии. Казань, 1987. С. 68.

³ Шутова Н. И. Об одной древнетюркской черте в традиционных удмуртских представлениях: археолого-этнографический аспект // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2010. С. 207.

⁴ Лепёхин И. И. Указ. соч. С. 138.

что поперек оных протянувшись человеку лежать можно; токмо оныя лавки не по всей избе шириною одинаковы. Оконницы по большей части паюсные, от чего зимою у них весьма тепло бывает, или из тонких берест»¹.

Планировка и домашний интерьер жилых помещений у чувашей, расселившихся на территории современной Республики Башкортостан, проиллюстрированы материалами из экспедиции 1929 г. В числе сохранившихся графических изображений представлены планы жилищ. Рисунки свидетельствуют о развитии однокамерного дома среди населения. К избе пристраивали некапитальные сени. Известна конструкция изба + сени + изба. Число оконных проемов было различным. Однокамерную постройку освещали от двух до четырех окон. Количество окон зависело от проемов в каждом срубе и от наличия или отсутствия окна в сенях. Например, план зажиточного дома д. Кистенли-Богдановка насчитывает десять оконных проемов. В каждом жилом срубе вырублены по четыре окна и два в сенях. Но, как правило, окна для освещения домашнего пространства прорубали только в жилой части (Рис. 2–3)².

Строительству жилого дома предшествовал тщательный выбор места. Традиционная гнездовая (кучевая) планировка дворов у чувашей была заменена уличной, внесшей изменения в расположение домов и построек. Гнездовая форма поселения предоставляла возможность занять наиболее пригодный для строительства участок. Чуваша учитывали расстояние до другого дома, наличие природного водоема, колодцев, качество почвы. Весомым критерием служило поведение домашних животных. Выбранное коровой место для отдыха считалось наиболее приемлемым. Изба, построенная здесь, будет теплой, полагали чуваша. А места, куда садились гуси, наоборот, считались непригодными³. Согласно легендам, удмурты при выборе места для строительства *куалы* наблюдали за поведением быка. Они следовали за быком: где он остановится – там и основали деревню⁴.

Из практических соображений чуваша следили за солнцем, выбирая хорошо освещаемую сторону. Весной наблюдали за спадом воды и первыми ручьями на предполагаемом месте возведения дома. Быстрый сход снега, просохшую землю считали хорошим знаком. Выбор участка определял и жребий. Переселенцы на новой территории под руководством старых людей собирались вместе для жеребьевки. Старики выбирали длинный шест или посох и попарно выводили будущих домохозяев, которые переставляли по длине шеста ладони от верха до земли. Первый коснувшийся земли выбирал участок.

¹ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 9.

² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. № 1720.

³ Салмин А. К. Указ. соч. С. 8.

⁴ Орлов П. А. Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Ижевск, 1999. С. 48.

Детальное изучение места под будущий дом свойственно и восточнославянской традиции, в соответствии с которой из всего реально пригодного необходимо было выбрать только то, что может считаться таковым с ритуально-мифологической точки зрения. В данном случае устанавливалось равновесие сакрального и профанического, космического и земного¹. Доверять выбор места расположения дома крупнорогатому скоту характерно для восточных славян. Животные выступают как объекты, с поведением которых связывали точку осваиваемого пространства².

Удачным локусам противоположны непригодные участки земли, к которым относили территорию погоревших домов, заброшенных бань, перекрестков и старых дорог. Границы и размеры нового жилища не должны были совпадать с прежним домом³. Сгоревшие дома чуваша старались вывезти за пределы поселения. Строительство нового жилища, если отсутствовала возможность перехода на другой участок, начинали в стороне от произошедшего пожара. Нежелательным считали возведение дома на месте действующей или заброшенной дороги. Вятские жители избегали строительства на лесной дороге, проходившей по деревне⁴. Запреты связаны с пребыванием на дорогах, перекрестках и других неблагоприятных локусах потусторонней силы, имевшей возможность причинить вред. Дорога часто использовалась колдунами, связывая мир живых людей и ушедших предков.

Место, неверно подобранное для строительства жилища, могло служить причиной неудач и семейного разлада⁵. Чуваша верили, что человек, переночевав на планируемом для дома участке, определит свойства этого локуса. Крепкий, хороший сон считали добрым знаком. Поднимали избу и на старой муравьиной куче, как на более сухом и удобном месте⁶. К помощи муравьев прибегали и коми-зыряне. В берестяном коробе из леса приносили муравьев и небольшое количество сора из муравейника. Короб ставили на месте будущей постройки. Если место удачное, то муравьи обоснуются на нем, в противном случае они покидали короб⁷.

Наглядным примером изменения традиции при улично-квартальном расположении домов в поселении служит сюжет, приведенный П. П. Фокиным о выделении выселка из с. Русская Васильевка Самарской обл. Старожилы говорили о наблюдении за животными в полушутливом тоне. «Следовало их пригнать и подождать, как они устроятся, успокоятся. Но нам, переселен-

¹ Байбуurin А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 26.

² Там же. С. 37-38.

³ Байбуurin А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 155.

⁴ Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003. С. 28-29.

⁵ Орлов П. А. Указ. соч. С. 48.

⁶ Чуваша: этнографическое исследование. Духовная культура. С. 82.

⁷ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958. С. 213-214.

цам, нужно было выдержать ряд по линии улицы, соблюсти границы участков, расстояние между домами. Так что при желании мы не смогли бы следить за этими приметами», – пишет автор¹. Отказ от строительства на месте, облюбованном гусями, подтверждает и другое требование – от начала возведения до переезда в избу, в нее не запускали голоногих птиц, поскольку они притягивали бедность к новому дому².

Определившись с местом будущей избы, закладывали фундамент. Это действие сопровождал обряд *никёс пӓтти* «каша божеству фундамента». Серебряную монету и шерсть укладывали в *тур кётесси* «угол божества *Турӓ*» (юго-восточная сторона), или на столбе фундамента, а иногда после первого или третьего венца. Серебро должно было наполнить дом достатком, шерсть – теплом³. Чуваши Большешатминского прихода Ядринского уезда Казанской губернии, закладывая фундамент, в углах раскладывали медные крестики, оберегавшие дом от злых духов. В центре основания новой избы варили кашу и произносили молитву о благополучии семьи⁴. При этом оборачивались лицом на восток⁵.

Серебряную монету посвящали божеству *Хёртсурт* «хранителю домашнего очага»⁶. С принятием православия чуваши начинали заимствовать традиции русских. Начиная строительство, по углам совместно раскладывали монеты и крестики. Для освящения будущего или уже завершённого дома приглашали священника⁷.

Монеты, размещенные под углы первых венцов жилища, называли *пӓрт никёсё*⁸. До начала возведения сруба чуваши рыли подпол. Вокруг него собирали венец, внутри которого варили кашу *никёс пӓтти*. На кашу приглашали соседей и старика, возглавлявшего обряд. Обернувшись на восток, говорили слова молитвы. Старик бросал в огонь ложку каши, после чего приступали к трапезе, угощению пивом. Согласно замечанию В. К. Магнитского, помимо монет по углам закладывали по горсти ржи⁹. Если монета олицетворяла богатство, шерсть – тепло будущего здания, то рожь, естественно, подразумевала сытую жизнь и достаток в доме.

Во время наших полевых выездов информанты говорили и о том, что в подпол опускали выкопанный куст рябины вместе с корнями. Объясняют это действие тем, что семья, как и куст с корнями, должна прочно закрепиться на новом месте. Рябина охраняла домочадцев и жилище от бед. В беседе с этнографами Е. А. Ягафовой и И. Г. Петровым было высказано предположе-

¹ Фокин П. П. Указ. соч. С. 67-68.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 168. Л. 363.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 150. Л. 514; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 238.

⁴ Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. С. 103.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 168. Л. 305.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 12.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 357.

⁸ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 90.

⁹ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 108-109.

ние о том, что куст рябины в данной ситуации выступал одной из форм домашнего божества *Йёрёх*. Неслучайно дерево использовали как оберег и хранили в доме, на усадьбе или сажали во дворе. Например, у новых ворот в пустоту металлических столбов бросают рябиновые ветви. Закладывают их и в фундамент будущего жилища наряду с монетами и шерстью.

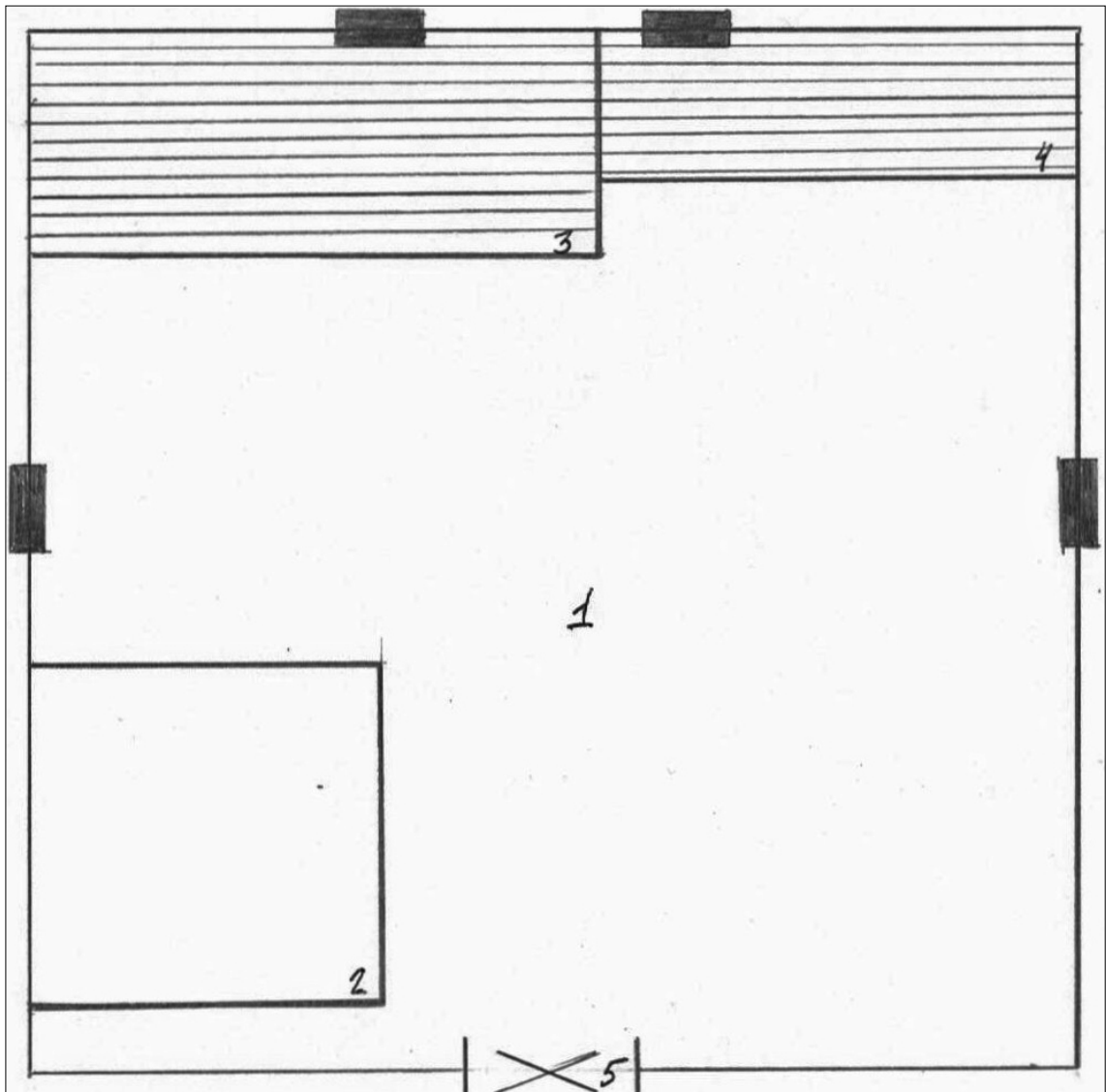

Рис. 2. Планировка дома Василия Филипповича Павлова
(БАССР, Белебеевский кантон, д. Базлык-Васильевка, 1929 г.): 1 – жилое пространство,
2 – печь, 3–4 нары, 5 – дверь // НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. № 1720

Поскольку для народной культуры свойственна вариативность, в разных поселениях известны разные вещи, используемые при закладывании дома, и разные углы, пригодные для этого. Характерно и разнообразие названия обряда. Так, в с. Бишкаин Аургазинского р-на РБ обрядовые

действия обозначают словом – *никёс* «фундамент», «основание»¹. Вариация встречается и в выборе человека, закладывающего предметы. В этой роли выступают будущий хозяин, старший в роду мужчина, старшая женщина или беременная женщина. В случае неимения при строительстве среди родных беременной женщины, её приглашали из числа соседей и близких друзей. При отсутствии в семье мужчины, старшая женщина накидывала на себя пиджак и, держа под левой подмышкой мужскую шапку либо рукавицу, проговаривала молитву и слова благопожелания строящемуся зданию и жителям. Дароприношение также совершал мастер, руководивший строительством. Закладывание монет, шерсти, крупы практикуется и сейчас. В срубе их помещают под венцы, при кирпичной стройке – под первый ряд, следующий за фундаментом.

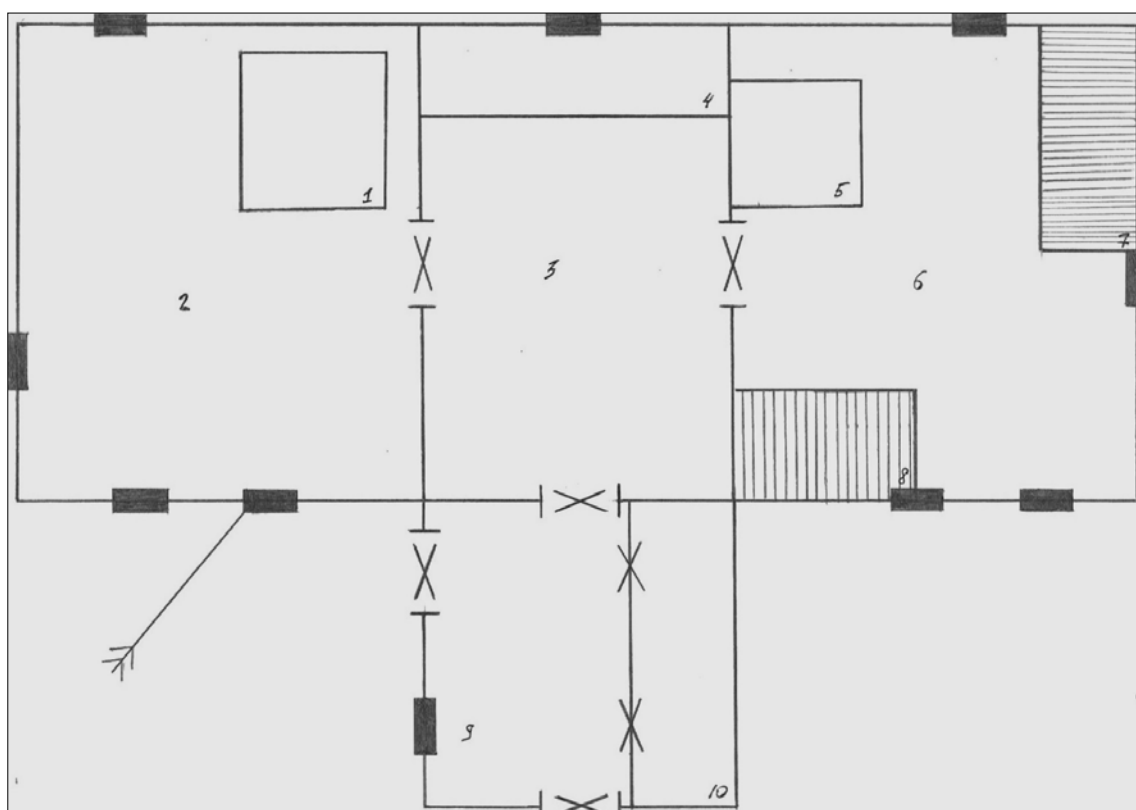

Рис. 3. План жилой избы (БАССР, Белебеевский кантон, д. Кистенли-Богдановка, 1929 г.):

1 – печь, 2 – жилое пространство, 3 – сени, 4 – нары, 5 – печь, 6 – жилое пространство, 7 – нары, 8 – нары, 9 – сени, 10 – чулан // НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. № 1720

Согласно преданиям, помимо монеты и шерсти чуваша жертвовали собаку или волка, которых закладывали под фундамент². При основании новых поселений они также зарывали в

¹ ПМА – 2010 (РБ, Аургазинский р-н, с. Бишкаин).

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 89.

землю труп собаки, волка¹. Останки собак со следами религиозных действий были обнаружены археологами при раскопе болгарских святилищ Тигашевского городища².

Жертва предметами на благо нового дома и проведение моления встречается в культуре башкир. На избранном для строительства месте укладывали белый камень – «камень фундамента», а в углы закладывали монеты. Совершали жертвоприношение и устраивали общее угощение всех присутствующих и встречавшихся на улице. Заложив фундамент, приглашали человека, произносившего молитву, желавшего достатка и счастья³. Имеют место подобные действия и у мордвы. Перед возведением фундамента в честь богини земли проводили моление. Под передний угол будущего дома зарывали хлеб, куриную голову, оставляли монету, рассыпали зерно либо сбрызгивали кровью пожертвованной курицы бревна. Такие процедуры приносили богатство и благополучие⁴.

Закончив работу с основанием жилища, приступали к возведению стен. Срубы поднимали, укладывая поочередно венцы согласно тому, как их рубили, в соответствии с нумерацией. Стены чуваша обозначали словом *пёрене*, одновременно означающим и бревно. Подобное совпадение подтверждает развитие, прежде всего, срубного домостроительства по отношению к иным типам жилищ в столбовой, каркасно-столбовой и саманной технике.

На возведенном срубе за один-два завершающих ряда водружали *мачча кашти* «матицу». Небольшие избы имели одну матицу, в более просторных срубах врубали по две. Под матицу использовали крепкое бревно или брус. Располагали её перпендикулярно входной двери⁵. В укладывании матицы вдоль сруба подмечали отличие чувашских изб от русского жилища⁶. Из качественного хвойного дерева укладывали одну матицу, из лиственных пород, например, осины, – две⁷ (Рис. 4). Число зависело от размеров и конструкции дома.

Несомненно, установка матицы символизировала окончание работы над срубом, поскольку стены были возведены, и одновременно начинался новый этап работы над кровлей дома. Уникальность матицы в пространстве избы, по отношению к другим строительным элементам, раскрывают загадки:

¹ Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей. С. 191.

² Федоров-Давыдов Г. А. Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1962. С. 67.

³ Масленникова Т. А. Художественное оформление башкирского народного жилища (XIX–XX вв.). Уфа, 1998. С. 45.

⁴ Корнишина Г. А. Дом и ритуал в традиционной культуре мордвы // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 2 (18). С. 83.

⁵ Матвеев Г. Б. Крестьянская строительная техника (Северо-западные районы Чувашии) // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. Чебоксары, 1986. С. 37.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 78.

⁷ Матвеев Г. Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. С. 43.

Энтри шалта, пушэ тулта «Андрей в избе, голова наружу» (матица)
Ретюк ретём, Сенчук пёччен «Редюков целый ряд, а Сенчук один» (матица и потолочные доски)

Пёр салтак сине пин салтак пуш хурать «На одного солдата ложатся головами тысяча солдат» (матица и потолочные доски)¹.

Матица разграничивала территорию жилого дома. Она являлась рубиконом «внутренней», «передней» части и «внешней», «задней», связанной с входом/выходом. Посторонний человек, посетив дом, не должен преодолевать границу и заходить за матицу без приглашения хозяев². У чувашей сваты, пришедшие в дом невесты, располагались на лавке у двери или под потолочной матицей. Только переговорив с хозяевами, получив приглашение к столу, они переступали границу и переходили в другую часть дома, находящуюся за матицей³. При лечении больного знахарь сажал его под матицу, перечисляя варианты болезни⁴.

Справедлива идея А. К. Байбурина о том, что место под матицей и её центром необходимо считать серединой дома, топографическим центром, на котором совершали значительное число обрядов, не связанных с сидением за столом или с печью⁵.

Поднятие матицы всегда сопровождалось проведением обрядовых действий. Бревно, предназначенное для матицы, заворачивали в шубу и поднимали в таком виде. Этим приемом выражали пожелание, чтобы дом сохранял тепло. «При подъеме матицы, как бы ни было тяжело, ни один из рабочих не должен ни охнуть, ни крикнуть. Когда кладут на место матицу, по ней не стучат ни топором, ни каким-либо другим предметом... Если не соблюдать этих требований, то, по мнению строителей, изба будет вонючей, угарной, сырой и дымной», — читаем в записях Н. В. Никольского⁶. Украинские плотники также старались не стучать по матице, поскольку в таком случае у хозяев будет постоянная головная боль⁷.

Известны разные способы подъема матицы. Помимо укрывания шубой, подвешивали кувшин с пивом, хлеб либо пирог *хуплу*, на концах матицы раскладывали по ложке каши. Подняв матицу, шнур перерезали. Каравай подхватывали или следили за падением и стороной, на которую падал хлеб. От этого зависела судьба домочадцев⁸. У русских в скатерть или мех заворачивали хлеб, иногда водку и соль, подвешивали к матице. Один из строителей рассыпал у дома зерно и хмель. Наверху веревку, державшую скатерть, перерубали. Как и у чувашей, в одних

¹ Романов Н. Р. Чувашские пословицы, поговорки и загадки. Чебоксары, 1960. С. 206.

² Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. С. 145.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 67-68.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 22.

⁵ Байбурин А. К. Указ. соч. С. 146.

⁶ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 38.

⁷ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 316.

⁸ Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 43.

населенных пунктах подхватывали сверток, а в других селениях следили за манерой падения. Положение на земле предсказывало будущее¹.

Рис. 4. Матица дома (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат, 2009 г., фото автора)

Информанты уверенно связывают установку матицы с окончанием одного из этапов строительства. Перед подъемом на срубе рассаживались два, четыре либо шесть мастеров, задействованных в работе с матицей. При недостаточном количестве мужчин наверх поднимались взрослые женщины. Перед подъемом в игровой форме объявляли: «Матка водку просит!». К матице веревкой привязывали хлеб или хулу и бутылку с самогоном, водкой, домашним пивом. Поднимали осторожно, проявляя взаимоуважение и соблюдая тишину. Плотники, сидящие на срубе, пили по рюмке и опускали бутылку вниз.

К матице помимо бутылки привязывали угощение, которое, попробовав, также спускали вниз. У верховых чувашей с. Антоновка Гафурийского р-на РБ под уложенной матицей в центре дома хозяева накрывали стол для строителей². В с. Наумкино Аургазинского р-на РБ за недостаточное угощение мастера прятали пустую бутылку с матицы на крыше дома горлышком к

¹ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 315-316.

² ПМА – 2011 (РБ, Гафурийский р-н, с. Антоновка).

ветреной стороне, чтобы она гудела при сильных порывах¹. Также чтобы проучить скупого хозяина, при возведении сруба строители в одной из стен закладывали сырое яйцо, при хорошем угощении и оплате труда, его забирали. В противном случае, оставленное яйцо со временем протухало, в его поисках сруб приходилось разбирать вновь².

Веревку с подвешенным хлебом обрубали. Каравай, упавший плоской стороной вниз, был хорошим признаком, округлая сторона хлеба предвещала несчастье. Помимо пирога, хлеба, бутылки, закусок с установкой матицы связано закладывание монет и шерсти, т.е. повторяли те же действия, что и при закладке фундамента. Монета и шерсть символизировали достаток и тепло будущего здания. В с. Бишкаин Аургазинского р-на РБ в комок с шерстью скатывали муку, пшено и другие крупы.

Украинцы Республики Башкортостан оборачивали платком матицу и подкладывали под нее зерно и монеты, что гарантировало счастливую жизнь. Под воздействием башкир у украинцев деньги матице заменила шерсть, «символ счастья и благополучия у скотоводческих народов»³. Использование монет и шерсти подтверждает роль матицы как локуса сосредоточения материального благосостояния семьи⁴.

Обрядовые действия под матицей дома в свадебных торжествах, проводах рекрута и других ситуациях подтверждают «решительность событий, происходящих в жизни индивида, семьи и рода... решается судьбоносная задача: быть за матицей или удержаться на этой стороне»⁵.

Чуваши, как и многие другие народы, строительство нового дома сопровождали обрядовыми действиями. Место для будущего жилища выбирали в соответствии с религиозными воззрениями, но обращая внимание на особенности ландшафта. К значимым событиям принадлежит правильное закладывание фундамента, обеспечивающее безбедную и счастливую жизнь на новом месте. Символами благополучия и оберега выступали монеты, шерсть и ветви рябины. Возведение сруба заканчивалось установкой матицы, олицетворявшей середину пространства избы, центр. Выбор локуса дома, начало строительства и завершение одного из этапов являются важными событиями в традиции домостроительства чувашей.

Дверь. В срубе прорубали *алък* «дверь». Слово используют и в значении «ворота». Одной из возможных версий происхождения термина служит сочетание *ал* «рука» + словообразова-

¹ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Наумкино).

² ПМА – 2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш).

³ Бабенко В. Я. Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтнической среде. Уфа, 1992. С. 125.

⁴ Шкляев Г. К. Обряды и поверья удмуртов, связанные с жилищем // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск, 1989. С. 32-33.

⁵ Салмин А. К. Семантика дома у чувашей. С. 56-57.

тельный аффикс *йк*. Подразумевается предмет, имевший ручку, открывающийся и закрывающийся рукой человека¹. Дверь представляет рубеж внешнего мира и домашнего пространства, границу между профанным и сакральным мирами. Войти в дверь, как и перейти через порог, равнозначно вступлению в другой мир².

Чуваши входные двери сбивали из толстых досок высотой в 150–170 см. Обшивали с наружной стороны холстом, рогожей, изредка коровьей и телячьей шкурой с шерстью. Из шерсти, пакли и соломы делали подкладки. Открывали двери в наружную сторону, но были открывавшиеся и внутрь дома. Внутренние двери встречались в домах-пятистенках³.

Дверь вырубали на два венца выше пола, что снижало приток холодного воздуха во время топки печи. Устанавливали двойные двери – *икĕ хутлă алăк*. Внутренняя дверь часто достигала лишь половины проема и открывалась вовнутрь. Еще до середины XX в. двери закрывали деревянным замком. Для защиты дома над верхним косяком укладывали ольховое бревно⁴. Верили в силу дерева, оберегавшего и очищавшего пространство от злых духов⁵. С целью защиты у двери на ночь оставляли горячий уголек.

Согласно сообщению К. С. Мильковича, чуваши вырезали полукруглый проем в двери, служивший для освещения избы наряду с небольшими окнами⁶. В отверстие выходил печной дым. Дверные ручки изготавливали из дерева, железа, бычьего уда или веревки. Заговаривая от сглаза, знахарь ополаскивал ручку двери и поил этой водой больного⁷. Для ручки использовали продетую в дверь веревку со скобой на обратной стороне⁸.

Объемы домашних дверей были различны. Например, в чувашских поселениях Башкирской АССР записаны размеры дверей 64×153 см, 80×135 см, 72×144 см, 75×154 см⁹.

Согласно традиционным представлениям чувашей, дверь избы должна выходить на восточную сторону, но прорубали двери и на юг¹⁰. Традицию отчасти выдерживают и сейчас, поэтому домашние двери устроены на восток. Некрещенные чуваши во время обрядов обращаются лицом на восток и читают молитвы. В домах с выходящими в этом направлении дверями держат их открытыми. Если дверь расположена в другую сторону, то, обращаясь на восток, открывают окно. Сторона света остается неизменна, но связь с внешним пространством осуществля-

¹ Там же. С. 18.

² Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. С. 24.

³ Чуваши: этнографическое исследование. Материальная культура. С. 182.

⁴ Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 50.

⁵ Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей. С. 175-176.

⁶ Милькович К. С. Указ. соч. С. 2-3.

⁷ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. 1-2. С. 151.

⁸ Меньшов И. Указ. соч. С. 238.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 74, 77.

ется посредством другого объекта. В прошлом окна старались прорубать, прежде всего, в стене противоположной дверному проему.

Восточное направление двери и обращение к ней при прочтении молитвы характерная черта проведения обрядов чувашами. «Потом отворив дверь, все встали лицом к ней, т.е. к востоку, (у них все избы дверьми на восток) и начали читать по своему молитвы», – записано А. А. Фукс¹. Также, как и чуваш, двери на восток прорубали татары, марийцы и мордва². О выходе дома на восточную сторону пишут многие исследователи³.

Известно и о трансформации традиции, что замечено еще Г. Ф. Миллером⁴. Изменилось расположение дверей дома под воздействием уличной планировки поселения. Двери начали вырубать на улицу, а на стороны света обращали меньшее внимание⁵.

Установкой дверных и оконных косяков и окончанием работы над снованием будущей печи чуваше обозначали завершение работы в доме. Полагали, что «мастер (плотник) затворил дверь в новую избу и ушел»⁶.

С домашней дверью соотносится и сопредельное пространство избы, соединяющее вошедших внутрь людей и домочадцев. Пришедшие в дом невесты на сватовство усаживались под матицей или у двери, не переходя в переднюю половину⁷. Невеста, покидая отчий дом, причитала: «Ах, голосок мой, похожий на латунный (из желтой меди) колокольчик! Если мне предстоит быть счастливой, то ты раздайся громко и по той части избы, которая ближе к дверям; если же мне не видать счастья, то не будь слышен даже и в передней её половине»⁸. В речи молодая готова попрощаться с прежней жизнью и родными, перейдя к двери дома.

Домашние обряды чувашей содержали обязательное прочтение молитв перед открытой дверью. На праздник *чўклеме* чуваше накрывали столы, собирая родных. Перед трапезой один из старших в роду читал молитву, обращаясь лицом к открытой двери, т.е. в восточном направ-

¹ Фукс А. А. Указ. соч. С. 72.

² Гакстгаузен Август. Указ. соч. С. 297, 309, 351.

³ Паллас П. С. Указ. соч. С. 138; Сбоев В. А. Указ. соч. С. 22; Зеленин Д. К. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904. С. 22.

⁴ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 9.

⁵ Комиссаров Г. И. Чуваше Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1911. Т. XXVII, вып. 5. С. 353.

⁶ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 139.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 167.

⁸ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 139, 147.

лении¹. Аналогично поступали в *кёр сәри*, при проведении иных семейных и родовых обрядов².

Пространство двери задействовано в похоронно-поминальном цикле. Умиравшего у двери укладывали на лавку и разворачивали лицом к стене, чтобы ничего не видел перед собой³. Удмурты направляли голову покойного к дверям, расположив гроб под матицей⁴. Чуваши раскачивали гроб в дверях и трижды ударяли о косяк. Так усопший прощался с избой и домочадцами, и, одновременно, действие предотвращало уход хранителя домашнего очага *Хёртсурта*. С этого времени умершему более нет забот в этом доме⁵.

Родных, возвратившихся с кладбища, после установления на могиле столба *юна*, у дверей встречал хозяин и подносил ковш с пивом⁶. В поминальные дни у дверей чуваши ставили стол с едой и напитками, приглашали души родных посетить дом и покушать. К стене или на шесте, закрепленном у стены, ставили свечи⁷. Лучину со свечами крепили к стене и марицы⁸. Поминальная покойного на третий день, коми-пермяки устанавливали свечи на окнах по обе стороны порога. В открытую дверь на трапезу звали душу усопшего⁹.

Дверной проем, как соединяющий окультуренную человеком и неосвоенную территорию, встречается в действиях деревенских знахарей. Больного, уложенного на полу головой к двери и ногами к иконе, обкладывали сухой соломой, поджигая которую произносили слова заклинания. Недуг изгоняли из тела, прочитав молитву и резко бросив кочедык к двери или порогу. Как кочедык улетел, так и болезнь должна покинуть тело¹⁰. Чтобы защитить дом от несчастий,

¹ Гавриил, архимандрит. История философии. Казань, 1840. Ч. VI. С. 16; Вишневский В. П. Указ. соч. С. 15; Сбоев В. А. Указ. соч. С. 49; Монастырский С. Иллюстрированный спутник по Волге в 3-х частях с картою Волги. Казань, 1884. С. 83; Никанор, архиепископ. Указ. соч. С. 21.

² Лепёхин И. И. Указ. соч. С. 167; Сбоев В. А. Указ. соч. С. 50-51; Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. XIV: Казанская губерния. Казань, 1870. Ч. I. С. 94; Магнитский В. К. Указ. соч. С. 91, 94, 115, 181, 232; Михайлов В. И. Указ. соч. С. 100; Никанор, архиепископ. Указ. соч. С. 22.

³ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 158.

⁴ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 157.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 40. Л. 259; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 89; Магнитский В. К. Указ. соч. С. 164, 167; Прокопьев К. П. Похороны и поминки у чуваш. С. 17-18; Никифоров Ф. Н. Стюхинские чуваши // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1904. Т. XX, вып. 6. С. 334; Никанор, архиепископ. Указ. соч. С. 34; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. 5. С. 225.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 22.

⁷ РНБ. Q.IV. 379. Л. 20; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 191; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 178. Л. 203; Гавриил, архимандрит. Указ. соч. С. 15; Вишневский В. П. Указ. соч. С. 22; Сбоев В. А. Указ. соч. С. 138; Магнитский В. К. Указ. соч. С. 173; Минх А. Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собранные в 1861–1888 годах. СПб., 1890. С. 137; Никифоров Ф. Н. Указ. соч. С. 335; Никанор, архиепископ. Указ. соч. С. 16-17.

⁸ Фукс А. А. Указ. соч. С. 194.

⁹ Смирнов И. Н. Пермяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1891. С. 242.

¹⁰ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 146, 149.

необходимо обойти вокруг избы и изнутри с топором, который затем положить к двери¹. Удмурты, оберегая домашнее пространство, в дверные косяки и сени ежегодно втыкали можжевеловые и пихтовые ветви. Чуваши в этих целях использовали рябину.

Двери, как и окнам, свойственен статус фильтра, задерживающего вредоносное воздействие внешнего мира и регулирующего с ним связь дома. Такой рубеж должен был обеспечивать проницаемость границ. Переплетение противоположных признаков создавало статус особо опасных объектов, соединяющих пространства².

Окно. Свет в дом проникал в *чўрече*, *кантйак* «окна». *Чўрече* своим происхождением связано с персидским словом *дāриче* «окошко», «дверца». Чувашскому термину созвучны татарские *тарэзэ*, *тирэзэ*, *тэрэзэ*, башкирское *тэзрэ*, марийские *торза* и *тёрза*³. *Кантйак* происходит от слова *карйнтак* «брюшина», «грудобрюшная преграда», поскольку окна до появления стекла затягивали брюшиной домашних животных⁴. У чувашей *кантйак* ассоциируется с оконным стеклом. «В южной стене, недалеко от киота с иконою иногда вырубается большое окно, заставляемое рамою; место стекол в нем весьма часто занимает коровий пузырь», – сообщал В. А. Сбоев⁵.

В стенах избы прорубали одно или два небольших окна⁶. Такие окна достигали высоты в 35–50 см. Если дверь обращена на восток, то окно вырубали на южной стороне поближе к переднему углу. Из толстых плах и бревен тесали косяки, на которые натягивали брюшину. Последующее использование стекла улучшило домашнее освещение. Зимними вечерами окна заставляли соломенными матами. На рубеже XIX–XX вв. четырехстенный сруб имел от трех до шести окон с одно и двухстворчатыми рамами⁷. Двойные рамы ставили только в избах, имевших печь с дымоходом⁸. Малые проемы окон удерживали тепло и служили защитой от грабителей⁹.

На уличную сторону делали, как правило, два окна и одно выходило во двор¹⁰. Окна в бедных семьях были небольшими и обеспечивали слабое освещение¹¹.

¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 2000. Т. 13-14. С. 43.

² Байбурин А. К. Указ. соч. С. 81, 135.

³ Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1988. С. 141.

⁴ Егоров В. Г. Указ. соч. С. 88; РАН. Ф. 21. Оп. 5.6. Л. 119 об.; РАН. Ф. 21. Оп. 5.168. Л. 22.

⁵ Сбоев В. А. Указ. соч. С. 22.

⁶ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 178.

⁷ Чуваши: история и культура. Чебоксары, 2009. Т. 1. С. 284.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 355.

⁹ Чуваши: этнографическое исследование. Материальная культура. С. 182.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 706. Л. 13; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 203. Л. 616.

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 9; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 348. Л. 88.

Если у окон были наличники, то их держали раскрытыми¹ (Рис. 5). В Республике Башкортостан еще в 1960-х годах встречались старые избы с одним и двумя небольшими окнами, выходившие на улицу, не имевшие ставен, иногда и наличников². Свет проникал через такие закопченные дымом «подслеповатые окошечки»³. Появление больших окон соотносится с домами зажиточных семей. Признаком достатка считается большое число домашних окон с наличниками и ставнями, покрытыми резьбой. На улицу вырубали обычно по три больших окна со ставнями и орнаментированными наличниками⁴. Применяли полихромную раскраску дерева⁵. Окна раскрывались, у состоятельных хозяев внешнюю сторону обрамляли наличники с резьбой, выкрашенные в разные цвета⁶. А у бедняков были неокрашенные косяки и подоконники, почерневшие от воды со стекла⁷.

Рис. 5. Окна дома, выходящие на улицу и во двор
(БАССР, Шаранский р-н, с. Дюртюли, 1959 г.) // Из собраний В. В. Медведева

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 130.

² Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 217; НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 164.

³ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 514. Башкирский край. Уфа, 1928. С. 134.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 53.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 120, 238.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 441; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 150. Л. 512.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 442.

Окна дома устанавливали контакт с внешним пространством и, одновременно, помогали другим жителям деревни и потусторонним силам проникнуть в избу. В окно возможно было подсмотреть семейную жизнь или что-то услышать, наслать в дом порчу. Удмурты в ночь на Великий четверг переворачивали сковороду, запечатывая этим окна, чтобы в них не подслушивали колдуны¹. Чуваши, подслушивая под окнами разговоры, угадывали будущее. Плохие известия предвещали девушке несчастливое замужество, хорошие слова – удачный брак. Разговор о богатстве или красоте, пророчил семейную жизнь в достатке². Прислушивались и к отдельным словам. Например, упомянутые деньги приносили богатство, недуг сулил болезнь, а рубаха – смерть³. Гадания под окном совершали и русские⁴.

В окно дома мог проникнуть дух *Вуняр* и причинить вред⁵. Защищая дом от воров, в избах вырубали окна, выходящие во двор. Если первоначально жилища ставили в центре усадьбы, то с перестройкой поселений в соответствии с уличными планами окна вырубали уже на улицу. Традиция связана с мистическими представлениями, т.к. окна служили входом для потусторонней силы, поэтому старались скрыть от чужих людей. В дом проникал не только свет, но и взгляд, опасность. В роли оберегов, защищавших дом, выступали резные наличники, содержащие определенный набор знаков⁶ (Рис. 6). Мордва также предпочитала прорубать окна во двор, а не на улицу⁷. Окно как символ сочетало внешнее и внутреннее пространство, видимое – невидимое, противопоставление открытости – закрытости, опасности, риска и безопасности. В традициях домостроительства с отсутствующим окном его заменяла дверь. При помощи окна обманывали смерть и устраняли опасность⁸. Окно, не предусмотренное в жилище, выражал знак.

Чуваши использовали окно в обрядовой жизни. Во время очистительного праздника *сёрен*, известного также как *вирём*, группа молодых людей под присмотром старших и выборных старшины, старосты, сборщика, сотника и десятников организовывала подворный обход поселения, изгоняя нечистую силу. Процессия с трещотками и скрипачом подходила к окну дома и заявляла о своем присутствии. В окно они получали яйца, пирог или иной продукт, которые укладывал сборщик⁹. Смысл обряда заключен в изгнании из дома, усадьбы и поселения в

¹ Орлов П. А. Указ. соч. С. 116.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 288.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 363.

⁴ Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915. С. 594.

⁵ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 9-10. С. 53.

⁶ Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. С. 166.

⁷ Исторические заметки о Самарской крае // Журнал МВД. 1860. Ч. XLII. Кн. 6. С. 114.

⁸ Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. М., 1992. С. 250.

⁹ Михайлов В. И. Указ. соч. С. 92-93.

целом злых духов, вредивших сельчанам. В *сёрен* запевали: «Рубят плотники дом, самые лучшие из них окна рубить»¹.

Известно, что в дни *симёк* «родовой праздник по символическому кормлению духов предков» на улице перед окнами высаживали молодые деревья, на которые якобы усаживались души родных, пришедшие с кладбища. На ветвях усопшие не тревожили своим присутствием людей и животных, прежде всего собак, обычно донимавших их лаем. Беспокойное поведение собак взволновало бы предков, которые могли не благословить родных². В заключительной части обряда инициирования дождя, связанной с обливанием жителей поселения, в дома проникали и в окна³. Окна раскрывали одновременно с дверью во время произнесения молитвы в *чу́клеме*. Рекрута, уходящего на службу, мать благословляла через окно⁴.

1

2

¹ Никифоров Ф. Н. Указ. соч. С. 338.

² Магнитский В. К. Указ. соч. С. 186.

³ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 13-14. С. 30.

⁴ Акимова Т. М. Старое и новое (Духовная культура с. Казанлы Вольского у.) // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения: этнографический сборник. Саратов, 1926. Вып. 34. Ч. IV. С. 31.

Рис. 6. Декоративное оформление наличников (1 – РБ, Аургазинский р-н, с. Бишкаин, 2010 г., фото автора; 2 – РБ, Хайбуллинский р-н, с. Яковлевка, 2010 г., фото автора)

Чуваши прорубали в стене с левой стороны от двери волоковое окно¹. Аналогично делали удмурты. В такое окно ранним утром в день Великого четверга они перечисляли весь домашний скот. Верили, что подобное действие поможет животным по вечерам самостоятельно находить дорогу домой, не пропадать за деревней. Свиней упоминали с целью их свободного выпаса только на паровом поле. Если в доме не вырубали окна, то обращались в дымовое отверстие².

Окна олицетворяли глаза дома. Например, *чўрече куşё, кантăк куşё* «глаза окна», т.е. звено окна, стекло. *Кантăк хариши* «брови окна», рама. Ставни приравнивали «векам окна» – *чўрече хуппи*³. «Глаза дома» позволяли не только проникнуть в избу посторонним людям и силам, но и хозяину, оставаясь в доме, наблюдать и, соответственно, принимать участие в событиях, происходящих вне жилища. При этом ощущать себя в безопасности. Устанавливалась визуальная связь, иногда более предпочтительная, чем прямой контакт⁴.

Дымовое отверстие. Для выхода печного дыма и угара делали дымовое отверстие. Его прорубали в избах и банях, отапливаемых по-черному. Отверстие для дыма *тёнь* служило вентиляционным выходом. В названии прослеживается связь со словом *тётём* «дым»⁵. У тувинцев дым покидал дом, а свет проникал в отверстие *тоона* или *хараача*⁶.

Дымовые отверстия имели задвижки *тёнь хуппи*, закрываемые после выхода дыма из печи. Его прорубали над дверью под потолком⁷. Задвижки сравнивали с уличными оконными ставнями. В таком случае *тёнь* символизирует глаза, как и домашние окна. В тувинском фольклоре дымовому отверстию также соответствует образ глаз⁸.

В *чўклеме* чуваши раскрывали дверь и окно для дыма⁹. По религиозным представлениям мариЙцев дверь располагали на юг и над ней вырубали полукруглое окно для дыма. В зимнее время при молитве обращались к двери и открывали отверстие, чтобы видеть солнце¹⁰.

Дымовой выход был закопчен от угара и копоти, не случайно его сравнивали с «черным ртом»¹. Такое окно имело небольшие размеры². В наши дни отверстия для дыма сохранились в

¹ Риттих А. Ф. Указ. соч. С. 64.

² Гаврилов Б. Г. Указ. соч. С. 156.

³ Салмин А. К. Семантика дома у чувашей. С. 48.

⁴ Байбурун А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. С. 143.

⁵ Егоров В. Г. Указ. соч. С. 246, 248.

⁶ Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991. С. 24.

⁷ Лепёхин И. И. Указ. соч. С. 139; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 15-16. С. 51.

⁸ Вайнштейн С. И. Указ. соч. С. 30.

⁹ Сбоев В. А. Указ. соч. С. 49.

¹⁰ Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889. С. 88.

в курных банях, а в домах, отапливаемых печью с дымоходом, их, естественно, не делают (Рис. 7). Окно прорубали рядом с печью, например, в северной стене сруба, у которой ее старались построить³. Обязательно держали открытым в ходе топки до полного исчезновения угара и закрывали не только задвижкой, но и обычной тряпкой⁴. Отдушину вырубали под потолком или в нем⁵. Дымовое окно в крышах жилищ встречаем в аулах башкир⁶.

Из текста чувашской рекрутской песни:

Из волокового оконца да выходит синий дым,
К облаку поднимается да сливается с ним⁷.

Рис. 7. Дымовое отверстие в банной стене, противоположной двери
(РБ, Бакалинский р-н, с. Ахманово, 2010 г., фото автора)

¹ Романов Н. Р. Указ. соч. С. 210.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 356.

³ Сбоев В. А. Указ. соч. С. 22.

⁴ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 52-53.

⁵ Красноперов М. Самарские чувашы // Русская мысль. 1884. Кн. 3. С. 47.

⁶ Харузин Н. Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896. С. 85.

⁷ Воробьев В. П. Указ. соч. С. 104.

Дымовое отверстие чуваша связывали с мистическими воззрениями. В окно для дыма в избу ночью мог проникнуть заколдованный змей *Вёре сёлен* и, приняв облик человека, предстать перед хозяином или хозяйкой¹. Отверстие служило дверью колдунам, через него попадавшим внутрь дома и вылетавшим на улицу². Дорогу отрицательным персонажам блокировали железными предметами, рябиной, чертополохом.

Сакральная роль подобного выхода показательна на примере киргизов, открывавших дымовое отверстие при трудных родах, облегчая состояние роженицы. Наряду с этим раскрывали сундуки, расплетали косы, развязывали сумы и узлы³.

Поминая умерших родственников у *тёнё*, зажигали «свечу дома». В отверстие можно было видеть тени сидящих за накрытым столом покойных. Но в таких случаях увидевший вскоре умирал сам. Окно соединяло живых и усопших, было пограничным рубежом, в том числе для вредоносных сил⁴. Рекрута, покинувшего дом, высматривали в дымовой выход. «Уходим мы, родной, уходим, – гляди нам вслед из заднего окошка. Если не увидишь из заднего окошка, то посмотри из переднего», – напевал новобранец близким⁵.

Пол. Жилище всегда имело основание – *урай, орай* «пол» либо *урай хъми* «дощатый, тесовый пол». В старых курных избах, саманных и плетневых постройках был земляной и замазанный или утрамбованный глиной пол⁶. К началу XX в. у чувашей преобладает дощатый пол. Термин *урай* образован слиянием *ура* «нога» и *ай* (-ё) «под, низ», т.е. все, что под ногами⁷. Жилища города Суvara имели деревянные полы, уложенные на переводины на балках. Под полом находился погреб глубиной до 70 см⁸.

Для пола избы тесали доски, а позднее использовали пиленые. *Урата* «балки, на которых лежит пол» укладывали на столбы или врубали между венцами (Рис. 8). Высота пола зависела от предпочтения строителей. На перерубы настилали тесовые плахи, горбыли и обработанные доски⁹. Сквозь сруб пропускали три и более балки, поддерживающие пол. Печь старались сложить на двух переводинах. Половицы крепили в пазах бревен. Предпочтение отдавали дубу, но

¹ Салмин А. К. Система религии чувашей. С. 472.

² Рекеев А. Из чувашских преданий и верований. Казань, 1897. С. 9.

³ Абрамзон С. М. Рождение и детство киргизского ребенка: (Из обычаев и обрядов тянь-шаньских киргизов) // Сборник МАЭ. XII. М.; Л., 1949. С. 99.

⁴ Салмин А. К. Семантика дома у чувашей. С. 54-55.

⁵ Ашмарин Н. И. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. С. 7.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212.

⁷ Салмин А. К. Указ. соч. С. 50-51.

⁸ Смирнов А. П. Указ. соч. С. 238.

⁹ Матвеев Г. Б. Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья. С. 122.

использовали и другие породы лиственных и хвойных деревьев¹. Стык половиц назывался *урай сыппи*, как и не сплошной, состоявший из частей пол².

Известна полихромная покраска пола. Например, в доме Яковлевых из с. Базлык Белебеевского кантона к 1929 г. пол одной комнаты был покрашен, но во второй был неровным с большими щелями в половицах. Несостоятельные чувашки использовали доступный материал, иногда весьма некачественный³. В курных жилищах полы не мыли, но подметали. К праздникам в домах, отапливаемых печью с дымоходом, проводили уборку, отмывали пол, скоблили и выметали сор⁴.

В песне говорится:

Доски половые ровными, ай, если будут,
Доски половые ровными если будут,
не жаль березовым веником подметать⁵.

Рис. 8. Балки для поддержания пола

¹ Матвеев Г. Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. С. 43.

² Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 3. С. 268.

³ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. Л. 52, 134 об.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 355; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 13.

⁵ Воробьев В. П. Указ. соч. С. 26.

(РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат, 2010 г., фото автора)

Пол был задействован чувашами в похоронных обрядах. Здесь проводили омовение покойного. На полу укладывали луб, если отсутствовал крупный кусок, то подстилали небольшой. На луб набрасывали солому, на которой мыли усопшего. Совершали это у двери или в центре дома, обращая голову к переднему углу, а ноги – к входу. Вода и сор попадали в подпол. Завершив омовение, из подполья убирали грязь от воды и выбрасывали на улицу¹. Действом очищали дом от нечистоты, возникшей из-за контакта с покойным.

При обращении к божествам *Турё кёлё*, *Хёртсурт*, *Киремет* стол и стул выдвигали в середину пола, выставляя посуду и продукты. Также поступали во время *килём пйтти*, *сын пус пйтти*, *мункун*². Центр избы стол занимал и в *ака пйтти*, на него ставили котел с кашей и молились о благополучии урожая³. Центральное положение пола прослеживается во многих обрядах. Начиная лечение заболевшего, знахарь укладывал его на пол. Избирали положение, противоположное покойному – головой к двери, ногами к переднему углу⁴.

В щелях половиц могли хранить остриженные ногти⁵. Верили, что после смерти за волосы, зубы и ногти нужно будет отчитаться, поэтому старались уложить в гроб покойному⁶.

Сват, пришедший в дом невесты, становился на середину пола и заводил разговор. В русской традиции сват усаживался на лавку, стоявшую вдоль половиц, объясняя цель визита. Он мог присесть у двери лицом к окнам или в переднем углу, обратившись к двери. Если печь находилась у входа, то пересекал дом, проходя в красный угол⁷.

В приветствии *саламалик* звучат слова сравнения избы отца невесты с большим домом, имеющим 12 углов, внутри которого 99 половиц. Обращаясь к стороне невесты, родные жениха спрашивают: «Из 99 досок 9 не дадите ли, чтобы войти»⁸. В несколько ином варианте гости просят «поиграть – поплясать» на 1 из 90 досок, на что получают положительный ответ⁹. В целом пол представлял собой нижнюю границу domesticiрованного человеком пространства, от-

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 24; Магнитский В. К. Указ. соч. С. 159; Прокопьев К. П. Указ. соч. С. 10; Салмин А. К. Система религии чувашей. С. 289.

² Салмин А. К. Указ. соч. С. 501.

³ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1-2. С. 81.

⁴ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 146.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 153. Л. 166.

⁶ Салмин А. К. Указ. соч. С. 295.

⁷ Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтьеге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985. С. 27.

⁸ Ягафова Е. А. Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары, 2007. С. 505.

⁹ Михайлов В. И. Указ. соч. С. 105-106.

деляя его от подпола¹. Полагали, что в подполье обитают злые духи. Например, верили, что в нем находились *Ийе* и *Шуйттан*.

Порог. Деревянный брус, закрывающий проем между полом и дверью, служит порогом дома, называемым *урата*, *алък урати*, *алък урлă*. Порог символизирует переход из внутреннего во внешнее пространство. Во множестве традиционных культур известна вера в «хранителя порога», защищавшего жилище от злых духов². Чуваши не разрешали на него усаживаться, поскольку в доме не будут умножаться пчелы, улетаая от владельца³.

В представлении башкир порог фиксировал вход и выход из дома. Нежелание на нем стоять или сидеть связано с опасением привлечь в семью несчастье и больше не вырасти. В качестве оберега в фундамент либо место под будущим порогом закапывали волчью голову⁴. Чуваши в аналогичных целях закладывали железо, которое хранили и у порога.

Приобщая невесту к дому жениха, её проносили через порог на руках, тем самым показывая, что и раньше она жила здесь⁵. В сопровождении родных жених брал на руки невесту, заносил в дом отца. Невеста избегала соприкосновения земли и порога⁶. Действо утверждало присутствие нового человека в доме, укрепляя статус перед *Хёртсуртом*.

При переходе в новый дом чуваши через порог пропускали домашнее животное. Это были кошка, петух, курица или теленок. Птицу приносили заранее, оставляли её на ночь. Ею совершали жертвоприношение и готовили первый суп на новом месте. Первым через порог мог переступить и маленький ребенок, по поверьям чувашей, еще не имеющий грехов. Соблюдение требований гарантировало счастливую и безбедную жизнь в жилище.

Порог использовали в домашних обрядах для закалывания птицы⁷. Заболевший желтухой должен был искупаться на пороге специальной водой рано утром. Предварительно в ней семь раз купали соловья, избавлявшего от болезни благодаря желтому окрасу пера⁸.

Порог используется при рождении ребенка⁹. В моление духу *Хытăм*, приготовив пиво и обрядовую пищу, у порога ставили сосуд, в который откладывали кусочки еды и отливали пиво. Сопровождали произнесением молитвы¹⁰.

¹ Байбурин А. К. Указ. соч. С. 178.

² Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 212.

³ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 141.

⁴ Масленникова Т. А. Указ. соч. С. 57.

⁵ Бидерманн Г. Указ. соч. С. 212.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 558.

⁷ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 141.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 708.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 412.

¹⁰ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 119-120.

Смерть и последующие события отражаются действиями, причастными к порогу дома как рубежу. Сразу же после отделения души отрывали голову курице и катили по полу к порогу яйцо, которое выбрасывали за околицу. Таким образом, душа умершего должна была покинуть избу, как и выброшенное яйцо¹. С выносом гроба делали уборку, дом подвергался очищению от порога к печной части. Топили баню, которую посещали, возвратившись с кладбища². Поминая предков, у порога выливали до половины ковша с пивом, поднятым в молитве³. Видимо, напиток проливали и в сосуд, и на пол жилища. Действа, при разных вариациях, совпадали по своему предназначению. Обращались в сторону двери и порога при поклонении *Киремету*⁴.

Потолок, чердак. Для *мачча* «потолка» использовали доски либо половинки бревен. Укладывали продольно, упирали на стены сруба. Опорой служила матица. Поверх потолка насыпали слой земли и промазывали глиной, замешанной навозом и соломой. Со стороны жилой части потолок простругивали⁵. Развитие домостроительства способствовало применению техники закроя и шпилей, заимствованной из опыта городских зодчих⁶.

В районах, имевших проблемы с лесом, для потолка использовали жерди, особенно в бедных дворах. В саманных, плетневых и курных избах потолок составляли плотно уложенные жерди, промазанные глиной для удержания тепла. На потолке рассыпали землю и сухие листья. В д. Пугачево Хайбуллинского р-на РБ сохранился саманный дом с потолком из жердей, обмазанных глиной. Изнутри он оштукатурен и побелен⁷ (Рис. 9).

Пространство между потолком и крышей занимал *мачча тӓрри* или *мачча сийӓ* «чердак». Помимо хранения бытовых предметов и использования в хозяйственных нуждах, на чердаке держали вещи умерших людей из этого дома. Согласно верованиям хозяев, рубаха у дымохода оберегала дом от пожаров, а вещи усопшего в целом защищали от несчастий и злого умысла. Хранили на чердаке над передним углом монеты и нательные кресты, обнаруженные при разборе фундамента старого жилища⁸. За поперечную балку чердака подвешивали кузов с хранителем дома *Йӓрӓхом*. Здесь было одно из мест возможного нахождения божества⁹. В восточнославянской традиции на чердаке обитали потусторонние силы, поскольку территория не была до конца занята человеком. Чердаку соответствует негативное восприятие, совпадавшее с под-

¹ Вишневский В. П. Указ. соч. С. 21.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 40. Л. 260.

³ Гавриил, архимандрит. Указ. соч. С. 15.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 391.

⁵ Чуваши: этнографическое исследование. Материальная культура. С. 178.

⁶ Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 43-44.

⁷ ПМА – 2010 (РБ, Хайбуллинский р-н, д. Пугачево).

⁸ Чуваши: история и культура. Чебоксары, 2009. Т. 2. С. 151.

⁹ Салмин А. К. Семантика дома у чувашей. С. 52.

польем, но не с домашней жилой частью¹. Ханты использовали чердак для кукол *иттарма* «вместилище души покойного», изготавливаемых по случаю смерти одного из членов семьи. Как и манси, они держали здесь и семейных духов-покровителей². В наши дни вопрос о наличии у чувашей на чердаках домов *Йёрёхов* открыт.

Рис. 9. Фрагмент потолка из жердей, промазанных глиняным раствором (РБ, Хайбуллинский р-н, д. Пугачево, 2010 г., фото автора)

На чердаке чувашаи прятали послед новорожденной девочки³. Возможно, прикрепляя её к данному месту и дому в целом. Известно, что в мировоззрении манси и хантов бытовал запрет забираться женщинам на высокие объекты, в том числе, на чердак⁴. Сакрализация пространства прослеживается у нагайбаков. При проведении обряда *аш биру* «подача пищи» в честь поминания покойных, *яньбаш* «заднюю тазовую кость пожертвованного животного» на следующий день убирали на чердак, где хранили⁵. Кость могла пролежать до года, затем её закапывали или

¹ Байбурин А. К. Указ. соч. С. 178, 181.

² Соколова З. П. Народы Западной Сибири: Этнографический альбом. М., 2007. С. 66, 74.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 111.

⁴ Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990. С. 13-14; Соколова З. П. Указ. соч. С. 59.

⁵ Атнагулов И. Р. Указ. соч. С. 150-152.

отпускали по течению реки¹. Чуваши над восточным углом дома на чердаке укладывали крашенные в *мункун* яйца. Они обладают силой, оберегающей от пожаров и несчастных случаев. Ежегодно их заменяли в праздник. Хранили яйцо и в переднем углу – перед образами².

Сени. В жилое пространство избы попадают через сени, расположенные между домом и крыльцом. Сени являются неотапливаемым помещением, служащим для хранения домашней утвари, инвентаря, одежды и продуктов.

Чуваши для обозначения «сеней» использовали слова *алăк умĕ, сеник, сених, сенĕк, сенĕх, селник, селнĕк, селнĕх, сейнĕк, пăлтăр*. Термин *пăлтăр* подразумевает навес на двух столбах у двери дома³. Так же называли чулан в сенях. Образовано от слияния *пăл* «дощатая дымоходная труба» + *тăрри* «вершина», поскольку сени пристраивали рядом с отверстием для дыма и продаваемой в него дымоходной трубой⁴. Слову *пăлтăр* аналогично марийское *пулдыр* «сени»⁵. *Пăлтăр* возводят и к персидским *болодар, бăлăдăр, бăлă-и дăр* – «наддверная ниша», «наддверное окно», верх двери. Аргументируют бытованием у народов Поволжья терминов, обозначающих фрагменты жилищ, имевших персидские корни⁶.

Избы чувашей, по свидетельству путешественника И. И. Лепёхина, по состоянию на XVIII в. не имели каких-либо пристроек в виде сеней и чуланов. Двери выходили сразу во двор⁷. Такое домостроительство встречаем у мордвы⁸. Однако, в XVIII же в. П. С. Паллас в своих дневниковых записях фиксирует, что в жилищах чувашей двери прорублены на восток, но имеют навесы и сени, в которых они спят в летнее время⁹.

Сени перед домом заменял чулан, обычно строившийся с правой стороны от двери. При наличии связи изба + сени + изба и изба + сени + клеть, сени соединяли имеющиеся постройки. Из них же прорубали входы в помещения¹⁰. В сенях не делали потолка, пол укладывали на уровне пола дома. Отгораживали чулан для вещей и продуктов¹¹. При строительстве применяли

¹ ПМА – 2014 (Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз).

² Семенова Т. В. Особенности обрядового календаря чувашей в этноконтактной с татарами зоне: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. СПб., 2015. С. 56-57, 250.

³ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 143; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 9-10. С. 109; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 11-12. С. 77, 79, 84.

⁴ Егоров В. Г. Указ. соч. С. 146-147; Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Чебоксары, 1996. Т. 1. А–Р. С. 396.

⁵ Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990. С. 207.

⁶ Ахметьянов Р. Г. Указ. соч. С. 129-130.

⁷ Лепёхин И. И. Указ. соч. С. 138.

⁸ РАН. Ф. 3. Оп. 30.4. Л. 53 об.

⁹ Паллас П. С. Указ. соч. С. 138.

¹⁰ Матвеев Г. Б. Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья. С. 118; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 130.

¹¹ Чуваши: этнографическое исследование. Материальная культура. С. 218.

бревна, их половины, тес, жерди, хворост, плетень¹. При расположении двух изб на одной линии параллельно улице и соединении сенями, один выход из них делали на улицу, а второй – во двор². К сеням пристраивали лестницу с 4–5 ступенями³. По ним входили в дом и чулан⁴.

В прошлом чуваша строили открытые сени, которые сохранялись в бедных подворьях. При входе в них делали крыльцо в виде самостоятельной постройки или только открытой площадки. В сенях не вырубали окон, но стелили пол. Иногда им закрывали половину сеней, а оставшийся участок земли трамбовали. Сени покрывали единой крышей с домом или отдельной, но в таком случае устроенной пониже⁵.

Чуваши Шаранского р-на РБ перед дверью в избу в сенях ставили перегородку или вешали занавес, что, вероятно, позаимствовали у татар⁶. В сенях и на крыльце дома держали верхнюю одежду, обувь⁷. По желанию хозяев в них прорубали окна.

Ставили в сенях скамью для кадушки с водой и делали полки. Иногда сбивали помост, на котором спали летом. Здесь держали скамьи, заносившиеся при необходимости в дом. Чулан предназначался для различных предметов и продуктов⁸.

В традиционной жизни чувашей сени фигурируют как одно из возможных мест проведения обряда по избавлению от злого духа, поразившего семью и домашний скот. Здесь накрывали стол, ставили мясо жертвенного барана и проводили моление. Особенность обряда заключена в желании скрыть его от посторонних, поэтому ворота запирали⁹. В сенях молились во время *чўклеме*. Дверь из них, как и в доме, держали открытой¹⁰. Жених встречал невесту в сенях родительского дома, где они обменивались кольцами. Затем, взявшись за руки, заходили в избу к родным¹¹.

Согласно поверью, в праздничные дни через сенное окно чуваша звали находившихся на службе рекрутов поучаствовать в семейном застолье¹². Сени по отношению к дому занимали позицию наружного пространства.

Угол. Архитектурные традиции чувашей предполагают строительство жилых и хозяйственных четырехугольных построек. *Кёмес* «угол» не имеет родственных слов в других тюрк-

¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 120.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 442.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 355.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 706. Л. 2, 13, 21.

⁶ Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 119.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 6.

⁸ Чуваши: этнографическое исследование. Материальная культура. С. 218.

⁹ Михайлов В. И. Указ. соч. С. 116–117.

¹⁰ Никанор, архиепископ. Указ. соч. С. 21.

¹¹ Месарош Д. Указ. соч. С. 347.

¹² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 172. Л. 26 об.

ских языках¹. Термин близок к словам *кыдеж* лугового и *кы́деж* горного диалектов марийского языка. Обозначали «комнату», «отделение»².

На практике у чувашей встречаем четырехугольные здания, но в фольклоре их рисуют многоугольными постройками. В приветственной речи старший дружка жениха произносит слова: «Изба свата снаружи о восьми углах, изнутри – о четырех углах»³.

Строительство дома, как уже было сказано, сопровождали обрядовыми действиями с закладыванием монет, шерсти и других предметов для благополучия здания и семьи. Во время обряда *никёс пӓтти* монеты раскладывали по углам. Хозяин распределял монеты в красный угол «главное место», затем на «главное место около двери» или «главное место, где сидит жених», в «угол около печки» и в «женское место» – напротив печи⁴. Иное распределение углов происходит при сборе родни в честь новорожденного. Тогда жертвуют в передний угол, в угол за печью, в угол напротив печи и завершают в дверной части⁵.

В углах обитал хранитель дома, поэтому, возвращаясь из гостей, на печь, за печь либо в печь, бросали кусочки хлеба, другой еды⁶. Сейчас подарки оставляют в углу кухни, но иногда раскладывают в каждом углу дома. Повторяли действия, проводя домашние обряды. По углам, угощая *Хёртсурта*, ставили кашу⁷. Злых духов из жилища изгоняли в *сёрен*. В это время дети рябиновыми прутьями с криком и шумом били во всех углах.

Каждый угол дома имеет свое название. По диагонали от печи находился угол *кёреке* «передний угол» либо *тур кётесси* «божий угол». *Тёпел* – это передняя половина жилища, *тёпел кукри* или *ка́мака умё* «пространство перед печью». Если его отделяла перегородка, то называли *чайлан* или *пӹлём*. На входе располагался *алӓк кукри* «дверной угол»⁸.

Тёпел. В узком смысле *тёпел* занимает переднюю правую от двери часть жилища, загороженную печью и занавесом. В более широком значении *тёпел* – половина дома, находящаяся напротив входа. Происхождение слова рассматривается *тёп* + *ел* (букв. «основная сторона», т.е. главное, важное пространство). В *тёпеле* чуваша хранили *Йёрёха*. О содержании фигурки божества в мужском платье в избранном углу дома известно на примере марийского материала⁹.

¹ Егоров В. Г. Указ. соч. С. 111.

² Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1. С. 288.

³ Комиссаров Г. И. О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники, письма. Чебоксары, 2003. С. 247.

⁴ Месарош Д. Указ. соч. С. 146.

⁵ Салмин А. К. Система религии чувашей. С. 501.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 264.

⁷ Никанор, архиепископ. Указ. соч. С. 7.

⁸ Матвеев Г. Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. С. 79.

⁹ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1776. Ч. 1. С. 37.

Тёпел, в соответствии с одним из его предназначений, использовали для домашней посуды и приготовления пищи. В *тёпеле* перед печью ставили стол, устраивали скамьи. С восточной стороны скамью и передний угол в праздники занимали мужчины, а женщины рассаживались на небольшой скамье вдоль южной стены¹. Во время обрядов за столами собирались и отдельно. Например, в жертвоприношение божеству *Хёртсурт* мужчины были за столом в переднем углу. Женщины садились за стол в *тёпеле*, произносили молитву, по окончании здесь же они укладывались спать². В домах башкир пространство за печью, защищенное от чужого взгляда занавесом, традиционно служило для времяпровождения женщин³.

Место в *тёпеле* чуваша считали более почетным, чем расположение человека возле двери. Сват, пришедший к родителям невесты, присаживаясь у двери, отвечал на приглашение пройти к столу полушутливым голосом. Говоря, он задавал тон беседе на разрешение в положительную сторону. Сват намекал, что уйдет, если из разговора не выйдет толка, сидя у двери и выйти из дома удобнее⁴. Поскольку *тёпел* – место женское, то в текстах молитв имеются слова с пожеланиями видеть здесь сноху, а в дверях дома – зятя⁵.

Прощаясь со своими родными и отчим домом, невеста сидела за занавесом в *тёпеле*, исполняя особый напев *хёр йёрри* «плач невесты»⁶. Приехав во двор жениха, её снимали с повозки и вносили в дом на руках. Усаживали на подушку на скамье напротив печи, т.е. на место женщин⁷. В марийской свадьбе молодых заводили в женскую половину дома и сажали за стол, перед этим избу покидали старшие родственники⁸. Единство женщины и данного пространства у чувашей подтверждено многочисленными примерами⁹.

Передний угол. Важным ориентиром в организации территории дома считают *кёреке* «передний угол избы». Слово также подразумевало место за столом на скамье в переднем углу и место на стуле со стороны двери. У православных здесь находится божница с иконой¹⁰. В прошлом некрещеные чуваша держали в переднем углу фигуру, олицетворявшую божество *Йёрёх*¹¹. *Воршуд* в виде лубяного короба с монетами, ветвями разных деревьев и другими пред-

¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 15-16. С. 69-71.

² Магнитский В. К. Указ. соч. С. 51.

³ Масленникова Т. А. Указ. соч. С. 76.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 68.

⁵ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 6. С. 224; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 13-14. С. 8.

⁶ Михайлов С. М. Указ. соч. С. 59; Магнитский В. К. Указ. соч. С. 209.

⁷ Месарош Д. Указ. соч. С. 349.

⁸ Свадебные обряды у горных черемис // Памятная книга Казанской губернии на 1864/65 год. Казань, 1865. С. 121.

⁹ Салмин А. К. Семантика дома у чувашей. С. 38-41.

¹⁰ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1999. Т. 7-8. С. 277.

¹¹ Паллас П. С. Указ. соч. С. 139.

ментами удмурты размещали в переднем углу *куалы*¹. *Кёреке* равнозначны термины *малти кётес* «угол избы, находившийся в мал ен» и *тур кётесси* «божий угол»². Участие в застолье в переднем углу считалось очень почетным. Одно и то же слово подразумевало не только стол, место, но и ведро, сосуд с пивом, выставленный для угощения на стол. Искусно орнаментированным ковшом черпали пиво и преподносили гостям³.

Рис. 10. Чувашка в свадебном костюме в переднем углу дома – *кёреке* (БАССР, Бижбулякский р-н, колхоз «Хастор»/«Хастар», 1934 г.)
Фото Кудряшевича // МАЭ РАН. Коллекция И-1843. № 165

В торжественных случаях под пиво использовали *кёреке курки* «ковш с длинной ручкой». У марийцев большая деревянная емкость называлась *кёрага*, в древнетюркском языке *körkä* – «деревянное блюдо»⁴. Юрта, шатер известны у древних тюрков как *kerägü*, *keräkü*⁵. Видоизме-

¹ Гаврилов Б. Г. Указ. соч. С. 161-162.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 180. Л. 406, 436.

³ Егоров В. Г. Указ. соч. С. 107; Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875. С. 214.

⁴ Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. С. 194.

⁵ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 300.

ненные формы и значения присутствуют во многих тюркских языках¹. Почетное место в *кёреке* в праздники и обряды занимали, прежде всего, старые люди. Торжественные застолья с участием представителей рода или нескольких родственных групп выступали в роли народных собраний. Проведение обрядовых действий и исполнение песен способствовали консолидации присутствующих². Аналог *кёреке* в удмуртских избах – угол *төр*³.

Об особом уважительном отношении к старикам, сидящим в переднем углу, сказано:

В красный угол встал да песню запел,
о том, что старше меня (гости) есть – не знал.
Ай-лир ка-нар, оказывается, да ай-хай-йй.
Если бы знал, что есть старше меня,
не стал бы петь я эту песню.
Ай-лир ка-нар, оказывается, да ай-хай-йй⁴.

С прибытием свадебного поезда в дом родителей жениха глава дома произносил молитву, прося благополучия новой семье. В печь и передний угол, а затем в дверной со словами «пусть новобрачная будет иметь зятя в этом углу» бросали хлебные шарики с медом⁵. Пожелание объясняет стремление иметь в углу мужчину. Место в *кёреке* своего отца девушка занимала один раз в жизни – прощаясь с родительским домом, единственный раз – в доме свекра (Рис. 10).

Для облегчения страданий умирающего и ускорения выхода души из тела в *кёреке* на стул или скамью с подушками сажали музыканта, игравшего на волынке⁶. Гроб с покойным ставили в избе, обращая головой к переднему углу⁷. В поминальные дни хозяин дома изготавливал и зажигал свечу на столе в *кёреке*⁸.

В православной традиции передний угол ассоциируется с иконой. Божницу старались орнаментировать резьбой. В зажиточных семьях чуваша держали лампадки, живые и искусственные цветы и несколько икон. В *мункун* в божнице заменяли крашеные яйца⁹. Здесь хранили и вербу, полученную в церкви в вербное воскресенье, которой впервые выгоняли домашний скот весной. Затем ветви оставляли в стене хлева или амбара¹⁰.

¹ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1980. С. 24-25.

² Волков Г. Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974. С. 326-327.

³ Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Кн. 3: Вотско-русский словарь. Ижевск, 2006. С. 226.

⁴ Воробьев В. П. Указ. соч. С. 128.

⁵ Никанор, архиепископ. Указ. соч. С. 29-30.

⁶ РАН. Ф. 95. Оп. 4.5. Л. 55.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 178. Л. 199.

⁸ Салмин А. К. Система религии чувашей. С. 348.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 356; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 348. Л. 88; НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. Л. 3.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 79; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 244.

Рис. 11. Передний угол с божницей в доме верховых чувашей (РБ, Гафурьевский р-н, с. Антоновка, 2011 г., фото автора)

Под божницей находились стол и скамьи. На стенах могли устраивать полки. Не всегда иконы с божницей содержали в чистоте¹.

В наши дни передний угол занят иконами и предметами, символизирующими православный культ (Рис. 11). Интересный эпизод приведен Е. А. Ягафовой, обнаружившей в с. Уязыбашево Миякинского р-на РБ божество *Хёртсурт* в виде иконы. Триптих хранился в коробочке над кроватью². В переднем углу дома нередко висят семейные портреты и картины, зеркала и часы, календари и вырезки из печати. Подобные объемные предметы занимают стену, привлекая внимание гостей. В домах-пятистенках встречаются два передних угла в разных комнатах.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 238; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 131.

² Ягафова Е. А. Чувашское «язычество» в XVIII – начале XXI века. Самара, 2007. С. 83-84.

Если в первой половине *кёреке* с божницей находится диагонально печи, то во второй – по диагонали от голландки. Печь и голландку возводят на одной стороне, на противоположной устраивают *кёреке*. Передний угол является центральным местом при семейных сборах.

Модель «печь → передний угол» служила ориентацией жилища. Печь занимала западную или северную стороны, т.е. на тьму, на заход, а передний угол – восточное и южное направление, на полдень, на свет, на восход, что способствовало наилучшей ориентации в незнакомом доме¹. Такое видим и в чувашских избах.

Чуваши жилое пространство организовывали относительно *кёреке*. Свидетельствуют об этом торжества и домашние обряды. Действа, проводившиеся в переднем углу жилища, характерны многим народам.

Печь. В доме обязательно выкладывали *кямака* «печь», необходимую для обогрева жилища и приготовления пищи. *Кямака* близко марийскому слову *камака* «печь», имеют общие корни от древнетюркского *kön* «гореть»² (Рис. 12). Тип большой русской печи, распространившейся у чувашей, известен под названием *пысак кямака*³.

Избы на протяжении столетий отапливали печи по-черному, т.е. без дымохода, сбитые из глины. Их основание забивали в деревянные срубы⁴. Печь в чувашском доме всегда располагалась в одном из углов, занимая до четверти пространства. Устьем её обращали к передней стене, к окнам⁵. Традиционное место печи «у дверей по правую руку»⁶. В прошлом горожане Суvara делали печь у стен жилища⁷. Глинобитное сооружение вытеснила печь из необожженных и заводских кирпичей⁸.

Чувашская изба принадлежит к северно-среднерусскому типу. В данном случае печь занимает место справа или слева от двери. Диагонально – передний угол. К середине XIX в. печь ставили по правую сторону от входа, устье – на переднюю стену. Размер печи составлял 1,5×2 и 2×2 м, воздвигнутой на срубном основании *кямака урати, тёнё*. Для этого «в лапу» рубили два–три ряда венцов. Основание закрывали досками, половинами бревен, засыпали землей и глиной, служившей для поднятия свода печи *кямака тупи*.

В строительстве свода глинобитной печи использовали глину и камни, набиваемые на полукруглый деревянный обрубок, который по высыханию глиняной обмазки выжигали. Впо-

¹ Байбурин А. К. Указ. соч. С. 128.

² Федотов М. Р. Указ. соч. С. 192.

³ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 126.

⁴ РАН. Ф. 3. Оп. 30.4. Л. 61 об.; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 354.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 130-131.

⁶ Паллас П. С. Указ. соч. С. 138.

⁷ Смирнов А. П. Указ. соч. С. 238.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 79; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 525.

следствии кирпичная кладка значительно облегчила работу¹. Глинобитная печь – архаичная конструкция. Например, в поселениях восточных славян подобные печи датируются XII–XIII вв. Стенки печи двусторонне промазывали замешанной с камнями глиной. В строительстве применяли каркас из прутьев и кольев, выгоравший во время топки².

Возведению печи предшествовали молитва хозяйки дома и начертание креста топором главой семьи на месте, избранным под печь. Текст – обращение к *Хёртсурту*³. Сейчас особые действия перед закладыванием печи не проводят, не известно о них и старикам.

Открытый шесток, характерный чувашам еще в первой половине XIX в., заменил закрытый. На одной из сторон *кймака ани* «устья печи» делали *вучах* «очаг»⁴. Русская печь с дымовым выходом у чувашей приобрела очаг с подвешенным или вмазанным котлом⁵.

Рис. 12. Печь в избе по-черному (БАССР, Белебеевский кантон, с. Кош-Елга, 1929 г.)
Фото П. А. Петрова-Туринге // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

¹ Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 74-75.

² Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. Л., 1975. С. 154.

³ Фокин П. П. Указ. соч. С. 82-83.

⁴ Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 75.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 9; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 355.

Тип устройства котла для приготовления еды выступает маркером при выделении у чувашей низовой группы, пользовавшейся вмазанным котлом в очаге, и верховой группы, подвешивавшим котел на кронштейне. О *вирьялах* д. Косяковка Стерлитамакского р-на РБ говорится: «Внутренняя обстановка домов также близка домам верховых чувашей. Висячие котлы»¹. Напротив, низовые чуваше имели печи с вмазанными котлами, встречающимися и в настоящее время, но используемые редко (Рис. 13). Очаг – место приготовления еды. В самой печи пекли хлеб, выпечку, варили каши. В зажиточных семьях держали котлы разных размеров, поэтому на крюках были зарубки разной высоты. В юго-восточных районах ЧР развитие получили котлы, вмазанные в очаг². «Варку чуваше производят в котлах на очагах, устраиваемых на шестке с боку», – читаем на страницах документа³.

В Республике Башкортостан очаг с котлом на кронштейне встречался в немногочисленных поселениях верховых чувашей. Например, в с. Антоновка Гафурийского р-на и д. Косяковка Стерлитамакского р-на. В других населенных пунктах были печи с вмазанными котлами. В курных избах изначально использовали подвешенные котлы, но от них начали отказываться в связи с переходом к печам с дымоходами. Отразились и межэтнические коммуникации. Очаг с вмазанным котлом характерен для волго-уральских татар. С глухой стороны дома к печи пристраивали очаг с одним или двумя вмазанными казанами⁴. Распространен подобный вид среди сибирских татар, готовивших пищу на камине с вмазанным котлом, а также у марийцев⁵.

В курных избах печной дым выходил в дымовой выход, а в русских печах выкладывали дымоход⁶. *Майрье* «печную трубу» изготавливали из луба, плетня, теса, промазанную глиняным слоем и выведенную в отверстие потолка. В избах по-черному *майрье* – дупло над печью, проходившее потолок и крышу, открывавшееся с момента топки печи⁷.

Дом с печью и дымоходом имел аналогичное курной избе разделение пространства. Труба возвышалась над крышей «от 2 четвертей до 1 аршина»⁸. Добротные хозяева старались выложить трубу из кирпича или поставить железную⁹. Современные строители поднимают кирпичные, асбестовые и железные трубы. Простым вариантом являются трубы из теса, сбитые из че-

¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 54.

² Чуваше: этнографическое исследование. Материальная культура. С. 213.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 521.

⁴ Сулейманова Д. Н. Интерьер жилища волго-уральских татар: развитие и этнокультурная специфика : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Казань, 2007. С. 57.

⁵ Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М., 2009. С. 176; ГАОО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 33. Л. 7 об.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212.

⁷ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 318.

⁸ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 37.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210; НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 161, 164.

тырех широких досок, установленные над банями и постройками. Чуваши в трубу печи приглашали божество *Пирёшти*, оберегавшего новорожденного на протяжении всей его жизни. С обретением имени и своего *Пирёшти*, ребенок принимает статус человека¹. Удмурты практиковали перемену имен плаксивым детям. В устье печи три раза выкрикивали, что имя не подходит ребенку, давали другое. Через дымоход сверху бросали монету, привязывавшуюся затем к руке, или ложку, которой кормили младенца. В другой форме – сверху в трубу кричали три раза, что меняют имя и сбрасывали предметы².

Рис. 13. Домашняя печь и очаг с вмазанным котлом
(РБ, Аургазинский р-н, с. Наумкино, 2013 г., фото автора)

¹ Салмин А. К. Указ. соч. С. 459.

² Садиков Р. Р. Указ. соч. С. 88.

Мировоззрение чувашей выделяло печь как обитель домашних божеств и духов. Понятия печь и огонь едины, поэтому здесь обитает божество *Вут*. На печи находится *Кăмака амăшĕ* «Мать печи». На печи, под либо за ней проживают *ырăсем* «добрые» и *усалсем* «злые» божества и духи. Добрые персонажи – *Вут*, *Кăмака амăшĕ*, *Пирĕшти* и *Хĕртсурт*. К злым духам относятся *Инкек* и *Вунăр*¹.

Благополучие дома, семьи и защиту от несчастий гарантировали жертвоприношения и обращения к божествам. *Вут* адресовали слова: «Огненное божество, помилуй, спаси, подай здоровье мне с домашними моими». Для этого варили гуся или утку, а произнеся молитву, вставляли перед устьем печи на колени². Огонь имел отца и мать, о чем чуваше говорили, молившись в *чўклеме*. Разводя его в печи, не допускали бранных слов, поскольку огонь может рассердиться и начнется пожар. В случае пожара в деревне тушили огонь в очагах и печах. Справившись с пожаром, домохозяева совместно добывали новый огонь и разносили по дворам. Семья жертвовала кашу, масло и лепешки³. Запрет на разведение огня в печах поддерживали в период *синсе*⁴. Жертвоприношение адресовали и *Кăмака амăшĕ*, обитавшей в печи⁵. Изгнание злых духов из печи и сопредельного пространства происходило в *сĕрен*⁶.

С печью связывают представления о *Хĕртсурте*. В источниках, опубликованных изданиях, как и в словах информантов, отсутствует единое определение места обитания божества. Довольно часто упоминают, что он проживает на печи или под ней. Его считают домашним божеством, находящимся на всем пространстве дома. В современных условиях *Хĕртсурт* занимает кухню или котельную, поскольку во многих домах печи отсутствуют в связи с газификацией поселений.

В честь божества готовили кашу и лепешки, читали молитву и приступали к семейной трапезе. Блюдо с жертвенными дарами и ложки оставляли на печи до утра. На другой день съедали за завтраком⁷. В иной форме обряда тарелку каши и лепешку хозяйка ставит в отверстие печи на подушку и обращается к *Хĕртсурту*. Помолвившись и отвесив три поклона, достают из печи кашу, лепешки и приступают к трапезе. Приглашают к столу домашнего хранителя. Перед печью накрывают стол и оставляют кашу, вокруг которой ложки по количеству членов семьи. Рядом кладут подушку, чтобы поев, *Хĕртсурт* мог отдохнуть⁸.

¹ Салмин А. К. Семантика дома у чувашей. С. 26-28.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 40. Л. 269.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 91, 97.

⁴ Вишневский В. П. Указ. соч. С. 23.

⁵ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 127.

⁶ Сбоев В. А. Указ. соч. С. 145.

⁷ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 2000. Т. 17. С. 56.

⁸ Месарош Д. Указ. соч. С. 145; Магнитский В. К. Указ. соч. С. 50.

Один из возможных образов *Хёртсурта* представлял фигуру женщины, окрашенную черной краской. На голове – повязка, шею обрамляло ожерелье, руки вдоль туловища. Хранили фигуру, завернув в ткань, между двух лаптей. Название такого божества *Ерехметь-Хёртсурт*, от *ёрехмет* «благодать» + *Хёртсурт*, т.е. божество, приносящее дому благо¹.

В строительном деле завершение работы над печью связано с проведением праздника *Хёртсурт пйтти* «каша в честь божества *Хёртсурт*»². Очевидна связь хранителя дома и печи³. Божеству адресовали как систематические жертвы, так и эпизодические. В таких случаях на печь бросали кусочки пищи. Возвращаясь из гостей, отщипывали от гостинцев три кусочка и откладывали на печь, после этого кушали сами⁴. В другом варианте пищу бросали за печь, поскольку *Хёртсурта* связывали с данным местом⁵. «Пусть будут носимы нам гостинцы, а мы все будем есть да есть, на и тебе, *Хёртсурт*», – приговаривали хозяева при этом⁶. Функции хранителя у русских выполнял *Домовой*, нередко гремевший за печью ради забавы. Если стучал по заслонке трубы, ожидали суда из-за спорного дела⁷.

Переход семьи в новый дом сопровождался просьбой к *Хёртсурту* проследовать за ними. Аналогично действовали закамские удмурты, приглашая на новое место *Коркамурта*, *Коркакүзэ*⁸. Чуваши отламывали от печи заштукатуренный кусок и забирали, в новом доме клали на печь, а сейчас нередко у отопительного устройства. Действо олицетворяло переход *Хёртсурта* в дом. В с. Манеево Аургазинского р-на РБ, по сообщению этнографа И. Г. Петрова, крещенные чуваши на печь кладут ситцевую ткань и зовут с собой божество. Полотно сворачивают, а на печи нового дома разворачивают, выпуская из него *Хёртсурта*. В представлении информантов *Хёртсурта* иногда заменяет божество *Пирёшти*. При этом *Пирёшти* считают женским персонажем, а *Хёртсурт* выступает в роли мужчины.

Желая принести вред семье и хозяйству, деревенские колдуны подбрасывали заговоренные вещи в дом. Подкинутую монету следовало примазать к устью печи глиной, яйцо – разбить, а затем примазать к печи. Найденную свечу зажигали с обратной стороны, чтобы несчастье обернулось против колдуна. Фигурирует печь на проводах рекрута, который целует её на прощание под слова молитвы, произносимые матерью⁹. Новобранец должен с собой взять кусок

¹ РЭМ. № 967-2 а, б, с.

² Никольский Н. В. Указ. соч. С. 37.

³ Михайлов В. И. Указ. соч. С. 115.

⁴ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 57; Вишневецкий В. П. Указ. соч. С. 24.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 86.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 93, 550.

⁷ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 35, 37, 40.

⁸ Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа, 2008. С. 88-89.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 133, 526-527.

печной глины и хранить его до возвращения домой¹. Печь задействована в свадебных мероприятиях, что свидетельствует о наличии связи женщины и печи. У русских перед началом сговора сват подходил к печи и двигал заслонку, тем самым объявляя о цели прихода и предмете разговора². Ожидая сватов и жениха, у печи стояла марийская невеста³. Накануне венчания перед ней же омывали невесту в южнорусских губерниях⁴.

Перед выездом из родного дома, невеста отламывала от печи кусок глины и приглашала *Хёртсурта*⁵. В доме родителей жениха молодая должна была угостить их хранителя, поэтому на печь бросала кусочки хлеба и другой пищи. Обращаясь с поклоном к печи, невеста говорила: «Пусть пройдет век мой перед тобой благополучно»⁶. Помимо гостинцев невеста оставляла у печи полотенца или *сурпан*⁷. Здесь же в присутствии родных и гостей молодых накрывали общим войлоком⁸. Он воплощал символ единой крыши над головой.

Подарки со стороны невесты и обращение к печи подразумевали благорасположение к себе *Хёртсурта*, поскольку именно здесь женщина будет проводить много времени. После брачной ночи невеста считается человеком из этого дома и не кланяется печи⁹. Посещая родных по завершению свадьбы, молодая присаживалась в женской части у печи¹⁰.

Печь использовали в детской обрядности. Приняв новорожденного, повитуха укутывала его, укладывала в плоское корыто для теста на теплую печь¹¹. У русских женщин известны случаи родов на печи¹². Избавление от болезней детей также происходило с участием печи. Детскую дистрофию «собачью старость» лечили, засовывая ребенка в устье печи три раза. Для этого на хлебной лопате раскатывали слой теста, клали младенца, закрывали вторым слоем и помещали в печь, приговаривая заговор¹³. Аналогично в русской традиции лечили испуг, сглаз, дистрофию¹⁴.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 92.

² Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Указ. соч. С. 27, 29.

³ Фукс А. А. Указ. соч. С. 223.

⁴ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. С. 285.

⁵ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 203.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 92.

⁷ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 11-12. С. 28.

⁸ Фукс А. А. Указ. соч. С. 66; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. С. 177.

⁹ Сбоев В. А. Указ. соч. С. 36, 38.

¹⁰ Фукс А. А. Указ. соч. С. 6.

¹¹ Благовидов И. А. Материалы к исследованию здоровья инородцев Симбирской губернии. М., 2011. С. 10.

¹² Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903. С. 336.

¹³ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 140.

¹⁴ Щепанская Т. Б. Указ. соч. С. 44.

Смерть домочадца налагала запрет на разведение огня в печи до момента его положения в гроб¹. Для сравнения: закамские удмурты связывали печь с поминальными действиями. Устье символизировало связь с умершими родными. У печи в сосуд собирали пищу для покойных². Поминая осенью усопших, чувашки ставили к печи свечу, а вдова, проводив родных, садилась на скамью у печи и совершала трехкратное возлияние, вспоминая умершего мужа³.

В домашней печи пережигали кости жертвенных животных. По словам Г. Ф. Миллера, по завершению моления чувашки забирали их, чтобы не достались собакам. Наделяли кости определенной силой, поскольку они – часть жертвы⁴.

Примечательно, что в отдельных местностях среди восточных славян бытовала традиция мытья и парения в домашней печи в связи с отсутствием бани в комплексе надворных построек. Для этого из печи выгребали угли, выметали золу, а для нагнетания пара, стены изнутри сбрызгивали водой⁵.

Печь у чувашек, безусловно, была связана с женщиной и её повседневными делами. Здесь сосредоточены различные положительные и отрицательные божества и духи, требующие к себе внимания и дароприношения. Обрядовая жизнь не обходила стороной пространство печи, включая её во многие действия. Печь с очагом олицетворяла стабильность и благополучие дома, не случайно здесь обитали такие божества, как *Вут*, *Кямака амйшэ*, *Пирёшти*, *Хёртсурт*. Этот необходимый для жизнеобеспечения объект в домах чувашек сохранился и в настоящее время, в некоторых случаях даже при наличии проведённого газового отопления.

Столб у печи. В переднем углу печи, как правило, юго-восточном от пола до потолка чувашки ставили столб *уша юпи*. Заменяли нередко доской, что зависело от материала⁶. В печном углу устанавливали и по два столба. В таком случае между ними располагались полки или шкаф для инструментов, вещей⁷. От столба отходили *лаптак кашта* «перекладины», служившие для одежды и текстильных изделий⁸. У печи перекладины используют и сейчас (Рис. 14). При строительстве вдоль неё врубали *уша пушси* «лавку»⁹. Шкаф, размещенный между столба-

¹ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 160.

² Садиков Р. Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). С. 88.

³ Салмин А. К. Указ. соч. С. 29.

⁴ Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. С. 60.

⁵ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 264; Желтов А. А. Русская баня и старинный северный быт // Этнографическое обозрение. 1999. № 3. С. 35-37.

⁶ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 3. С. 352.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 10; Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 227, 232, 337; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. 4. С. 14.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 356.

⁹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 3. С. 352.

ми, известен и как *пустав*¹. Столб у печи – распространенная деталь домашнего пространства. Белорусы отождествляли его с хранителем дома и предками рода. Добывая новый огонь, о столб вращали веретено. В прошлом, вероятно, имел антропоморфное изображение, что подтверждается наличием неглубоких выемок для хранения пуповины новорожденных. В русских повествованиях столб на углу печи служил местом колдуньи². Чуваши на столбе вырубали отверстия. Верили, что вредоносные духи, проникшие в дом, не смогут преодолеть это место³.

Рис. 14. Перекладина для текстильных предметов и скамья у печи (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш, 2009 г., фото автора)

¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 9-10. С. 14.

² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 496-497.

³ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 5. С. 248.

Столб у печи превратился в шкаф ко второй половине XIX в. Первоначально, естественно, был без дверей¹. О конструкции сделана запись: «Улчепи (шкап) – подобие шкафа, устраиваемого у печки (в переднем углу). Один конец брусьев врублен в стены избы (в переднюю стенку над окном и в боковую стенку), другой конец пристроен к улчепи. Улчепи – это небольшой шкаф размером 40×50 см»².

Столб, безусловно, символизировал центр дома. В прошлом он не был связан с ежедневными делами и жизнедеятельностью чувашей, имея обрядовое назначение. Действительно, столб у печи занимал середину избы. Размеры печи соответствовали $\frac{1}{4}$ части дома, а столб ставили в свободном углу, т.е. в центре. Его украшали вышитым полотенцем, не использовавшимся в быту. Карелы на печном столбе или широкой доске прорезали отверстие для полотенца³. Здесь же у северных карел сват, не получив утвердительного ответа от родителей невесты, запросивших время для размышления, оставлял рукавицы в знак того, что за ними вернется. На второй день свадьбы невеста украшала дом полотенцами, а для свекрови вешала полотенце на столб у печи. Этим демонстрировались умения молодой и получали подарок домашние покровители. Перед подвязыванием полотенца невеста кланялась печному столбу, повесив, она вновь делала поклон. Преподнесенный дар духу дома, задабривал духов-предков семьи мужа⁴. Смерть человека связана с уходом из дома души, что, по поверью чувашей, можно было увидеть, повесив на печной столб чистое полотенце, наблюдая за ним через оконное стекло с улицы⁵.

На столб, поминая покойных, чувашаи обязательно крепили по одной свече⁶. Действо подтверждает связь предмета с душами предков.

Итак, столб у печи – священный локус дома и семьи. Его происхождение М. Элиаде объясняет стремлением обеспечить долговечность постройки. Освящают выбранный участок, т.е. превращают его в центр. Жертвоприношение подтверждает действенность строительства. Освященное пространство совпадает с центром⁷. Построенный дом выступает такой серединой, а внутри него сакральным местом и, соответственно, центральным является столб у печи. Неслучайно, «человеческое жилище проецируется в Центр Мира»⁸.

¹ Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 77.

² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 706. Л. 47.

³ Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941. С. 51.

⁴ Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). Л., 1977. С. 80, 192.

⁵ Салмин А. К. Система религии чувашей. С. 303.

⁶ Вышеславцев А. Указ. соч. С. 279.

⁷ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 45.

⁸ Там же. С. 150-151.

В мифологических воззрениях манси и хантов выделены верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный) мир. Чтобы подняться на небо, необходимо воспользоваться столбом, лестницей, ведущие наверх в отверстие, служившие богу *Нуми-Торуму* для осмотра земли¹. Напротив, у ненцев для перекрытия входа из подземного мира, возводя чум на новом месте, женщина первым делом укладывала очажный лист из железа. Металл закрывал проход и определял центр постройки².

Столб, размещенный в жилище или за его пределами, служил для молитвы и жертвоприношений, открывал дорогу к небу³. Стремление установить такой столб заключено в идее, что жилище является образом мира и строительство нового дома – повторение космогонии⁴.

Столб, связывая людей и небосвод, считали гарантом благополучия семьи⁵. Проецирование будущего урожая и, следовательно, процветания отчетливо видим у населения Бадахшана. Завершив первую пахоту, часть семян, сброшенных главой семьи с крыши дома и пойманных женщинами в подол, вешали на *шасутун* «главный столб» на несколько дней. Впоследствии мешали с зерном, засеивали поле. В ряде поселений по мере созревания колосьев старики срезали один сноп и привязывали только к центральному столбу дома. На других столбах до зимы крепили оставшиеся снопы⁶.

Как территория благополучия столб постройки у чувашей фигурирует при совершении обряда о здоровье и размножении скота *карта пй́тти* «каша прясла»⁷. А столб у печи использовали в качестве укомного места, на котором хранили монеты для приобретения жертвенного подарка⁸. Сакрализация столба у печи прослеживается в башкирских избах. Без него жилище выглядело *курекһез өй* «неприглядным домом». Рожая, башкирки держались за *өй баганы* «столб у печи» или за полотенце, свисавшее с перекладины⁹.

Столб у печи имел множество разных названий. Наряду со словом *уша юпи* известны *аша юпи*, *улчупи*, *ольчани*, *в́та юпи*, *уса юпи*, *пукане* и многие другие. На санскрите *ushas* – «заря», в ведийских писаниях *usrâ* обозначает «утро», «рассвет»¹⁰. Божество утренней зари ведийских

¹ Мифы народов мира. Энциклопедия (В 2 томах). М., 1988. Т. 2. К–Я. С. 567.

² Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 212.

³ Элиаде М. Указ. соч. С. 148-149.

⁴ Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996. С. 129.

⁵ Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. С. 53.

⁶ Розенфельд А. З. Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана // Советская этнография. 1970. № 3. С. 116-117.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 79.

⁸ Салмин А. К. Указ. соч. С. 511.

⁹ Султангареева Р. А. Жизнь человека в обряде: фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов. Уфа, 2006. С. 62, 105.

¹⁰ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 3. С. 700.

текстов *Ushas* связывают с латышским божеством лошадей *Усиньша*, русским фольклорным персонажем *Ўсень-Ўвсень* и возводят к общеиндоевропейским мифологическим воззрениям об утренней заре¹. Справедливо подмечено, что «ведийское *Ushas* и авестийское *Ushā* соответствуют чувашским названиям божества *Уша* и столба у печи»².

Центр дома у чувашей олицетворял *уша юпи*. Как наиболее священное место печной столб первоначально не выполнял практической функции, играя роль во время домашних обрядов. *Уша юпи* был проводником жертвенных подношений душам предков и умершим родственникам. Подобное восприятие этого объекта и дома в целом подтверждают мысль, согласно которой жилище рассматривается не только как место проживания семьи, но и как храм для божеств, где хозяин выступает священником³.

Мебель. Убранство чувашского дома предполагало наличие *сак*, *сарлака сак*, *урлă сак* «нар»⁴. Об этом упоминал И. И. Лепёхин, выделив, что нары были у всех домашних стен⁵. Они занимали место вдоль передней стены и «у противоположной от печи стены, но не во всю стену: обе нары соединяют узкой лавкой, где стоит стол и один стул»⁶.

Н. И. Воробьев связывал уменьшение размеров нар с распространением православия среди чувашей. Необходимо было освободить передний угол для стола, скамеек и божницы. Первоначальное уменьшение нар привело к их исчезновению или сохранению в виде русского коника и перед печью в роли стола и лавки в кухонной части дома⁷. Избы чувашей с нарами, одновременно, свидетельствовали о переходе в ислам и перемене идентичности, восприятию себя татарами. В таком случае, на нарах проводили большую часть времени, включая семейные трапезы⁸. Конструкция нар состояла из дощатого помоста на брусках или невысоком основании в виде сруба.

Неподвижные нары сменяют *сак* «скамьи», которые чувашам «ночью служат кроватью, днем стулом»⁹. Скамьи были подвижными и закрепленными у стены. Вдоль передней стены тянулась длинная прибитая скамья¹⁰. Довольно красочно описывает интерьер жилого дома принявшего ислам чуваша Семена священник Г. Андреев. «В переднем углу едва заметны сле-

¹ Тульцева Л. А. Концепты Света и новые поколения детей в календарной обрядности русских. Рождество – Новый год // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 152-153.

² Салмин А. К. Указ. соч. С. 513.

³ Batchelor John. An Ainu – English – Japanese Dictionary. Tokyo, 1926. P. 78.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 355.

⁵ РАН. Ф. 3. Оп. 30.4. Л. 53 об.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 9.

⁷ Воробьев Н. И. Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. 1950. № 3. С. 76.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 81-82.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 443.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 348. Л. 88.

ды существования когда-то приличной божницы. Частые дыры в стенах, на 2–3 четверти выше от полу ясно указывали, что здесь в недавнем прошлом были прикрепленные к стенам скамьи. На полу кроме кошмы, постланной для обеда по мусульманскому обычаю, ничего не было: стол и стулья изгнаны отсюда. Одна половина избы от другой отделяется занавеской», – фиксировал священник¹. Текст косвенно связывает появление у чувашей домашней мебели (скамей, столов, стульев) с православием, и наоборот, приняв ислам, чуваша освобождали дом от предметов, утративших для них актуальность и теперь неиспользовавшихся.

Для сна делали *кутник сакки*, *карават* «кровати». Были они не у всех, считались признаком зажиточности семьи. В *кёреке* стоял стол².

¹ Петров И. Г. Исламизация чувашей Южного Приуралья в середине XIX – начале XX века: причины и этнические результаты // Восток в исторических судьбах народов России. Книга 3. Материалы V Всероссийского съезда востоковедов 26–27 сентября 2006 года. Уфа, 2006. С. 143.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 514.

Рис. 15. Кухонный буфет для посуды
(РБ, Гафурийский р-н, с. Антоновка, 2011 г., фото автора)

Нередко, столы изготавливали из липы, с нанесением красного и желтого полихромного покрытия. В праздники накрывали вышитой скатертью¹. Перед столом был *пукан* «стул». По словам информантов «место отца (самого старшего в семье)»².

Для сна служили также печь и *сентре* «полати», занимающие до половины потолка дома³. Прежде всего, на них спали дети и складывали вещи. В XX в. в домашний интерьер в процессе взаимодействия сельского населения с городом проникает мебель нового типа, посуда, часы и другие предметы⁴.

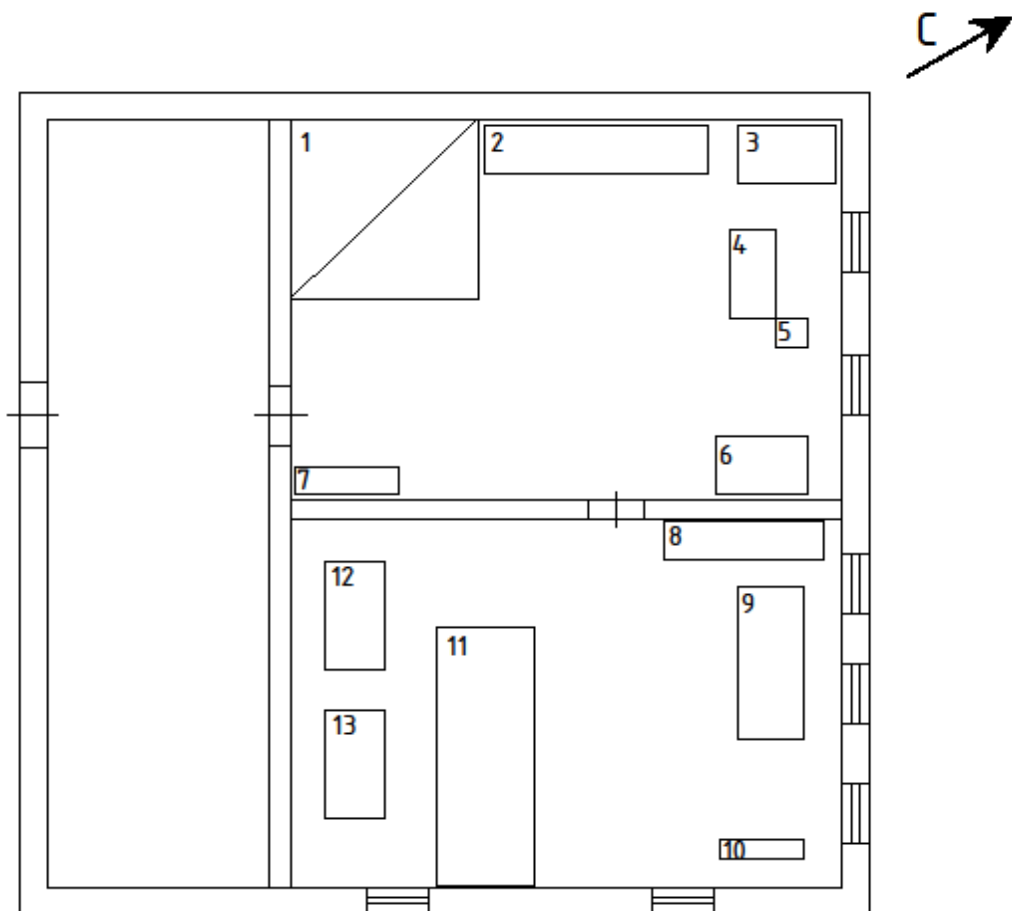

Рис. 16. План дома С. Л. Герасимовой, построенного в 1953 г.

1 – печь, 2 – шкаф для посуды, 3 – кухонный стол, 4 – стол,
5 – холодильник, 6 – обеденный стол, 7 – комод, 8 – шифоньер,

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 184. Л. 88-89.

² ПМА – 2010 (РБ, Аургазинский р-н, д. Юламаново).

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 348. Л. 88.

⁴ Золотарев Д. А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919–1925) // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. III. Вып. 1. С. 156.

9 – диван, 10 – трюмо, 11 – мебельная стенка, 12 – кровать, 13 – кровать
РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш, 2009 г. // Реконструкция автора и А. В. Маганёвой

Шкафы встречались в состоятельных семьях, поэтому занимали видное место. В них держали посуду, самовар¹. В кухонной части появляются специальные буфеты (Рис. 15). Для одежды в доме стояли сундуки. В целом, большинство домашней мебели изготавливал хозяин, но отдельные предметы заказывали мастерам или приобретали уже готовые. Преобладающее использование покупной мебели характерно с 1950–1960 гг. На стенах крепили полки, а декором выступали зеркала, фотографии времен военной службы, изображения исторического и религиозного содержания, плакаты, вырезки из периодических изданий.

Дом украшали текстильные изделия. К таковым относятся вышитые полотенца в переднем углу, домотканые паласы, разнообразные вышивки и постельные принадлежности. Спальное место закрывал занавес. Предметы, орнаментированные вышивкой, содержали традиционные мотивы². Иллюстрацией реконструирован пример современного расположения объектов и мебели в доме (Рис. 16).

Дом – сложный организм, отвечавший нуждам человека и отражавший его мировоззренческую картину. Неслучайно, одна из первоначальных форм, символизировавших жилище, *äw* «дом» в настоящее время известна в производном значении *авлан* «жениться», что семантически можно приравнять к стремлению человека «заиметь дом»³.

Справедлива точка зрения Н. Е. Мазаловой, соотнесшей представления, связанные с этапами жизни человека и периодами существования дома: рождение и детство – строительство и обживание, молодость, зрелость – длительность существования (возраст) дома, старость и смерть – постепенная обветшалость, а затем разрушение здания⁴. Началу строительства предшествовал тщательный выбор места с соответствующими обрядами. Они сопровождали возведение здания. Элементы и домашнее пространство имели индивидуальное семиотическое значение. Наделение особыми свойствами домашних деталей, объединенных в единое целое, было направлено на благополучие, достойную жизнь домочадцев. Выполнение обрядовых действий и почитание божеств и духов, обеспечивало, по мнению чувашей, стабильность жизни. Развитие жилища происходило, испытывая влияние естественно-географических условий, межэтнических диффузий и общих культурных тенденций.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 11.

² Трофимов А. А. Народное и самодеятельное искусство // Чуваша Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989. С. 76.

³ Ахметьянов Р. Г. Об источниках древнекыпчакского компонента чувашского языка // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. Казань, 1982. С. 109.

⁴ Мазалова Н. Е. Состав человеческий: человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001. С. 69.

Глава III: ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Помимо жилого дома, сельскому человеку в хозяйстве необходим ряд построек, которые бы способствовали поддержанию жизнедеятельности его семьи. Постройки являются важными объектами, так необходимыми в жизнеобеспечении. Это – лачуга, в которую в летнюю жару уходит семья, хлев, где комфортно чувствует себя домашний скот, баня, где домочадцы дают отдых своему телу после трудовых будней, погреб для хранения картофеля и других продуктов в прохладном режиме.

3.1 Лачуга

Набор хозяйственных построек, формировавших двор чувашского крестьянина, был широко распространён среди народов Урало-Поволжья и не являлся уникальным. Тюркские, финно-угорские, восточнославянские и другие народы (немцы, латыши, эстонцы и пр.), образовав чересполосные поселения, в процессе взаимопроникновения перенимали друг у друга отдельные элементы культуры. Этот симбиоз постепенно сформировывал пёстрый, но единый этнокультурный облик региона. Традиции и инновации, приобретенные в ходе межэтнических контактов, проявлялись также в строительном деле, в том числе при возведении хозяйственных помещений. Чуваши строили клетки, амбары, бани, постройки для содержания скота (хлев, конюшня, сеновал), погреба и мякинницы. Наиболее архаичной была летняя лачуга *лаç*.

Рассматриваемая постройка общеизвестна как *лаç*, но существуют и другие термины, используемые в её отношении: *лаça*, *киремет лаçси*, *лаçй*, *навар*. Н. В. Никольский «лачугу» обозначал как *лаç*, «лачужку» – *пёчёк лаç*, *начар лаç* или *начар пўрт*¹. В Республике Башкортостан распространены названия *лаç*, *лачушкё*, *хура пўрт*, *кухнё*, *избенкё*. Все они в современном понимании подразумевают «летнюю кухню». В с. Исайкино и с. Васькино Оренбургской области постройку называли *хура пўрт*². Это же название бытует у чувашей Челябинской области, переселившихся с Оренбуржья³. В с. Горбуновское Свердловской области *лаç* подразумевает предбанник и летнее жилье, здесь одновременно используют термины *столовай* «столовая» и *суллахи* «летний (дом)»⁴.

¹ Никольский Н. В. Русско-чувашский словарь. Издание Переводческой Комиссии при Управлении Казанского Учебного Округа. Казань, 1909. С. 184.

² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 160-161, 164.

³ ПМА – 2013 (Челябинская обл., Сосновский р-н, п. Полетаево, с. Чипышево).

⁴ ПМА – 2012 (Свердловская обл., Талицкий р-н, с. Горбуновское).

Лас определяют как временную постройку производственного назначения, летнюю кухню и спальню¹. Слово произошло от древнетюркского *alaču* «шатер, палатка с двумя шестью». Аналоги встречаются и в других тюркских языках. Например, у хакасов *алачых иб* «конусообразный шалаш», шорцев – *alančug* «юрта из жердей, покрытая корой и иногда войлоком, шалаш», турок – *alacik* «шатер, шалаш, сторожка», казахов – *laşug* «лачуга», каракалпаков – *ylaşug* «лачуга, шалаш, временная постройка из камыша» и т.д.². В татарском языке *алачык* является производным от словосочетания *алы ачык* – «с открытым передком», поскольку постройка имела три стены. Наиболее близкими к чувашскому *лас* считают диалектные произношения башкирского языка *лаш*, *ылаш*, *ылас* «навес для сушки курута, шалаш»³. Единое значение с *лас* имеет и алтайское *аланчак* «шалаш»⁴.

Близкими по звучанию к *лас* можно считать слова из славянских языков: русского *лазня*, болгарского *ла́зня*, чешского *lazeň*, польского *lania* в значении «баня». Название использовали для обозначения деревянного сооружения, например, полка в бане⁵.

О расположении *лас* на усадьбе говорится: «Среди самого двора ставят жилые их избы, которые никакой постройки не имеют как-то сеней или чуланов; но двери прямо отворяются на двор; заживные (зажиточные чуваше. – В. М.) между ими имеют при каждой зимней избе и летнюю, которая против зимней ставится»⁶. В летний период здесь в очаге разводили огонь и в котле готовили пищу⁷. В ходе *синсе* «времени покоя земли, запрета на земледельческие работы» в избах запрещалось топить печи и кухня переносилась в *лас*, «варить же *яшк*у они должны во все это время в особых лачугах и то вечером, а хлеба напекать заблаговременно пред началом *синзи*»⁸.

В описи к фотографии из фондов Отдела Европы МАЭ РАН (Рис. 1) сказано, что постройка являлась летним жилищем, кроме того, «в недавнем прошлом служила для семейных молебний». Одним из наиболее подробных описаний *лас* является текст С. М. Михайлова. Исследователь писал: «Летом чуваше живут не в избах, а в лачугах *лас*, в избах же пекут только хлебы *сюкур* (хлеб. – В. М.); но, впрочем, и в лачугах у некоторых есть печи *кумагга*, и в таком случае печение и жарение производится решительно уже в одних лачугах... Жизнь лачужная походит

¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина пратюркского этноса по данным языка. М., 2006. С. 461.

² Там же. С. 461-466.

³ Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1988. С. 128.

⁴ Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа: Основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965. С. 208.

⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986. Т. 2 (Е–Муж). С. 450.

⁶ РАН. Ф. 3. Оп. 30.4. Л. 60 об.

⁷ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 178.

⁸ РНБ. Q.IV. 379. Л. 11.

с некоторой стороны на кочевую. Там посредине очаг *вочах*, над коим устроен железный крюк... кругом лавки *сак* и есть стулья *поган* или чурбашки деревянные; к одному углу, ближе к двери, поставлен стол *стель*, а к задней стене устроена перегородка *чулан*... Лачуга устроена из бревен без моха и без пола, а вместо того земля уколочена, как ток на гумнах; покрыта дранью или древесную корою *хон*, с отверстием для выхода дыма *тюдюм*; дверь обыкновенная и даже с деревянным замком *сюрасси*»¹. Наряду с лачугой на лето чуваша переходили жить в амбары и клетки, где хранили зерно, вещи и предметы². У такого помещения, предназначенного для лета, отсутствовало утепление стен, не проконопаченных мхом и травой³.

Рис. 1. *Лаç* – летняя кухня (Казанская губерния, Козьмодемьянский уезд)
Фото И. К. Зеленова // Фонды МАЭ РАН. Отдел Европы. Коллекция № 1700-72

Итак, *лаç* – ранняя форма чувашского жилища, представлявшая собой постройку без потолка и окон, с дымовым отверстием в крыше и примитивным очагом в центре. Со временем она перенимает функцию летней кухни. Наиболее распространённой была у верховых чувашей.

¹ Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 72.

² Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. XIV: Казанская губерния. Казань, 1870. Ч. I. С. 47.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 81.

Иногда здесь ставили обеденный стол¹. В фольклоре чувашское жилище представлено треугольным строением, «какое ныне видим, например, у обитателей тундр и снегов летом»². Следующая ступень – шести или восьмиугольная лачуга, принявшая форму круга и сменившегося впоследствии «под русским влиянием жилищем четырехугольной формы, сначала без потолка и пола, а потом с тем и другим»³.

Постройка *лаç* являлась звеном чувашского двора. Подтверждают это выдержки архивного документа XVII в., представленные Н. В. Никольским. Так, у жителей д. Шинатлы Симбирского уезда ясачных чувашей Пайговатки Пиктышева, Меметки Пайгулова, Крымки Иванова, Матюшки Мехметева в перечне жилых и хозяйственных построек обязательно отмечена *лаç*⁴.

Лачугу, как пожароопасную постройку, размещали на расстоянии от прочих помещений. Помимо летнего жилища и кухни, она служила местом для стирки белья и приготовления пива⁵. «На дворе, среди прочных амбаров, неизменный шалаш для летнего жилья и пивоварня: пиво – их (чувашей. – В. М.) любимый напиток»⁶. Стирка одежды и заготовка пива в лачуге характерны для зимы⁷. При отсутствии *лаç* пиво варили за пределами усадьбы, например, очаг ставили в овраге. Возможно, название лачуги *павар* взаимосвязано с традицией готовить здесь пищу и пиво. Перемена в названиях наблюдается в юго-восточных районах Чувашии в 1920-х гг., когда каменный очаг заменяют плита с вмазанным котлом и хлебная печь⁸. Использование помещения в качестве кухни подтверждает и обрядовая сторона. При поминании усопших здесь в большом котле варили мясо животных⁹. Вполне уместно процитировать отрывок, приведенный Н. И. Ашмариным: «Что касается сестрицы Феклы, то она только приготавливала в лачуге (летнее помещение на дворе, где варят над очагом пищу) кушанья, необходимые для поминок»¹⁰. Для удобства висевший на железном крюке котел регулировали, поднимая или опуская над огнем¹¹. Три стены очага выкладывали из природного камня. Лицевая часть оставалась открытой, что

¹ Воробьев Н. И. Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. 1950. № 3. С. 71.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 73.

³ Там же. Л. 73-74.

⁴ Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928. Вып. 1. С. 49.

⁵ Комиссаров Г. И. Чуваши Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1911. Т. XXVII, вып. 5. С. 352.

⁶ Зеленин Д. К. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904. С. 22.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 444.

⁸ Матвеев Г. Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары, 2005. С. 86.

⁹ Прокопьев К. П. Похороны и поминки у чуваш. Казань, 1903. С. 28.

¹⁰ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. 1-2. С. 297.

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 444.

позволяло следить за огнем и при необходимости подбрасывать дрова¹. Такая простая форма просуществовала столетия, применялась она и в XX в.

Необходимо отметить, что как место только для приготовления пищи лачугу использовали долгое время. Вспоминая детские годы, Н. П. Васильева (1936 г.р.) из Аургазинского р-на РБ, рассказала, что *лаç* в её семье располагалась в полуземлянке, обложенной внутри камнем. Пищу готовили на огне в котле, ели на улице, поднимаясь на поверхность земли². Подобный тип лачуги был исключением, т.к. бытовали наземные помещения.

Для тщательного анализа и восприятия сведений о постройке следует проследить её эволюцию, опираясь на предложенную схему: молельня → лачуга → летняя кухня → летний домик. Необходимо помнить, что под лачугой подразумевается «убогое, бедное жилище»³. Определение говорит о простоте форм и ограниченном наборе материалов, отсутствии внешнего декора, но значение постройки от этого не умалялось. Напротив, первоначальная функция молельни, возможно не только семейной, родовой, но и общей для сельского мира, подчеркивает её уникальность среди других помещений.

Лаç исконно (т.е. на раннем этапе; об этом говорят и сравнения с удмуртским материалом) использовали для молений и проведения обрядов. Например, при падеже домашнего скота приносили жертву духу *Хытӓм*. В лачуге либо бане заранее варили мясо и зарывали его в овраге в землю⁴. *Киремет Мелӓм хуҫа* (= *Валӓм хуҫа*) обитал в лачуге, где ему «приносили кровавые жертвы», т.е. жертвы животного происхождения⁵. Проживало здесь и божество бережливости и изобилия *Перекем*, способствовавшее благосостоянию хозяйства крестьянина⁶.

Многие десятилетия *лаç* выполняла только производственные функции. Сакральные представления, связанные с ней, отступили на второй план, затем были исключены из системы народного знания (это подтверждалось во время бесед с информантами). Г. Б. Матвеев обращает внимание на то, что «чувашская лачуга носила только утилитарную хозяйственную функцию и не являлась культовой постройкой»⁷. Однако это не так. Например, в свадебной обрядности невесту заводили в *лаç*, где на пороге она перешагивала через холст, «полдружка в это время у девицы или девица у него лоскуток сей вырывает из рук, и кто успел это сделать, у того моло-

¹ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 82. № 922.

² ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, д. Ташлыкуль).

³ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1999. Т. I. А – Пантомима. С. 470.

⁴ Магнитский В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собраны в некоторых местностях Казанской губернии. Казань, 1881. С. 119-120.

⁵ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1999. Т. 7-8. С. 222.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 253; Никольский Н. В. Указ. соч. С. 49.

⁷ Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 86.

дая лоскуток выкупает за 10 или 20 коп.»¹. Ткань считали подарком божеству *Йёрёх*. Со стороны молодой, таким образом, происходило жертвоприношение домашнему божеству. Для благополучного исхода такое действо совершали до проводов молодоженов к брачной постели². На свадьбах верховых чувашей это было обязательным.

Существует мощный пласт прямых и косвенных свидетельств, указывающих на значительную роль лачуги в представлениях чувашей и их соседей. Например, в летних помещениях повсеместно выкладывали открытый очаг, где подвешивался казан. Ю. Г. Мухаметшин по этому поводу подметил: «Такой открытый очаг с подвесным котлом в татарских срубных летних кухнях наблюдался у тех их групп, которые в духовной жизни сохранили заметные черты язычества. Сильнее всего это сказывалось в быту кряшен, издавна и близко контактировавших с иноэтничным населением, также под оболочкой христианства придерживавшихся своих древних языческих религиозных представлений: с чувашами Предволжья, Закамья, мордвой северных районов Окско-Сурского междуречья, удмуртами, марийцами Предкамья и т.д.»³.

Н. Н. Харузин, описывая конструкцию марийской постройки *кудо*, отмечал «первобытный очаг, составленный из камней; он обыкновенно открыт, по крайней мере, с одной стороны». Над очагом подвешивали котел, а дым выходил через отверстие в потолке. Исследователь говорил о связи между чувашской кухней *лаç*, удмуртской *куалой*, марийским и эрзянским *кудо* и мокшанским *куд*⁴. Приведенная запись об очаге марийцев соответствует изображению чувашского очага, запечатленного В. Н. Тимкиным в 1953 г. в д. Кильдишево Советского р-на ЧАССР (Рис. 2).

Исходя из собранного материала, выделим постройки одного порядка, активно бытовавшие в прошлом и встречающиеся в наши дни у народов Урало-Поволжья. К таковым принадлежат: у чувашей *лаç*, татар – *алачык*, башкир – *бура аласык*, *бурама*, удмуртов – *куала*, бесермян – *кўала*, *кўа*, марийцев – *кудо*. Разделим помещения по их назначению. Чуваше, татары, башкиры и бесермяне использовали постройки в качестве летней кухни и временного жилища в теплой половине года (естественно, здесь следует рассматривать рубеж XIX–XX вв. по сей день, т.к. в далеком прошлом ситуация была противоположной). Среди марийцев и удмуртов помещения, помимо хозяйственных нужд, выполняли культовое предназначение. Религиозная составляющая была их неотъемлемой частью.

¹ Михайлов С. М. Указ. соч. С. 67.

² Осипов А. А. Чувашская свадьба: Обряд и музыка свадьбы вирьял. Чебоксары, 2007. С. 92.

³ Мухаметшин Ю. Г. Общее и особенное в сельских постройках молькеевских кряшен (структурно-типологическое сопоставление с материальной культурой народов Среднего Поволжья) // Молькеевские кряшены. Казань, 1993. С. 36.

⁴ Харузин Н. Н. Очерки истории развития жилища у финнов // Этнографическое обозрение. 1895. Вып. 1. Кн. XXIV. С. 20.

Проанализируем типы, формы и функции (бытовые и сакральные) построек у народов Урало-Поволжья. Во-первых, проследим их эволюцию у этносов, использовавших постройку только в хозяйственных целях. Естественно, сравнительный материал поспособствует наилучшей реконструкции.

Рис. 2. Очаг в лачуге (ЧАССР, Советский р-н, д. Кильдишево, 1953 г.)
Фото В. Н. Тимкина // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 82. № 922

Общее описание *лаç* чувашей было приведено и проиллюстрировано выше. Как видим, мы можем говорить о срубе с двускатной кровлей, покрытой тесом, дранью или другим материалом. Внутри находился открытый очаг, дым от которого выходил в отверстие на крыше и в дверь. Интерьер состоял из лавок, стола, иногда стульев и полок, необходимых в быту. Это соответствовало убранству и удмуртских *куала*¹.

Информанты вспоминают лачугу как «небольшой сруб, размером три на три, из нетолстых бревен, иногда она была с крышей, а иногда без нее (подразумевается двускатная из досок и односкатная жердевая кровля, заложенная землей. – В. М.), ровный потолок, в котором дыра,

¹ Пинт А. И. К истории удмуртского жилища // На удмуртские темы. М., 1931. Вып. 2. С. 89-92.

печь для котла из кирпича или камня, у всех по-разному»¹. В с. Месели Аургазинского р-на РБ *лаç* возводили из тонких бревен и жердей, выкладывали очаг, впоследствии трансформировавшийся в печь с дымоходом, вмазанным котлом. Внутри находилась самодельная мебель: стол, длинная скамья, стулья, шкаф для кухонной посуды. По словам краеведа И. В. Ефимова (1947 г.р.), дверь в лачугу «была ненадёжная»².

Рис. 3. Летняя кухня во дворе Е. Овчинниковой (Куйбышевская обл., Похвистневский р-н, д. Султангулово, июль 1961 г.). Фото Л. А. Иванова // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 197

Бытование *лаç* у чувашей Республики Башкортостан подтверждают также отчеты экспедиции 1962 г., в которых на материалах некоторых сёл и деревень представлен краткий обзор сельских усадеб. О лачугах жителей с. Шланлы записано: «У многих имеется лазь, которая также стоит особняком... Лази также обмазывают глиной. Есть лази из бутового камня». Каменные постройки были в д. Асавбашево, а чувашаи д. Чубукаран строили их почти в каждом хозяйстве. *Лаç* в д. Аделькино называли «небольшие клетушки»³. Во многих описаниях населенных пунктов сказано, что лачуги встречаются во всех дворах или у большинства жителей.

¹ ПМА – 2010 (РБ, Аургазинский р-н, д. Юламаново).

² ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Месели).

³ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 5-6, 40, 75, 93.

Записи свидетельствуют о распространении постройки и выборе строительных материалов, исходя из ландшафта территории. Помимо дерева использовали дикий камень, плетень или саман. Например, на фотографии (Рис. 3) лачуга из плетня, обмазанная глиной и побеленная, что выполняло практическую и эстетическую функции. Следующая иллюстрация (Рис. 4) отражает тенденции срубного строительства.

Рис. 4. Летний домик на усадьбе З. И. Никитиной (1932 г.р.)
(РБ, Аургазинский р-н, с. Месели, 2013 г., фото автора)

В Республике Башкортостан наличие или отсутствие *лаç* в чувашских сёлах и деревнях зависело от иноэтничного влияния и уровня зажиточности хозяйств. Несостоятельные жители имели во дворах минимальный набор построек, предназначенный для всех видов повседневных работ. В более крупных хозяйствах число надворных помещений увеличивалось, именно они обязательно возводили лачугу. По этому поводу информантами было сказано: «Кто строил *лаç*, а кто нет», «Лачуга-то не у всех была». Можно говорить и о верности традиции в строительстве этой постройки. Прежде всего, отчетливо прослеживается в моноэтничных населенных пунктах и поселениях с преобладающим числом чувашских жителей. В местах компактного расселения,

традиции, в том числе бытования народного костюма, зодчества, системы питания, представлений и пр., встречаются в наибольшей мере, чем в районах дисперсного проживания чувашей. Возможно, этим обусловлены особенности разговорной речи и употребление разных названий одного объекта в сельских районах Республики Башкортостан. Здесь прослеживаются локальные отличия. Так, в с. Антоновка Гафурийского р-на постройку называют *лаç*, в д. Пугачево Хайбуллинского р-на в этом же значении бытует термин *избенкё*. В с. Месели Аургазинского р-на помимо *лаç* используют слово *лачушкё*¹. Кроме того, одну из половин деревянного амбара-пятистенка чуваша называли *шурй лаç* «белая лачуга»².

Определения употребляются для обозначения летней кухни, а в наши дни для небольшого летнего домика, в который часто переходят старики, особенно при совместном проживании с детьми. В неразделенных семьях здесь также проводит время молодежь. Такое жилище внешне копирует дом, имеет печь с дымоходом, стол, мебель, место для сна. Домик целиком приспособлен для проживания, проведено электричество. Нередко электроплита заменяет печь. Иногда здесь находится домашняя мастерская, а также склад старых вещей.

Переход из одного (зимнего) жилища в другое, более легкое (летнее) можно интерпретировать как отголосок архаичных представлений. Традиция встречается у многих народов. Например, смена жилища проходила среди ногайцев, оставлявших свои зимние стоянки и кочевавших летом, проживая в юртах³. По особым случаям и в наши дни в казахских дворах устанавливают юрты для проведения торжественных мероприятий. Затем они остаются в качестве временного жилища для детей, молодежи. Нередко с наступлением тепла семьи переходят на веранды и в просторные сени⁴. Якуты основывали зимние и летние поселения (ранее существовали и осенние) и строили здесь разные типы жилищ⁵. Замена крепких зимних землянок на летние легкие «небольшие хижины» наблюдалась у хантов⁶.

Лачугу вполне можно считать прообразом срубного дома чувашей, когда-то выступавшей жилищем: «В пользу ея (*лаç*. – В. М.) древности – помимо примитивности формы – говорят обычаи, практикующиеся до сих пор в торжественные моменты жизни чувашина. При осеннем молении нового хлеба Ч. в доме, имеющем уже окна, по старому обычаю обращаются лицом к

¹ ПМА – разные годы (РБ, чувашские поселения).

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 651.

³ Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976. С. 60.

⁴ ПМА – 2012 (Челябинская обл., Агаповский р-н, п. Аблязово).

⁵ Зыков Ф. М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов (XIX – начало XX в.). Историко-этнографическое исследование. Новосибирск, 1986. С. 13.

⁶ Витсен Николаас. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам, 2010. Т. I. С. 788.

отворенной двери и бросают кусочки хлеба на печь, как бросали прежде на огонь, разведенный на земляном полу посредине избы»¹.

Постройка *лаç* чаще встречалась у верховых чувашей, чем среди *анатри*². Популярность *лаç* среди *вирьял* объясняется марийским влиянием. Сторонником этого мнения выступает К. И. Козлова, по её словам, помещение заимствовали предки верховых чувашей у горных марийцев в процессе взаимных контактов. В наши дни *лаç* является устойчивым элементом чувашской усадьбы, придающий ей своеобразный облик³.

В строительном деле татар распространена была постройка *алачык*, широко бытовавшая среди татар-мишарей, чепецких татар, молькеевских кряшен. *Алачык* служил летней кухней и представлял собой однокамерное помещение (срубное, саманное, плетневое) с двускатной или шатровой крышей, без пола и потолка. В нем находился очаг, затем превратившийся в печь с дымоходом⁴. Наиболее крепкая связь прослеживается между постройкой *алачык* татар-мишарей, служившей временным жилищем, кухней, а также отвечавшей другим хозяйственным нуждам, и *лаç* чувашей⁵.

У башкир временным жилищем являлась постройка *бура аласык* или *бурама*. Она выступала в роли летнего дома, встречалась в бассейне рек Инзера и Белой. Существовал и другой тип, называемый «летней кухней» – *аласык, ут яккыс, усаклык, ашинак*. Помещение одновременно соединяло функции места, где готовили пищу и проживали, проводя большую часть свободного времени. В зависимости от ландшафта местности размеры, формы и материалы строительства *аласык* изменялись⁶. Во время своего путешествия по башкирским аулам С. И. Руденко писал: «Жилище это представляло собой род берестяного шалаша, состоящего из нижней, цилиндрической части, около 1,5 м высоты и около 6 м в диаметре, и конусообразного верха, покоящегося на цилиндре и отстоящего от земли в центральной своей части на 5–6 м. Подобные шалашы катайцы называли *аласык*; насколько мне известно, они встречались исключительно на летних кочевках и в деревнях только у истоков р. Белой»⁷. Добавим, что описания построек башкирских племен, проживающих в разных естественно-географических зонах, сильно разнятся между собой.

¹ Смирнов И. Чуваша // Энциклопед. словарь. Т. 76. СПб., 1903. С. 935.

² Каховский В. Ф. Указ. соч. С. 410.

³ Рахимов Р. К. К вопросу о чувашских национальных архитектурных формах // Чувашское искусство: Вопросы теории и истории. Чебоксары, 1997. Вып. III. С. 22.

⁴ Татары. М., 2001. С. 247.

⁵ Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972. С. 70.

⁶ Шитова С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир (вторая половина XIX – первая четверть XX в.). М., 1984. С. 138, 175.

⁷ Руденко С. И. Башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа, 2006. С. 174.

Бесермянам была известна небольшая постройка, представлявшая сруб с земляным полом, очагом и набором необходимой мебели, называвшаяся *кўала*, *кўа* либо *кэнэс* «амбар». *Кўала* была атрибутом зажиточных крестьян и служила летней кухней. В ряде поселений (дд. Гулекшур и Палагай) так называли постройку полуземляночного типа, в летнее время выполнявшую роль погреба. Сведения о сакральном назначении помещения и наличии священных предметов отсутствуют¹. На примере д. Ташлыкуль Аургазинского р-на РБ были приведены воспоминания информанта о строительстве *лаç* в полуземлянке.

В традиционной культуре марийцев особое место занимало *кудо* – хозяйственная постройка, имеющая бытовое и культовое предназначение. Помещение «продукт собственной работы черемисина – это срубленный из тонких бревен и покрытый драницами шалаш – куда»². Строение было летним жилищем, «состоящее просто по устройству из сруба четырех-стенка»³.

Интерьер постройки включал лавки, грубо вырубленные топором, стол, «на котором всегда можно было найти большую деревянную чашку с положенными в нее караваем хлеба и ножом», и предметы домашнего обихода. Так же, как и в летних постройках других народов, здесь горел очаг, над которым висел котел. Отличительным элементом *кудо* было устройство перегородки для *изи кудо* – отдельной комнаты, хранившей ритуальные принадлежности. «На вопрос, какое назначение имеет это отделение, постороннему человеку говорят, что это кладовая, в которой хранятся съестные припасы. В настоящее время у обруселых черемис она, может быть, и точно исполняет такое назначение, но в старину она устраивалась для другой цели; это был уголок, который назначался для домашнего духа (куда-водыш) (*Куды водыж. – В. М.*)»⁴. В *изи кудо* для духа-хранителя прятали лепешку, которой угощали молодоженов⁵.

Кудо являлось духовным центром семьи, пространством, в котором проживал покровитель. При укладке первого бревна для постройки марийцы просили благополучия, а во время жертвоприношений молили о защите и заступничестве⁶. Помимо сакрального назначения, как и у чувашей, постройка служила летним помещением в качестве кухни.

Сельские общины удмуртов почитали местные святыни, к которым принадлежали помещения *куа*, *куала* и священные рощи *Луд*, *Киремет*. Как и марийское *кудо*, в народной культуре удмуртов *куала* считалась ритуальной постройкой. Имела форму квадратного сруба, поставленного без фундамента, окон и потолка, пол представлял собой вытопанную землю, в центре

¹ Попова Е. В. Календарные обряды бесермян. Ижевск, 2004. С. 116.

² Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889. С. 88.

³ ГАОО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 33. Л. 9.

⁴ Смирнов И. Н. Указ. соч. С. 88-89.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Шкалина Г. Е. Традиционная культура народа мари. Йошкар-Ола, 2003. С. 101.

находился каменный очаг с подвесным котлом. Сруб, как правило, рубили сосновым¹. Для строительства аналогичной постройки в молельных целях *кёлё лаççи*, располагавшейся на святилище *Киремет*, чуваша использовали «белое дерево» – очищенные от коры липовые стволы². Лачугу, построенную из липы, сравнивали с белоснежной повязкой *сурпан*³. Как известно, чуваша считали липу священным деревом⁴.

Наиболее архаичные формы *куалы* – огороженная площадка, небольшое углубление в земле и сруб без крыши, находившиеся во дворе либо на огороде⁵. Постройка не имела потолка и окон⁶. *Куала*, служившая летним помещением, бытовала одновременно с зимней полуземлянкой и землянкой. И. Н. Смирнов называет её «шалаш для летнего жилья»⁷. Саамы, например, зимой жили в лачугах с плоской крышей и открытым очагом. В безлесных и горных местностях круглогодично проживали в *куваксе*: «Эти палатки, широкие по середине и суживающиеся к обоим концам, делаются однакож из досок или деревьев, врываемых наклонно. Стены их не сходятся, а замыкаются на обоих концах узкою поперечною стенкою. Плоская кровля покрыта торфом, пола нет, в середине обыкновенный очаг». Саамы, проживающие в курных избах, в палатках располагали летние кухни⁸.

В удмуртском предании о богатырях Тутое и Янтамыре говорится, что «вотяки жили в шалашах (куа или куала), а изб не строили, так как при появлении русских приходилось бы покидать избы»⁹. Распространение стационарных поселений и срубных жилых помещений И. Г. Георги связывал с принятием российского подданства, в результате которого удмурты «постоянные жилища предпочли полевым ставкам»¹⁰. Видимо, *куала* имела двойное значение: жилища и молельни, что зависело от условий ландшафта и занятий.

Куала, *куа* разделялись на семейные и родовые. *Покчи куала* «малая куала» считалась семейным святилищем, а *бадзым* или *быдзым куала* «большая, великая куала» – местом поклоне-

¹ Загребин А. Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. Ижевск, 1999. С. 125.

² Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 7-8. С. 245.

³ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 2000. Т. 13-14. С. 220.

⁴ Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб., 2010. С. 174.

⁵ Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001. С. 92.

⁶ Пинт А. И. Указ. соч. С. 89.

⁷ Смирнов И. Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1890. С. 88.

⁸ Кастрен М. А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). М., 1860. С. 85-86.

⁹ Гаврилов Б. Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. С. 145-146.

¹⁰ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. I. С. 55.

ния всего рода. *Быд́зым куала* строили во дворе деревенского жреца, иногда за деревней¹. Семейную постройку помимо *покчи куала* называли также *почи каула*, *куала инты*, *куала гон* и *сион поттонни*. Южные удмурты родовую *куалу* обозначали словами *быд́зым куала*, северные – *зёк куала*².

Родовое святилище было бóльших размеров. Священник Н. Н. Блинов писал о заброшенной удмуртской общесельской *куале*: «Шалаш большой из нетолстого леса, немшеный: крыша, по обычаю, из досок, не близко сходящихся между собой вверху, пол земляной, сырой. Справа и слева от входа большие нары и пред ними прочные столы, налево от входа для мужчин, направо – для женщин. У стены, противоположной входу, высоко чрез весь шалаш широкая полка, посредине ее “мудор” – толстая доска около аршина длины и четверти три ширины. Мудор положен на два бруска, загнутые впереди вверх, в виде полозьев»³.

Мудором называли полку, служившую хранилищем воршудного короба и ритуальной посуды⁴. В «великой куале» удмурты Закамья на *мудоре* держали берестяной и деревянный короба, соль и масло⁵. В коробе, изготовленном из бересты, находились беличья шкурка, «перевязанная красной досталью (нитками)», крыло или хвост рябчика, несколько перьев тетерева, посуда для жертвоприношений, кусок ржаного хлеба, сучок дерева⁶. Б. Г. Гаврилов в числе хранящихся предметов перечислял серебряные и медные монеты, березовые и хвойные ветви, беличью шкурку, небольшую кулебяку. Шкурка животного, ветви и пирог «меняются ежегодно весной, около Троицына дня»⁷. Весеннее обновление одежды на фигурах родовых божеств, при вскрытии льда на реке проводили южные селькупы⁸.

По свидетельству А. И. Емельянова, короба были и из липы. Он же проводил сравнительные параллели удмуртской *куалы* с постройками хантов и манси, в которых проходили моления. «В задней части этих лачуг, подобно вотскому воршудному коробу, хранится особый Божий сундук. Но этот сундук у них не пустой, а в нем имеется изображение домового духа»⁹.

¹ Никольский Н. В. Собрание сочинений. Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. Чебоксары, 2008. Т. III. С. 311-312.

² Шутова Н. И. Указ. соч. С. 92.

³ Блинов Н. Н. Языческий культ вотяков. Вятка, 1898. С. 18.

⁴ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 108-109.

⁵ Садиков Р. Р. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). Уфа, 2010. С. 67.

⁶ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 311.

⁷ Гаврилов Б. Г. Указ. соч. С. 161-162.

⁸ Степанова О. Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представление о круговороте жизни и душе. СПб., 2008. С. 230.

⁹ Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Вып. III: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань, 1921. С. 36, 44.

Моления, проходившие в «великой куале», обладали большой силой и были направлены на благополучие всего деревенского мира. Например, в первой половине XX в. в д. Порвай Игринского р-на Удмуртии проживал *вёсясь, куапон* «жрец» П. В. Емельянов. Его моления в родовой постройке сельчане считали наиболее действенными¹.

Закамские удмурты в общественной *куале* совершали обряд жертвоприношения три раза в год: на Пасху, перед началом сенокоса и по окончании сельскохозяйственных работ². Они проводили *куалае пырон* «вхождение в куалу» – в первые день *Быдзынал*, летом накануне *Бадзым вёсь* «Великого моления» (замена еловых ветвей на березовые) и с первым снегом (смена березовых ветвей на еловые)³.

Конструкция *куалы* в прошлом была подобна *кудо*, она разделялась на две половины или имела пристройку к задней части сруба⁴. В родовых постройках встречались маленькие дополнительные комнаты, обращенные на юг, здесь совершали моление. Остальные участники находились в передней половине *куалы* у очага и стола⁵.

В случае смерти молельщика и отсутствия у него наследников, должность занимал кто-нибудь из родных. Постройку переносили во двор нового хозяина: «Самое важное при этом – перенести золу из очага старой *куалы* в новую. Когда переносят *куалу*, молятся, чтобы *Инву воишуд* не сердился, что ему будет хорошо на новом месте»⁶.

В наши дни семейные святилища *покчи куала* используют только как летние кухни⁷. В свою очередь, у закамских удмуртов до сих пор бытуют родовые *куала*, являющиеся местом почитания божества *Воршуд*⁸.

Среди надворных построек народов Урало-Поволжья имелось хозяйственное помещение, предназначенное для повседневных дел и выступавшее в прошлом культовым сооружением. Постройки выполняли следующие роли: а) молельная комната; б) архаичная форма жилища; в) летняя кухня; г) летний дом. Трансформации *лас* во времени также соответствует схема: молельня → лачуга → летняя кухня → летний домик. При использовании помещения в качестве кухни здесь проживали в теплое время года. Культовое назначение имели строения марийцев

¹ Шутова Н. И. Деревенские жрецы в традиционной религии удмуртов (конец XIX – первая половина XX в.) // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 132.

² Садиков Р. Р. Указ. соч. С. 18.

³ Садиков Р. Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа, 2001. С. 115.

⁴ Загребин А. Е. Указ. соч. С. 125-126.

⁵ Садиков Р. Р. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). С. 20.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ Атаманов М. Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск, 2001. С. 7.

⁸ Садиков Р. Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). С. 138.

(*кудо*) и удмуртов (*куала*). В народной культуре чувашей, башкир, татар и бесермян постройки *лаш*, *аласык*, *алачык* и *кўала* получили роль только бытового помещения. Однако религиозные представления отчасти сохранились. Например, чуваша с лачугой отождествляли проживавшее здесь божество *Перекет*.

Рис. 5. Печь в лачуге (используется для варки корма домашним животным)
(РБ, Аургазинский р-н, с. Месели, 2013 г., фото автора)

Общим в традициях тюркских и финно-угорских народов являлось подсобное значение летних кухонь в домашнем хозяйстве. Частное – сакральная составляющая, наделение их духами-покровителями и божествами. Последнее характерно для финно-угров, что было проиллюстрировано на примере марийцев и удмуртов. Единство (один географический регион, схожий

социально-бытовой уровень жизни, а также генетическая общность) финно-угорской традиции и культуры чувашей прослеживается в развитии *лаç*. Об этом свидетельствует распространение её у верховых чувашей, связанных с марийцами, и меньшая популярность среди *анатри*. Кроме того, в татарской и башкирской культуре, т.е. у тюрков, постройки служили только в хозяйственных целях. С другой стороны, зафиксированный татарский и башкирский материал обусловлен исламом. Доисламские представления были изжиты по религиозным соображениям, поэтому в истории развития построек и отношения к ним населения до принятия новой религии существует определенная лакуна.

Примитивные формы, некапитальное строительство, использование некачественного материала, отсутствие окон, пола и потолка, открытый очаг без дымохода, распространённый еще в XX в. – всё это свидетельствует об архаичности постройки, сохранявшей свой первозданный облик во времени и пространстве. Если в источниках встречается описание лачуги, построенной из небольших бревен, имеющей форму четырехстенного сруба, что соответствует облику *кудо* и *куалы*, то в воспоминаниях информантов и отчетах экспедиций не только из Республики Башкортостан, но и из соседних регионов, сказано о применении самана, природного камня, плетня, скрепленного глиной. Новый строительный материал зависел не только от естественно-географических условий, но и общих строительных тенденций. Наблюдался переход к новым формам строительства. Например, в районах, богатых камнем, его использовали для возведения хозяйственных построек, заборов. В свою очередь лес и деревянное строительство имели ограниченное значение, шли в основном на жилые помещения. Постепенно материалы заменяли друг друга. Первоначально в *лаç* выкладывали очаг из камня. По словам В. Д. Васильева (1929 г.р.), в военные годы в д. Ташлыкуль Аургазинского р-на РБ начали делать сырцовые кирпичи, употреблявшиеся в строительстве колхозных конюшен, и самодельные, из которых выкладывали печи в домах и лачугах.

Современная лачуга – это, как правило, небольшой летний домик, имеющий свет, печь или плиту, мебель и другие вещи элементарного обихода. Строительным материалом служат дерево, кирпич, шлакоблок. Другим типом лачуги является постройка, в которой складировуют вещи, на плите готовят животным (Рис. 5). Помещение не пригодно для проживания и отвечает только бытовым нуждам. Лачуга, как аналогичные постройки соседних народов, сохранилась до наших дней. Имея большое значение в системе жизнедеятельности чувашей, она со временем меняла свои функции. Наиболее устойчивым оказалось трансформирование *лаç* в летнее помещение и кухню. Очаг, на котором готовили пищу, наложил свой отпечаток и привел к появлению названия *павар*. Другое наименование – *хура нўрт* «черная изба» – свидетельствует о существовании тесных связей между постройкой и жилищем.

3.2 Клеть

Кёлет «клеть» представляет собой обязательную хозяйственную постройку чувашского двора. Помещение предназначено для хранения зерна, продуктов и вещей, а также служит местом для сна и отдыха в летнее время года. В этом аспекте наиболее близким к клету является *ампар/хампар* «амбар». Как в прошлое, так и в настоящее время постройки взаимно заменяют друг друга.

В русском языке клеть подразумевает кладовую или амбар. Имеет общее происхождение с украинскими словами *кліть*, *клітка*, болгарским *клет* «клетка, погреб», сербским и хорватским *кlijet* «чулан», словенской *klēt* «погреб», чешской *kletka*, словацкой *klietka*, польской *kleć* «хижина, шалаш, клеть», а также верхнелужицкой *klatka* и нижнелужицкой *klětka* «клетка для птицы»¹. *Клеть* и её производное *клетка* являются общеславянскими словами. Термин, вероятно, имеет индоевропейское происхождение. Он обозначал как кладовую, так и комнату².

В чувашском языке *кёлет* одновременно употребляется по отношению к «клету» и «амбару». Сравнительным материалом служат слова марийского языка *кылät* и *клат*, татарского и башкирского – *келät*. Происхождение термина связано с русским клеть, имеющим, как было отмечено, соответствия в славянских языках, а также в греческом, латинском и других³. М. Р. Федотов марийские слова *кылät* и *клат* считает заимствованными из чувашского языка⁴.

Клеть, как самостоятельная хозяйственная постройка, была неотопливаемым помещением, служившим кладовой и летним жилищем. В русской традиции клеть именовали также *горницей* или *сельником* и она нередко соединялась с избой сенями⁵. Чуваше клеть строили отдельно от дома. С домом совмещали двухэтажные амбары, называемые *урлă кёлет*. Верхний амбар был предназначен для вещей, а нижний – для хранения зерновых культур. Дверь второго этажа выводила в сени избы. На нижний этаж заходили со двора⁶. Соединение дома и клетки встречаем у марийцев: «На противоположной стороне избных дверей ставится клеть под одну крышу с избой. Между избой и клетью помост, а на выходе маленькое незатейливое крылечко... На дворе ставится обыкновенно амбар»⁷.

¹ Фасмер М. Указ. соч. С. 249.

² Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя. М., 1961. С. 149.

³ Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. А–Р. С. 272.

⁴ Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990. С. 193.

⁵ Русские. М., 2005. С. 278.

⁶ Федотов М. Р. Указ. соч. С. 272.

⁷ ГАОО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 33. Л. 8 об.-9.

Расположение хозяйственных построек на дворах чувашского населения зависело от занимаемой территории. Так, по предположению В. Ф. Каховского, на северо-западе жилище и клеть имели единую крышу. Конечно, это явно нижегородское влияние. Навес или сарай соединял их с помещениями для содержания скота. Самостоятельно ставили амбар и лачугу, погреб. В северных и центральных районах современной Чувашской Республики усадьба застраивалась следующим образом: изба, клеть, навес или легкий сарай, помещения для скота, лачуга, амбар. В южных районах клеть не всегда соединяли с домом, амбары выносили за околицу, а лачугу строили относительно редко¹. Амбар на окраине деревни или гумне называли *анкарнчи кёлет*² (*анкартинчи кёлет*).

В Республике Башкортостан расположение клетки зависело от предпочтений и социально-экономического благосостояния чувашей. Помимо рядовой застройки распространено нахождение клетки во дворе напротив избы. Её совмещали и с хозяйственными помещениями: «По другую сторону от дома один за другим находились забор из бревен, амбар (клеть. – В. М.) для хранения хлеба и вещей, сарай для хранения транспортного инвентаря и сельскохозяйственных орудий... теплое помещение для молодняка»³. Другой вариант, встречающийся не менее часто, раздельное устройство постройки (Рис. 1).

Проникновение амбаров в два этажа связано с традициями зодчества Русского Севера, постройки которого стали их прообразом⁴. Строительство северорусской клетки и последующая её трансформация встречается не только в Поволжье, но и на Среднем Урале⁵. Бытование клетки у чувашей отмечено в XVIII в.: «Деревни их обыкновенно состоят из разсеянных домов с малыми клетями без огороженных дворов»⁶. О «небольших на невысоких столбах сгромощенных кладовых, кои служат им и летними горницами» среди марийцев, писал И. Г. Георги⁷.

На неоднозначность значения термина *кёлет* указывал Н. И. Ашмарин. Например, *кёлет* – амбар, клеть; *урлă кёлет* – двухэтажный амбар, поставленный в одну линию с избой; *ай кёлет* – нижний этаж двухъярусного амбара; *сӳлӗ кёлет* – верхний этаж⁸ (Рис. 2). Таким образом, словом одновременно называли и клеть, и амбар. В беседах с информантами такая унификация встречается и сегодня.

¹ Каховский В. Ф. Указ. соч. С. 409.

² Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1-2. С. 250.

³ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Толбазы).

⁴ Чуваш: история и культура. Чебоксары, 2009. Т. 1. С. 295.

⁵ Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века. Пермь, 1995. С. 197.

⁶ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. I. С. 138.

⁷ Георги И. Г. Указ. соч. С. 30-31.

⁸ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 7-8. С. 240.

Рис. 1. Деревянная клеть для хранения вещей
(РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, 2010 г., фото автора)

Различные типы клетей бытовали среди мордвы. О характеристиках построек пишет И. Н. Смирнов, выделяя *нунал* «клеть с окнами», тождественной русской *горнице* и *утомо* «клеть», отвечавшей, вероятно, хозяйственным требованиям и располагавшейся отдельно с жилищем. Исследователь говорит о двухэтажных клетях, использовавшихся в прошлом, «в песнях упоминаются клетки с балконами, подобныя тем, которыя до настоящего времени встречаются у черемис»¹.

В сведениях, полученных от чувашей д. Ближнее Сормово Канашского р-на ЧР, говорится о применении в прошлом одноэтажных клетей и двухъярусных амбаров. Сруб ставили на столбы высотой 0,5 м от земли. Пол стелили из досок, потолка не было. Кровля состояла из жердей, покрытых соломой, тёсом, соломой, замешенной с глиной, корой, драницами². Строительство прочных срубных клетей на опорах, с полами и потолками, получило развитие у верховых чувашей³. Основательность постройки подчеркнута и Д. К. Зелениным⁴.

¹ Смирнов И. Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895. С. 130.

² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 706. Л. 6.

³ Каховский В. Ф. Указ. соч. С. 409.

⁴ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 22.

Рис. 2. Клеть (амбар) в два этажа (ЧАССР, Октябрьский р-н, д. Нижние Карабаши, 1958 г.)
Фото П. А. Сидорова // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 90. № 3

Во время полевых выездов автором этих строк зафиксированы два типа клетей. Во всех случаях помещения одноэтажные. Наиболее распространенная форма представляет собой четырехстенный сруб с двускатной крышей. В прошлом крыли соломой, иногда тесом, сейчас используют рубероид, железо и шифер. Преобладают деревянные клетки, при некачественном материале пазы или весь сруб промазывают глиной. Встречались клетки, обмазанные с двух сторон (наружная и внутренняя части) и побеленные. Хорошему дереву, например, сосне, сохраняли первозданный вид. Такая клеть, срубленная всего из восьми венцов сосновых стволов, была осмотрена на чувашском дворе с. Горбуновского Талицкого р-на Свердловской области¹. В клетки вырубается вход с дверью, запиравшейся замком. В прошлом замки заменяла «деревянная, довольно хитро устроенная запорка»².

Расположение постройки зависело от предпочтений хозяев и удобства. Если клеть ставили перпендикулярно улице, то вход делали в противоположной стене. При размещении вдоль улицы – в боковой стене. В независимости от нахождения помещения, дверь всегда была со стороны двора. При строительстве на линии усадьбы, клеть обращали к улице глухой стеной.

Срубы ставят на деревянные чурбаки, камни и прямо на землю, в таком случае нижний венец является фундаментом. Для сравнения: чуваша из с. Казанлы Вольского уезда Саратов-

¹ ПМА – 2012 (Свердловская обл., Талицкий р-н, с. Горбуновское).

² Сбоев В. А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856. С. 37-38.

ской губернии амбары устанавливали «над землей на поларшина на камнях»¹. В венце прорубают отверстия для перекладин, на которые стелятся полы. Окна отсутствуют, но имеются небольшие световые отверстия. Как правило, проем вырубает, а также пропиливают (Рис. 2). Для удобства в новых клетях делают застекленные окна.

Рис. 3. Клеть на самцах, покрытая тесом, закрытым листами шифера (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат, 2013 г., фото автора)

Потолок, в отличие от пола, не обязателен. Образовавшееся пространство занимали продольные жерди и крюки, служившие для вещей. Более поздним явлением стали полки. Встречаются и частичные потолки из неприкрепленных досок, которые при необходимости разбирают. Качество строительства зависело от зажиточности и окружающих условий. Например, при отсутствии хорошего леса пользовались некачественным деревом. Иногда его заменяли плитняковым камнем, но подобных сооружений немного. В д. Юльtimiровка Бакалинского р-на РБ

¹ Степанов И. Д. С. Казанлы. Материальная культура (внешний быт) // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Этнографический сборник. Саратов, 1926. Вып. 34. Ч. IV. С. 39.

в наши дни имеется только одна каменная клеть, служащая подсобным помещением. В с. Ивано-Кувалат Зилаирского р-на РБ, находящегося в окружении лесов, хозяйственные здания деревянные (Рис. 3). Традиция работы с природным материалом дожила до наших дней. Новые постройки также возводят из дерева. Поскольку добыча и обработка природного камня являлась трудоёмким занятием, то его использовали для строительства в зажиточных дворах и собирали большие помочи.

Архитектурные особенности клетки, как показано на фотографии (Рис. 3), заключаются в строительстве помоста и навеса. Помост устраивали вдоль стены, где делали дверь. Нижние боковые венцы были немного длиннее, на них настилали плахи, небольшие бревна или доски. Если венцы сруба были равны, то перед стеной дополнительно укладывали бревна для помоста. Навес сооружали аналогично. Верхние венцы оставляли длиннее, поверх шли бревна-самцы, завершавшие кровлю. Образовавшийся настил защищал помост перед клетью и входную дверь от непогоды.

Второй тип постройки, находящийся на усадьбах информантов, представляет сруб-пятистенок. В прошлом, возможно, одно отделение было хозяйственным, а второе служило для проживания летом. Сейчас они являются только кладовыми (Рис. 4). Схожие клетки-пятистенки с разными входами встречались у молькеевских кряшен. Одна часть была хозяйственной *кара келәт*, вторая – *ак келәт* «чистая клеть», где держали домашние вещи. В ней же летом жили молодые семьи¹. Второй вид клетки у чувашей менее распространён.

Полевые наблюдения и анализ материала наводят на мысль, что относительную границу между клетью и амбаром можно провести, опираясь не на их назначение, т.к. они в этой функции, так или иначе, дублируют друг друга, а исходя из особенностей конструкции. Клеть – одноэтажное помещение, а амбар – постройка в два этажа. В первом случае, развиты типы четырехстенного сруба или пятистенок, во втором – сруб-четырёхстенок. При строительстве двухъярусного здания делали самостоятельные двери для разных этажей. В настоящее время термин *кёлет* информантами употребляется более часто, об амбаре говорят как о постройке, предназначенной, прежде всего, для хранения запасов зерновых. Например, А. П. Терентьева (1930 г.р.) из с. Бердяш Зилаирского р-на РБ считает, что «клеть (амбар. – *В. М.*) – для зерна, муки, крупы разные держать»².

Двойное положение клетки и амбара – *чум, кенос* можно найти среди удмуртов. *Кеносы* были двухэтажными, занимали целую линию во дворе, выполняли жилую и производственную функции. В конце XIX в. по мере разделения семей и последующим переносом жилой части

¹ Мухаметшин Ю. Г. Указ. соч. С. 33.

² ПМА – 2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш).

только в избу, число клеток и амбаров сокращается. Их строят небольшими и одноэтажными. По мнению Л. А. Волковой, специфика клетки, проявляющаяся в сохранении функций жилья, имеет архаичный региональный характер¹. В двухъярусных клетях удмурты словом *чум* обозначали жилую часть, а также место хранения одежды. *Кенос* – амбар, в котором находились продукты, посуда, инвентарь².

Рис. 4. Клеть-пятистенка в хозяйстве В. М. Германовой (1926 г.р.)
(РБ, Аургазинский р-н, д. Кузбашево, 2013 г., фото автора)

Одно- и двухэтажные клетки были и во дворах марийцев. В первом случае клеть повторяла конструкцию *кудо*, во втором – по описаниям подобна постройкам чувашей. Имела отдельные двери. В Козьмодемьянском уезде Казанской губернии «помост перед дверью верхнего этажа загораживается резной решеткой»³. Чувашаи этого уезда ставили клетки на расстоянии двух саженей от избы⁴. Соединение построек в единую связь и раздельное их расположение на усадьбе

¹ Волкова Л. А. Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX – начало XX века). Ижевск, 2003. С. 93-94.

² Атаманов-Эграпи М. Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск, 2010. С. 202.

³ Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. С. 91.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 617.

сосуществовали между собой повсеместно. Разница зависела от локальных традиций, ландшафта, состоятельности и иноэтничных проникновений. Чуваши Симбирско-Саратовского Предволжья придерживались традиции строительства клетей за пределами усадьбы. В дореволюционные годы клетки всех хозяйств были выстроены в один ряд на гумне¹.

Функцию клетки как необходимой хозяйственной постройки чувашского двора отражает сюжет, записанный одним из корреспондентов Н. В. Никольского: «Дедушка наш считался чуть ли не первым богачом; много у него было строений: амбаров, сараев, хлевов, но от всего своего имущества он дал отцу только одну клеть. Пришлось поневоле ничего не прибавить к строениям нашим; так и остались мы до сих пор с избой и клетью да кардою»².

Очевидно положение клетки в хозяйстве как обязательной постройки, т.к. она отвечала бытовым нуждам и являлась локусом жизни семьи в тёплое время года, особенно для молодых девушек. А. Ф. Риттих отмечал проживание семей в летний период вне дома, местом для сна – амбары, лачуги, навесы, но «девицы по большей части помещаются в анбарах (клетей. – В. М.) на перинах»³. У удмуртов девушки, спящие в *кеносах*, здесь же встречались со своими будущими женихами⁴. Помимо клетки и амбара чуваша спальное место с занавесом от насекомых устраивали в сараях⁵. Клеть была подарком родителей жениха на свадьбу⁶. При выделении семьи сына у марийцев отец строил им клеть и избу⁷.

В чувашских поселениях Республики Башкортостан участниками экспедиции 1962 г. было записано, что «амбаров и клетей мало, а если есть, то они расположены также особняком» (с. Шланлы), «клетей нет» (д. Асавбашево), «клетей почти нет (всего 3–4), хотя раньше они были в каждом дворе (в годы войны и после распродали)» (д. Чубукаран). Чуваша д. Аделькино хранили вещи в каменных подвалах, заменивших клетки⁸.

В песни о клетях говорится:

Дубняк хорош на бревна;
бревна хороши на клеть;
в клетях хорошо класть добро;
на добро хорошо купить девушку⁹.

¹ Симбирско-Саратовские чуваша. Чебоксары, 2004. С. 222.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 418-419.

³ Риттих А. Ф. Указ. соч. С. 68.

⁴ Прокопьев К. Брак у чуваш. Казань, 1903. С. 5.

⁵ Акимов Т. М. Саратовские чуваша // Саратовский гос. областной музей. № 9. С. 2.

⁶ Риттих А. Ф. Указ. соч. С. 111.

⁷ Этнография марийского народа: учеб. пособие для старших классов. Йошкар-Ола, 2001. С. 119.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 5, 39, 75, 92-93.

⁹ Ашмарин Н. И. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. Казань, 1900. С. 71.

Помимо назначения постройки, фольклор подчеркивал и особенности конструкции:

Верхнего амбара пол,
верхнего амбара пол,
возьмут да выметут;
нас, дочек бедняков,
нас, дочек бедняков,
возьмут да выберят¹.

Внутренний интерьер жилой клетки представлен сообщением А. А. Фукс: «Я вошла туда и удивилась: везде было чисто. На деревянной кровати, сделанной из досок, послана довольно мягкая перина, две подушки, на подушках наволочки из синей клетчатой пестряди, в углах стояли три кадки с крышками и с замками; это были сундуки с ея приданным. В головах кровати сделан сусек, разгороженный на три части; в каждом отделении был насыпан разный хлеб: рожь, ячмень и овес... сусеки, нарочно сделаны и насыпаны хлебом к свадьбе»². *Лар* «лари-сусеки» с несколькими отделениями сбивали из пластин молькеевские крышены. Отделы служили для разных видов круп, зерновых³. Чуваши ссыпали их в *пӱлме* «закрома», «сусек»⁴. Для жилой клетки они были не характерны, и по словам информантов находились в кладовых. А. С. Савельев (1932 г.р.) вспоминал закрома из прочного теса, разделенные на части под пшеницу, рожь, овес и другие культуры⁵.

Нары для сна закрывал *шӑналӑк*, *чатӑр* «полог». Как было подмечено, клеть – место пребывания взрослой девушки. По этому поводу приведем небольшие отрывки: «Молодой парень все бегаёт, норовя попасть на посиделки (улах). Только, когда он заберётся (к девке) в амбар, то не придется ли ему повертеться туда и сюда (осматриваясь и ища выхода из критического положения)»⁶. «Разломай крышу клетки, где спит девица, и укради её»⁷. В продуктовых амбарах в летнее время ночевали и саамские семьи⁸. В клетке держали одежду, сложенную в *сӱнсе* «кадка» и *арча* «сундук», а также развешанную на жердях и крюках. «Я поскорее пошла в нижний этаж клетки и стала надевать белую рубашку»⁹. Здесь хранилось и приданое невесты, которое передавали во время свадьбы стороне жениха¹⁰. Перед выездом от родителей невесты дружка подъез-

¹ Воробьев В. П. Чувашские народные песни. Чебоксары, 2011. С. 238.

² Фукс А. А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 3-4.

³ Мухаметшин Ю. Г. Указ. соч. С. 33.

⁴ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 171.

⁵ ПМА – 2010 (РБ, Аургазинский р-н, д. Юламаново).

⁶ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1-2. С. 203.

⁷ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. 3. С. 159.

⁸ Черняков З. Е. Очерки этнографии саамов. Рованиemi, 1998. С. 43.

⁹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1-2. С. 8.

¹⁰ Ашмарин Н. И., Шкапский Е. С. Чувашская свадьба // Этнографическое обозрение. 1890. № 2. С. 162.

жал к клетки и требовал приданое, после получения которого, свадебный поезд направлялся к родителям молодого¹.

Возможно, нахождение одежды и других немаловажных предметов в клетки и амбаре можно объяснить отсутствием здесь курной печи. В жилой избе при топке печи вещи впитывали едкий запах дыма. В связи с этим клеть была более удобна. Её содержали в чистоте, что нельзя сказать о доме, в который в холода заводили птицу, неокрепших животных, занимались промыслами. О жилищах сказано: «Избы у чуваш среднего и нижнего достатка в зимнее время бывают полны и людей, и скота, так что мужику и бабе, дитяте и юноше, всем до одного, приходится дышать одним и тем же воздухом, которым дышат ягнята, гуси, телята, утки, свиньи и пр.»².

В народных представлениях чувашей клеть и амбар, как и жилище, и другие хозяйственные здания, занимали определённую нишу, имели функциональные особенности. Противоречивое восприятие построек отражают элементы традиционной обрядности. Это характерно не только для чувашей, но и других народов. Например, коми в одном из гаданий использовали амбарную дверь, снятую с петель и положенную в очерченный ножом круг³. Мордовские девушки, желая узнать своё будущее, пересчитывали бревна хлебного амбара, приговаривая слова «кузов, короб, сусек», тем самым определяя зажиточность будущего жениха⁴. Селькупы, помимо хозяйственных амбаров, строили *лозыль сессан* «священные духов амбары», используемые для хранения изображений предков рода и жертвоприношений⁵.

Дюла Месарош пишет о предназначении клетки в период свадебных торжеств. Здесь накануне свадьбы одевают невесту, которая в это время прощается с прежней жизнью, родителями и отцовским домом. Свадебный наряд в клетки примеряет и жених. Снятый с невесты на свадьбе *пёркенчэк* «покрывало» приносят в клеть и накрывают им ларь с мукой. Брачную постель молодым также стелили в клетки, закрывая на ночь⁶. При появлении жениха невеста в отдельной избе или клетки начинала угощать своих подруг и его. В песнях они выражали тоску от предстоящей разлуки⁷.

Покрывало у невесты забирали во время трапезы *салмой*: «Когда поднесет (парень. – В. М.) последнюю *салму*, тогда срывает с невесты *пёркенчэк* и бежит с ним в амбар и там прячет

¹ Михайлов В. И. Обряды и обычаи чуваш // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1891. Т. XVII, вып. II. С. 108-109.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 80.

³ Терюков А. И. Предсказание будущего в традиционной культуре народов коми // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам: сб. науч. ст. СПб., 2012. С. 110.

⁴ Мельников-Печерский П. И. Очерки Мордвы. М., 2012. С. 80.

⁵ Степанова О. Б. Указ. соч. С. 42-43.

⁶ Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000. С. 332, 335, 350.

⁷ Комиссаров Г. И. О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники, письма. Чебоксары, 2003. С. 245.

его в муку. Оттуда несут в пригоршнях муки и ссыпают на молодых. В это время они стоят под кошмой и она в мужниной шапке»¹. Во дворе жениха в клети проходил переход молодой в категорию замужней женщины, символизировавшийся заменой девичьего головного убора *тухъя* женским *хушту*². Аналогично у кряшен, надевавших в клети *тастар* и *кашбау*³.

О традиции проведения брачной ночи в клети писали многие авторы. В. А. Сбоев отмечал, что во время нахождения молодоженов наедине, свахи «поют и поют около клети, где положены новобрачные». Молодая сначала угощала мужа, а затем они укладывались спать⁴. Закрыв в клети, их охранял, например, брат невесты⁵. С. М. Михайлов о времени, проведенном новобрачными наедине, записал, что «они остаются там не более, как часа с два»⁶.

Поэтом К. В. Ивановым о первой ночи сказано:

А потом невесту с мужем,
С мужем старым Тохтаманом,
Под замок в кэлет высокий
На ночь заперли обоих⁷.

Первую ночь молодожены в клети проводили и у карел⁸. У чувашей, переночевав в амбаре, новобрачные возвращались к гостям свадьбы. Молодая вручала подарки родным мужа⁹. «Свахи разставили на нарах (широкия лавки) множество маленьких деревянных чашек, столько счетом, сколько в избе сидело родных. Молодая во всякую чашку положила денег и налила пива. С первой чашкой и вышитой рубашкою подошла она к свекру»¹⁰.

В случае кражи девушки клеть также была местом, где устраивали брачное ложе. В другую деревню к родным жениха привозили похищенную и закрывали. В клеть приходил парень: «Из амбара выходят они уже мужем и женою. Нет никакого обряда, нет ничего такого, что могло бы служить знаком брачного соединения мужа с женой, кроме соития». По свершению полового акта «всякое заявление со стороны оскорбленной остается большею частью без всякого

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 563.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 375.

³ Шарифуллина Ф. Л. Традиционная обрядность молькеевских кряшен // Молькеевские кряшены. Казань, 1993. С. 94.

⁴ Сбоев В. А. Указ. соч. С. 37-38.

⁵ Акимова Т. М. Старое и новое (Духовная культура с. Казанлы Вольского у.) // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения: этнографический сборник. Саратов, 1926. Вып. 34. Ч. IV. С. 32.

⁶ Михайлов С. М. Указ. соч. С. 68.

⁷ Иванов К. В. Нарспи. М., 1937. С. 81.

⁸ Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). Л., 1977. С. 182.

⁹ Никольский Н. В. Собрание сочинений. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары, 2004. Т. I. С. 88.

¹⁰ Фукс А. А. Указ. соч. С. 67.

внимания с чьей бы то ни было стороны»¹. Традиция укладывать молодых на ночь в клетки или амбаре, по мнению Г. С. Масловой, связана с улучшением благосостояния хозяйства, «для стимулирования плодovitости скота и для поднятия урожайности»². В восточнославянской культуре спальными местами считались солома, овин, амбар, клеть, что сопряжено с обработкой и хранением зерновых³.

Чуваши воспринимали клеть как пространство, в котором проживали божества и духи. Во-первых, здесь обитал *Киремет*. Во время домашнего моления, посвященного этому боже-ству, остаток каши относили в клеть, бросали по три ложки в каждый угол и намазывали ею входную дверь. Одно из названий обряда *Кёлетри киремет пйтти* «каша Киреметю, находя-щемуся в клетях»⁴. Хозяина клетки называли *Кёлетри ырй*, *Кёлетри киремет*⁵.

О проведении обряда записано: «Еще сварит он же (глава семьи. – В. М.) кашу, унесет эту кашу в амбар, пока еще сам не ел, положит эту кашу по три ложки в четыре угла, всего 12 ло-жек; еще положит на крючки петли одну ложку, чтобы он сохранил от всякого зла и вора. И он молит тут на середине закрома и эту чашку каши оставят тут же, сам уйдет. Тогда после этого не ходит три дня. А если эту кашу не едят мыши, то у них не ладно, и зато туда кошку не пустят. Это у них называют *Кёлетри киремет пйтти*»⁶. Завершив обмолот зерновых, чуваши читали молитву, упоминая в ней клеть. Приведем отрывок:

По входе в дом – дома прибыль дай;
по входе в клеть, дай прибыль в клетях⁷.

В другой молитве просили урожая хлеба, хранящегося в амбаре: «Эй, хлебородящий Бо-же, помилуй! Без хлеба нас жить не заставляй, из сусека хлеб пусть не убудет (в сусеке имею-щегося хлеба не лиши)!»⁸. При первом весеннем выгоне домашний скот подгоняли вербой. За-тем ветви втыкали в амбар⁹. Его же использовали в гадании. Шли к амбару и слушали, «если в амбаре послышится шум, как при пересыпке хлеба, то гадающий будет жить богато; если же в амбаре тихо – бедно»¹⁰.

¹ Львов Г. Языческие браки у чуваш. Казань, 1898. С. 3, 5.

² Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 44.

³ Там же.

⁴ Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары, 1994. С. 105.

⁵ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 7-8. С. 241.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 33. Л. 913-914.

⁷ Малов Е. А. О чувашах // Православный собеседник. 1882. Т. I. С. 48.

⁸ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 115.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 78.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 363-364.

Чуваши верили в особые свойства деревьев. Например, «если при постройке попадет дерево-матка, то, говорят, это строение будет счастливым; если это амбар, то в нем не будет переводиться хлеб, а если изба – то (живущие в ней) не будут испытывать горя»¹.

Направлялись в клеть или амбар, закончив поминовение усопших. При этом с собой несли сучковатую ветку и ставили её на край хлебного сусека. На ветке были свечи, зажигая которые говорили: «Хлеб да будет (да родится)!»².

Клеть считается локусом пребывания божества *Йёрёх*. «Нельзя не видеть в поклонении “Йёрёху”, представлявшему собой простой кузов в углу амбаров, – писал священник Т. Земляницкий, – остаток фетишизма, когда то, быть может, весьма развитого у язычествовавших чуваш»³. Подробно разбирать формы и изображения божества мы не будем, а приведём сведения, касающиеся его хранения в клети и амбаре.

Божество, по мнению Н. В. Никольского, встречается в трех ипостасях: «*хаяр* – злой, *йаваш* – добрый, *тёрё* – справедливый»⁴. *Йёрёх* в кузове вешали в углу клети, амбара, заполняли костями животных, ветвями, кусками олова и монетами⁵. «Не в каждом доме, а лишь у некоторых крестьян имеется Ерих подвешенным в амбаре (маленький, разукрашенный кузовок, унизанный оловянными блестками и цветными шелками)»⁶. О божестве говорится: «Ирихъ не простой кусок олова, но маленький идол, с руками, ногами, глазами и величиною в вершок. Ириха всегда ставят в клетях, молятся ему и приносят жертвы»⁷. В деревнях *Йёрёх* мог храниться только в одной семье. Например, в хлебном амбаре во дворе старика Лазаря в с. Ишаки Чебоксарского уезда⁸.

Сюжет о нахождении *Йёрёха* в клети приведен П. В. Денисовым. В д. Бахтигильдино Батыревского р-на ЧР на рубеже XIX–XX вв. чуваш Асалля хранил в клети деревянную фигуру. В праздники для совершения обрядов перед ним собирались родные хозяина клети и жители деревни. Внутри ставили скамейки и стол. Развалины клети долгое время вызывали у жителей поселения почтительное отношение и страх⁹.

¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1-2. С. 187.

² Магнитский В. К. Указ. соч. С. 117.

³ Земляницкий Т. Чуваши (Некоторые исторические данные о чувашах вообще и в частности Козьмодемьянского уезда, в связи с вопросом о христианском просвещении их). Казань, 1909. С. 10.

⁴ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 97.

⁵ Сбоев В. А. Указ. соч. С. 22-23, 124-125.

⁶ Михайлов В. И. Указ. соч. С. 115.

⁷ Фукс А. А. Указ. соч. С. 97.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 72. Л. 45.

⁹ Денисов П. В. Религиозные верования чуваш: Историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959. С. 100.

Н. И. Золотницкий пишет о заколдованном амбаре в с. Кошки (Чурашево) Чебоксарского уезда. По преданию, он принадлежал старой знахарке, дух которой вместе с имуществом находился в постройке, «никто не только не может дотронуться до этого здания под опасением подвергнуться внезапной смерти, но и не должен, проходя мимо, смотреть на него, чтобы не быть наказанным слепотою». Жители деревни долгое время не решались разобрать амбар, боясь последующих несчастий. После совершения молебна и окропления святой водой священник с помощниками вынесли вещи и сломали постройку¹.

Местом расположения божества считали постройки: *Йёрёх кёлечё* – «клеть Йёрёха», дно амбара, внутренняя часть, крыша сарая². Фигуру божества «сажали в ящик или корзину и прятали в укромное место – под амбар, под ворота, или в чулане. Места, где хранились йерехи, почитали»³. Его подвешивали в амбарах и овинах, выносили на время моления⁴. В с. Яшкино Бузулукского уезда Самарской губернии был «ирик-кереметь». «В старину на молитву сходились к роднику, приносили с собой ирика. Обыкновенно он подвешивался в овине и амбарах. Это божество женское, означает плодородие, поэтому беременные женщины молятся ему, посасывая иногда груди или целуя живот»⁵.

Подвешивали *Йёрёха* в коробе. При жертвоприношении ягненка отрезанную голову помещали в этот кузовок, мясо отваривали, а кости сжигали⁶. Коробку или кузов называли *Йёрёх кунти* и *Йёрёх пёрни*, т.е. «короб Йёрёха». Предмет олицетворяли с жилищем божества⁷. Слово *пёрне* «кузов», «плетенка», «корзинка» в других тюркских языках отсутствует. Вероятно, это заимствование из марийского или удмуртского языков. Существуют марийское *пурня*, удмуртское *бөрнө*, коми *бурня*⁸. *Йёрёх* был невидим, «местопребывание имеет в лукошке, сделанном из вязовой коры и помещающемся в клетки, где-нибудь в углу, за дверью, как у нас (это было) в клетки. Лукошко это, впрочем, может висеть и на другом месте, например, на стене амбара, конюшни и другого какого-нибудь строения снаружи»⁹.

В клетки проживало божество *Туркёлли*, принимавшее в жертву монеты либо их имитации. Деньги подкладывали через лаз для кошки¹⁰. «Видно, наш старший брат взял из дыры этого ам-

¹ Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875. С. 168-169.

² Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб., 2007. С. 530.

³ Акимов Т. М. Указ. соч. С. 28.

⁴ Лаврентьева Л. С., Салмин А. К. Коллекции МАЭ РАН: Чуваши (Опыт каталога). Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-025233-2/978-5-02-025233-2_06.pdf. С. 118.

⁵ МАЭ РАН. № 1040-12 а, в.

⁶ Гавриил, архимандрит. История философии. Казань, 1840. Ч. VI. С. 13-14.

⁷ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. 5. С. 144.

⁸ Егоров В. Г. Указ. соч. С. 157.

⁹ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 142.

¹⁰ Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. С. 163-164.

бара деньги, брошенные в жертву *Тур-келли*», – писал Н. И. Ашмарин по поводу внезапного заболевания брата¹.

Туркелли назван божеством житниц: «В некоторых деревнях есть особенные анбары, где молятся Теркуле»². В клетки и амбары чуваша приносили деньги, а «недавно пустили в этот анбар курицу и утку»³. Возможно, *Туркелли* и *Тюри* – одно лицо. В описаниях *Тюри* отлит из олова или свинца и обитает в мешке с мукой, в амбаре у одного из жителей селения. Ему приносили лепешки *юсман* и монеты, раз в год в его честь проводили моление⁴.

Термин *туре* первоначально обозначал предмет, пожертвованный непосредственно божеству, затем и его самого называли этим именем⁵. *Туркелли* или *Туркулли* изображали соломенной куклой, в матерчатом платье, с лицом, перекрещенным двумя соломинками. Фигуру хранили в доме, а также в лачугах в кузове. Чтобы избавиться от болезни, его изображение выбрасывали на дорогу. Помимо денег, этому божеству в старину «чуваша приносили в жертву гусей, уток и жеребят»⁶. *Туркелли* по своей внешности и функциям чрезвычайно схож с божеством *Йёрех*.

Одушевление предметов, наделение их сакральными функциями являются характерной чертой многих народов. Например, по поверьям мордвы в жилище и на дворе проживали *Куд-ава* и *Куд-атя*, *Юрт-ава* и *Юрт-атя*, *Юртын-гирди*, *Кудонь-ши-бавась* – «хранители дома». Домашний огонь поддерживала и берегла *Петнядзь-азырь-ава*. Эрзя почитала *Кардас-сярко* (*Кардасо-сярко*) – «хранителя двора», *Ульце-паз* – «бога улиц». Мокша – *Калдбиз-ава* и *Калдбиз-атя* «духа хлебов», *Перь-ава* «мать гумна» и *Авбйн-азырь-ава* «хозяйку овина»⁷.

Клеть, несмотря на своё появление у чувашей под воздействием другого народа, занимала прочное место в традиционной культуре. Мы видим это и в практическом применении (проживание хозяев в летнее время, хранение вещей, продуктов), и в мировоззрении чувашей (нахождение невесты и брачная ночь в клетке, наличие высших существ *Киремет*, *Йёрех*, *Туркелли*, соответствующих обрядов, упоминание в молитвах). Сакральное пространство клетки подчеркивают божества и духи, связанные с постройкой, а также ночевание здесь девушек, ожидавших замужества, и роль помещения в создании новой семьи. Вероятно, идеи богатого урожая хлеба, составлявшего основу питания, и рождения детей семьями были тесно взаимосвязаны. О статусе клетки свидетельствует её бытование в сельской местности в наши дни даже с учетом трансформации и адаптации к природному ландшафту, материалами строительства и назначением.

¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1-2. С. 83.

² Фукс А. А. Указ. соч. С. 76.

³ Там же.

⁴ Михайлов В. И. Указ. соч. С. 116.

⁵ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 13-14. С. 220.

⁶ Там же. С. 225.

⁷ Смирнов И. Н. Мордва: Историко-этнографический очерк. С. 200-201.

3.3 Амбар

В предыдущем параграфе, помимо сведений, затрагивающих описания *кѣлет* «клетки» на чувашском дворе, были приведены материалы о постройке *ампар*, *хампар* «амбар». Поэтому обратим особое внимание на строительство и использование двухэтажных зданий, поскольку описание одноярусных клетей и амбаров уже представлено. Также прописаны разные стороны обрядовой жизни, связанные с этой постройкой, перечислены божества, проживавшие здесь.

Амбар – «холодное хозяйственное помещение»¹. В чувашском языке известны слова *ампар* и диалектное произношение *хампар*. Термин возводят к персидскому *амбар* «амбар», «склад», связанного с глаголом «наполнять». Из персидского языка проникает в арабский, русский язык заимствует слово от тюркского населения². Хранящийся в амбаре запас хлеба определял зажиточность чувашских семей³.

Амбар так же, как и клеть, предназначался для хранения зерна и бытовых предметов. Постройка представляла собой глухой сруб без проемов, нередко с фронтоном, заложённым бревнами⁴. Л. А. Иванов отмечает прочность в строительстве амбара и обязательное наличие крепкой двери. Переводы для пола и два венца передней и задней стенки обычно выпускались через боковую стену. На расстоянии 80–90 см от стены вплетались два продольных венца. На выступ укладывали две половые доски. Торцевые верхние венцы также делали длиннее других. На них опирались укорачивающиеся бревна фронтона, в результате чего над боковым помостом нависала часть кровли⁵. Крышу перекрывали подручными материалами: «У богачей, у зажиточных амбары и все постройки устроены из бревен и покрыты соломой. У нас (д. Уралка Оренбургского уезда Оренбургской губернии. – В. М.) нет ни одного амбара, крытого тесом»⁶. В срубке использовали и половины бревен. Внутри стелили полы и сбивали закрома для зерна⁷.

Как и клетки, амбары на усадьбе располагали в единую связь с жилищем и постройками либо раздельно. При строительстве рядом изба и амбар имели общую крышу, расстояние между ними закладывали бревнами и тесом. Затем «проделывается в одной стене дверь и этот промежуток между двух построек служит сенями»⁸.

¹ Партина А. С. Архитектурные термины: Иллюстрированный словарь. М., 1994. С. 10.

² Егоров В. Г. Указ. соч. С. 26.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 153. Л. 164.

⁴ Иванов Л. А. Поселения и жилища чувашского населения Прикамского Заволжья и Южного Урала // Вопросы истории Чувашии. Ученые записки. Чебоксары, 1965. Вып. XXIX. С. 205.

⁵ Иванов Л. А. Современный быт и культура сельского чувашского населения. Чебоксары, 1973. С. 57-58.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 13-13 об.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 444.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 130.

Двухэтажный амбар считается постройкой лесной зоны, появившейся среди чувашей на рубеже XVII–XVIII вв. Здание называли *хампар*, *пӑлтӑрлӑ ампар*, *икӗ хутлӑ ампар*¹. «В прежние времена у зажиточных амбар был двухэтажный»². Сведения о нем содержат и фольклорные материалы:

У нашего дяди восемь амбаров,
между восьмью амбарами есть,
говорят, верхний амбар.
В верхнем амбаре лежит перина
с пестрою наволочкою³.

Амбар старались построить между гумном и избой, чтобы было удобно в него переносить обмолоченный хлеб, а затем из постройки забирать в дом. Довольно обстоятельное описание амбара приведено в следующем отрывке: «Изстари принято строить амбар в два этажа и с крышей на два ската. В основании со стороны передней, входной, стены амбара делается выступ по всей ширине амбара, выдающийся вперед на один аршин, а высотой около одного аршина; он представляет некоторое подобие галереи и называется пережитнищем; с земли на пережитнище ведет маленькая лесенка. С пережитнища в амбар по середине стены ведет прочная, из толстых досок, дверь со скобой и большим врезанным в нее железным замком; дверь обрамлена толстыми косяками и высоким порогом. Пол в амбаре набирается из прочных толстых досок – брусьев на той же высоте, как и пол пережитнища, или чуточку ниже, т.е. примерно около $\frac{3}{4}$ арш. над землею. Войдя в амбар, прямо перед собой будем иметь засеки, в которые ссыпают зерновой хлеб; налево и направо от входа обыкновенно стоят кадки с мукой; еще дальше, в одном из углов, чаще правом начинается лестница, ведущая во второй этаж, называемая вышкой. Где-нибудь над засеком, или рядом на стене висит икона; амбар помещение “чистое”. Вышка, по занимаемой ею площади, бывает больше собственно амбара, так как часть её выступает в виде навеса над пережитнищем. Пол вышки служит потолком собственно амбару и состоит из таких же толстых досок, как и пол нижнего помещения амбара (собственно амбара), поддерживается по середине матицей. Вышка прикрывается непосредственно крышей; особого потолка нет. Длина амбара вместе с пережитнищем бывает 5–7 арш., ширина – 4–6 арш. и высота до князька около 6–7 арш.»⁴.

Текст посвящен конструкции амбара, в котором вход на второй этаж делали внутри здания. Такое помещение в 1933 г. зарисовал художник Н. Ф. Калинин (Рис. 1). Другой строитель-

¹ Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 83-84.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 355.

³ Ашмарин Н. И. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. С. 42.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 219. Л. 68 об.-69.

ный прием использовали при соединении вместе дома, сеней и амбара. Вход на первый этаж делали со стороны двора, а на второй – из домашних сеней по невысокой лестнице¹.

Рис. 1. Двухъярусный амбар (ЧАССР, Козловский р-н, с. Тюрлема, 1933 г.)
Рисунок Н. Ф. Калинина // НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 140. № 1165-5

Двухэтажный амбар достигал в ширину 4,5–6 м, в длину 8–9 м. Постройки были развиты среди населения приволжских и присурских районов, в подлесной подгруппе низовых чувашей. Строили амбары четырех- и пятистенки. Известны два типа помещений. Во-первых, высокий сруб, разделенный на два этажа. На уровне пола этажей делали крыльцо, на верхнем ярусе оформляли балкон с перилами и навес (Рис. 1). Во-вторых, верхний сруб несколько выступал над первым, опираясь на столбы. Вход на второй этаж, помимо сеней, был и со двора. Балкон, как правило, выполнял декоративную роль, но в летнее время его использовали для сна². Относительно входов в постройку выделим три варианта. Во всех случаях на первый этаж заходили

¹ Кошаев В. Б. Традиционное жилище народов Западного Приуралья: Культурогенез. Классификация. Искусство. Ижевск, 2001. С. 244.

² Матвеев Г. Б. Указ. соч. С. 83-84.

со двора. В помещение верхнего этажа попадали: а) по лестнице, расположенной внутри первого этажа; б) по лестнице, ведущей из сеней; в) по лестнице, поставленной во дворе (Рис. 2). В двух случаях двери верхнего яруса были внутренними, в последнем – наружной (уличной).

Двухэтажные амбары строили и молькеевские кряшены. Конструкции построек совпадали. Устраивали самцовую крышу в два ската, угловые кронштейны, навес, помост перед дверью первого этажа. Второй ярус имел балкон с перилами, на который поднимались по лестнице. Этажи состояли из одного помещения, иногда первый делили на две части¹.

Рис. 2. Двухэтажный амбар (БАССР, Белебеевский кантон, с. Кистенли-Богданово, 1929 г.)
Фото П. А. Петрова-Туринге // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210. № 1599

Амбар в виде сруба-пятистенка среди чувашей не был широко распространен. В архивном документе сказано, что «*иур лас* – называлась одна половина пятистенного двухэтажного амбара», в первой части были сбиты нары, а «вторая служила складом для провизии»². По поводу

¹ Мухаметшин Ю. Г. Указ. соч. С. 34.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 651.

предназначения второго этажа сведения отсутствуют. Исследователь П. А. Петров-Туринге в 1929 г. сфотографировал двухъярусный амбар у чувашей с. Кистенли-Богданово Белебеевского кантона БАССР (Рис. 2). На изображении постройка из некачественного дерева, что подтверждают искривлённые венцы сруба, разные в диаметре. Предположительно 22–23 венца (неудовлетворительное качество снимка не позволяет провести более точный подсчет). Постройка срублена «в угол», «в обло», с выпущенными наружу остатками бревен. Фундамент заменяют крупные камни, поддерживающие амбар по периметру. Окна либо световые отверстия на фотографии не запечатлены. Завершает постройку двускатная самцовая кровля. Скатy заложены мелким лесом, а поверх него частично проглядывает луб. Все это закрывает объемный слой соломь, придерживающийся поперечными жердями. Крыша образует навес вдоль балкона верхнего яруса. Солому над навесом придерживают легкие перпендикулярные жерди.

На первый этаж ведут своеобразные ступени, выложенные перед деревянным помостом. Выпущенные боковые венцы первого и второго этажей образуют каркас настилов. Кроме того, с двух сторон между венцами для прочности установлены столбы-опоры. Несколько выше уровня помостов сделаны входные двери, по одной на этаж. Наверх поднимались по наружной лестнице. На первом этаже протянута жердь для сушки белья и разных вещей, а также прикреплена полка. Декоративные элементы на амбаре, как и перила верхнего яруса, отсутствуют¹.

Разновидностью амбара, предназначенного для хранения хозяйственного инвентаря, была постройка *сенлѣх*, зафиксированная в д. Аделькино Белебеевского р-на РБ. Помещение имело широкие двустворчатые двери, снабженные железными запорами. Для въезда в ворота сооружали деревянные помосты. Размер постройки составлял 6×12 м, тип – сруб-шестистенка, разделенный на части. Отделы соединялись широкими проходами, ориентированными на размеры телеги и саней. Постройка служила хранилищем орудий земледелия (плуг, борона, соха, косы), лыка и мочала, транспорта. В углу стоял ткацкий стан. На стенах и под крышей развешивали веники и другие предметы². С изменением видов трудовой деятельности и внедрением техники необходимость в таком помещении отпадает.

Напомним, что кроме единоличных амбаров, располагавшихся на усадьбах чувашей, строили и общественные, откуда бедняки могли взять посевной хлеб³.

Таким образом, амбары были близки к клетям как по строительным приемам, так и по назначению. Это очевидно из бесед с информантами. Наиболее капитальные постройки были срубными, из хорошего дерева. Но бытовали и другие материалы строительства, что определялось локально. Кроме того, двухэтажные амбары возводили только из дерева. В них также как в

¹ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210. № 1599.

² Иванов Л. А. Указ. соч. С. 59.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 284.

амбарах в один ярус и клетях держали вещи, предметы домашнего обихода, продукты, зерновые культуры, проживали летом. Особняком находятся амбары, предназначенные только для хранения хлеба. Справедливым будет отметить, что в таких постройках не было световых отверстий. Дверь прочно закрывалась, иногда в ней оставляли лаз для кошки. В помещениях, где проживали, в стене был небольшой световой проем. Традиции зодчества двухэтажных амбаров среди чувашей схожи с таковыми у марийцев, мордвы, удмуртов и татар.

3.4 Санитарно-гигиенические постройки

Чуваши Республики Башкортостан принадлежат к народам, ведущим оседлое земледельческое хозяйство в сочетании с домашним животноводством и другими дополнительными видами промыслов (сбор дикорастущих, рыболовство, охота). Наличие локальных земельных участков приводило к созданию сельских поселений, существовавших на протяжении длительного отрезка времени. Развитие населённого пункта и благоприятная социально-экономическая ситуация в конечном итоге способствовали улучшению облика не только селения, но и, прежде всего, самостоятельных крестьянских хозяйств.

Комплекс жилых и надворных построек, жизненная среда улиц и поселения в целом у чувашей принадлежат к *концентрическим* (имеющим общий центр). Подобное восприятие характерно для народов, занимавшихся земледелием. Деревня – центр, поля и выгоны – ближайший концентр, лесные угодья общины – второй концентр, дальние пространства – третий концентр¹.

На усадьбе центром считалась жилая изба, вокруг которой возводили постройки, это могли делать в непосредственной близости либо на расстоянии, что зависело от назначения помещений и сакральных представлений, связанных с ними. Изба и ближние здания составляли культурное пространство, которое было необходимо для ведения хозяйства и жизни. Постройки, имеющие неоднозначное отношение, располагали в некой удаленности от места, где вели повседневные дела. Таковыми, например, являлись баня и туалет.

Чувашское подворье на рубеже XIX–XX столетий представляло собой ряд жилых и хозяйственных построек, отвечавших нуждам владельца. В работе В. М. Черемшанского встречаем описание усадьбы чувашей Оренбургской губернии: «Жилища их (чувашей. – В. М.) составляют: изба или две, амбарушка, где хранится у них хлеб и домашняя рухлядь, крытые загородки для скота; к дому примыкает огород, или небольшое гумно»².

¹ Тишков В. А. Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 16.

² Черемшанский В. М. Указ. соч. С. 178.

Экспедиция 1929 г. студентов Приуральского чувашского педагогического техникума под руководством П. А. Петрова-Туринге проводила обзор культуры чувашей Башкирской АССР. Сохранились материалы по жилищам и постройкам. Так, в с. Базлык Бижбулякской волости Белебеевского кантона о дворе Филиппа Яковлева записано: «Надворные постройки: 3 сарая, конюшня, амбар, лачуга и подвал... Лачуга, амбар и сарай из осиновых брёвен, подвал и два сарая из камня»¹. Перечень хозяйственных помещений говорит о состоятельности владельца.

В наши дни сельская усадьба значительно преобразилась. Исчезают клетки и амбары (если они и входят в комплекс надворных построек, то выполняют иные функции), их место занимают гаражи и специализированные мастерские. В числе бытовых помещений (*лаҫ*, амбар, клеть, овин и пр.) особняком находилась *мунча* «баня» (Рис. 1).

Баня. Для постройки характерно двойственное положение. Баню ставили на усадьбе и за её пределами. Получается, что баня входила в единое пространство вместе с жилищем, постройками и территорией двора, даже несмотря на определённую отдалённость. С другой стороны, бани ставили, например, у водоёма, удаляли их не только от двора, но и от улицы, оставляя в границах поселения (Рис. 2).

В д. Ташлыкуль Аургазинского р-на РБ бани находились напротив жилых дворов на крайней улице, получившей название *Мунча урам* или *Мунча кас* «Банная улица»². Строительство бани через улицу напротив усадьбы бытовало у чувашей д. Егоркино Октябрьского района Татарской АССР³.

Баня в традиционной культуре многих народов выполняла значимую роль не только в практическом плане (гигиеническое назначение), но и в сакральном мировоззрении. У мордвы рождение ребёнка происходило в бане, которая являлась и местом лечения больных⁴. Удмурты в ночь на Старый новый год – *выжь виль ар* (с 13 на 14 января) у бани прислушивались к звукам, на *вожодыр* «святки» сеяли золу из банной печи, просовывали руку в отдушину и гадали⁵. Посещали они баню, надевая затем чистую одежду, перед походом в *Луд* «священную рощу» и проводами покойного на кладбище⁶. Накануне праздника «мылись в бане и надевали на себя белые рубахи» и марийцы⁷. Подобные действия встречаем среди чувашей, русских, татар, коми

¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. Л. 131, 134 об.

² ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, д. Ташлыкуль).

³ Салмин А. К. Народные обряды чувашей в фотографиях. Чебоксары, 2001. С. 71, 105.

⁴ Мокшин Н. Ф. Мордва: мокша и эрзя. Саранск, 2008. С. 148.

⁵ Перевозчикова-Владыкина Т. Г., Владыкин В. Е. Годовой обрядовый цикл удмуртов // Удмуртоскон: Вашкала куриськонъёс, вöсьясконъёс, статьяос / Удмуртская вера: Древние молитвы-заклинания, статьи. Ижевск, 2010. С. 163.

⁶ Садиков Р. Р. Указ. соч. С. 21, 49.

⁷ Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. С. 55.

и других народов¹. Например, чувашаи перед выездом на пашню всей семьёй шли в баню, переодевали бельё². В вечер накануне *кӑлам кун* «моление духам предков» её обязательно топили³.

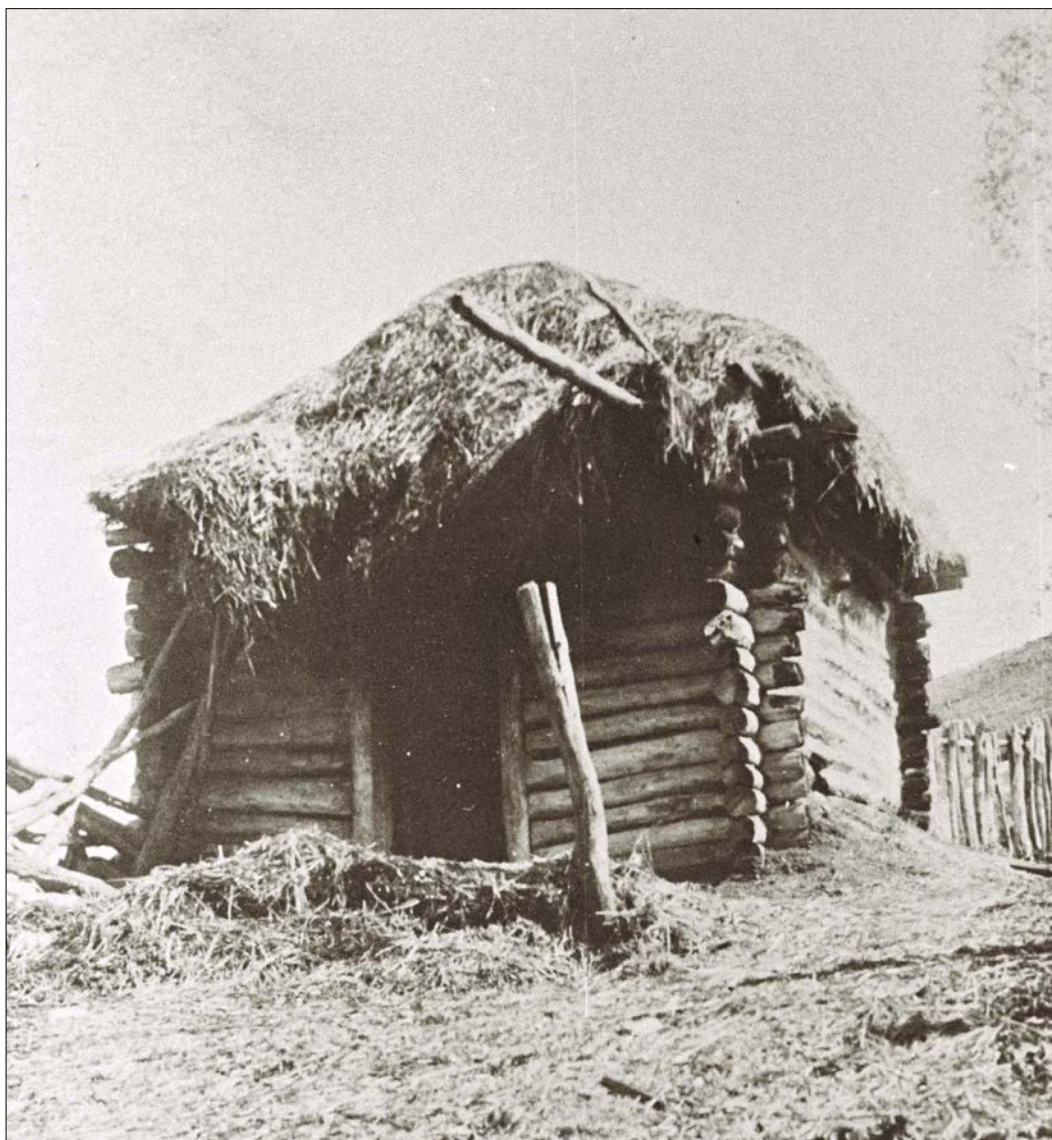

Рис. 1. *Мунча* «баня» (БАССР, Белебеевский кантон, с. Слакбаш, 1929 г.)
Фото П. А. Петрова-Туринге // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

Существует мнение, что бани в комплексе бытовых построек чувашей и марийцев стали наследием Волжской Булгарии⁴. Их появление у последних под воздействием волго-уральских

¹ Никонова Л. И. Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья: историко-этнографическое исследование. Саранск, 2003.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 35.

³ Месарош Д. Указ. соч. С. 164.

⁴ Матвеев Г. Б. Материальная культура чувашей. Чебоксары, 1994. С. 47.

татар отмечал Герхард Миллер¹. В культуре восточных славян помещение с очагом, а затем печью из камня, служило для приготовления пищи и выполняло функции бани. Со временем появилась постройка для мытья, называемая *баня* или *лазня*².

Рис. 2. Баня, построенная на окраине огорода (ТАССР, Алькеевский р-н, 1976 г.)
Фото Е. С. Сидоровой // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 601

С русским влиянием связывают возникновение бани у чувашей: «У таких крестьян можно найти и русскую баню, тогда как у других она заводится одинаково тихо, как и перестройка белых изб. Летом они (чуваш. – *В. М.*) купаются, но это недостаточно среди неустомимых земляных работ. Зимой для соблюдения доступной опрятности, за неимением бань, они моют себе голову ежемесячно горячею водою, особенно женщины, которые в это время завешивают свой угол»³. Запись косвенно подтверждает позднее развитие бани среди чувашей и говорит о практике купания в реках и мытье перед печью⁴. Прообразом современной постройки можно считать *сёр мунча* «баню-землянку». Её описание составил Н. В. Никольский: «Это – бани, врытые

¹ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 55.

² Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 314.

³ Риттих А. Ф. Указ. соч. С. 68.

⁴ Салмин А. К. Система религии чувашей. С. 539.

в береговой склон, так что наружу выходили только покрытые землёй крыши, снабженные в иных случаях дымовыми трубами, сделанными из выдолбленных липовых стволов, и одна стена, либо деревянная, либо сделанная из плетня, в которой и находится дверь»¹.

Бытование бань-землянок в настоящее время в Республике Башкортостан не встречается. Память информантов также не подтверждает их наличие в прошлом. Если и говорят о землянке, то, как о временном жилище до окончания строительства дома.

Упоминание о бане в землянке, как и каменной, в юго-восточной части Республики Башкортостан в прошлом находим в статье Г. Б. Матвеева². Широкое использование камня подтверждают материалы экспедиции 1962 г., побывавшей в Башкирской АССР и Оренбургской области. В записях о с. Зириклы Бижбулякского р-на сказано: «Много каменных надворных построек (особенно старые). Каменных бань нет»³. Располагались бани нередко на расстоянии от хозяйственных помещений и жилищ, поскольку считались пожароопасными. Их ставили особняком во дворе, огороде, на улице, если она была односторонняя – у оврага или реки⁴ (Рис. 3).

Полевые наблюдения и беседы со старожилами подтверждают такое местонахождение. Нередко вспоминают бани, в которых родственные семьи и соседи мылись по очереди. Например, в д. Юламаново Аургазинского р-на РБ, по словам Д. Ф. Фомина (1937 г.р.) на одну улицу было три бани, которые стояли у рощи перед озером. А. С. Савельев (1932 г.р.) уточнил, что в один день топили одной семьёй, на следующий – другой. В д. Пугачево Хайбуллинского р-на РБ коллективные бани находились у реки. В сообщении о д. Новое Изамбаево Тетюшского уезда о банях говорится, как о местах общего пользования⁵.

Визуальные источники передают внешний облик постройки. На фотографии (Рис. 1) видим четырёхугольный сруб из некачественной древесины, имеющий соломенную кровлю, отдалённо напоминающую шатровую. У входа стоит столб, возможно, *мунча юпи*, т.е. «суковатый столб перед баней для вешанья белья»⁶. С другой стороны, он вполне мог служить углом сеней, пристроенных к бане, что косвенно подтверждает выступающий верхний венец. Сейчас *мунча юпи* не ставят, поскольку в банях повсеместно строят предбанники, предназначенные для вещей. Их могут пристраивать отдельно от банного сруба или проектировать внутри него. Суковатые столбы нередко встречаются во дворах и служат для сушки вёдер, тазов и ёмкостей. До

¹ Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш. С. 31-32.

² Матвеев Г. Б. Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья // Материалы по этнографии и антропологии чувашей. Чебоксары, 1997. С. 128.

³ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 142.

⁴ Чуваша: история и культура. С. 293, 295.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 187.

⁶ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 7-8. С. 267.

настоящего времени столбы имеются в поселениях, находящихся на территории бывшего Оренбургского казачьего войска¹.

Рис. 3. Раздельное расположение бани и надворных построек (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат, 2013 г., фото автора)

В одной из своих статей Л. А. Иванов отметил, что бани в поселениях чувашей Приуралья по конструкции и назначению «ничем не отличаются от чувашских бань, имеющих широкое распространение от Волги до Южного Урала»². Такое утверждение позволяет использовать сведения о чувашах, расселённых на разных территориях, и применять их по отношению к чувашам, проживающим в Республике Башкортостан.

Наиболее полное описание постройки выглядит так: «Как само здание, так и всё устройство бани просто и незатейливо. Рубится “на моху” простой четырёхугольных сруб, часто из обрезков брёвен. Длинною 4–6 арш., аршина в 4 шириною и около 3-х арш. высотой; настилается бревенчатый или из половинок брёвен (плах) потолок, прикрываемый потом сверху землею; над потолком тесовая односкатная крыша. Почти никогда (или в очень редких случаях) в самой бане не делается комнаты для раздевания; для последней цели у входа в баню пристраивают коридорчик, открытый с одной стороны и часто не имеющий дверей, называемый передбань-

¹ Рыбалко А. А. Традиционная архитектура оренбургских казаков (вторая половина XIX – начало XX века) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Челябинск, 2007. С. 178.

² Иванов Л. А. Поселения и жилища чувашского населения Прикамского Заволжья и Южного Урала. С. 208.

ем... У самой почти двери в углу расположилась каменца, печка, сложенная из дикого камня; далее и налево впереди – полок для мытья и паренья; к полку примыкает у стенки лавка; лавка же тянется и вдоль правой стены... Каменца выкладывается... на свод из более крупных камней набрасывается здесь много щебня, “чекоту”, из гранитных по преимуществу, как менее трескающихся, валунов. “Чекотом”, т.е. осколками из камней, заполняется и угол двух стен у каменцы, чтобы предохранить стены от нагрева и пожара, а с другой стороны – каменцу от охлаждения, иначе бы последняя скоро перестала давать пар»¹ (Рис. 4).

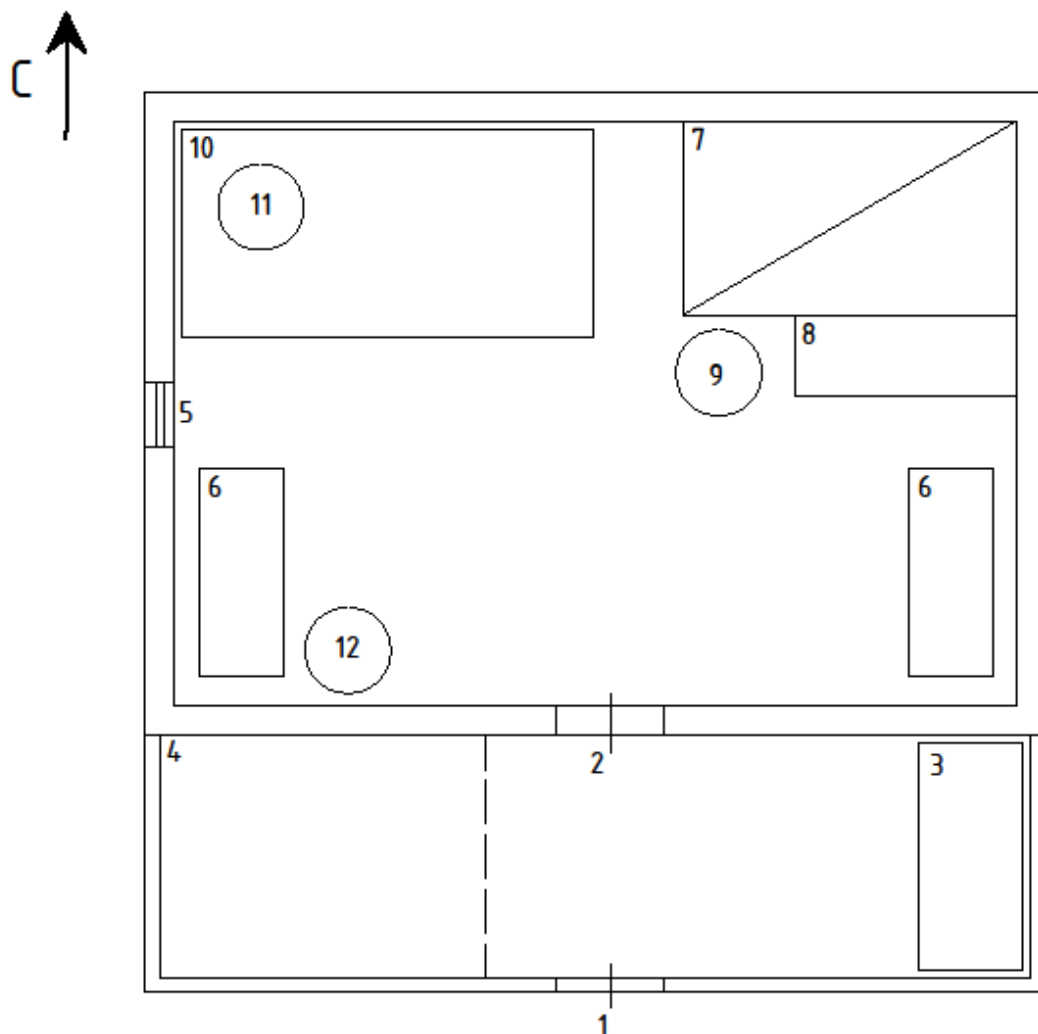

Рис. 4. План курной бани во дворе Корниловых, построенной в 1951 г.

1 – дверь в тесовый предбанник, 2 – дверь в баню, 3 – лавка для вещей и отдыха, 4 – место для хранения дров, 5 – окно, 6 – лавки, 7 – печь по-черному с вмазанным казаном для горячей воды, 8 – место перед печью, 9 – казан для теплой воды, 10 – полок для паренья и мытья, 11 – тазы для воды, 12 – место для холодной воды. РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат, 2013 г. // Реконструкция автора и А. В. Маганёвой

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 219. Л. 69 об.-70.

Значение бани в жизни чувашей иллюстрирует описание, посвященное д. Уралка Оренбургского уезда: «Баню чувашаи любят, в особенности чувашки. Есть уральцы, которые не прочь быть в бане каждый день. У чувашек есть привычка зазывать в баню соседок, приятельниц и кумушек, потому в бане народу бывает довольно много (все парятся). Баня у чувашей замещает клуб, где обсуждаются новости»¹. Запись свидетельствует о наличии в прошлом общих бань, где мылись по очереди, не только хозяева, но и их близкое окружение.

Известны два типа бани, которые распространены и в настоящее время – *хура мунча* «курные» и *шурй мунча* «по-белому». Первый вариант является более ранним и встречается не только у чувашей, но и среди соседних народов. Марийцы, мордва, удмурты до 1930 гг. повсеместно мылись в банях по-черному. Коми познакомились с белыми банями по окончании Второй мировой войны, у коми-пермяков она появилась только в конце 1960-х годов². Во многих чувашских поселениях Республики Башкортостан белые бани получили развитие 15–20 лет назад. Старшее поколение отдаёт предпочтение черным баням, считая их более полезными для организма. Часто информанты говорят, что в черной бане сухой пар, запах дыма, очищающий помещение от насекомых. В белой бане пар всегда влажный, особенно зимой. На усадьбе встречаются и две бани вместе (по-черному и по-белому). Подобное мы увидели в семье Ситниковых (с. Бердяш Зилаирского р-на РБ). Объяснили это просто: «Черная баня для себя, она лучше, а белая для детей и внуков. Они в черной мыться не хотят»³. Летом для топки курной бани достаточно 3–4 больших полена, а зимой – охапки дров. В прошлом чувашаи в банях мылись раз в две недели зимой и раз в месяц в летнее время⁴. Сейчас банный день – суббота. Летом курную баню топят 2–3 часа. Если нужно искупаться пораньше, то после топки сразу убирают угли, чтобы вышел угар⁵.

Принципиальное отличие двух типов бань друг от друга заключается в печи – с дымоходом и трубой либо же без неё. Такой важный фактор определяет время нагрева бани, воздух (сухой или влажный), присутствие угара. В баню первыми шли мужчины, затем женщины и завершали дети. Для мытья использовали травы, содержащие сапонин (*супйнь курйкё*), просеянную золу и мыло, покупаемое на рынках с XVI века⁶. О купании сказано: «Парятся чувашаи в бане жарко, в два венника. Окачиваются холодной водой или валяются в снегу. Моют голову

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 12-13.

² Шабает Ю. П., Мальцев Г. И. Баня в народной медицине пермских и волжских финнов // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 54.

³ ПМА – 2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш).

⁴ Первый Всечувашский краеведческий сборник (15–21 июня 1928 г. в г. Чебоксарах ЧАССР): тез. докл. и резолюции. Чебоксары, 1929. С. 34.

⁵ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Месели, д. Ташлыкуль).

⁶ Алексеев Г. А. Об использовании бани в чувашской народно-бытовой медицине // Вопросы истории Чувашской АССР. Ученые записки. Чебоксары, 1970. Вып. 52. С. 287.

только талой водой. Когда истопится баня и сдают первый пар, то приговаривают, чтобы пар был сладким, пару много»¹. После бани мужчины и девушки домой возвращались босыми, даже в зимнее время. Женщинам считалось неприлично показывать голые ноги так же, как и появляться с непокрытой головой². Банный пар сравнивают с сытой, полок рисуют стеклянным, а каменку – коралловой³.

Нередко баня служила для медицинских целей, что встречается и сейчас в практике деревенских знахарей и костоправов. В лечении применяли травы, средства животного и минерального происхождения и «покупные на базарах». В летние месяцы практиковали лечение теплом. Считалось, что через потение в бане выходит болезнь⁴. При болезни легких употребляли барсучий жир, им натирались и пропаривались. К банным процедурам прибегали и при заболевании тифом⁵. В летнее время чувашки рожали в банях, о чем уже говорилось на примере мордвы⁶. Перед родами баню топили⁷. Если они проходили в ней или в доме, но в отсутствие семьи, жилище считали не осквернённым, чистым.

В религиозном мировоззрении чувашей баня всегда занимала самостоятельную нишу. Девушки собирались здесь на *улахи* «молодёжные посиделки», где рукодельничали, играли, общались с парнями⁸. Про хороших музыкантов говорили, что они научились играть в бане⁹. Её посещали перед *мункуном* «великий день» (*мункун мынчи*, *мункун мунчи*) и по окончании *юпа мунчи* «поминок»¹⁰.

В д. Тенеево Стерлитамакского уезда в баню шли сразу после похорон по возвращении с кладбища¹¹. Традиция проходить очищение водой после захоронения усопшего распространена у чувашей повсеместно. В ряде поселений только омывали руки, вытирая их особыми полотенцами, которые выбрасывали (например, в Средних Алгашах)¹². В наше время в день похорон баню также топят, но посещают её лишь желающие, остальные по возвращении домой обходят-

¹ Кандрина И. А. Баня в системе жизнеобеспечения в трудах Н. В. Никольского (К истории вопроса) // Н. В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века: материалы конференции, посвященной 125-летию со дня рождения ученого. Чебоксары, 2005. С. 122.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 13.

³ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. 4. С. 96.

⁴ Кандрина И. А. Указ. соч. С. 121-122.

⁵ Никонова Л. И. Указ. соч. С. 104-113.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 110.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 82-83.

⁸ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 3. С. 208; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 7-8. С. 263.

⁹ Там же. С. 267.

¹⁰ Там же. С. 265; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 4. С. 346.

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 178. Л. 200.

¹² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 40. Л. 260; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 25.

ся умыванием¹. Покойному на дно гроба укладывали березовые веники, чтобы на том свете он мог париться в бане так же, как и при жизни².

А. К. Салмин приводит перечень ритуальных событий, требующих посещения бани – в *симёк*, в период похоронно-поминального цикла, в месяц *юпа*, накануне *мункуна*, свадьбы³. Некрещеные чуваша д. Юльtimiровка Бакалинского р-на РБ утром в *симёк* моются в бане. Перед проведением моления *Учук* её также посещают⁴. До сих пор обрядовая баня является устойчивым элементом свадьбы чувашей Республики Башкортостан⁵.

Сюжет отражен в литературе. К. В. Иванов в произведении «Нарспи» описывает утро поселения Сильби в день свадьбы:

Снежной, талою водою
После злой зимы, чуваша
Омывали тело в бане,
Жарко парились, хлестались
Жесткой травкой – сымэк-курык.
Чисто вымывшись, одевшись
В белоснежные одежды,
Спозаранку вдоль урама (улицы. – В. М.)
Пошагали важно, чинно
В тури-кас (верхний конец поселения. – В. М.),
на туй (свадьбу. – В. М.) широкий⁶.

Согласно представлениям чувашей, в бане обитают духи. Удмурты считают её местом сосредоточения амбивалентных существ: «Если человек их ничем не огорчает, относится к ним уважительно, они всячески ему помогают»⁷. Среди потусторонних сил в бане встречаются *Мунча вучё* «банный дух», *Мунча вар* «банный овраг», *Ниш*, *Вилё туйё*. Хозяином бани является дух *Ийе* (злое существо, нападающее на людей и посылающее болезни)⁸.

Дух *Ийе* может навредить человеку, поэтому не разрешается ходить в баню после того, как все помоются, т.к. последними моются *Ийесем*. Дух приходит в образе человека, но всегда обнаженным, он не нуждается в одежде, находясь всегда в бане. *Ийе* может запарить человека,

¹ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Чуваш-Карамалы, с. Бишкаин, с. Месели, с. Наумкино, д. Куезбашево, д. Ташлыкуль, д. Утаркуль).

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 172. Л. 7 об.-8.

³ Салмин А. К. Указ. соч. С. 540-541; Георги И. Г. Указ. соч. С. 45.

⁴ ПМА – 2010 (РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка).

⁵ Карпухин И. Е. Свадьба в Башкортостане на стыке тысячелетий (состояние, поэтика, межэтнические контакты). Уфа, 2011. С. 305.

⁶ Иванов К. В. Указ. соч. С. 44.

⁷ Волкова Л. А. Указ. соч. С. 293.

⁸ Салмин А. К. Указ. соч. С. 469-471, 540; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 5. С. 395.

вымотать его внутренние органы и обвить столбы полка¹. Зайдя в баню, чувашки произносят: «Сёмёлле-пёмёлле». Повторяют фразу начиная париться².

Для борьбы с *Ийе* в веники вставляли рябиновые прутьи, ударяли по каменке три раза, укладывая их крестообразно³. Существо многоликое, различали *Уй ийи*, *Върман ийи*, *Кăмака ийи*, *Карта ийи*, *Пусма айё ийи*, *Виç куçлă ийе*. От духа часто страдали дети, которых *Ийе* заставлял плакать. Еще одним признаком была детская худоба. При болезни совершали обряды. Например, детей выносили на середину двора, сверху накрывали и символически избивали, читая молитву. Ребенка омывали *ийе курăкё* «отваром травы», который затем относили на перекресток. Для предотвращения болезни существовали запреты. По одному из них не разрешалось оставлять ребёнка на земле, поскольку к нему мог пристать злой дух⁴. При недомогании младенца после бани, для *Ийе* мать из теста лепила изображение коровы, телёнка или птицы⁵.

Баня была локусом колдовства⁶. Желая стать злым духом *Вунър*, человек шел в баню, предварительно сняв с себя нательный крест и раздевшись. Здесь *Ийе* готовил для него воду в двенадцативедерной кадке, плевал на неё 12 раз и 12 раз купался. Человек погружался в эту воду также 12 раз и засыпал, во сне происходило его обучение⁷. Здесь, полагают, можно научиться игре на скрипке. Человек в полночь шел в баню, прихватив с собой скрипку и петуха. Перед ним появлялся дух в образе скрипача или старика, который должен был обучать. Сделав порез на мизинце, и передав кровь духу, человек тем самым отдавал ему душу. Получив её, *Ийе* начинал играть на скрипке, а затем отдавал её человеку, уже умеющему играть. Для освобождения нужно было кинуть петуха, которого дух сильно боится, после этого он отпускает человека⁸.

Пожалуй, вера в банных духов – одна из самых распространенных. На Русском Севере и в Верхнем Поволжье у русских бытовало поверье о *баннике*, *дедушке баенном*, *буке баенном*, который мог наказывать человека⁹. Гадая, девушки бросали землю, взятую из-под девяти заборных столбов, на каменку и приговаривали: «Байничек, деvятиугольничек! Скажи, за кем мне быть замужем?»¹⁰. Нагайбаки в среду (накануне чистого четверга) на пасхальной неделе готовят *уле мучасы* «баню покойников». Заранее приносят чистое полотенце, новый веник и мыло. Студен-

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 172. Л. 3; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 553.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 150. Л. 512.

³ Никонова Л. И. Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения. Рузаевка, 2000. С. 123.

⁴ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 3. С. 84-85.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 121.

⁶ Там же. Л. 352.

⁷ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 5. С. 269.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 123.

⁹ Русские. С. 753.

¹⁰ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 404.

том была рассказана история, услышанная от бабушки. В молодости, не успев сходить в баню после работы, она пошла ночью. Перед баней слышала, что кто-то сильно парится, когда позвала, шум прекратился, внутри никого не оказалось¹. Приглашение усопших в баню распространено и среди чувашей. Происходит это при поминании на третий, седьмой и девятый дни.

В наше время подобные рассказы можно услышать во многих чувашских поселениях (и не только в чувашских), поскольку вера в наличие в бане духов жива до сих пор. Часто они не имеют собственного названия, но запреты, бытующие среди сельчан, подтверждают их существование, особое (почтительное) отношение к ним. Повсеместно запрещено посещение бани в ночное время, что не всегда соблюдается. Вспоминают и духа *Ийе*, которым пугали детей². Приверженцы народных обрядов и верований проводили моление банному духу и приносили жертву. Сейчас это исключение из правил, информанты говорят: «Раньше бабушки делали, а теперь отходит»³.

Особое восприятие бани встречаем в фольклоре. В *саламалик* «приветствие старшего дружки» в с. Суккулово Ермакеевского р-на РБ поётся:

У нашего свата во дворе
б-саженная баня есть, оказывается.
Для наших поезжан эту баню затопил,
оказывается, наш сват.
Камни коралловые, оказывается.
Веники – шелковые, оказывается,
Вода – шербет, оказывается,
Ведра – серебряные, оказывается,
Ковши – золотые, оказывается⁴.

Подобные сравнения не только подразумевают уважительное отношение к бане, но и рисуют её образ весьма красочно и поэтично.

Туалет. В наше время деревенский двор трудно представить без специального помещения, предназначенного для оправления естественных нужд. В издании «Русско-чувашского словаря» под редакцией Н. В. Никольского для определения ретирата приведены термины *тумланни*, *йусанни*, *тумтирсем тӑхӑнни*, *хатӑрленни*, *пухӑнни*⁵. Н. И. Ашмарин для названия туалета использовал слово *нушник* «отхожее место»⁶. Термин был позаимствован из русского язы-

¹ Записано со слов студента V курса (выпуск 2013 г.) исторического факультета Магнитогорского государственного университета А. М. Гуреева.

² ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Месели).

³ ПМА – 2010 (РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка).

⁴ Ягафова Е. А. Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары, 2007. С. 471, 505.

⁵ Никольский Н. В. Русско-чувашский словарь. С. 571.

⁶ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1999. Т. 9-10. С. 46.

ка. В архивных источниках и исследовательских работах постройка находится за гранью интересов, поэтому её описание представлено очень кратко. Например, о расположении сказано, что «рядом с чуланом прежде делали отхожие места, которые в последние годы начали оставляться»¹. Во время поездки по Башкирии (1962 г.) исследователи чувашской культуры в с. Шланлы Аургазинского р-на РБ зафиксировали наличие уборных почти в каждом подворье².

Необходимо отметить, что на протяжении столетий чуваша, как и окружающие их народы, не строили специальных помещений. В чувашском языке термин *нушник* появляется в XX веке³. Ретирадные места называют и словом *уборнай*.

Современная постройка представляет собой четырехугольное дощатое помещение. В последние годы нередко встречаются строения из кирпича, собранные из листов шифера и лёгкого железа. В единичных случаях под туалет ставят небольшой сруб. Крышу устраивают односкатную и двускатную, используя тёс, железо, шифер. Очень редко видим кровлю из соломы, уложенную на жерди толстым слоем и придавленную сверху (Рис. 5).

Рис. 5. Ретирад и постройки для содержания скота (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш, 2009 г., фото автора)

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 442.

² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 6.

³ Наумов Н. Е. Халăх сӳпсинчен: этнографи ăнлавӗсен пуххи. Шупашкар, 2010. С. 56.

Расположение туалета относительно бытовых построек различное, зависит от предпочтения хозяев. Его могут установить во дворе и среди помещений для содержания скота. В таком случае, он будет пристроен к стене сарая. Так, В. Т. Платонова (1941 г.р.) при описании усадьбы родителей упомянула, что *лас*, амбар и сарай были соединены вместе. Перед ними устроены небольшие сени в форме навеса, прикрывающие входные двери, а туалет располагался под этим навесом у дальней стены сарая. Позднее его перестроили и поставили немного в стороне¹. Нередко *нушник* выносят за пределы двора и сооружают на огороде. Еще один из возможных вариантов, пристрой ретирада к предбаннику, который служит его боковой стеной² (Рис. 6).

Рис. 6. Сооружение туалета рядом с баней в дальнем углу огорода (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш, 2009 г., фото автора)

Под постройкой копают глубокую яму, затем устанавливают на опоры. Если яма небольшая, выбирают длинные столбы. Единая связь туалета и бани удаляет его от других хозяйственных помещений. Близкое расположение отхожего места объясняется природными условиями (снежные завалы зимой и необходимость каждый раз расчищать тропу), отдалённое – нега-

¹ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, д. Кузбашево).

² ПМА – 2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш).

тивное отношение к месту, имеющее нечистое происхождение, поэтому его стараются вынести за пределы жилого пространства, скрыть от постороннего взгляда. В непосредственной близости к дому ретирад ставят редко, что вызвано отношением к нему и санитарно-гигиеническими соображениями.

Резюмируя всё вышеизложенное, развитие бани среди чувашей можно изобразить следующим образом: купание в реках (водоёмах в целом) → мытьё перед печью → *сёр мунча* «баня-землянка» → *хура мунча* «курная баня» → *шурй мунча* «баня по-белому». Причем первые два варианта сосуществовали друг с другом, а последние активно бытуют в настоящее время. В будущем, курные бани, скорее всего, исчезнут, в связи с уходом старшего поколения, их предпочитающих. В мировоззрении баня имела противоречивый характер: а) пожароопасная, ставили на окраине усадьбы или за пределами, т.е. выносили за границы культурного пространства; б) необходимая для гигиенических целей; в) средоточие злых духов, место колдунов и их ремесла; г) рождение детей в бане, медицинская практика, обрядовое назначение. Выходит, что баня имела и негативную, и положительную функции как почитаемое место, бывшее незаменимым в практическом и сакральном отношениях.

В свою очередь ретирад в строительном деле чувашей был явлением новым, появившемся в прошлом столетии. Отвечая потребностям человека, он входил в число построек, имеющих противоречивый характер, поэтому нередко был вынесен за пределы двора и удалён от стационарного местонахождения человека, что было возможно благодаря сооружению в стороне или в укромном уголке усадьбы. Имея второстепенное значение, его строили из некачественного материала и переносили по мере необходимости.

3.5 Помещения для скота

В хозяйственной деятельности чувашей животноводство всегда было в связи с земледелием. Наличие домашнего скота обеспечивало проведение полевых работ (пахота, перевозка урожая, обмолот зерновых на гумне и пр.), тягловую силу, продукты питания, шерсть, кожу, перо и пух. Для содержания животных и птицы были необходимы специальные постройки, пригодные как для летнего, так и для зимнего проживания скота. Постройки всегда ставили в пределах двора, на дальней его части, т.е. в непосредственной близости от культурного (жилого) пространства, ежедневно используемого человеком.

В хозяйствах разводили лошадей, коров, овец, коз и свиней, а из птицы держали кур, гусей и уток¹. Несмотря на такое разнообразие, имеются описания, отражающие неудовлетвори-

¹ Комиссаров Г. И. Чуваша Казанского Заволжья. С. 368-369.

тельное положение домашнего животноводства чувашей. «Скотоводство у них (чувашей. – В. М.) в самом жалком состоянии, особенно от частых падежей... При чрезвычайном нерадении чуваш о скоте, падежи у них бывают очень губительны». Нехватку кормов, полуголодное состояние животных, некачественное строительство сараев и других построек на дворах отмечал историк И. Д. Кузнецов¹. Не менее ёмко и точно писал С. М. Михайлов: «Чуваши хотя и имеют довольно скота, но кормят его весьма дурно, как будто скотина сама может достать себе корм, как у степных жителей. Коров и овец кормят они почти одною соломою, наваливаемою возами на повети. Сеном кормят одних только лошадей и месят одним дойным коровам и молодым телятам»². Особенности ухода за животными, питание и условия содержания отмечал веком ранее И. И. Лепёхин³.

Птицеводство находилось в более выгодном положении. О разведении птиц в уездах Оренбургской губернии сказано: «Из домашней птицы больше всего разводят кур, – курица составляет принадлежность даже самого бедного поселянина. Куры держатся большею частью для яиц и встречаются повсеместно в губернии – у всех племен (в том числе у чувашей. – В. М.) и сословий... Индейки встречаются также весьма во многих местах, – особенно охотно разводят их инородцы, но разведение гусей и уток обуславливается более местностью и потому распространено гораздо в меньшем размере»⁴. Птицу держали в большом количестве, при этом «чувашки за ними мастерски ухаживают»⁵. Домашнее птицеводство распространено в поселениях чувашей в настоящее время, являясь одним из направлений животноводства. Среди жителей популярны куры, гуси и утки (Рис. 1).

Для домашнего скота чуваша строили специальные помещения, встречающиеся и у соседних народов, но имеющие одну функцию – контроль и охрана животных в пределах усадьбы. В числе построек были хлев, конюшня, сарай для овец (овчарня), открытые загоны (стойла) и сеновал (сенник). На чувашской усадьбе «конюшня для лошади, хлев для коров и отдельно для овец есть у всякого, хотя бы устроенные из двойного, набитого порядно плетня» (д. Уралка Оренбургского уезда)⁶.

Об устройстве и назначении помещений д. Изамбаево Козьмодемьянского уезда говорится, что сарай состоит из двух частей: «Один тянется вдоль двора тотчас после амбара. Другой

¹ Этнографическое описание Казанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1841. № 3. С. 387; Кузнецов И. Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1969. Ч. 2. С. 90-93.

² Михайлов С. М. Указ. соч. С. 85.

³ Лепёхин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб., 1771. С. 148-150.

⁴ Черемшанский В. М. Указ. соч. С. 369.

⁵ Михайлов С. М. Указ. соч. С. 86.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 13.

тянется, поперек присоединяясь одним концом к другому. Пространство между сараями составляет двор... Весь сарай делится перегородками на покои для лошадей – ут карти; коровы – ёне карти; для телят – пӑру карти и для различных вещей – тип сарай. Тут же оставляется вроде комнаты, где вырыт погреб – нӱхреп ҫи. Над этими комнатами во всю длину тянется сеновал аслӑк ҫи»¹.

Рис. 1. Уход за домашней птицей (РБ, Аургазинский р-н, с. Наумкино) // Из собраний Н. Т. Федорова

Хозяйственные постройки, предназначенные для содержания домашнего скота, у чувашей, проживающих в разных регионах, совпадали. Например, дворы в чувашских поселениях Самарской Луки обязательно имели хлев, сарай и навес². В Западной Сибири чувашаи соединяли единой кровлей конюшню, коровник, свинарник или строили вплотную³. Повторялись помещения среди русского населения: «Надворные постройки у чуваш те же, что и у русских: са-

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 445-446.

² Чувашаи Самарской Луки. Чебоксары, 2003. С. 32.

³ Коровушкин Д. Г. Чувашаи в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск, 2009. С. 33.

раи, амбары, погреба, хлева и пр.»¹. В с. Базлык Белебеевского кантона дом зажиточного крестьянина Филиппа Яковлева в 1929 г. стоил 500 руб., в числе бытовых построек названы – «три сарая, конюшня, амбар, лачуга и подвал»². Приведенное ниже изображение, не только воспроизводит число помещений, занимаемых животными на чувашском дворе, но и отражает их местонахождение на усадьбе относительно пространства и других сооружений (Рис. 2).

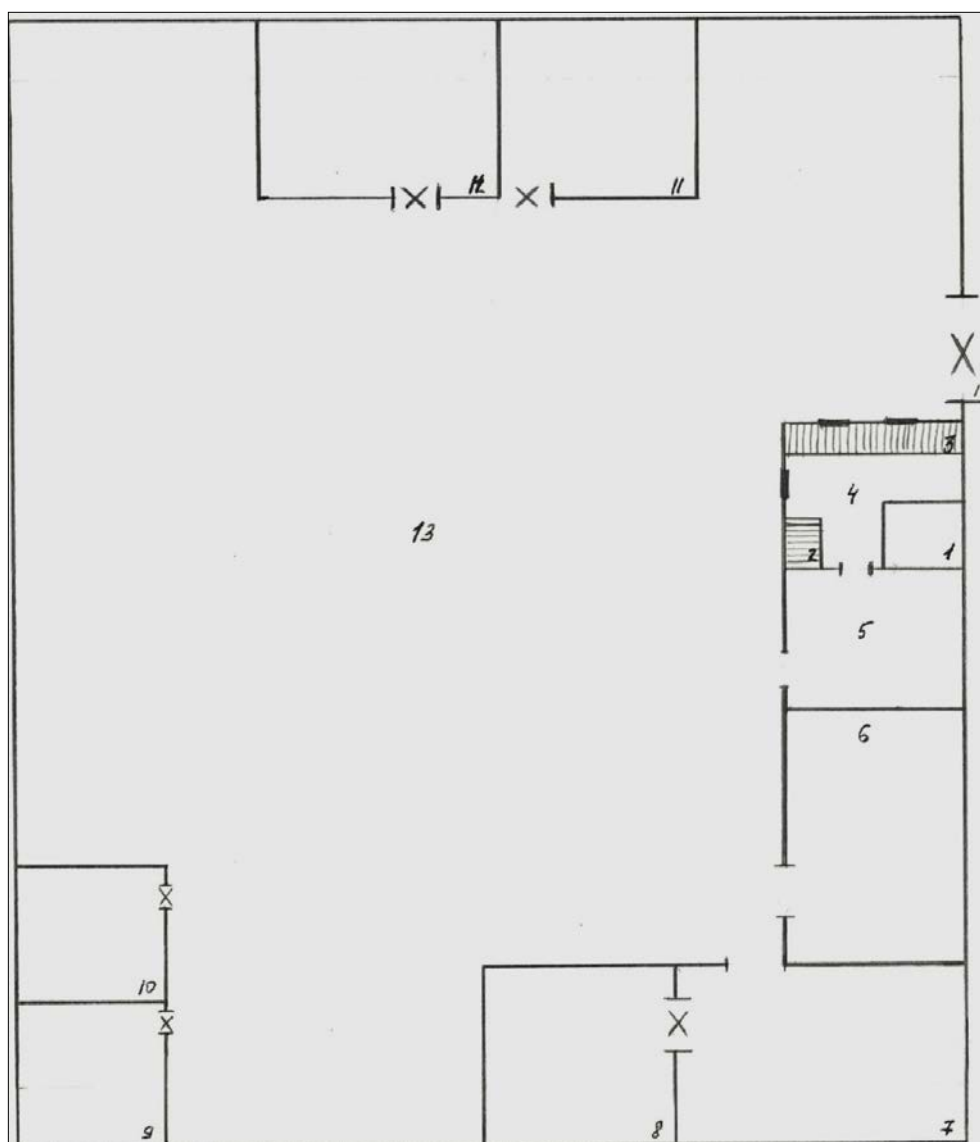

Рис. 2. План дома и усадьбы Анисима Романова (БАССР, Белебеевский кантон, с. Базлык): 1 – печь, 2 – нары у входа, 3 – нары у передней стены, 4 – жилая изба, 5 – сени из плетня, 6 – карда из плетня, 7 – хлев, 8 – разваленная лачуга, 9 – карда из плетня, 10 – карда из плетня, 11 – конюшня и каменный амбар, 12 – ворота, 13 – двор. 1929 г. // НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 89.

² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. Л. 131.

План двора Анисима Романова позволяет выделить среди построек конюшню, карды (сарай) и хлев. Сарай, построенные из плетня, говорят о характере строительного материала. Помимо письменных свидетельств, известны фотографии, изображающие постройки чувашей Башкирской АССР конца 20-х гг. XX в. (Рис. 3). На фотографии представлен сарай с соломенной кровлей, усиленной рядами жердей, и стенами из горизонтального плетня, схожего с плетневой изгородью *çатан карта*. Вход в сарай один, дверь из досок подвешена между деревянными столбами. Такие некапитальные постройки были общераспространенными, размеры и материал зависели как от состоятельности хозяев, так и от естественно-географических условий. Расположение хлевов и конюшен на усадьбах определял ряд причин. Во-первых, бытовало поверье, что «не всякое место, как для всего двора, так и для конюшни и карды, удобное»¹. Во-вторых, подобные помещения занимали большие пространства, поэтому их нужно было располагать в местах, пригодных для загона животных и выброса навоза. Как правило, они замыкали двор и занимали его дальнюю половину, разделяя чистую часть и огород. Вход для скота делали со стороны двора, но необходимо отметить наличие одного выхода и на огород: «Обыкновенно почти у всех чуваш из хлева и карды бывает еще вход на зады в огород, это делается для того, чтобы в опасное время как, например, при пожаре вывозить имущество на зады огородов»².

Современные усадьбы в расположении имеют схожую планировку. Например, в большинстве хозяйств помещения для скота соединены между собой в единую связь. Строят их на заднем дворе, через который прогоняют животных или устраивают самостоятельные ворота, в этом случае домашний скот сразу проходит в сарай. Как правило, постройки стоят параллельно воротам усадьбы или вдоль неё на правой и левой стороне, что зависит от предпочтения хозяев и расположения других объектов. Примерное устройство сараев выглядит следующим образом (Рис. 4). На фотографии воспроизведены современные строительные тенденции.

Общие названия построек, где находился домашний скот, в чувашском языке *выльӑх карти, карта, карта хура*. «Хлев» (сарай для крупного и мелкого рогатого скота, свиней и птицы) обозначали словом *вите*, термин подразумевал и «конюшню». В некоторых случаях для «хлева» использовали словосочетание *енӗ вити*, для «конюшни» – *лаша вити*. Также были «сеновал», «сенник» – *аслӑк* или *сайлах*, «открытый навес» – *лупас*. В. Г. Егоров интерпретирует *вите* как хлев и конюшню, сравнивая с тувинским словом *одек* – «место домашнего скота». По мнению автора, слово «представляет собой древнее субстантивировавшееся причастие от *вит*

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 159. Л. 252.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 34.

покрывать... *вите* – закрытое помещение для домашних животных»¹. Термин возводят и к монгольскому языку (*ötüg* «навоз, место нахождения скота»)². Несмотря на общие параллели в тюркской и монгольской группах языков, единство прослеживается и среди финно-угров. Однокоренными с чувашским словом *вите* являются *вўта*, *вита* и *вича* (произношение у разных этнографических групп марийцев)³.

Рис. 3. Сарай (БАССР, Белебеевский кантон, с. Базлык, июнь 1929 г.)
Фото П. А. Петрова-Туринге // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

В монографии Р. Г. Ахметьянова «Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья» упоминается диалектное произношение чувашами термина *аспар* – «хлев», «скотный двор». Его возводят к общераспространённым словам в татарском (*азбар*, *абзар*), башкирском (*азбар*, *абзар*, *албар*), удмуртском (*абзар*, *азбар*), марийском (*абзар*, *азбар*) языках и считают наследием общекыпчакской группы⁴. В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмари-

¹ Егоров В. Г. Указ. соч. С. 55-56.

² Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. С. 128.

³ Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. С. 178.

⁴ Ахметьянов Р. Г. Указ. соч. С. 127.

на слово *аспар* не встречается, *вите* употребляется для обозначения «хлева» и «конюшни»¹. Полевые наблюдения и личные беседы с информантами позволили проследить тенденции употребления определенных значений на русском и чувашском языках. Так, относительно терминов в разговорной речи, связанных с помещениями для скота, повсеместно употребляются *карта* или *сарай*. В первом случае, произношение характерно для моноэтнических чувашских поселений, во втором – для смешанных сёл и деревень. Но существуют и отличия. Например, в с. Бишкаин Аургазинского р-на РБ (низовые чуваша) совместно с *карта* применяют слово *каратник*, в с. Антоновка Гафурийского р-на РБ (верховые чуваша) сарай называют *сараяк*. Слово *карта* близко башкирскому *кәртә* и татарскому *киртә*.

Рис. 4. Помещения для содержания животных
(РБ, Гафурийский р-н, с. Антоновка, 2011 г., фото автора)

В сопредельной с Республикой Башкортостан Челябинской области ситуация несколько другая, здесь чуваша расселены небольшими группами в ряде поселений (наиболее компактные ареалы – это п. Полетаево и с. Чипышево Сосновского р-на). Среди них распространен билингвизм, ведущий к вытеснению чувашского языка из бытового общения, переходу в целом к русской культуре, поэтому использование слов *карта*, *сарай* зависит от желания жителей. Языком

¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 5. С. 255.

общения является русский язык, но в семьях, если и не говорят по-чувашски, то употребляют отдельные выражения. В беседах *карта* и *сарай* произносятся одновременно, что подтверждает их совместное бытование в среде челябинских чувашей.

Конюшня (хлев). Постройка предназначалась для содержания лошадей, имелась не в каждом хозяйстве и считалась привилегией зажиточных крестьян. Нередко конюшня и хлев были совместными, в этом случае здесь держали и другой скот (коровы, овцы, козы и т.д.). Их строили наиболее основательно и использовали хороший материал. По наблюдениям Н. В. Никольского, чуваш конюшню, хлев и сараи поднимали из половинок или небольших по размерам бревен, покрывая их соломой¹.

В XVIII в. И. И. Лепёхин описал помещения домашних животных: «Для скота поделены у всех особливые задворки, на их языке калда называемые, в которых запирают свой скот; а теплых хлевов для скотины у них совсем не видно. В летнее время скотина по большей части шатается в околице. Мордва и чуваш молодой скот держут в своих избах»². Последнее встречалось в холодное время года, особенно для молодняков: «В зимнее время (жилые дома. – В. М.) бывают полны и людей, и скота»³. Рассказывали о такой заботе за молодняком и наши информанты. Например, по воспоминаниям О. И. Тимофеевой (1926 г.р.) содержание или даже переход части домашнего скота на зиму в дом бытовал еще во второй половине XX в. Для этого огораживали угол, противоположный печи, или, если позволяла площадь, скот заводили в пространство между печью и домовою стеной. Помимо молодых животных, в жилище заносили цыплят, гусят и прочую птицу⁴.

Подворье несостоятельных чувашей можно воспроизвести на примере д. Чувашские Липяги Самарского уезда: «У редких крестьян задняя часть двора, разделенная на несколько перегородок, обыкновенно бывает прикрыта сверху соломой с целью предохранения скота от непогоды и волков; у чуваш весь двор открыт и только где-нибудь в углу двора устроен навес для лошадей и овец, да за двором отгорожена маленькая “калдо́чка” для гульбы скота в хорошую погоду»⁵. Отрывок свидетельствует о содержании лошадей даже в бедных хозяйствах. В поселении насчитывалось 55 дворов, в 9 – лошадей не было, 5 домов держали от 5 до 9 лошадей и коров, в основном же имели по лошади и корове⁶.

На усадьбе чуваша-середняка постройки для скота состояли из двух срубов с потолками из бревен и маленькими окнами. Их объединяла общая крыша, между срубами находился сарай

¹ Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш. С. 46.

² Лепёхин И. И. Указ. соч. С. 149.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 80.

⁴ ПМА – 2011 (РБ, Гафурийский р-н, с. Антоновка).

⁵ Красноперов И. М. Самарские чуваш // Русская мысль. 1884. № 3. С. 47.

⁶ Там же. С. 48.

или навес. Внутри конюшни и хлева были долбленные колоды для корма и ясли. Помещения содержали в чистоте, а иногда стелили деревянные полы. Навоз выбрасывали через отверстие в задней стене, откуда его вывозили на поля или огороды. Покрывали постройки тёсом, соломой, корьём, прижимавшиеся жердями¹. При уборке навоза в холодных загонах следовало раскидать чистую солому и поваляться, поскольку в противном случае коровы не будут набирать вес².

В начале XX столетия на дворах чувашей с. Тряпино Аургазинского р-на РБ строили теп- лое помещение для молодняка и сараи для взрослого скота, называемые *лунас*. В них держали лошадей, овец, крупный скот. В зажиточных хозяйствах для выездных жеребцов были специ- альные загоны. Перед сараями находился навес для сена, позади них – открытый скотный двор³.

В роли ведущего материала, по мнению Л. А. Иванова, в Чувашии употребляли дерево – целые бревна и их половины. В Приуралье широко использовали камень и саман⁴. Так, в д. Асавбашево «сарай, хлевы, лази каменные. Часть хлевов и других построек из плетни, обмазан- ной глиной», в д. Аделькино – «постройки – вместе. Есть сарай, хлевы (вите)»⁵. Материалы строительства сейчас изменились, помещения утепляют, настилают дощатые полы, иногда дос- ками замащивают открытые загоны (Рис. 5).

Непременным атрибутом построек для содержания домашних животных была колода для воды, утоляющая жажду скота. Наполнялась она вручную, но в литературе существует пример проявления технического новаторства. «Дело состояло в том, что с задней стороны, из середи- ны пригорка бил родник; чувашенин поставил колоду, и как все надворные строения были ниже родника, то он провел воду, во-первых, в летнюю кухню, во-вторых, в огромное корыто, или выдолбленную колоду, для мытья белья, и в-третьих, в хлевы, куда загонялся на ночь скот и лошади», – писал в своих воспоминаниях о посещении д. Ик-Карамалка С. Т. Аксаков⁶.

Для лошадей во дворах ставили столбы-коновязи или оставляли сучковатые деревья. В 1902 г. коновязь запечатлел в Белебеевском уезде Уфимской губернии И. Н. Смирнов⁷. В зажи- точных хозяйствах, где держали много лошадей, они были необходимы. Так, курсист К. Ереме-

¹ Чуваши: этнографическое исследование. Материальная культура. Чебоксары, 1956. Ч. 1. С. 228-229.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 251-252.

³ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Толбазы).

⁴ Иванов Л. А. Современный быт и культура сельского чувашского населения. С. 62-63.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 40, 93, 164.

⁶ Аксаков С. Т. Собрание сочинений. М., 1955. Т. 1. С. 330.

⁷ РЭМ. Фототека. № 203-51.

ев в 1908 г. сообщал о зажиточных чувашах Буинского уезда, владевших 12–30 лошадьми, десятками коров и имевших от 100 до 500 овец¹.

В конюшне обитал дух *Вите хуҫи*². Здесь в темном углу подвешивали *Ирик (Йёрёх)* – *мочуар*, защищавший домашний скот. Он представлял собой деревянную, гипсовую либо литую фигурку в цветной одежде³. Покровителем животных был «асмус – дворовый *ирик*» в хлеве. Возможно, его имя связано со словом *аслак* «сенница», т.е. божество, обитающее на сеннице, сеновале⁴.

Лошадям особое внимание уделяет доброе божество *Пирёшти*. Ему могут нравиться или наоборот отдельные лошади. Приведем отрывок текста (записан в 1910 г., с. Орауши Ядринского уезда): «К тем лошадям, которых *Пиршти* любит, подкладывает корму, отнимая от нелюбимых ей лошадей. В таких случаях нелюбимые *Пиршти* лошади худеют, как бы их хозяева не кормили, а любимые – поправляются. Когда утром хозяева придут в конюшню к лошадям, замечают нелюбовь *Пиршти* к какой-нибудь лошади, а поэтому всегда стараются продать такую лошадь... В конюшню без предупреждения лошадей никогда не заходят: они допускают, что в среде лошадей есть нередко лошади с крыльями, а когда лошадь в конюшне спит, то распускает крылья. Если же хозяин увидит лошадь с распростертыми крыльями, то, говорят, тут же умирает. Поэтому прежде чем отворить дверь конюшни, хозяин всегда перекликает лошадей»⁵.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 78.

² Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 255.

³ МАЭ РАН. Отдел Европы. № 1040-13.

⁴ РЭМ. № 967-3 а, б, с, д.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 250-251.

Рис. 5. Внутреннее разделение хлева (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш, 2009 г., фото автора)

С конюшней были связаны некоторые составляющие традиционной обрядности. При рождении мальчика здесь следовало спрятать послед, в таком случае, повзрослев, он будет заботиться о лошадях¹. Украинцы Республики Башкортостан послед мальчиков укладывали в ясли для скота (решетчатые ящики для корма у стены) со словами «щоб хозяйн був»².

При частом падеже лошадей чуваша снимали шкуру, раскладывали в центре двора шерстью вверх и «вся семья плясала на ней с рукоплесканиями». Такой центр выступал наиболее сакральным местом. Затем заготовленный заранее череп черной собаки зарывали, обращая к улице, чтобы не пропускал злых духов. Другой способ избавиться от беды – зарыть погибшую лошадь в конюшне³. Если этого вовремя не сделать, может умереть до 12 животных⁴. Распространялась традиция на весь скот. Мертвое животное закапывали перед загоном либо хлевом в надежде, что оно уберет от болезней. Обряд проводили в тайне, о нём никому не сообщали, т.к. в таком случае усилия были напрасными, несчастья продолжали преследовать животных⁵.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 110-111.

² Бабенко В. Я. Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтнической среде. Уфа, 1992. С. 210.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 348-349.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 512-513.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 79-80.

Когда в семьях не приживался скот, его проводили через железный предмет¹. В данном случае железо выступало в роли апотропея. Кроме того, при выгоне животных употребляли освященную вербу. Ветви с Вербного воскресенья держали в божнице. После выгона вербу втыкали в стену хлева со словами: «Пусть мой скот, как эта распущенная ветка, будет плодovit и здоров, как эти вербовые почки»².

На одном из столбов сарая хранили специальный ковш, использовавшийся для обливания животных только во время жертвоприношения *Киреметю*, иногда его вешали в клетки. Ковш был небольшого размера и вырезался человеком, совершавшим обряд³. В помещениях для животных обитали духи и божества – *Карта йышĕ*, *Картари кĕлĕ*, *Пихампар*, злой дух *Ийе*. Для защиты скота и ради его благополучия проводили обряд *карта пĕтти*⁴. Проходил следующим образом: «Еще сварит он (глава семьи. – В. М.) кашу же. Когда сварит, то идет в карту, ставит на середину стол, на стол – котел, около котла на столе же чашка с ложками. Кладут на чашку кашу и едят, кроме своих детей. А если ребята разругались между собою, то неладно, т.е. божество скотов сохранит скот не в целости. Это у них называется карта пĕтти»⁵.

В другом варианте котел каши и блюдо с лепешками ставили в хлеве на чистую солому. Сделав поклон, домохозяин отрезал край лепешки, брал ложку каши и относил к столбу под крышу сарая⁶. В представлениях чувашей у стен хлева можно повстречать тени умерших родных и близких⁷.

Сеновал. Для содержания домашних животных на протяжении целого года необходимо было заранее убирать сено и хранить его в специальном месте. Заготовка сена включала в себя покос травы, высушивание, укладку в копны, метание их в стога. Вывозили сено зимой с установлением санной дороги. Сенокос проводили вручную, что можно увидеть и сегодня. Технику применяют для транспортировки. При малоземелье, отсутствии свободных пастбищ животных на лето передавали в аренду. Например, чуваша д. Новофедоровка Аургазинского р-на РБ домашний скот доверяли башкирам⁸.

Заготовленное сено размещали на «сеновале», «сеннике». Так называют место для складирования сена и защиты его от осадков. Чуваша для обозначения сенника употребляли слова *аслăх* и *сайлах*. В первом случае «сенница, настилка из жердей под крышею сарая, на которую

¹ Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей. С. 199.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 244.

³ Салмин А. К. Система религии чувашей. С. 414-415.

⁴ Там же. С. 533; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 40. Л. 268.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 33. Л. 913.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 79.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 679-682.

⁸ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Толбазы).

кладут сено и солому». О конструкции говорится, что жерди укладывали на четыре столба, кровли не было, настил служил для хранения сена и соломы. Ставили его рядом с хлевом, чтобы «иметь под рукою корм для скота»¹. Расположение построек вблизи отчетливо прослеживается в зодчестве коми-пермяков и коми-зырян. Под единой кровлей они устраивали жилища, загоны для оленей, конюшню, хлев и сеновал². На мордовских и татарских дворах «бывают всякия нужная пристройки как для скота, так и для поклажи хлеба и сена»³.

В чувашском языке *сайлах*, *сайхах* означает «длинный шест», «жердь» и «настил из жердей»⁴. Словом называли также перекладыны, потолок, пол, балки⁵. Тожественной постройкой являлся *лупас* – «хозяйственное помещение с крышей»⁶. Такие навесы строились не всегда. Например, в с. Шланлы их не было, жители д. Чубукаран, наоборот, устраивали на своих дворах *лупасы*. В п. Такмак-каран двускатное перекрытие называли *лупас*, плоское – *сайлăк*⁷. Одновременно с поветью *лупас* означал мякинницу и сарай. *Лупас арки* – край крыши сарая или навес⁸. Вместе с тем, как уже оговаривалось на примере с. Тряпино, словом *лупас* обозначали и помещения для животных.

¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1-2. С. 114.

² Загребин А. Е. Указ. соч. С. 100.

³ Лепёхин И. И. Указ. соч. С. 140.

⁴ Егоров В. Г. Указ. соч. С. 175.

⁵ Ахметьянов Р. Г. Указ. соч. С. 139.

⁶ Там же. С. 136.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 6, 75, 132.

⁸ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 7-8. С. 88.

Рис. 6. Сено, уложенное в стогах
(РБ, Хайбуллинский р-н, д. Пугачево, 2010 г., фото автора)

Такие постройки были просты в возведении и функциональны. В чувашской обрядовой жизни лабаз служил местом жертвоприношений. На его крышу бросали куски лепешек, например, для божества *Мӑн кӗлӗ*. Обещая провести моление по окончании уборки хлеба, летом в столб навеса вставляли мелкую монету¹. Русские крестьяне Каргополя при покупке скота, прежде чем завести его на усадьбу, спрашивали разрешения дворового, затем трижды проводили животных вокруг столба, поддерживавшего перекрытие². Поскольку с домашними постройками связывались представления как о местах, наиболее выгодных для принесения даров, чуваша на крышу лабаза в обрядовые дни забрасывали жертвенную пищу³. Жертва предназначалась птицам, выполнявшим функцию передачи даров богам верхнего мира⁴. После отела коровы проводили моление кашей и хлебом. Обратившись к высшим силам, глава семьи откладывал на блюдо три ложки каши и отрезанный хлеб. В окончании трапезы, на крышу сеновала отно-

¹ Салмин А. К. Указ. соч. С. 534, 580.

² Дурасов Г. П. Обряды, связанные с обиходом скота в сельской общине Каргополя в XIX – начале XX в. // Русские: семейный и традиционный быт. М., 1989. С. 267.

³ Салмин А. К. Народные обряды чувашей в фотографиях. С. 65.

⁴ Салмин А. К. Дикie животные в верованиях чувашей // Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 158.

сили блюдо с пожертвованной едой¹. Таким образом, при определённых обстоятельствах постройка выступала в роли сакрального места, на котором божествам передавали дары.

Некапитальная постройка из навеса, столбов-опор, на которую складывали сено, отвечала, на наш взгляд, сразу ряду требований. Во-первых, под навесом могли находиться домашние животные. Во-вторых, сено было защищено от преждевременного поедания. В-третьих, снижалась вероятность гниения при выпадении большого числа осадков. Дождевая вода стекала с сена, портился только верхний ряд, а навес оставался сухим и нижняя часть стога не прела. Наиболее простой вариант хранения сена – установка стога на земле, но для защиты от скота возникала необходимость ограды (Рис. 6).

Помещения для содержания домашнего скота являлись неотъемлемой составляющей крестьянских усадеб и входили в единую структуру хозяйственных построек. Они занимали долю domesticiрованного пространства, и отношение к ним было особенное – «как к части дома»².

Под влиянием социально-экономических факторов назначение построек трансформировалось. Хлев и конюшню соединили между собой. Иногда последняя вообще отсутствовала, что характерно для небогатых семей. Качество строительства также зависело от достатка хозяев. В планировке усадьбы постройки занимали определенное место, имели постоянное расположение и предназначение. Поскольку животноводство играло важную роль в системе традиционных хозяйственных занятий и промыслов и всегда сопутствовало земледелию, то строительство холодных загонов, крепких хлевов и конюшен для домашнего скота было обязательным.

3.6 Другие постройки

Погреб *нұхреп* был предназначен для хранения продуктов. Он необходим народам, занимающимся земледелием и огородничеством. Так одновременно называли подземную и наземную части постройки, также именуемую погребницей. Термин встречается повсеместно, распространен и у чувашей Республики Башкортостан. В словаре Н. И. Ашмарина находим и слегка изменённую форму – *нұхёрен*³.

В описании постройки сказано: «Хотя погреб и может быть чаще, чем нежилые хозяйственные помещения, устроен в подвальной части самого дома, но все же предпочитают его строить отдельно от дома: стараются при этом поместить его как можно ближе к выходу, особенно в зимнюю избу. Существенную часть его представляет, конечно, яма, со спущенным в нее четырехугольным бревенчатым срубом, около сажени глубиной и аршин четырех в длину и

¹ Месарош Д. Указ. соч. С. 148.

² Салмин А. К. Система религии чувашей. С. 534.

³ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 9-10. С. 50.

ширину. Яма (сруб её) покрывается бревенчатым потолком, на который сверху наваливается не особенно толстым слоем земля. В потолке ближе к стене или углу прорублено широкое окошко, прикрываемое досками или люком из досок, ведущее по особой лесенке вглубь ямы. Над ямой строится наземная часть – небольшое здание, которое чаще всего и именуется погребом; внутреннее помещение этой части называется часто погребницей. Размеры этой наружной части почти таковы же, как ямы, или несколько больше. Стены всегда остаются нетёсаными: сверху имеется потолок из досок или плах и над ним тесовая односкатная (лабазом) крыша. По стенам внутри (погреба. – *В. М.*) устроены полки. В погребную яму весною набрасывают для лета снега, набивши им яму почти до верха, застилают снег соломой. В погребу хранятся овощи (картофель, репа, редька и др.), мясо, рыба, молоко и всякая другая провизия»¹.

Г. И. Комиссаров писал о расположении погреба во дворе, где «с другой стороны двора (противоположной избе. – *В. М.*), на переднем плане, считая от улицы, строится погреб, потом кладовая, потом опять сарай»². В работе Н. В. Никольского «Краткий курс этнографии чуваш» на стр. 46 приведён рисунок. Изображенное подворье богатого чуваша с. Арабось Цивильского уезда Казанской губернии позволяет создать общее представление о расположении жилых и бытовых помещений. Погреб показан на переднем дворе, напротив избы и пивоварни³. Аналогично строили погреба жители д. Куезбашево Аургазинского р-на РБ⁴.

В сообщении о быте чувашей д. Ивановка Самарского уезда одноименной губернии в перечне хозяйственных построек усадьбы упоминается погреб. Материалами строительства названы плетень и дикий камень, обмазанный глиной⁵. Подобные подручные и доступные предметы использовались повсеместно и были широко распространены.

Погреба возводили из камня и древесины. Погребницы представляли собой срубы. Строили их и столбовой конструкцией (из брёвен и жердей) или в виде шалаша из жердей (*хушĕ*) с соломенной кровлей. Встречались погреба круглой формы, где жерди выкладывали конусом⁶. Постройка такой погребницы над ледником имела место и среди западных башкир (например, башкиры-минцы)⁷.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 219. Л. 69-69 об.

² Комиссаров Г. И. Указ. соч. С. 352; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 131.

³ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 46-47.

⁴ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, д. Куезбашево).

⁵ Говоров А. С. Ивановка. Монографическое описание села Екатериновской волости Самарской губернии. Самара, 1926. С. 53, 73.

⁶ Матвеев Г. Б. Материальная культура чувашей. С. 48.

⁷ Руденко С. И. Указ. соч. С. 202.

Ну́хреп кё́лечё, ну́хреп ла́сси и ну́хреп си – так называли «погребницы»¹. Погреб с погребницей являлся привилегией зажиточных чувашей и середняков². Погребка копали под сараем, а также отдельно без погребницы, насыпав сверху слой земли³.

В с. Шланлы Аургазинского р-на РБ в 60-х гг. прошлого века встречались «погреба, даже не крытые»⁴. В с. Кош-Елга Бижбулякского р-на РБ погреб – это обязательный элемент усадьбы⁵. Подтверждением служит рисунок, выполненный в 1929 г. студентами Приуральского чувашского педагогического техникума во время экспедиции по семи чувашским селениям Белебеевского кантона (Слакбаш, Кош-Елга, Кистенли-Богданово, Базлык, Бижбуляк, Елбулак, Зириклы)⁶. На плане представлен двор Андрея Архипова (с. Кош-Елга), в глубине усадьбы на расстоянии от жилой избы построен погреб, рядом – чулан (возможно, небольшой амбар) и *ла́с «лачуга»*⁷ (Рис. 1).

Таким образом, погреб выкапывали во дворе, он находился под постоянным присмотром хозяев. Близкое расположение облегчало спуск, а затем поднятие продуктов. Погреба на усадьбе копали и чувашаи Симбирско-Саратовского Предволжья⁸. Мордва Заволжья подвалы-полуземлянки строила на улице напротив домашних окон, что, видимо, облегчало сохранность продуктов⁹. Среди закамских удмуртов были развиты два типа погребов – ледники (*жӧгу*) и погребка для овощей (*жыралма, алма гу*). В первый удмурты, как и чувашаи, закидывали снег и хранили продукты, во втором – овощи. При строительстве в ямы опускали срубы, на земле также ставили сруб или шалаш¹⁰.

Для хранения продуктов чувашаи пользовались погребом-ледником, служившим одновременно ямой для овощей и подполом. Ледник устраивали по весне, когда в свободный погреб закидывали снег, сверху его заваливали соломой или древесными опилками. В ледниках в теплое время года держали молочные продукты, мясо, напитки. В подполе жилища находились овощи, которые употребляли в пищу (до половины урожая). Оставшиеся овощи (например, на посев, продажу) зимой хранили в ямах. Их обычно устраивали на огородах, заполняли осенью и

¹ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 50.

² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 706. Л. 7.

³ Чувашаи: этнографическое исследование. С. 229; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 446.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 6.

⁵ Матвеев Г. Б. Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья. С. 126.

⁶ Петров И. Г. Слово о педагоге, краеведе и этнографе П. А. Петрове-Туринге // Чувашский гуманитарный вестник. 2008. № 3. С. 34.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. Л. 5.

⁸ Симбирско-Саратовские чувашаи. С. 225.

⁹ Мордва Заволжья. Саранск, 1994. С. 50.

¹⁰ Садиков Р. Р. Указ. соч. С. 74.

закрывали. Весной, когда подходило время посадки, ямы открывали и поднимали содержимое¹.

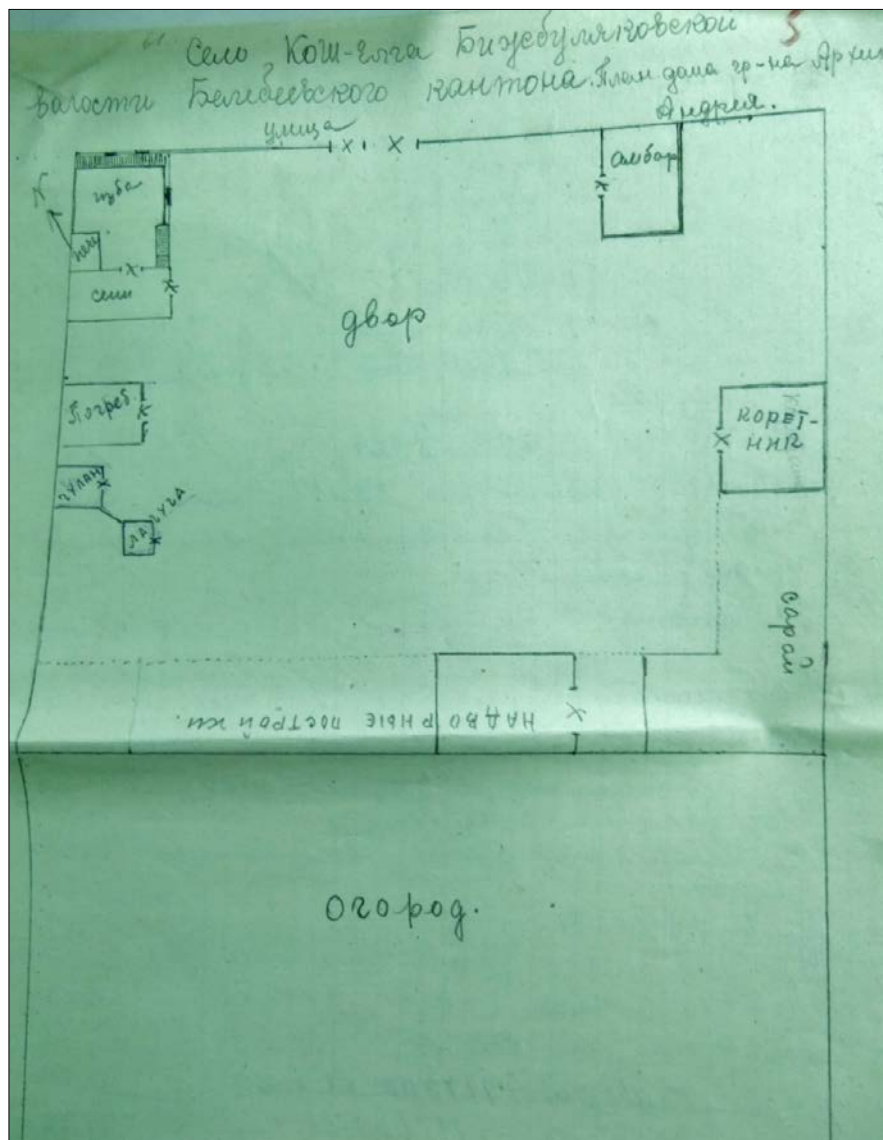

Рис. 1. Усадьба Андрея Архипова (открытый двор с несомкнутыми постройками) (БАССР, Белебеевский кантон, с. Кош-Елга, 1929 г.) // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 212. Л. 5.

В наши дни погреб – одна из хозяйственных построек чувашского двора. Здесь хранят картофель, другие овощи, заготовки на зиму. Представляет собой сруб (выход соединён «в угол»), может быть выложен камнем и кирпичом. Внутри сделаны полки для солений, припасов, секции для овощей, прежде всего, картофеля. Погребницы строят из досок треугольной (двускатной) и квадратной (с односкатной кровлей) формы (Рис. 2).

¹ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Месели).

Рис. 2. Погребница (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат, 2009 г., фото автора)

В прошлом в погребах хранили не только растительную или животную продукцию, но и напитки, прежде всего, *сăра* «домашнее пиво». «У некоторых тут же в стороне отверстие погребное для того, чтобы иметь все под рукою, – писал С. М. Михайлов, – при частом варении ими пива, т.е. для ближайшего его спуска в погреб *нюхребь*»¹. Пиво готовили заранее и хранили долгое время. Например, во время *Џинсе* и *Учук* чуваша из погребов поднимали «свои мартовские пива»². В Заволжье мордва выдерживала в погребах ряженку, после её закваски в тепле³.

Зимой напитки, продукты и разные вещи хранили в подполе избы, который в этом повторял функции погреба. Например, на крюках подвешивали сосуды с кислушкой и для лучшего брожения их ежедневно качали. Чуваша Республики Башкортостан, в районах с развитым пчеловодством, в подполе зимой содержали пчелиные ульи, а также продукты, мёд и пиво⁴.

¹ Михайлов С. М. Указ. соч. С. 70.

² Там же. С. 45.

³ Мордва Заволжья. С. 54.

⁴ Александров Н. А. Черемисы и чуваша (Лесная окраина). М., 1899. С. 25-26; Никольский Н. В. Указ. соч. С. 38; ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, д. Кузбашево).

Хозяйственные постройки в мировоззрении чувашей имели собственных духов и божеств, проживавших в них и нередко считавшихся покровителями. Если амбары, клетки или бани были местами, где потусторонние существа обязательно обитали, нередко в разных ипостасях, то к погребам было несколько иное отношение. Многочисленных свидетельств о наличии духа или божества, покровительствующего погребам, не сохранилось, но материал имеется.

Н. И. Ашмарин упоминает божество *Нұхреп кёлли*. Пишет автор о *Нұхреп-кёлли амайш* «Матери бога», проживающего в погребе: «*Нұхреп-кёллине пайта, Нұхреп-кёлли амайшине йусман парассё*» («Божеству *Нұхреп-кёлли* (приносили в дар. – В. М.) кашу, Матери *Нұхреп-кёлли* – небольшую пресную лепешку *юсман*»)¹. Пожалуй, запись вполне можно назвать единственной, где объясняется отношение чувашей к потустороннему населению погребов. Ссылается на неё в своих работах А. К. Салмин, называя *нұхреп кёлли* молитвой божеству погреба². П. В. Денисов в одну категорию объединял духов клетки, хлева, погреба и овина³. Все они считались покровителями построек, в которых находились.

Близкое расположение погреба к жилищу в пределах крестьянского двора говорит не только о практической стороне вопроса, но и представлениях чувашей, связанных с постройкой. Во-первых, отсутствуют свидетельства об отрицательных функциях божества, видимо, воспринимался как хранитель и помощник. Поэтому погреб не удаляли от жилого пространства, а ставили в непосредственной близости. Во-вторых, обращение к божеству погреба происходило в рамках цикла домашней обрядности, что подтверждает наличие определенного места в группе божеств, обитающих на усадьбе и за пределами, но имеющих отношение к её существованию и проживающих в разных хозяйственных постройках.

Ямы-зернохранилища. Типологически близкими к *нұхреп* «погреб» в прошлом, по мнению этнографа Г. Б. Матвеева, были *пыра* «ямы-зернохранилища». В основном они имели округлую, овальную и прямоугольную форму. Подобные ямы найдены при раскопках Билярского городища⁴. Сохранились они и в городе Суваре⁵. Зернохранилища обнаружены в большом количестве. Из ряда ям извлечены остатки дубового тлена. Возможно, их дно и стены были обложены досками из этого дерева⁶. Кладовые в ямах являлись неотъемлемой составляющей крестьянского двора в эпоху Средних веков⁷.

¹ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 50.

² Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. С. 104.

³ Денисов П. В. Указ. соч. С. 32.

⁴ Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1993. С. 141.

⁵ Смирнов А. П. Древняя история чувашского народа (до монгольского завоевания). Чебоксары, 1948. С. 51.

⁶ Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951. С. 238.

⁷ Матвеев Г. Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. С. 21.

Хозяйственные ямы встречались и среди финно-угорского населения Прикамья¹. Со временем, вероятно, необходимость использовать такие ямы отпадает. Их преемниками можно считать амбары или клетки, в которых делали сусеки для зерновых культур. Если же рассматривать ямы как места для хранения продуктов, то прямыми их наследниками, безусловно, являются погреба (близки они и по своей конструкции). Наличие *пыра* у чувашей Республики Башкортостан в архивных источниках и воспоминаниях информантов не подтверждается, но и говорить об их отсутствии мы не можем. Вполне вероятно, что наряду с бытованием землянок, полужемлянок для временного проживания, существовали подобные ямы для зерна. Вырытое в земле углубление могли выкладывать жердями, лубом или промазывать толстым слоем глины в целях защиты от влаги и грызунов. Ямы отражают наиболее древние формы хранения зерна.

Овин. В цикле сельскохозяйственных работ (подготовка пашни, пахота, сев, забота о будущем урожае, уборка) важное место отводилось заключительному процессу – уборочной страде. По окончании полевых работ урожай отправляли в овин и мякинницу, занимавших важную роль в жизнедеятельности и обязательно строившихся в хозяйствах.

Зерновые культуры чуваша свозили на гумно, где проводили обмолот. Перед этим проходила сушка хлебных снопов, для чего служил *авйн* «овин» (Рис. 3). В работе Г. И. Комиссарова сказано: «Уборка хлеба производится неспешно, но зато тщательно: даже колосья подбираются. О русской работе в данном случае чуваша невысокого мнения. Если кто жнет небрежно и оставляет на жнитве колосья, говорят: “Он жнет по-русски”. Хлеб обычно жнут, а не косят. Молотят рожь, горох, чечевицу, иногда пшеницу цепями, а остальные хлеба – с помощью лошадей (мнут)»². При таком числе культур была необходима тщательная обработка, что было возможно благодаря сушке снопов до нужного состояния, молотье и просеиванию.

Овин встречается среди разных народов, проживающих в Урало-Поволжье: у чувашей, казанских татар, татар-кряшен, татар-мишарей, башкир, марийцев, мордвы. Д. К. Зеленин считал конусообразные овины-шишы простейшими типами, сохранившимися среди финно-угорских народов Поволжья³. Например, такой вид бытовал у марийцев, называемый *марла авун* «марийский овин», срубный овин именовали *рушла авун* «русский овин» и *пöрт авун* «овин в виде дома»⁴. Подобные названия позволяют утверждать о заимствовании срубных овинов от русского населения в процессе межэтнических диффузий.

Устройство постройки хорошо представлено работами разных исследователей. Описание овина чувашей совпадает с подобными строениями других народов. В XVIII в. И. И. Лепёхин

¹ Черных Е. М. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск, 2008. С. 268-271.

² Комиссаров Г. И. Указ. соч. С. 368.

³ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 74.

⁴ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005. С. 98.

писал: «Выкапывают яму с продолговатым выходом, которую окружают кольями так, что верхний конец оных связывается вместе, от чего сии колья представляют коническую фигуру. Расстоянием от верху кольев на две трети внутри делают поперешник из жердей, на которые кладут лубок. Около сего шиша ставят ярусами во круг свои снопы, даже до самого верху так, чтобы верхнего яруса снопы своими комлями покрывали колос нижнего яруса, и зерно бы всегда коптело и сушилось дымом. Обложивши таким образом свой шиш, в яме разкладывают огонь, которого дым проходя сквозь окладенные снопы сушит колосы. Но чтобы на верху пересохшия зерна не валились в огонь, на то сделан прежде упомянутый в середине лубок»¹.

Рис. 3. Овин и гумно (Казанская губерния, 1908–1909 гг.)
Фото И. К. Зеленова // МАЭ РАН. № 1700-73

П. П. Фокин выделил этапы дозревания зерна: на поле после сжатия и гумне, в овинах-шишах (необмолоченные снопы), в овинах типа риги, в банях (обмолоченное зерно). Строительство овина начиналось с ямы, размеры которой в Чувашии составляли 2,5–3 м (круглые), 3,5–4 м на 2–2,5 м (прямоугольные), глубина – от 1,5–1,75 м до 2,5–3 м. Разница в размерах за-

¹ Лепёхин И. И. Указ. соч. С. 146-147.

висела от вида топлива¹. Стены овина и печь выкладывали из дикого камня, плотно подгоняя между собой. Печь ставили в центре ямы или копали в стене углубление-нишу, в которую входила её тыльная часть. Для топки использовали пни деревьев или солому (в таком случае овин имел прямоугольную форму, истопник постоянно находился в яме)². Каменный очаг называли овинной ямой³. Верхнюю часть сооружали из жердей, на которые укладывали снопы. На шиш овина для стойкости надевали обруч (например, обод колеса), называемый *аван кайшӑлӗ*⁴. К готовой конструкции ставили снопы, опоясанные для надежности веревкой (*аван пысӑци*). Её назначение заключалось в следующем: «Аван пысӑци называется веревка, которою привязываются к шишу снопы для того, чтобы они не упали. Привяжут к жерди длинную веревку, так чтобы получилось два конца, приставят жердь к снопам и двумя концами веревки обвяжут снопы кругом... Иногда “аван пысӑци” состоит из одной дугообразной палки, к концам которой привязаны веревки». Для крепления был и *аван пусӑци*, т.е. обруч из двух жердей, толстые концы которых связывали короткой, а тонкие длинной веревками⁵.

Среди нерусского населения Оренбургской губернии В. М. Черемшанский зафиксировал повсеместное использование овинов-шишей. «У инородцев (чувашей, татар, мордвы и др. – В. М.) и у многих русских крестьян делаются еще совсем особенного устройства овины, которые называются *шишами* или *татарскими овинами*; они состоят из круглой ямы, выложенной камнем или только обожженной. Около ямы вокруг устанавливаются колья сажени в 1,5 длиною и в вершине связываются, образуя род конуса. Этот конус обкладывается снопами, колосом внутрь; в яме разводится слабый огонь, и теплый дым, пробиваясь сквозь снопы, таким образом просушивает зерно»⁶. Опираясь на иллюстрацию хозяйственной жизни губернии второй половины XIX века, можно с уверенностью говорить о распространении овинов-шишей, имеющих раннее происхождение и применяемых чувашами при подготовки снопов к молотье (Рис. 4).

Исследователь традиций народов Казанской губернии В. А. Сбоев писал об овинах на гумнах чувашей, совпадающих по устройству с таковыми у татар. В целях безопасности от пожаров овины «обставляются с той стороны, откуда дует ветер, широкими лубьями». В неразделенных семьях на гумне сооружали по два-три овина, а обмолот хлеба нередко завершали за день («часто в один день оканчивается трех-овинная молотья»)⁷. Для такой работы созывали

¹ Фокин П. П. Овинная сушка хлебов у чувашей в конце XIX – начале XX вв. // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары, 1988. С. 64-66.

² Там же. С. 66-68.

³ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1-2. С. 46.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ Черемшанский В. М. Указ. соч. С. 315.

⁷ Сбоев В. А. Указ. соч. С. 44-45.

нине «помочи»¹. Во время обмолота зерна детям запрещали шалить и прятаться в овине, за этим строго следили старики².

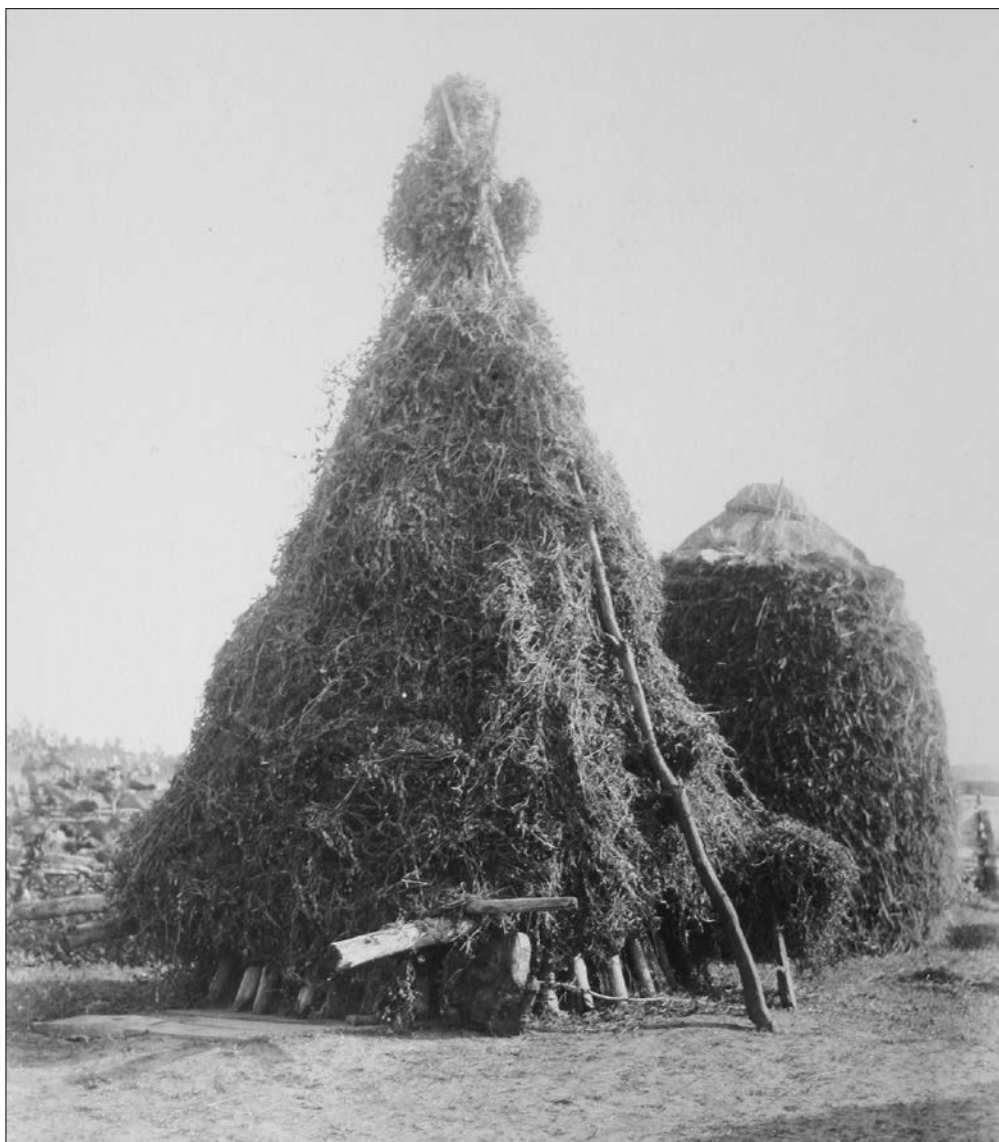

Рис. 4. Способ укладки гороха и зерновых на овин (Казанская губерния, 1908–1909 гг.)
Фото И. К. Зеленова // МАЭ РАН. № 1700-74

Чуваши не сушили в овинах семенной хлеб, несмотря на то, что качество семян затем сохранялось. В дождливые годы зерно, прошедшее подобную обработку, морщилось и темнело. На рынках хлеб после овинной сушки ценился дешевле³. Схожая ситуация наблюдалась среди удмуртов. По их мнению, просушенное на огне зерно теряло всхожесть, не годилось на семена,

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 163.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 649.

³ Фокин П. П. Указ. соч. С. 70.

мука приобретала неприятный привкус, а солома пересыхала¹. Тем не менее, термическая обработка была незаменима в осенние дожди.

Среди чувашей встречалась *рига*, т.е. сарай с овином для сушки снопов и молотбы. В русской традиции под ригой подразумевали бревенчатое, каменное или саманное строение. Печь ставили на землю и устраивали жердевые колосники, на которые укладывали снопы. Риги, более безопасные от огня, заменили овины². Постройку в чувашском поселении Башкирской АССР запечатлел П. А. Петров-Туринге (Рис. 5).

Рис. 5. Рига (БАССР, точное место съемки неизвестно, май 1929 г.)
Фото П. А. Петрова-Туринге // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

В мировоззрении чувашей овину отводилась особая роль, он него зависело благополучие семьи и достаток. Если зерно проходило достаточную обработку (сушку), молотили с легкостью, сказывалось это и на хранении. Поэтому можно считать, что овин вызывал к себе положительное отношение, имел стационарное расположение (гумно) и занимал в обрядовой жизни соответствующую нишу. Подтверждается это зафиксированными многочисленными отрывками текстов-молитв. Например, окончив уборочные работы, чувашаи подвешивали на гумне или

¹ Волкова Л. А. Указ. соч. С. 188-189.

² Беловинский Л. В. История русской материальной культуры. М., 2003. С. 18.

овине не обмолоченный ржаной сноп. При этом говорили: *Авӑн хурсан – авӑн перекетлӑхне патӑр, йӑтем хурсан – йӑтем перекетлӑхне патӑр, кӑйӑл тусан – кӑйӑл перекетлӑхне патӑр* «Когда начнем работать на овине – овину бережливость дай, когда начнем работать на гумне – гумну бережливость дай, когда начнем собирать ворох – вороху бережливость дай»¹. Сноп устанавливали для получения хорошего урожая в будущем, «дабы гумно без хлеба не оставалось и хлеб не переводился»².

Согласно верованиям чувашей, если не оставить на гумне сноп, то теряется бережливость, урожай будет невысоким, женщины не смогут рожать, лошади – жеребиться. Если сноп установит мужчина, то родятся сыновья, если женщина – девочки. Находившийся всю зиму на овине сноп весной становился неактуальным.

Сноп (как правило, ржи) посвящали хранителю овина *Авӑн кӑтнеҫҫи (Авӑн сыхчи)*³. Подобные представления встречаем у мордвы-эрзи, почитавшей *Авын-азарава* «божество овина» и среди удмуртов, веривших в *Обинь мурта* «хозяина овина»⁴. У русских бытовали поверья в *Овинника, Подовинника, Овинного батюшку*. В праздничные дни запрещалось топить печь в овине и риге. Дни считали именинами *Овинника* (Воздвижение, день Фёклы Заревницы и праздник Покрова пресвятой Богородицы)⁵.

Протоирей Е. А. Малов писал о молении у чувашей по окончании молотьбы, называемым *авӑн пӑтти* «каша хозяину овина». Он же приводит содержание молитв: «Во имя Бога! Стережущий овин помилуй! По выезду в поле, дай прибыль в поле; по входе на ток – на току прибыль... Сподоби наши хлебы благополучно снять с овина! Благополучно обсушив посредством огня, их сподоби взять!»⁶. Место овина и общий цикл земледельческих занятий представлены в обращении в *чӑкӑме* «обряде в честь завершения полевых работ и нового урожая»: «Собрали с поля (хлеб. – В. М.), помилуй, Турӑ, помилуй, свезем на гумно – на гумне бережливость дай, поднимем скирду – в скирде бережливость дай, разложим на овине – на овине бережливость дай. Благополучно перевести через огонь дай, сделаем ворох – вороху бережливость дай»⁷.

Моление *авӑн пӑтти* проводили в вечернее время, резали петуха, а затем варили кашу⁸. Жертву называли *овинным петухом*. «По окончанию молотьбы колют птицу, пекут блины, пиро-

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 649.

² Михайлов С. М. Указ. соч. С. 85.

³ Салмин А. К. Система религии чувашей. С. 186.

⁴ Мельников-Печерский П. И. Указ. соч. С. 34; Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М., 1964. С. 151.

⁵ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 76-77.

⁶ Малов Е. А. Указ. соч. С. 48-49.

⁷ Салмин А. К. Вербальный религиозно-обрядовый текст // Этнология религии чувашей. Чебоксары, 2003. Вып. I. С. 86-87.

⁸ Месарош Д. Указ. соч. С. 125.

ги (или *хонлу*, яичницу и пр.), собирают всех участвовавших в молотье, едят и пьют»¹. Участники обряда шли на гумно, где разводили огонь и произносили молитвы. В завершении делали поклон, в огонь для божества *Авӑн кӑтнеççи* (*Авӑн сыхчи*) бросали кашу. После этого следовало обрядовое угощение².

По словам информантов, в с. Новофедоровка Аургазинского р-на РБ завершение уборки урожая отмечается и сейчас. Перед употреблением свежего хлеба варят *авӑн сӑри* «овинное пиво», для которого все блюда готовят из продуктов нового урожая. Завершается обряд приготовлением супа из петуха или курицы (*авӑн яшки*)³. В источниках упоминаются варианты – *петушиное пиво, овинное пиво, овинный петух, овинный суп, овинная каша*.

Один из месяцев в году получил название *авӑн уйӑхӗ* «месяц овина». Его синонимом является *йӑтем уйӑхӗ* «месяц тока»⁴. Месяц *аон-ойхӗ*, соответствующий октябрю, упоминается в переписке А. А. Фукс. Сказано и о месяце молотьи *авын-ойхе*⁵. По поводу совпадения месяцев существуют различные точки зрения. В словаре Н. И. Ашмарина сентябрь отмечен как *йӑтем уйӑхӗ*, а ноябрь – *авӑн уйӑхӗ*. Общая терминология употреблялась чувашами Республики Башкортостан (например, с. Нижние Карамалы Белебеевского уезда)⁶. По словам Дюлы Месароша, «мерилом чувашских месяцев и их продолжительности в настоящее время (первое десятилетие XX в. – В. М.) является уже не луна, а обработка земли и отдельные фазы полевых работ». Число месяцев зависело от территории и различалось (13, 15), но со временем составило 12. Месяц *авӑн уйӑхӗ* соотносился с сентябрем⁷.

Овин является одной из построек, широко распространенных у народов, проживающих в Поволжье и на Урале. В среде земледельцев он был незаменим, тесно связан с гумном, строился со столбом для обмолота (при использовании конной молотьи), мякинницей (место нахождения мякины, соломы, хозяйственных предметов). Его наличие у чувашей, марийцев, удмуртов, татар и других народов говорит о тесных межэтнических контактах и взаимосвязях. На территории одного региона (Урало-Поволжья) народы, ведущие схожие типы хозяйственно-культурной деятельности и находящиеся в единых географических условиях с рядом локальных особенностей, всегда взаимно влияли друг на друга. Это прослеживается не только в границах смешанных поселений, но и на более широком пространстве. Имея собственные названия и особенности строительства, овин копировал конструкцию и повторялся в хозяйстве народов.

¹ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 45, 48.

² Денисов П. В. Указ. соч. С. 147.

³ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Толбазы).

⁴ Салмин А. К. Система религии чувашей. С. 585.

⁵ Фукс А. А. Указ. соч. С. 101, 165.

⁶ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 3. С. 185.

⁷ Месарош Д. Указ. соч. С. 59-60.

Мякинница. На гумне чувашаи сооружали мякинницы (мякинники) – *арпалăх* (*арпа лăççи*, *арпалăх лăççи*, *арпа лупасси*, *арпукли*, *арпăкли*, *арпăпли*, *арпăкли*, *арпа ўкли*, *арпа ўпли*) (Рис. 6). Своё название мякинница получила от слова мякина (*арпа*), т.е. обмолоченного цепом хлебного колоса, от которого отвеяно зерно, идущего затем в корм домашним животным или для перекрытия кровли построек. Мякина состоит из отходов колосьев и стеблей. Русское население севера и средней полосы укладывали мякину в пеледы и припелетки, представлявшие пристрой к овинам. В южных губерниях хранили в клунях, рыгах или стодолах. В большинстве случаев крестьяне старались поставить самостоятельное строение из некачественного материала, в которое сносили мякину. Располагали её, как правило, на гумне, называли мякинница, мякинник, мякильница, мекильня, половник, половень, половня, пелевня, пуня, гуменник¹.

Помимо вышеприведенных названий, употребляемых в чувашском языке, для обозначения мякинницы использовали сочетание *анкарти лупасси* – навес, сарай, имеющий ворота, служивший для сбора мякины и размещения предметов хозяйственной деятельности (сани, соха и орудия молотбы)². «Мякинница делается из плетня, а крышу её кроют так же, как крышу сарая, – соломой. Посередине мякинницы ставится суковатый столб, который поддерживает крышу здания; на его сучья вешают цепь и грабли. По четырём углам мякинницы поставлено четыре столба, которые скрепляют её плетневые стены. Крыша здания продолжается в виде навеса, под который ставят сани, сохи и т.п. вещи. В мякинницу складывают сор, оставшийся после молотбы; там лежат мякина и (остатки) колосьев», – так характеризуют устройство и назначение постройки. Из описания видно, что конструкция мякинницы у чувашей, как, например, и среди русского населения, имела простое устройство. Для строительства использовали столбы, определявшие размеры и форму постройки, для стен – плетень, покрывали её соломой. Навес над дверью (*арпалăх умё*) служил для хранения хозяйственного инвентаря³.

В коллекции изображений, собранных Н. В. Никольским, находятся фотографии и аннотации к ним. На одном из снимков представлено гумно рядового крестьянина с мякинницей (№ 40). Более подробное описание приведено о зажиточном хозяйстве: «На правой стороне (гумна. – В. М.) стоит мякинница, покрытая соломой. У богатых вообще мякинницы строятся из досок и находятся в ней все орудия, необходимые для работы в гумне» (№ 46)⁴. Разный достаток,

¹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М., 1956. С. 314-315.

² Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1-2. С. 68.

³ Там же.

⁴ Никольский Н. В. Собрание сочинений. Этнографические альбомы. Чебоксары, 2009. Т. IV. С. 54, 59, 304; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 28-29.

естественно, находил отражение в хозяйственных постройках и материалах для строительства. Например, в бедных дворах мякинницы были «сложены кое-как из соломы и в мякиннице у такого человека (бедняка. – В. М.) хаос»¹.

Рис. 6. Мякинница (Казанская губерния, 1908–1909 гг., верховые чувашы)
Фото И. К. Зеленова // МАЭ РАН. № 1700-75

В Республике Башкортостан чувашы также строили мякинницы на гумне. Материалы, применявшиеся при этом, были различными. В южных районах стены возводили из плетня или соломенных матов, в зоне лесов употребляли жерди, складывая их в конусообразный шалаш. Некрупные бревна врубали в пазы опорных столбов и поднимали крепкие постройки². Пазовая техника для строительства мякинницы употреблялась в Чувашии. Например, в д. Ближнее Сормово (современный Канашский р-н ЧР)³.

Об обмолоте зерновых культур на току и назначении мякинницы П. И. Рычков писал так: «Молоченье же бывает таким порядком, что по всему разстилают высушенные снопы в два ряда; а кладут их колосьями с обеих сторон вместе, комлями же наружу, которая настилка у крестьян называется посад; потом бьют их цепями... сгребая солому, выносят за гумна, а мякину, т.е. разбитый и пустой колос кладут в особые клетушки, кою употребляют для мелкой скоти-

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 30.

² Матвеев Г. Б. Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья. С. 128.

³ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 706. Л. 7.

ны»¹. По завершении молотьбы снопы, колосья и солому, не входившие в мякинницу, оставляли под открытым небом на огороженном участке, называемом гумнищем².

Помещения на гумне, предназначенные для хранения отходов от молотьбы и орудий труда, встречались среди соседних народов, проживающих рядом с чувашами. В Республике Башкортостан восточные марийцы строили *арва гудо*, выполнявшие роль мякинника³. Напротив, башкиры, относительно поздно занявшиеся земледелием, устраивали на гумне лишь овин (*әуен*) для просушки снопов. Хранению отходов и соломы не придавалось особого значения, т.к. последняя не использовалась в их строительной практике.

При обращении к высшим силам молили и о наполнении мякинницы. В тексте говорится: *Арпалăх тулли арпине пар* «Дай полную мякинницу мякины»⁴.

Как хозяйственная постройка мякинница нашла свое выражение и в фольклоре чувашей:

Ѕулла выĳлăх, хĕлле тутлăх «Летом голод, зимой сытость»
Хĕлле тутă, ĳулла выĳă «Зимой сытый, летом голодный»
Хĕлле мăнтăрланать, ĳулла начарланать «Зимой полнеет, летом худеет»⁵.

Таким образом, мякинница имела повсеместное распространение среди чувашей, отвечала хозяйственным нуждам и была необходима для хранения инвентаря, соломы и отходов после молотьбы, шедших в корм животным. В дождливое время её также могли использовать как место для обмолота зерна. Мякинница относится к постройкам, оставшимся в прошлом, связано это с изменением видов деятельности, совмещение её функций с другими помещениями (например, солому, сено складывают на сеновалы, инструменты хранят в сараях). Механизация хозяйства в советские годы привела к тому, что такие постройки, как овин и мякинница стали ненужными и вышли из употребления. С отдалением населения от традиционной культуры исчезает память и знания о строениях, входивших когда-то в единый хозяйственный комплекс.

Омшаник. Одним из направлений хозяйственной деятельности чувашей являлось пчеловодство, прошедшее определённые этапы развития. Трансформацию этого занятия можно выразить следующей схемой: дикое пчеловодство (собирательство меда и воска у лесных пчел) → бортевое (поиск бортей и уход за ними) → колодное пасечное (изготовление деревянных ульев

¹ Рычков П. И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинции, кратко и возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии // Тр. ВЗО. 1767. Т. 2. № 8. Ч. VII. С. 148-149.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 219. Л. 68-68 об.

³ Сепеев Г. А. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). Йошкар-Ола, 1975. С. 131.

⁴ Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 67.

⁵ Романов Н. Р. Чувашские пословицы, поговорки и загадки. Чебоксары, 1960. С. 203.

и организация пасек) → переход к рамочным ульям¹. Путешественники XVIII века неоднократно писали о чувашах, занимающихся пчеловодством. П. С. Паллас свидетельствовал о наличии «пасек» *утар* («как они имеют великие ульи») и употреблении меда. Об использовании меда в праздники упоминали Г. Ф. Миллер и И. Г. Георги, обративший внимание на то, что отец невесты благословлял молодых пшеничным хлебом и медом². И. И. Лепёхиным о пчеловодстве сказано: «Обиход их с пчелами, сколько вывести можно было, от русского обыкновения не разнится»³ (Рис. 7).

Рис. 7. Колодный улей (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат, 2009 г., фото автора)

¹ Чуваша: история и культура. С. 240-243.

² Паллас П. С. Указ. соч. С. 144; Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 23; Георги И. Г. Указ. соч. С. 44.

³ Лепёхин И. И. Указ. соч. С. 148.

Развивалось пчеловодство на землях башкир, на которые переселялись чуваш. По Уфимскому уезду известно, что в 1620 г. «новокрещенному» чувашу Казанского уезда Зюрейской дороги деревни Ибраш Кирилке Васильеву была отведена «вотчина изю оброку (бортной ухажей) за Камою рекою». В 1629 г. чуваш Казанского уезда Зюрейской дороги д. Карабаевой Тергул Базаев продал «вотчину свою бортные ухажьи и всякие ловли в Уфимском уезде... жильцу Соловарного острога Ивану Максиму сыну Мордвину»¹.

Переход от бортового пчеловодства к пасечному типу требовал от чувашей изменить технику ухода и содержания ульев. Одним из новшеств можно назвать появление специальной постройки, предназначенной для зимовки пчел. Её аналогом выступал домашний подпол. «Среди уфимских чуваш, в районах с развитым пасечным пчеловодством, под полом иногда устраивается омшаник, зимнее помещение для колод с пчелами. Вход сюда устраивается снаружи», – писал Н. В. Никольский². Исследователь оставил описание омшаника, который строили на пасеках, а на зиму запирали «посредством врытых в землю перед дверьми больших деревянных столбов». Проживание и охрана пчел практиковались на пасеках, где не менее 70 ульев³.

Утар ласҗи «омшаник» представлял собой подземное, полуподземное или наземное помещение для содержания пчелиных семей. Для строительства подземных и полуподземных омшаников, также известных как зимовники, выбирали сухие возвышенные места. В омшаниках пчелы были защищены от перепадов температуры, в тепле они потребляли меньшее количество меда (Рис. 8). О размерах пчеловодства позволяют говорить статистические материалы, собранные и опубликованные И. Д. Кузнецовым. Так, в 1868 г. в уездах Казанской губернии количество пасек составляло 1641: Козьмодемьянский (5 волостей) – 228, Тетюшский (3 волости) – 46, Цивильский – 927, Чебоксарский – 281, Ядринский – 159. В 1910 г. в уездах пасек насчитывалось уже 2549: Козьмодемьянский – 249, Тетюшский – 86, Цивильский – 997, Чебоксарский – 558, Ядринский – 659⁴. Цифры свидетельствуют о развитии этого направления в домашнем хозяйстве, что можно объяснить переходом к рамочным ульям. В Республике Башкортостан изменения начались с конца XIX в., новые ульи были более легкими, удобны для перемещения и продуктивны⁵.

Богатый медоносный сбор и производительность пчел обеспечивали удачные пасеки или пчельники, располагающиеся на удобных участках. Хорошие пасеки нередко служили причи-

¹ Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С. 98–99.

² Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш. С. 38.

³ Там же. С. 62–63.

⁴ Кузнецов И. Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963. С. 147–148.

⁵ Петров И. Г. Чуваша Башкортостана (Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры). Уфа, 1994. С. 17.

ной появления нового селения. Например, д. Тойсинская Ядринского уезда возникла на месте пчельника, носила название Утар, Отары. Утар-касси, Отар-касси именовали д. Пителишево Курмышского уезда¹. В 1929–1930 гг. на лесных пасеках с. Месели Аургазинского р-на РБ появилась д. Дадановка (в честь разработчика ульев Дадана-Блата)².

Рис. 8. Омшаник пасеки № 1 колхоза им. Доронина (ЧАССР, 1934–1937 гг.)
Фото П. Озерова // МАЭ РАН. № И-1816-10

Пчельник чувашского крестьянина рубежа XIX–XX вв. находился в лесу и содержал: «Ульи – колоды. Они покрыты берестой или лубком. Ульи внутри разделены на две части. На зиму пчелам оставляют мед в верхней половине... Чтобы посторонний человек не мог “сглазить”, на изгородь положат конскую голову (череп)»³. Череп лошади защищал пчеловодов Русского Севера⁴. Образ коня, выполняющего роль оберега, встречается и в башкирском зодчестве⁵. Предметы, безусловно, выступали в качестве апотропеев.

¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 3. С. 327.

² ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Месели).

³ Никольский Н. В. Собрание сочинений. Этнографические альбомы. Т. IV. С. 55.

⁴ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 113.

⁵ Шитова С. Н. История архитектурного декора в башкирских аулах. Уфа, 2004. С. 188-189.

Перед началом зимы отверстия для вылета пчел замазывали глиной, а улья убирали в омшаники¹. Постройка представляла землянку с опущенным в неё срубом, стены выводили над землей². Поскольку омшаники требовались лишь в пчеловодческих хозяйствах, то в наши дни встречаются они нечасто.

Представленная ниже фотография (Рис. 9) выполнена на усадьбе Корниловых (с. Ивано-Кувалат Зилаирского р-на РБ). Омшаник расположен в глубине двора, практически при входе на огород. Состоит из подземной и наземной частей. Наземная часть – шиферная двускатная крыша. Под землю ведет просторный спуск, аккуратно выложенный диким камнем, верхние ряды выведены кирпичом. В земле находится дубовый сруб с деревянной кровлей, покрытой шифером. Сруб вместительный, перекладыны держатся на столбах³.

Некачественное строительство омшаников, «часто холодных, сырых или душных и с затхлым воздухом», недостаточный уход за пчелиными ульями в зимнее время, по мнению В. М. Черемшанского, приводили к упадку пчеловодства среди населения Оренбургской губернии⁴. Проживавшие здесь чуваша также занимались разведением пчел⁵.

С целью повышения качества пчеловодческих хозяйств у башкир построили завод. В 1838 г. он начал работать на границе Стерлитамакского и Уфимского уездов у д. Куллярво Дуван-Табынской волости. На левом берегу р. Белой рабочими были возведены две избы, сушильня, мастерская для столярных дел, конюшня, баня и амбары для зимовки пчел. На заводе насчитывалось 350 ульев, за которыми присматривали пчеловоды⁶.

В чувашских семьях, занимающихся разведением пчел в наши дни, можно встретить подземные омшаники, предназначенные только для хранения ульев, и срубные наземные постройки, в которых держат вещи, в том числе предметы пчеловодства (рамки, дымарь, медогонку и пр.). На зиму заносят пчелиные ульи, которые могут опускать и в подпол.

В традиционной культуре чувашей пчелы воспринимались как *вёлле хурчĕ* – букв. «червь, обитающий в улье» и *пыл хурчĕ* – букв. «червь, производящий мед»⁷. Наиболее полное описание отношения к ним составил В. К. Магнитский, зафиксировавший обряды и моления, посвященные пчелам. Во время церемоний говорили: «Один конец (пчел) пусть будет на цветках, другой конец роем (пусть будет) – на ульях!». Автор также перечислил покровителей пчел: *Чигес торры* «божество ласточек», *Тухран торры* «божество дятлов», *Вильдрэнь каик торры*

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 32.

² Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш. С. 33.

³ ПМА – 2013 (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат).

⁴ Черемшанский В. М. Указ. соч. С. 375.

⁵ Там же. С. 178.

⁶ История башкирского народа: в 7 т. СПб., 2011. Т. IV. С. 122.

⁷ Месарош Д. Указ. соч. С. 95.

«божество крапивника (птицы)», *Шипчик торры* «божество соловьев»¹. Покровителями считались такие божества, как *Вёлле хурт суратакан амай* и *Вёлле хурт суратакан турă*². Наличие пчел у хозяина свидетельствовало о его несомненной зажиточности³.

Рис. 9. Вход в омшаник (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат, 2013 г., фото автора)

Омшаник как хозяйственная постройка встречался в семьях, динамично занимавшихся пчеловодством. Он имел стационарное расположение, как правило, во дворе, но его строили и на пасеке. Размеры помещения, строительные материалы и качество работ зависели от естественно-географического фактора, состоятельности владельца и других субъективных и объективных причин.

Дровяник. Для хранения запасов дров, приготовленных для отопления жилища, бани и прочих хозяйственных построек, на усадьбе строили *вутă сарайё/вутă лапасё* «дровяник, дровяной сарай». На отопление шли дрова «из разных пород леса, но раньше преимуществом поль-

¹ Магнитский В. К. Указ. соч. С. 92-93.

² Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 5. С. 349.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 358.

звался дубовый лес». Помимо дуба использовали березу, хворост и солому¹. Для нагрева печи, при выпечке хлеба, было достаточно 25 снопов соломы². Самыми хорошими дровами чуваша считали березовые, самые непригодные – осиновые. По сообщению Н. В. Никольского, чуваша Белебеевского уезда топили кизяком (высушенный и переработанный навоз). Навоз месили с земляной грязью, перемешав, его укладывали в формы и сушили на солнце. Горел кизяк очень долго³.

После просушки кизяк складывали, как и дрова, поленницей. Её выкладывали в дровянике или под открытым небом на дворе, задох усадьбы и за пределами. Поленница имеет два вида – штабелем и круглой башней. Прежде чем сложить такие дрова вместе, их оставляли под солнцем, собирая в невысокие горки. Открытая поленница тянулась и вдоль забора усадьбы. Сейчас укладка штабелем наиболее распространена.

* * *

Итак, подворье чувашского крестьянина, помимо *лаç*, клетки, амбара, помещений для скота, бани и др., включало в себя погреб, овин и мякинницу на гумне. Пчеловоды строили омшаники. Располагаясь в пределах domesticiрованного пространства (двор → огород → гумно), постройки были включены в повседневные дела и заботы. Погреб и ямы-зернохранилища находились рядом с домом, т.е. были неразрывно связаны с хозяином (условно обозначим как *первый круг* – двор). С течением времени произошло отдаление погреба и его начали строить на огородах (*второй круг* – земельный участок). Следующим мы выделим гумно (*третий круг* – гумно), находившееся позади усадьбы или располагавшееся от неё вполне самостоятельно. Все постройки имели своё местонахождение, бытовавшее на протяжении столетий и трансформирующееся в хозяйствах под внешним давлением (иноэтническая среда и городское строительство, ведущее к унификации), играл роль характер ландшафта и достаток семей.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 485; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 357.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 507.

³ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 42-43.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поселения, жилища и постройки, объединённые в domestiцированное пространство, являются важной составляющей традиционной культуры, зависящей от ландшафта, экономического состояния и мировоззрения народа. У чувашей, исторически проживавших в сельских населённых пунктах, деревня как вид поселения за последние три столетия претерпела существенные изменения, получив дальнейшее развитие. Наиболее удобными для повседневной жизни, занятия земледелием и животноводством были поселения, занимавшие места вдоль берегов рек и других водоемов. Приречное расположение отразилось в названиях некоторых деревень. Естественно-географические особенности наносили свои отпечатки на топонимию, исторический путь и социально-экономический рост. Ландшафт определял размеры и структуру населённых пунктов, наличие и использование в домашнем строительстве доступных природных ресурсов.

Водные объекты предоставляли деревням необходимые запасы воды, обеспечивая их стабильное развитие. Не только водные пространства, но и искусственно вырытые колодцы снабжали чувашей живительной влагой. В смешанных поселениях известны разные источники и колодцы, используемые жителями. Вода дарила жизнь и, одновременно, требовала к себе уважительного обращения и жертвоприношений. Неслучайно в ней, согласно народным представлениям, обитали как почитаемые божества, так и вредоносные духи.

Увеличение численности населения и сопутствующие процессы приводили к поискам свободных пашенных угодий, лесных массивов и водных артерий, выражавшихся в переселениях и возникновении новых чувашских поселений. Осваивались ближайшие незанятые земли, совершались дальние переезды. Наряду с чувашами в миграциях участвовали другие народы Урало-Поволжья.

Поселения чувашей в границах современной Республики Башкортостан возникали, занимая обширные территории. Первые волны переселенцев появились в середине XVII в. Завершается массовая миграция в здешних местах в начале XX в. Чувашаи осваивали свободные пространства вокруг крупных кустов поселений, а также территории, удаленные от них на значительные расстояния. Новые земли, занятые при переселениях, создавали обширное domestiцированное пространство. К возникновению гнездового или кустового типа расселения приводят конфессиональная принадлежность, близкородственные отношения, социально-экономическое единство. Общее происхождение, как и семейные узы, выражены названиями близлежащих деревень.

Гнезда поселений чувашей Республики Башкортостан встречаются на территориях, заселенных в первые этапы миграции. Вызвано это стремлением расположиться поближе к соплеменникам, а также к выходцам из одних и тех же материнских селений. Дисперсность деревень – явление более позднее, связанное с основанием новых поселений среди уже существовавших деревень и сел других народов. Так движения чувашей приводили к возникновению смешанных, т.е. дисперсных населённых пунктов.

Новые связи между деревнями устанавливали благодаря и брачным ареалам. Традиция выбора невест из определенного круга поселений укрепляла их взаимоотношения. Единство поддерживалось совместными молениями жителей разных деревень. На основе конфессиональной близости формировались общины чувашей, сохранявших народные верования, чувашей-мусульман и чувашей-православных.

Главным типом сельского поселения долгое время была деревня *ял*. Затем возникают села, хутора, выселки, околотки, поселки. Село, как и у соседних народов, появляется среди чувашей с момента их крещения, что было обусловлено строительством в крупных деревнях церквей и монастырей и их переходом в новый статус. Такие поселения объединяли деревни в церковные приходы.

Гнездовое расположение в чувашских населённых пунктах постепенно заменяет уличное планирование, вводимое повсеместно государством административным путём. Структура и размеры зависели от численности населения, этнического и конфессионального состава. Различия этого типа расселения отчетливо выражались в раздельном проживании жителей на разных улицах и концах одного поселения. Заботясь о благополучии улицы и соблюдая традиции, чувашаи сохраняли имеющиеся участки леса и высаживали деревья.

Уличная перепланировка изменила облик поселений, располагая дворы и постройки в новом порядке. У чувашей малые деревни имели всего одну улицу, в крупных поселениях практиковалась многоулочная застройка. Нововведения отличались от норм чувашей, устоявшихся на протяжении столетий.

Улица деревни или села служила местом общения и обмена новостями. Жители принимали здесь решения о проведении обрядовых мероприятий и созыве помочи. Фигурирует пространство улицы в цикле семейной обрядности – в свадебных, родильных и похоронно-поминальных церемониях. Время, проведенное здесь в свободные от работы дни, объединяло односельчан.

Поселения, прошедшие длинный исторический путь, имели большое число дворов и обширное население. Они являлись консолидирующим центром малых населенных пунктов. В селах и деревнях Республики Башкортостан чувашаи расселялись неоднородно. В первую оче-

редь занимали наиболее удобные территории, чему позволяли пустующие земли и возможность аренды. Благоприятные естественно-географические условия способствовали развитию населённых пунктов, их процветанию. Такие поселения, конечно, отличались многолюдностью. Напротив, в малых деревнях, хуторах и выселках население было немногочисленное. Рост жителей для них был несвойственен, но возможен при внешнем подселении. Объединение небольших деревень приводило к возникновению новых крупных поселений, в том числе со сложным этническим составом сельчан.

Населённый пункт состоял не только из усадеб, но и общего пространства, занятого объектами и постройками. Все деревни имели гумна, предназначенные для молотбы зерновых культур. Они находились рядом с дворами либо составляли обособленные участки, сосредоточенные вместе и вынесенные за пределы жилой части поселений. Располагались такие локусы на границе с полями или за околицей. Чуваши оберегали гумно, обнося его изгородью с воротами, использовали и лесные преграды. На гумне проводили обмолот собранного урожая, хранили необмолоченные снопы, возводили постройки для работ и хозяйственного инвентаря. Поскольку от объемов и сохранности зерна зависела судьба семьи, на гумне принимали предохранительные меры, молились божествам и духам. Собранный урожай свозили на мельницы.

В поселении общими объектами были качели, устанавливаемые в *мункун* «великий день» для сбора молодёжи. Здесь выбирали потенциального партнёра, совместно проводя свободное время. Коллективные встречи жителей происходили и в деревенских лавках, магазинах и кузнице, снабжавших сельчан необходимыми предметами быта. Над крупными селами возвышались церкви, консолидирующие население окрестных деревень.

Территорию каждой деревни и села чуваши огораживали околицей. Въезд был возможен через полевые ворота. Выполняя практическую функцию (защищая поля от домашних животных), околица разграничивала пространство деревни, знакомое жителям, и внешнее – чуждого мира, содержавшего опасность. Прощание рекрута с родными у полевых ворот и выезд свадебного поезда с невестой из поселения были равны переходу в другой локус, отличающийся от доместицированного пространства. Расставание у полевой ограды и ворот – кульминация событий. Желая предотвратить бедствие или уберечь пространство поселения, чуваши спешили избавиться от вещей покойного, вывозя их за деревню в специальное место. С аналогичной же целью проводили обряд «Девичья пашня».

За границами поселения чуваши организовывали кладбища. В одной деревне их могло быть несколько. Например, у крещёных чувашей, чувашей, принявших ислам, а также чувашей, сохранивших традиционные верования, были отдельные кладбища. Естественные преграды изолировали кладбища, отделяя от поселения. Ландшафт перекрывали овраги, заболоченные

места или реки. В таком случае через них укладывали мостики для душ усопших. Проходившие по мосту родственники в день *юна* окончательно провожали душу умершего человека. На мосту, согласно мировоззрению чувашей, определялась судьба покойного – в рай он идёт или в ад. По нему же души проходили, посещая родных в поминальные дни.

Строительство дома и надворных построек зависело от естественно-географических условий. Повсеместно преобладала заготовка и обработка лиственных и хвойных пород дерева. Избегали использования некачественного материала, но на территориях, не богатых лесом, для строительства употребляли всю доступную древесину. У чувашей известны запреты на заготовку нехороших деревьев *усал йывăç*, к которым причисляли осину и тополь. Однако в случаях отсутствия подходящего материала приходилось нарушать традиции, и из такой древесины рубили срубы.

Производство кирпича позволило зажиточным семьям строить кирпичные дома, выделявшиеся на фоне сельского пейзажа своей фундаментальностью и масштабами. Кирпичом укладывали административные здания и печи в избах. Кирпичные дома строили и в два этажа, но они были единичны. Встречаются комбинированные жилища, в которых первый этаж возводили из кирпича и камня, а второй – из дерева.

Под строительство чуваша вели добычу дикого камня, закладывавшегося в фундамент. В районах с открытым добыванием из камня возводили большинство хозяйственных построек. Саманными кирпичами поднимали дома при отсутствии более качественного материала. Такой кирпич, изготовленный из глины и соломы, сушили на солнце, не подвергая дополнительному обжигу, что позволяло делать его в большом количестве. Ландшафт, безусловно, определял выбор материала для строительства. Внешний вид зданий изменялся в результате поиска новых архитектурных решений.

Центральное место во дворе отводили дому, построенному по типу «изба + сени, изба + сени + клеть либо изба + сени + изба». В работе с деревом использовали столбовую, каркасно-столбовую и срубную техники. Чуваша столбовым и каркасно-столбовым методом возводили бытовые помещения. К жилищу этими способами иногда пристраивали сени. Для дома использовали срубную технику разных видов с остатком бревен или рубкой на концах венцов.

Просушенный сруб поднимали в соответствии с присвоенной брёвнам нумерацией во избежание путаницы. Ставили на землю или фундамент, подготовленный из чурбаков и камней. Дубовые, сосновые или еловые обрубки бревен вкапывали в землю, на них укладывали венцы. Пространство между землей и будущим домом закладывали камнем и закидывали грунтом.

Завершает работу над внешним обликом здания устройство крыши. Кровельным материалом служили солома, камыш, дрань, тес, луб. Чуваша применяли двускатные, трехскатные и

четырехскатные перекрытия. До середины XX века неизменным атрибутом деревни являлись соломенные кровли.

Для покрытия соломой ставили стропила и крепили слези, поверх которых разными способами накладывали объемный слой. Стропильные конструкции делали параллельно с самцовыми, редко встречающимися в наши дни. Использование иного кровельного материала применимо к обоим видам, тесовые и железные крыши свидетельствовали о достатке семьи. В настоящее время применяют шифер, толь, жезь, профилированный лист.

В пределах усадьбы находились дом и большинство хозяйственных построек. У чувашей она классифицируется типом двор-крепость. Первоначально жилище стояло в центре двора, охваченное кольцом других помещений. Традиционные варианты расположения избы и построек представлены Г-образной (глаголеобразной) и П-образной (покоеобразной) формами связи. Со двора была вынесена баня, что вызвано опасением пожара, и нередко на огороде вырывали погреб для продуктов. Другие постройки старались возвести на усадьбе. Дворовая часть активно включалась в обрядовые церемонии чувашей. Например, во дворе проводили свадебные торжества, действия с новорожденными и заболевшими детьми, домашние жертвоприношения и поминание усопших.

Свой двор чуваше обносили индивидуальной изгородью из бревен, плетня или камня. Внутрь проходили через ворота, которым придавали особое значение, нанося узорчатую орнаментацию и знаки. Ворота из жердей свойственны небогатым дворам, а в состоятельных хозяйствах ставили крепкие «русские ворота» с двускатным перекрытием. Такие ворота покрывали резьбой. Символы на столбах оберегали семью и дом от несчастий, как и обрядовые церемонии, связанные с рубиконом двора.

Дом *пурт/сурт* служил жилищем чувашей. Наиболее простой формой изначально были землянки и полуземлянки. Срубная изба получила повсеместное развитие и является самым популярным типом жилого помещения и в наши дни. Перед началом строительства место под будущий дом выбирали наиболее тщательно. Приглядывались к поведению домашних животных и природным явлениям. В процессе возведения сруба совершали обряды, гарантирующие спокойное и безбедное проживание. Обязательно проводили *никёс пйтти* «каша божеству фундамента» и поднятие матицы с последующим хорошим угощением плотников и всех принимавших участие в помощи.

Мировоззрение чувашей наделяло пространство дома и его предметы индивидуальными предназначениями с набором функций. Здесь выражены черты народной архитектуры и новации, приобретенные в результате межэтнического соприкосновения.

Дом, по представлениям чувашей, населяли божества и духи, оберегавшие либо вредившие домочадцам. Обряды, предназначенные для их задабривания и выпроваживания, включали молитвы, произносимые в разных частях избы. В ходе свадебных и похоронно-поминальных процедур также было задействовано жилище. Например, во время молитвы открывали дверь, а в праздники занимали передний угол. Таким образом, обрядовая жизнь была связана с окружающими объектами.

Хозяйственные постройки, располагавшиеся на усадьбах, составляли часть доместицированного пространства. Их наличие обеспечивало проживание, приготовление пищи, хранение вещей и предметов быта, инвентаря, без которого было невозможным заниматься земледелием и другими работами. Кроме того, помещения служили для содержания животных и ухода за ними.

Без соответствующих надворных построек крестьянское хозяйство находилось в замкнутом пространстве и оставалось без перспективы развития и обогащения. Назначение зданий регулировалось. Большинство из них имело божеств и духов. Внутри помещений нередко находились их символические изображения.

На усадьбах чуваша строили лачуги, клетки, амбары, бани, туалеты, постройки для содержания домашних животных, погреба, овины, мякинницы, омшаники и дровяники. Постройки создавали определённый тип двора, застроенный по плану, и служили в повседневных делах. В лачуге готовили пищу, находились в тёплое время года. Клеть, как и амбар, являлась местом для отдыха и сна, кладовой вещей и продуктов, запасов зерновых. Зажиточность семьи определяли по числу и качеству этих построек во дворе.

Баня обладала мистическим ореолом. Её не только использовали в санитарно-гигиеническом плане, но здесь ещё лечили людей от болезней, принимали роды. Наделяли баню сверхъестественной силой. Только утилитарное назначение имел ретирад.

Для чувашей-земледельцев, державших домашний скот, постройки для его содержания были очень важны. Охрана животных и забота о них как о значимой части благосостояния владельцев выражались не только в проведении обрядов, но и в строительстве крепких помещений. Овощи и продукты как зимой, так и летом хранили в погребах.

На гумне стояли овин и мякинница. Их вклад во время осенней уборки зерна неоценим. Хлеб, прежде чем отправить в закрома амбара, сушили и молотили здесь. Качественная обработка по осени способствовала его сохранности зимой и удачному севу.

Чуваши-пчеловоды нуждались в омшаниках, в которые заносили пчел, закрывая на холодное время года. Специальная постройка встречалась не во всех дворах, поскольку иногда её заменял подпол. В дровяниках хранили запасы дров для отопления жилища, бани и лачуги.

Таким образом, все хозяйственные постройки, находящиеся во дворе и за его пределами были задействованы в процессе жизнедеятельности человека. Количество и размеры помещений зависели от зажиточности семей и их численности. Например, в семьях с молодоженами увеличивалось число клеток как жилища для новобрачных. Приводил к новому строительству и рост поголовья скота. Ближнее и дальнее расположение построек отвечало нуждам и создавало территорию, освоенную человеком.

Представления чувашей проецировались не только на жилые, но и на хозяйственные постройки, что выражалось в обитающих в них божествах и духах, проводимых обрядах и соблюдаемых верованиях. Баня, имевшая неоднозначное к себе отношение и удалённая от дома, была местом злого духа *Ийе*. Свадебная обрядность подчёркивала роль клетки и амбара. Моление в прясле *карта пӓтти* оберегало домашний скот.

Хозяйственные постройки, возводимые чувашами для удовлетворения повседневных потребностей, служили не только дополнением жилого дома, а занимали самостоятельную нишу в традиционной культуре. Строительство построек зависело от природных материалов, территории, межэтнических проникновений и социальной среды, но представления, связанные с ними, оставались неизменными на протяжении столетий. Другими словами, экономическое развитие всегда опережало трансформации в области духовности.

В поселениях, дворах и домостроительстве чувашей Республики Башкортостан общие черты традиционной культуры с чувашами других регионов выражены в основании новых деревень и сел у водных артерий, сохранении участков леса или последующем озеленении деревенского пространства, первоначально кучевой, а затем уличной планировке. Особенными чертами стало использование в строительстве всего доступного материала, от которого зависел облик поселений, покупка готовых срубов у русского и башкирского населения, что приводило к заимствованию плотничных приёмов и названий построек. Например, лачугу *лас* на русский манер стали именовать *избенкэ*. Урбанизация способствовала использованию новых, более качественных материалов (таких, как жестянка) в строительстве.

Поселения, жилища и хозяйственные постройки чувашей Республики Башкортостан, на первый взгляд, имеют значительное число однотипных черт с окружающими их народами. Но развитию и строительному делу чувашей в целом свойственны своеобразные характеристики и единый пласт, выраженный в планировке и зодчестве народов Урало-Поволжья. Обращаясь к другим народам, встречаем тождественные материалы, приёмы строительства и конструкции зданий. Однако всестороннее и детальное изучение темы позволило выявить не только общие черты, но и присущие традициям чувашей Республики Башкортостан особенности, выраженные региональным феноменом. Домостроительство и возведение хозяйственных построек чувашами

Республики Башкортостан объединило традиции народного зодчества и новации, приобретенные в процессе межэтнических взаимоотношений. Индивидуальность облику чувашских поселений придавало своеобразие ландшафта, корректирующее выбор строительных материалов и их качество. Совокупность разных факторов формировала уникальное единое пространство поселения, двора с постройками и жилища.

Как видим, чувашаи Республики Башкортостан выступают не только как хранители традиций чувашей Поволжья, но вносят свои (местные) традиции, исходящие от ландшафта и окружающих их соседних народов (башкир, татар, русских, украинцев и удмуртов). Все эти факторы позволяли и позволяют адаптироваться, осваивать обитаемое пространство и domesticiровать его в целях жизнеобеспечения, сохранения выработанных веками этнических традиций. Изучение темы позволило также расширить и конкретизировать наше представление о поселениях, жилищах и постройках чувашей России в целом.

Список использованных источников и литературы

Источники

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)

1. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13404 – О порядке вырубki леса и выработке изделий из лесных дач частного владения в Оренбургской губернии. 1855–1856 гг.
2. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13945 – О просьбе поверенных от общества государственных крестьян Стерлитамакского уезда д. Кузьминовки, Семена Павлова и Курамчиновой Зинилютдина Хайбуллина, о выдаче им с доверителями в ссуду денег на продовольствие по случаю бывшего в прошлом лете неурожая. 1865 г.
3. Ф. 13. Оп. 1. Д. 154 – По рапорту Орского исправника о стеснениях крестьян Преображенской волости управляющим заводами Кума. 1872 г.
4. Ф. 13. Оп. 1. Д. 312 – По отношению Уфимско-Оренбургского Управления государственных имуществ о высылке в Управление по всем уездам Оренбургской губернии списка волостных Правлением, сельским обществам и селениям и какого рода проживают в этих селениях поселяне. 1882–1883 гг.
5. Ф. 154. Оп. 1. Д. 5 – Оренбургское лесное промышленное торговое общество. Переписка о разрешении Оренбургскому лесному промышленному и торговому обществу вырубку пересохших деревьев в Кананикольской даче. 1905–1916 гг.
6. Ф. 154. Оп. 1. Д. 76 – Оценочно-статистическое бюро Оренбургского губернского земства. 1914 г.
7. Ф. 167. Оп. 1. Д. 33 – Дело о происхождении и жизни луговых черемис. 1890 г.
8. Ф. 172. Оп. 1. Д. 2086 – Оренбургское духовное правление. Дело о строительстве часовен в деревнях Ганкиной, Сантангуловской и Ибраевской. 1757 г.

Институт восточных рукописей РАН (ИВР РАН)

9. Р. II. Оп. 4.23 – Винтер Ел. Чувашские и мордовские сказки (с. Винтерево Симбирской губернии). 1871 г. – 12 л.

Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН)

10. Ф. 2. Оп. 1 (1927). № 230 – Материалы Средне-Волжской экспедиции: Яндашево. 1927–1930 гг. – 52 л.
11. Ф. 2. Оп. 1 (1927). № 231 – Материалы Средне-Волжской экспедиции: Полевые Кизилъяры. 1927–1930 гг. – 86 л.
12. Ф. 2. Оп. 2.1453 – Элле К. В. Древности Чувашской АССР. 1934 г. – 26 л.

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН)

13. Коллекция 1040 – Поступила в 1906 г. из Бузулукского уезда Самарской губернии от крестьянина Т. Е. Завражнева. Одежда и культовые предметы. Число № – 19, предметов – 32. Мордва и чуваша. Опись составил Б. Э. Петри. 5 предметов по чувашам.

14. Коллекция 1700 – Снимки воспроизведены в 1908–1909 гг. в Чебоксарском, Ядринском, Цивильском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии И. К. Зеленовым. Куплена в 1910 г. от И. К. Зеленова, регистрировал он же.

15. Коллекция И-1136 – Фотографии и рисунки 1928 г. Поступила в 1941 г. от А. Ходосова. Местность – Аликовский район Чувашской АССР. 45 ед. хр., предметов 53. Опись составила А. С. Ошуркова.

16. Коллекция И-1714 – Фотоснимки, произведенные во время поездки в ЧАССР в июле 1957 г. Собирала и составила опись Н. И. Гаген-Торн. – 34 ед. хр.

17. Коллекция И-1816 – Коллекция негативов, поступивших из Государственного музея народов СССР. Съёмки 1934 и 1937 гг. Чуваша. Число № – 57. Фото П. Озерова. Регистрировал П. Орлов, в 1959 г. – К. Шарикова.

18. Коллекция И-1843 – Негативы, приобретенные экспедицией Озерова у Кудряшевича. Бижбулякский район БАССР. Съёмки 1934 г. Поступили из Государственного музея народов СССР. Регистровала в 1960 г. К. Шарикова.

Научный архив Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (НА ИЭИ УНЦ РАН)

19. Ф. 1. Оп. 9. Д. 34 – Фотографии А. С. Бежковича. Народы Уфимской губернии. 1920–1930 гг.

Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН)

20. Отд. I. Ед. хр. 6 – Ашмарин Н. И. Этнография, фольклор. 1841–1903 гг. – 652 л.

21. Отд. I. Ед. хр. 21 – Ашмарин Н. И. Археология, этнография, фольклор. 1895–1943 гг. – 611 л.

22. Отд. I. Ед. хр. 23 – Ашмарин Н. И. Этнография, фольклор. 1874–1899 гг. – 397 л.

23. Отд. I. Ед. хр. 24 – Ашмарин Н. И. Этнография. 1883–1900 гг. – 736 л.

24. Отд. I. Ед. хр. 33 – Ашмарин Н. И. Чувашские тексты. 1896–1907 гг. – 989 л.

25. Отд. I. Ед. хр. 35 – Катанов Н. Ф. О чувашах. 1911–1935 гг. – 117 л.

26. Отд. I. Ед. хр. 40 – Этнография, литература. 1907–1924 гг. – 446 л.

27. Отд. I. Ед. хр. 72 – Этнография, фольклор, переводы. 1926–1930 гг. – 437 л.

28. Отд. I. Ед. хр. 144 – Никольский Н. В. История, этнография, язык, фольклор. 1904–1915 гг. – 412 л.
29. Отд. I. Ед. хр. 147 – Никольский Н. В. Этнография. 1887–1904 гг. – 418 л.
30. Отд. I. Ед. хр. 150 – Никольский Н. В. Этнография. 1895–1919 гг. – 590 л.
31. Отд. I. Ед. хр. 152 – Кириллов С. История, этнография, топонимика, фольклор. 1905 г. – 190 л.
32. Отд. I. Ед. хр. 153 – Никольский Н. В. Этнография, литература. 1903–1906 гг. – 192 л.
33. Отд. I. Ед. хр. 154 – Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1892–1905 гг. – 405 л.
34. Отд. I. Ед. хр. 156 – Никольский Н. В. Этнография, просвещение, духовные песни с нотами, журналистика, литература. 1904–1908 гг. – 360 л.
35. Отд. I. Ед. хр. 158 – Никольский Н. В. Этнография. 1904–1908 гг. – 179 л.
36. Отд. I. Ед. хр. 159 – Никольский Н. В. Этнография. Фольклор. 1898–1905 гг. – 691 л.
37. Отд. I. Ед. хр. 166 – Никольский Н. В. Этнография. Статистика. Просвещение. 1906–1910 гг. – 398 л.
38. Отд. I. Ед. хр. 167 – Никольский Н. В. Этнография. 1903–1910 гг. – 474 л.
39. Отд. I. Ед. хр. 168 – Никольский Н. В. Этнография. Фольклор. 1905–1910 гг. – 655 л.
40. Отд. I. Ед. хр. 172 – Михайлов. Этнографические материалы, собранные в д. Старые Щелканы Цивильского у. Казанской губ. 1885 г. – 58 л.
41. Отд. I. Ед. хр. 173 – Никольский Н. В. Язык (диалектология). Этнография, фольклор. 1909–1910 гг. – 488 л.
42. Отд. I. Ед. хр. 174 – Никольский Н. В. Этнография. Фольклор. 1908–1910 гг. – 695 л.
43. Отд. I. Ед. хр. 176 – Никольский Н. В. Религия. Археология. Грамматика. Этнография. Фольклор. 1905–1911 гг. – 616 л.
44. Отд. I. Ед. хр. 177 – Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1910–1911 гг. – 804 л.
45. Отд. I. Ед. хр. 178 – Никольский Н. В. История. Археология. Этнография. Фольклор. 1902–1909 гг. – 322 л.
46. Отд. I. Ед. хр. 180 – Никольский Н. В. Религия. Этнография. Языкознание. Фольклор. 1908–1911 гг. – 502 л.
47. Отд. I. Ед. хр. 184 – Никольский Н. В. Этнография. Фольклор. 1910–1919 гг. – 394 л.
48. Отд. I. Ед. хр. 203 – Никольский Н. В. Религия. История. Садоводство. 1899–1910 гг. – 630 л.
49. Отд. I. Ед. хр. 209 – Никольский Н. В. Этнография. Фольклор. 1910–1911 гг. – 646 л.
50. Отд. I. Ед. хр. 219 – Никольский Н. В. Археология. Этнография. Фольклор. Музыка. 1879–1926 гг. – 170 л.

51. Отд. I. Ед. хр. 233 – Никольский Н. В. Этнография. 1912 г. – 629 л.
52. Отд. I. Ед. хр. 247 – Никольский Н. В. Археология. Этнография. Сельское хозяйство. Фольклор. Педагогика. Литература. 1913–1914 гг. – 307 л.
53. Отд. I. Ед. хр. 256 – Никольский Н. В. Этнография. Педагогика. 1902–1915 гг. – 506 л.
54. Отд. I. Ед. хр. 343 – Никольский Н. В. Статистика. 1910–1923 гг. – 123 л.
55. Отд. I. Ед. хр. 348 – Никольский Н. В. Этнография. Литература. 1925–1929 гг. – 177 л.
56. Отд. III. Ед. хр. 140 – Калинин Н. Ф. Зарисовки по этнографии, выполненные в 1933 г. на ст. Тюрлема (дома, двор, пристройки). 1933 г. – 13 рисунков.
57. Отд. III. Ед. хр. 212 – Анкеты подворного обследования быта населения Башкирской АССР в 1929 г. (силами студентов Уфимского педагогического техникума).
58. Отд. III. Ед. хр. 277 – Дмитриев В. Д. Комплексная экспедиция по изучению быта, языка и фольклора сельского чувашского населения Башкирской АССР и Оренбургской области. 1962 г. – 201 л.
59. Отд. III. Ед. хр. 706 – Сельские жилища и хозяйственные постройки. Материалы этнографической экспедиции. 1983 г.
60. Отд. IV. Ед. хр. 711 – Петров Л. П. Материалы комплексной научной экспедиции, собранные автором в чувашских селениях Башкирской АССР и Оренбургской области. Тетрадь № 1. 1962 г.
61. Отд. VIII. Ед. хр. 82 – Тимкин В. Н. Фотографии. 1953 г.
62. Отд. VIII. Ед. хр. 90 – Сидоров П. А. Этнографические снимки. Мариинско-Посадский район ЧАССР. 1958 г. – 65 ед. хр.
63. Отд. VIII. Ед. хр. 197 – Иванов Л. А. Экспедиция в Куйбышевскую область. 1961 г.
64. Отд. VIII. Ед. хр. 207 – Материалы комплексной экспедиции в БАССР и Оренбургскую область по изучению быта и культуры чувашского народа. 1962 г. – 580 л., 28 пленок.
65. Отд. VIII. Ед. хр. 210 – Петров-Туринге П. А. Фотографии этнографической экспедиции по чувашским селениям Белебеевского кантона БАССР. 1929 г.
66. Отд. VIII. Ед. хр. 261 – Романов Н. Р. Фотоснимки и рисунки из личного архива. 1967 г. – 19, 68 шт.
67. Отд. VIII. Ед. хр. 601 – Сидорова Е. С. Материалы фольклорной экспедиции в Алькеевский район ТАССР. 1976 г. – 24 ед. хр.
68. Отд. VIII. Ед. хр. 612 – Этнографические снимки сельских строений в Батыревском районе. 1975–1976 гг. – 93 ед. хр.
69. Отд. VIII. Ед. хр. 958 – Фотографии из экспедиции в Куйбышевскую область и ТАССР. 1990 г. – 174 ед. хр.

70. Отд. X. Ед. хр. 514 – Башкирский край. Уфа, 1928. – 299 с.

Российская академия наук (РАН, СПб.)

71. Ф. 3. Оп. 30.4 – Дневник И. И. Лепёхина с записью его наблюдений по экспедиции 1768–1772 гг. 1768–1769 гг. – 175 л.

72. Ф. 21. Оп. 5.6 – Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. Перевод с немецкого. – 132 л.

73. Ф. 21. Оп. 5.149 – Миллер Г. Ф. Географические и исторические ведомости, собранные и присланные в Академию В. Н. Татищевым. 1737–1738 гг. – 640 л.

74. Ф. 21. Оп. 5.168 – Миллер Г. Ф. Научные материалы Камчатской экспедиции. 1733–1743 гг. – 171 л.

75. Ф. 77. Оп. 1 (1921-1929).30 – Институт языка и мышления АН СССР. 1928 г. – 140 л.

76. Ф. 77. Оп. 3.29 – [Золотов Н. Я.] Пословицы, приметы, поговорки. 1927 г. – 7 л.

77. Ф. 95. Оп. 4.4 – Андреевский В. И. Заметка о чувашской народности. 1875–1890 гг. – 38 л.

78. Ф. 95. Оп. 4.5 – Статьи учеников Симбирской семинарии о чувашах, составленные под руководством Н. Артемьева. II половина XIX в. – 64 л.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

79. Ф. ВУА. 19026 – Масленицкий Тимофей. Топографическое зписание губернии Симбирской. 1785 г. – 450 л.

Российская национальная библиотека (РНБ)

80. Ф. Q.IV. 379 – Щербаков, исправник. Описание об идолопоклонниках-чувашах Буинского уезда. 1857 г. – 21 л.

Российский этнографический музей (РЭМ)

81. Ф. 1. Оп. 2.496 – Руденко С. И. Чувашские надгробные памятники. 1907 г. – 19 л.

82. Коллекция 203 – Собрана И. Н. Смирновым в 1902 г. в Казанской и Уфимской губерниях.

83. Коллекция 967 – Приобретена в 1906 г. в д. Вязовка Старо-Тепловской волости Бузулукского уезда Самарской губернии у собирателя Завражева. Изображения домашних духов. Регистровала А. Рагозина.

Санкт-Петербургский институт истории РАН (СПбИИ РАН)

84. Коллекция 238. Оп. 2. 145а/85 – Рыбушкин М. Об общественных жертвоприношениях черемис, чуваш и мордвы в Казанской губернии. Середина XIX в. – 3 л.

Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ)

85. Ф. 351. Оп. 1. Д. 2524 – Уфимская губернская землеустроительная комиссия. Уфимской губернии Белебеевского уезда участок деревень Улу-Елга и Кси-Елга. 1883 г. – 1 л.

86. Ф. 351. Оп. 1. Д. 7670 – Уфимская губернская землеустроительная комиссия. Оренбургской губернии Стерлитамакского уезда Верхне-Меселинская дача. 1864 г. – 1 л.

87. Ф. 351. Оп. 1. Д. 8052 – Уфимская губернская землеустроительная комиссия. Стерлитамакского у. д. Ишпарсовой, Емансас тож, владение новокрещенных чувашей. 1879 г. – 1 л.

Полевые материалы

88. 1990 г. – полевые материалы А. К. Салмина: д. Старое Афонькино Шенталинского р-на Куйбышевской обл.

89. 2009 г. – полевые материалы автора: с. Бердяш, с. Ивано-Кувалат Зилаирского р-на РБ.

90. 2010 г. – полевые материалы автора: с. Бишкаин, д. Юламаново Аургазинского р-на РБ; с. Ахманово, д. Юльtimiровка Бакалинского р-на РБ; с. Ивано-Кувалат, с. Ямансаз Зилаирского р-на РБ; д. Пугачево, с. Яковлевка Хайбуллинского р-на РБ.

91. 2011 г. – полевые материалы автора: с. Антоновка, д. Дмитриевка Гафурийского р-на РБ.

92. 2012 г. – полевые материалы автора: с. Горбуновское Талицкого р-на Свердловской обл.; п. Аблязово Агаповского р-на Челябинской обл. (казахи).

93. 2013 г. – полевые материалы автора: с. Бишкаин, д. Куезбашево, с. Месели, с. Наумкино, д. Ташлыкуль, с. Толбазы, д. Утаркуль, с. Чуваш-Карамалы Аургазинского р-на РБ; с. Ивано-Кувалат Зилаирского р-на РБ; п. Полетаево, с. Чипышево Сосновского р-на Челябинской обл.; устное сообщение А. М. Гуреева о нагайбаках, г. Магнитогорск Челябинской обл.

94. 2014 г. – полевые материалы автора: с. Клементейкино, с. Новое Суркино, с. Старое Суркино Альметьевского р-на РТ; с. Новое Сережкино Лениногорского р-на РТ; с. Новое Ильмово Черемшанского р-на РТ; с. Рысайкино Похвистневского р-на Самарской обл.; с. Девлезеркино, с. Чувашское Урметьево Челно-Вершинского р-на Самарской обл.; с. Старое Афонькино Шенталинского р-на Самарской обл.; с. Фершампенуаз Нагайбакского р-на Челябинской обл. (нагайбаки).

Электронные ресурсы

95. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан [Электронный ресурс] – 18 с. – Режим доступа: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/7ba81d004e64acd68cc5ef2.

96. Лаврентьева, Л. С., Салмин, А. К. Коллекции МАЭ РАН: Чуваши (Опыт каталога) [Электронный ресурс] / Л. С. Лаврентьева, А. К. Салмин // Электронная библиотека МАЭ РАН. – С. 109–135. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-025233-2/978-5-02-025233-2_06.pdf.

97. Сайт Управления по делам архивов Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gasrb.ru/shegere6.html>.

98. Салмин, А. К. Чувашско-осетинские параллели [Электронный ресурс] / А. К. Салмин // Известия СОИГСИ. – 2011. – № 5 (44) – С. 19–25. – Режим доступа: <http://izvestia-soigsi.ru/archive/2011/107-article2>.

99. Сефербеков, Р. И. Об одном календарном и аграрном празднике табасаранцев: Эбелцан [Электронный ресурс] / Р. И. Сефербеков // Электронная библиотека МАЭ РАН. – С. 160–164. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-239-5.

Литература

100. Абрамзон, С. М. Рождение и детство киргизского ребенка: (Из обычаев и обрядов тьянь-шаньских киргизов) / С. М. Абрамзон // Сборник МАЭ. XII. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 78–138.

101. Агапкина, Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т. А. Агапкина. – М.: Индрик, 2002. – 816 с.

102. Акимова, Т. М. Старое и новое (Духовная культура с. Казанлы Вольского у.) / Т. М. Акимова // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения: этнографический сборник. – Саратов: Издание Н.-Волжского областного научного общества краеведения. – 1926. Вып. 34. Ч. IV. – С. 23–35.

103. Акимова, Т. М. Саратовские чуваша / Т. М. Акимова // Саратовский гос. областной музей. – 1926. – № 9. – С. 1–4.

104. Аксаков, С. Т. Собрание сочинений / С. Т. Аксаков. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955. Т. 1. – 640 с.

105. Александров, Н. А. Черемисы и чуваша (Лесная окраина) / Н. А. Александров. – М.: Издание А. Я. Панафидина, 1899. – 40 с.

106. Алексеев, Г. А. Об использовании бани в чувашской народно-бытовой медицине / Г. А. Алексеев // Вопросы истории Чувашской АССР. Ученые записки. – Чебоксары: НИИ, 1970. Вып. 52. – С. 284–289.

107. Асланов, М. Г. Пушту-русский словарь: 50 000 слов / М. Г. Асланов. – М.: Русский язык, 1985. – 1008 с.
108. Атаманов, М. Г. По следам удмуртских воршудов / М. Г. Атаманов. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 217 с.
109. Атаманов-Эграпи, М. Г. Происхождение удмуртского народа / М. Г. Атаманов-Эграпи. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – 576 с.
110. Атнагулов, И. Р. Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века / И. Р. Атнагулов. – Магнитогорск: МаГУ, 2007. – 244 с.
111. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. – М.: Индрик, 1994. Т. 3. – 840 с.
112. Ахметьянов, Р. Г. Об источниках древнекыпчакского компонента чувашского языка / Р. Г. Ахметьянов // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. – Казань: ИЯЛИ, 1982. – С. 107–115.
113. Ахметьянов, Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья / Р. Г. Ахметьянов. – М.: Наука, 1988. – 200 с.
114. Ашмарин, Н. И. Чувашская свадьба / Н. И. Ашмарин, Е. С. Шкапский // Этнографическое обозрение. – 1890. – № 2. – С. 157–168.
115. Ашмарин, Н. И. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской / Н. И. Ашмарин. – Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1900. – 91 с.
116. Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка / Н. И. Ашмарин. – Т. 1–2. – Чебоксары: Руссика, 1994. – 584 с.; Т. 3. – Чебоксары: Руссика, 1994. – 368 с.; Т. 4. – Чебоксары: Руссика, 1994. – 360 с.; Т. 5. – Чебоксары: Руссика, 1994. – 424 с.; Т. 6. – Чебоксары: Руссика, 1994. – 336 с.; Т. 7–8. – Чебоксары: Чебоксарская типография № 1, 1999. – 696 с.; Т. 9–10. – Чебоксары: Чебоксарская типография № 1, 1999. – 616 с.; Т. 11–12. – Чебоксары: Чебоксарская типография № 1, 2000. – 672 с.; Т. 13–14. – Чебоксары: Чебоксарская типография № 1, 2000. – 660 с.; Т. 15–16. – Чебоксары: Чебоксарская типография № 1, 2000. – 676 с.; Т. 17. – Чебоксары: Чебоксарская типография № 1, 2000. – 440 с.
117. Ащепков, Е. А. Русское деревянное зодчество / Е. А. Ащепков. – М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. – 103 с.
118. Бабенко, В. Я. Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде / В. Я. Бабенко. – Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. – 260 с.
119. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. – Л.: Наука, 1983. – 192 с.

120. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
121. Баландин, А. Н. Мансийско-русский словарь с лексическими параллелями из южно-мансийского (кондинского) диалекта / А. Н. Баландин, М. П. Вахрушева. – Л.: Ленинградское отделение Учпедгиза, 1958. – 227 с.
122. Балашов, Д. М. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области) / Д. М. Балашов, Ю. И. Марченко, Н. И. Калмыкова. – М.: Современник, 1985. – 390 с.
123. Баронов, С. Изучение быта чувашей. Возвращение экспедиции Чувпедтехникума / С. Баронов // Красная Башкирия. – 1929. – 12 июля. – С. 4.
124. Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор. – Уфа: Китап, 2010. Т. 12. – 592 с.
125. Белицер, В. Н. Очерки по этнографии народов коми / В. Н. Белицер. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 392 с.
126. Беловинский, Л. В. История русской материальной культуры / Л. В. Беловинский. – М.: Вузовская книга, 2003. – 424 с.
127. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
128. Благовидов, И. А. Материалы к исследованию здоровья инородцев Симбирской губернии / И. А. Благовидов. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 113 с.
129. Блинов, Н. Н. Языческий культ вотяков / Н. Н. Блинов. – Вятка: Губернская типография, 1898. – 103 с.
130. Бломквист, Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) / Е. Э. Бломквист // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 3–458.
131. Вайнштейн, С. И. Мир кочевников центра Азии / С. И. Вайнштейн. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
132. Валеев, Ф. Х. Древнее искусство Татарии / Ф. Х. Валеев, Г. Ф. Валеева-Сулейманова. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. – 166 с.
133. Васильев, М. О киреметях у чуваш и черемис / М. Васильев. – Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1904. – 50 с.
134. Введенская, А. Г. Из истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX в. / А. Г. Введенская // Тр. Государственного исторического музея. – М.: Изд-во Гос. Исторического музея, 1941. – С. 77–120.

135. Верещагин, Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / Г. Е. Верещагин // Записки Императорского Русского географического Общества по отделению этнографии. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1889. Т. 14. Вып. 3. – 197 с.
136. Верещагин, Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Кн. 1. Этнографические очерки / Г. Е. Верещагин. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 311 с.
137. Верещагин, Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь / Г. Е. Верещагин. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. – 288 с.
138. Верещагин, Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Кн. 3: Вотско-русский словарь / Г. Е. Верещагин. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2011. – 152 с.
139. Витсен, Николаас. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / Николаас Витсен. – Амстердам: Pegasus, 2010. Т. I. – 621 с.
140. Вишневский, В. П. О религиозных поверьях чуваш / В. П. Вишневский. – Казань: Казанские губ. ведомости, 1846. – 25 с.
141. Владыкин, В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов / В. Е. Владыкин. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 384 с.
142. Волков, Г. Н. Этнопедагогика / Г. Н. Волков. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. – 376 с.
143. Волкова, Л. А. Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX – начало XX века) / Л. А. Волкова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. – 388 с.
144. Воробьев, Н. И. Этногенез чувашского народа по данным этнографии / Н. И. Воробьев // Советская этнография. – 1950. – № 3. – С. 66–78.
145. Воробьев, Н. И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода) / Н. И. Воробьев. – Казань: Татарское гос. изд-во, 1953. – 382 с.
146. Воробьев, Н. И. К истории сельского жилища у народов Среднего Поволжья / Н. И. Воробьев // Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. Вып. XXV. – С. 3–18.
147. Воробьев, Н. И. Резьба по дереву у чувашей / Н. И. Воробьев // Советская этнография. – 1956. – № 4. – С. 143–147.
148. Воробьев, В. П. Чувашские народные песни / В. П. Воробьев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – 328 с.
149. Вышеславцев, А. Похоронные и поминальные обычаи некрещеных чуваш Симбирской губернии во второй половине XVIII в. / А. Вышеславцев // Известия Русского географического общества. – СПб., 1884. Т. XX. – С. 274–279.

150. Габе, Р. М. Карельское деревянное зодчество / Р. М. Габе. – М.: Гос. архитектурное изд-во АА СССР, 1941. – 215 с.
151. Гавриил, архимандрит. История философии / архимандрит Гавриил. – Казань: Университет. тип., 1840. Ч. VI. – 158 с.
152. Гаврилов, Б. Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний / Б. Г. Гаврилов. – Казань: Православ. миссионер. об-во, 1880. – 190 с.
153. Гаврилов, Б. Г. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урьясь-Учинского прихода / Б. Г. Гаврилов // Труды четвертого Археологического съезда в России. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. Т. II. – С. 80–156.
154. Гаджиева, С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. / С. Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1976. – 227 с.
155. Гакстгаузен, Август. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / Август Гакстгаузен. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1869. Т. 1. – 490 с.
156. Гемуев, И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос / И. Н. Гемуев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990. – 232 с.
157. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. – М.: Восточная литература, 1999. – 198 с.
158. Георги, И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов / И. Г. Георги. – СПб.: Акад. наук, 1776. Ч. 1. – 89 с.
159. Говоров, А. С. Ивановка. Монографическое описание села Екатерининской волости Самарской губернии / А. С. Говоров. – Самара: Об-во археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском гос. ун-те, 1926. – 95 с.
160. Головнёв, А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А. В. Головнёв. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
161. Данилко, Е. С. Татары в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья: особенности межкультурных взаимодействий / Е. С. Данилко // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 6. – С. 54–65.
162. Денисов, П. В. Религиозные верования чуваш: Историко-этнографические очерки / П. В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. – 408 с.
163. Димитриев, В. Д. Население Чувашского Поволжья в составе Булгарского государства / В. Д. Димитриев, И. П. Паньков // Материалы по истории Чувашской АССР. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. Вып. 1. – С. 62–84.

164. Дмитриева, С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера / С. И. Дмитриева. – М.: Наука, 1988. – 240 с.
165. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 677 с.
166. Дурасов, Г. П. Обряды, связанные с обиходом скота в сельской общине Каргаполя в XIX – начале XX в. / Г. П. Дурасов // Русские: семейный и традиционный быт. – М.: Наука, 1989. – С. 265–282.
167. Дыренкова, Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы / Н. П. Дыренкова. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – 408 с.
168. Евсеев, М. Е. Отдел приволжских инородцев (чуваши, черемисы, мордва, вотяки) / М. Е. Евсеев // Выставка культуры народов Востока: (Путеводитель по выставке). – Казань, 1920. – С. 70–94.
169. Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1964. – 355 с.
170. Емельянов, А. И. Курс по этнографии вотяков. Вып. III: Остатки старинных языческих верований и обрядов у вотяков / А. И. Емельянов. – Казань: Издание Казанского Вотского Издательского Подотдела, 1921. – 157 с.
171. Желтов, А. А. Русская баня и старинный северный быт / А. А. Желтов // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 3. – С. 35–51.
172. Жеребцов, Л. Н. Крестьянское жилище Коми АССР / Л. Н. Жеребцов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. – 96 с.
173. Загребин, А. Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. / А. Е. Загребин. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – 185 с.
174. Зеленин, Д. К. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края / Д. К. Зеленин. – Юрьев: Печатано в тип. Э. Бергмана, 1904. – 180 с.
175. Зеленин, Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии / Д. К. Зеленин. – Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1915. – 640 с.
176. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
177. Земляницкий, Т. Чуваши (Некоторые исторические данные о чувашах вообще и в частности Козьмодемьянского уезда, в связи с вопросом о христианском просвещении их) / Т. Земляницкий. – Казань: Центральная типография, 1909. – 22 с.
178. Золотарев, Д. А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919–1925) / Д. А. Золотарев // Материалы по этнографии. – Л.: Гос. Рус. музей, 1926. Т. III. Вып. 1. – С. 143–158.

179. Золотницкий, Н. И. Корневой чувашско-русский словарь / Н. И. Золотницкий. – Казань: Имп. ун-т, 1875. – 272 с.
180. Золотова, Т. Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.) / Т. Н. Золотова. – Омск: Издатель-Полиграф, 2002. – 234 с.
181. Зыков, Ф. М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов (XIX – начало XX в.). Историко-этнографическое исследование / Ф. М. Зыков. – Новосибирск: Наука, 1986. – 102 с.
182. Иванов, В. П. Вместо предисловия / В. П. Иванов // Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. – Чебоксары: ЧНИИ ЯЛИЭ, 1989. – С. 3–11.
183. Иванов, В. П. Краеведение: из истории старинного чувашского села Кош-Елга / В. П. Иванов, И. А. Архипов // Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. – Чебоксары: ЧНИИ ЯЛИЭ, 1989. – С. 123–131.
184. Иванов, В. П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения / В. П. Иванов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. – 383 с.
185. Иванов, К. В. Нарспи / К. В. Иванов. – М.: Художественная литература, 1937. – 141 с.
186. Иванов, Л. А. Поселения и жилища чувашского населения Прикамского Заволжья и Южного Урала / Л. А. Иванов // Вопросы истории Чувашии. Ученые записки. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. Вып. XXIX. – С. 184–211.
187. Иванов, Л. А. Современный быт и культура сельского чувашского населения / Л. А. Иванов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1973. – 124 с.
188. Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – 315 с.
189. Исторические заметки о Самарской крае // Журнал МВД. 1860. Ч. XLII. Кн. 6. – С. 350–410.
190. История башкирского народа: в 7 т. – СПб.: Наука, 2011. Т. IV. – 400 с.
191. История и культура Вятского края. – М.: Константа, Академический проект, 2005. – 592 с.
192. История татар с древнейших времен. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: Изд-во РухИЛ, 2006. Т. II. – 1000 с.
193. Калевала. Финский народный эпос. – М.: Издатель Сабашников, 1915. – 426 с.
194. Калимуллин, Б. Г. Башкирское народное зодчество / Б. Г. Калимуллин. – Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1978. – 132 с.
195. Каменский, Н. Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш / Н. Каменский. – Казань: Тип. ун-та, 1879. – 35 с.

196. Кандрина, И. А. Баня в системе жизнеобеспечения в трудах Н. В. Никольского (К истории вопроса) / И. А. Кандрина // Н. В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века: материалы конференции, посвященной 125-летию со дня рождения ученого. – Чебоксары: ЧГИГН, 2005. – С. 121–124.
197. Карпухин, И. Е. Свадьба в Башкортостане на стыке тысячелетий (состояние, поэтика, межэтнические контакты) / И. Е. Карпухин. – Уфа: Китап, 2011. – 544 с.
198. Касимова, Д. Г. Семейная обрядность чепецких татар (середина XIX–XX вв.) / Д. Г. Касимова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. – 300 с.
199. Кастрен, М. А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) / М. А. Кастрен. – М.: Тип. А. Семена, 1860. – 503 с.
200. Каховский, В. Ф. Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории / В. Ф. Каховский. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 484 с.
201. Коваль, И. Обряды крещеных татар (именуемых кряшен) / И. Коваль // Краеведческий сборник. № 3–4. – Уфа, 1930. – С. 81–84.
202. Козлова, К. И. Этнография народов Поволжья / К. И. Козлова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1964. – 175 с.
203. Комиссаров, Г. И. Чуваши Казанского Заволжья / Г. И. Комиссаров // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1911. Т. XXVII, вып. 5. – С. 311–432.
204. Комиссаров, Г. И. О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники, письма / Г. И. Комиссаров. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 528 с.
205. Корнилов, Г. Е. Некоторые материалы для характеристики говора села Бердяш Зилаирского района Башкирской АССР / Г. Е. Корнилов // Материалы по чувашской диалектологии. – Чебоксары: ЧНИИ ЯЛИЭ, 1963. Вып. II. – С. 133–161.
206. Корнишина, Г. А. Дом и ритуал в традиционной культуре мордвы / Г. А. Корнишина // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2012. – № 2 (18). – С. 80–85.
207. Коровушкин, Д. Г. Чуваши Западной Сибири (этнодисперсная группа на современном этапе) / Д. Г. Коровушкин. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1997. – 96 с.
208. Коровушкин, Д. Г. Чуваши в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI века / Д. Г. Коровушкин. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2009. – 188 с.
209. Кошаев, В. Б. Традиционное жилище народов Западного Приуралья: Культурогенез. Классификация. Искусство / В. Б. Кошаев. – Ижевск: Изд. Дом Удмуртский университет, 2001. – 370 с.

210. Красноперов, И. М. Самарские чуваш / И. М. Красноперов // Русская мысль. – 1884. – Кн. 3. – С. 46–52.
211. Кузеев, Р. Г. Декоративное творчество башкирского народа / Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. – Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1979. – 244 с.
212. Кузнецов, И. Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. – 584 с.
213. Кузнецов, И. Д. Очерки по истории чувашского крестьянства / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. Ч. 2. – 427 с.
214. Кузьмина, Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня / Е. Е. Кузьмина. – Фрунзе: Илим, 1986. – 134 с.
215. Князь А. М. Курбский и царь Иоанн IV Васильевич Грозный. Избранные сочинения. – СПб.: Тип. Глазунова, 1902. – 261 с.
216. Лепёхин, И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году / И. И. Лепёхин. – СПб.: Имп. АН, 1771. – 538 с.
217. Логинов, К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья / К. К. Логинов. – М.: Наука, 2006. – 276 с.
218. Львов, Г. Языческие браки у чуваш / Г. Львов. – Казань: Изд. Казан. Епархии, 1898. – 10 с.
219. Магнитский, В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собранные в некоторых местностях Казанской губернии / В. К. Магнитский. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. – 266 с.
220. Мазалова, Н. Е. Состав человеческий: человек в традиционных соматических представлениях русских / Н. Е. Мазалова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 192 с.
221. Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. – СПб.: Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева, 1903. – 529 с.
222. Малов, Е. А. О чувашах / Е. А. Малов // Православный собеседник. – 1882. – Т. I. – С. 40–73.
223. Марийцы. Историко-этнографические очерки. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. – 336 с.
224. Масленникова, Т. А. Художественное оформление башкирского народного жилища (XIX–XX вв.) / Т. А. Масленникова. – Уфа: Гилем, 1998. – 134 с.
225. Маслова, Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. / Г. С. Маслова. – М.: Наука, 1984. – 216 с.
226. Матвеев, Г. Б. Крестьянская строительная техника (Северо-западные районы Чувашии) / Г. Б. Матвеев // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. – Чебоксары: ЧНИИ ЯЛИЭ, 1986. – С. 31–44.

227. Матвеев, Г. Б. Сельские поселения чувашей во второй половине XIX – начале XX вв. (Материалы к историко-этнографическому атласу) / Г. Б. Матвеев // Этнография чувашского крестьянства. – Чебоксары: ЧНИИ ЯЛИЭ, 1987. – С. 35–50.
228. Матвеев, Г. Б. Жилище и хозяйственные постройки средненизовых чувашей (Вторая половина XIX – начало XX вв.) (Материалы к историко-этнографическому атласу) / Г. Б. Матвеев // Традиционное хозяйство и культура чувашей. – Чебоксары: ЧНИИ ЯЛИЭ, 1988. – С. 53–63.
229. Матвеев, Г. Б. Материальная культура чувашей / Г. Б. Матвеев. – Чебоксары: ЧГИГН, 1994. – 198 с.
230. Матвеев, Г. Б. Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья / Г. Б. Матвеев // Материалы по этнографии и антропологии чувашей. – Чебоксары: ЧГИГН, 1997. – С. 118–130.
231. Матвеев, Г. Б. Материальная культура / Г. Б. Матвеев, Е. А. Ягафова // Чувашаи Самарской Луки. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – С. 18–36.
232. Матвеев, Г. Б. Эволюция чувашского народного зодчества в 1920-е годы / Г. Б. Матвеев // Художественная культура Чувашии: 20-е годы XX века. – Чебоксары: ЧГИГН, 2005. – С. 142–161.
233. Матвеев, Г. Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности / Г. Б. Матвеев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. – 256 с.
234. Материалы для исследования промыслов населения Казанской губернии. – Казань: Издание Казан. губ. зем. управы, 1887. – 295 с.
235. Медведев, В. В. Поселения и жилища чувашей Башкортостана второй половины XIX – начала XX века / В. В. Медведев. – Магнитогорск: МаГУ, 2012. – 226 с.
236. Медведев, В. В. Традиционные хозяйственные постройки чувашей Республики Башкортостан / В. В. Медведев. – Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2014. – 156 с.
237. Мельников-Печерский, П. И. Очерки мордвы / П. И. Мельников-Печерский. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 92 с.
238. Меньшов, И. И. Этнографический очерк быта и обычаев чуваш Уфимской губернии, Златоустовского уезда / И. И. Меньшов // Записки Оренбургского отдела Императорского географического общества. – 1875. – Вып. III. – С. 237–248.
239. Месарош, Д. Памятники старой чувашской веры / Д. Месарош. – Чебоксары: ЧГИГН, 2000. – 360 с.
240. Миллер, Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков / Г. Ф. Миллер. – СПб.: Имп. АН, 1791. – 99 с.
241. Миллер, Г. Ф. Описание сибирских народов / Г. Ф. Миллер. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 456 с.

242. Милькович, К. С. О чувашах. Этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия / К. С. Милькович. – Казань: Тип. губ. правления, 1888. – 35 с.
243. Миннихметова, Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов / Т. Г. Миннихметова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. – 168 с.
244. Минх, А. Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собранные в 1861–1888 годах / А. Н. Минх. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1890. – 154 с.
245. Миролюбов, В. И. Из быта крещеных чуваш / В. И. Миролюбов. – Казань: Казан. епархия, 1889. – 19 с.
246. Мифы народов мира. Энциклопедия (В 2 томах). – М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2. К–Я. – 719 с.
247. Михайлов, В. И. Обряды и обычаи чуваш / В. И. Михайлов // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб.: ИРГО, 1891. Т. XVII, вып. II. – С. 87–130.
248. Михайлов, С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов / С. М. Михайлов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. – 423 с.
249. Мокшин, Н. Ф. Мордва: мокша и эрзя / Н. Ф. Мокшин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. – 272 с.
250. Монастырский, С. Иллюстрированный спутник по Волге в 3-х частях с картою Волги / С. Монастырский. – Казань: Типо-литография Ключникова, 1884. – 513 с.
251. Мордва Заволжья. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. – 184 с.
252. Мордва: Историко-культурные очерки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. – 624 с.
253. Мухамедова, Р. Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование / Р. Г. Мухамедова. – М.: Наука, 1972. – 248 с.
254. Мухаметшин, Ю. Г. Поселения, усадьбы, строительная техника жилища (конец XIX – начало XX вв.) / Ю. Г. Мухаметшин, Н. А. Халиков // Пермские татары. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН, 1983. – С. 42–67.
255. Мухаметшин, Ю. Г. Общее и особенное в сельских постройках молькеевских кряшен (структурно-типологическое сопоставление с материальной культурой народов Среднего Поволжья) / Ю. Г. Мухаметшин // Молькеевские кряшены. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН, 1993. – С. 25–57.
256. Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1985. – 309 с.
257. Народы Башкортостана: энциклопедия. – Уфа: Башк. энцикл., 2014. – 528 с.

258. Населенные пункты Башкортостана. Уфимская губерния, 1877. Ч. I. – Уфа: Китап, 2002. – 432 с.
259. Наумов, Н. Е. Халăх сӳпсинчен: этнографи ăнлавӗсен пуххи / Н. Е. Наумов. – Шупашкар: Чăваш кĕнеки изд-ви, 2010. – 319 с.
260. Никанор, архиепископ. Остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш / архиепископ Никанор. – Казань: Казан. епархия, 1910. – 38 с.
261. Никифоров, Ф. Н. Стюхинские чуваш / Ф. Н. Никифоров // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1904. Т. XX, вып. 6. – С. 325–348.
262. Николаев, Г. А. Богатство и богатые люди в представлениях средневожского чувашского крестьянства второй половины XIX – начала XX в. / Г. А. Николаев // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5. – С. 43–52.
263. Никольский, Н. В. Русско-чувашский словарь. Издание Переводческой Комиссии при Управлении Казанского Учебного Округа / Н. В. Никольский. – Казань: Центральная типография, 1909. – 640 с.
264. Никольский, Н. В. Краткий курс по этнографии чуваш / Н. В. Никольский. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1928. Вып. 1. – 226 с.
265. Никольский, Н. В. Собрание сочинений. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа / Н. В. Никольский. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. Т. I. – 527 с.
266. Никольский, Н. В. Собрание сочинений. Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири / Н. В. Никольский. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. III. – 735 с.
267. Никольский, Н. В. Собрание сочинений. Этнографические альбомы / Н. В. Никольский. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. IV. – 318 с.
268. Никонова, Л. И. Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения / Л. И. Никонова. – Рузаевка, 2000. – 160 с.
269. Никонова, Л. И. Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья: историко-этнографическое исследование / Л. И. Никонова, И. А. Кандрина. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2003. – 288 с.
270. Никулин, Д. В. Пространство / Д. В. Никулин // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. Т. 3: Н–С. – С. 370–372.
271. Нуриева, И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления / И. М. Нуриева. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – 272 с.

272. Осипов, А. А. Чувашская свадьба: Обряд и музыка свадьбы вирьял / А. А. Осипов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 206 с.
273. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи / П. С. Паллас. – СПб.: Имп. АН, 1773. Ч. 1. – 786 с.
274. Партина, А. С. Архитектурные термины: Иллюстрированный словарь / А. С. Партина. – М.: Стройиздат, 1994. – 208 с.
275. Первый Всечувашский краеведческий сборник (15–21 июня 1928 г. в г. Чебоксарах ЧАССР): тез. докл. и резолюции. – Чебоксары: Издание об-ва изучения Чуваш. края, 1929. – 128 с.
276. Перевозчикова-Владыкина, Т. Г. Годовой обрядовый цикл удмуртов / Т. Г. Перевозчикова-Владыкина, В. Е. Владыкин // Удмурт оскон: Вашкала куриськонъёс, вöсьяськонъёс, статьяос / Удмуртская вера: Древние молитвы-заклинания, статьи. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – С. 160–191.
277. Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Отчет о командировке В. А. Абрютин. – Уфа: Тип. Губ. правления, 1898. – 94 с.
278. Петров-Туринге, П. А. Работа среди чуваш / П. А. Петров-Туринге // Материалы общества по изучению Башкирии: Краеведческий сборник. – Уфа: Изд-во Общества по изучению Башкирии, 1930. – № 3–4. – С. 95–98.
279. Петров, И. Г. Чуваша Башкортостана (Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры) / И. Г. Петров. – Уфа: Уфимская городская типография, 1994. – 68 с.
280. Петров, И. Г. Исламизация чувашей Южного Приуралья в середине XIX – начале XX века: причины и этнические результаты / И. Г. Петров // Восток в исторических судьбах народов России. Книга 3. Материалы V Всероссийского съезда востоковедов 26–27 сентября 2006 года. – Уфа: Вилли Окслер, 2006. – С. 140–144.
281. Петров, И. Г. Слово о педагоге, краеведе и этнографе П. А. Петрове-Туринге / И. Г. Петров // Чувашский гуманитарный вестник. – 2008. – № 3. – С. 32–44.
282. Петрухин, В. Я. Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов / В. Я. Петрухин. – М.: Астрель, 2010. – 416 с.
283. Пинт, А. И. К истории удмуртского жилища / А. И. Пинт // На удмуртские темы. – М.: Уч. зап. НИИ народов Советского Востока, 1931. Вып. 2. – С. 76–98.
284. Попов, Г. Русская народно-бытовая медицина / Г. Попов. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. – 406 с.
285. Попова, Е. В. Календарные обряды бесермян / Е. В. Попова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 256 с.

286. Попова, Е. В. Удмурты в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: опыт соседства / Е. В. Попова // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 6. – С. 66–80.
287. Прокопьев, К. П. Похороны и поминки у чуваш / К. П. Прокопьев. – Казань: Имп. ун-т, 1903. – 39 с.
288. Прокопьев, К. П. Обряд прохождения в земляные ворота (Из быта чуваш) / К. П. Прокопьев // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – 1903. – Т. XIX. – С. 208–213.
289. Прокопьев, К. П. Брак у чуваш / К. П. Прокопьев. – Казань: Имп. ун-т, 1903. – 63 с.
290. Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий / В. В. Радлов. – СПб.: Тип. АН, 1893. Т. 1. Ч. 2. – 1914 с.
291. Раппопорт, П. А. Древнерусское жилище / П. А. Раппопорт. – Л.: Наука, 1975. – 179 с.
292. Рахимов, Р. К. К вопросу о чувашских национальных архитектурных формах / Р. К. Рахимов // Чувашское искусство: Вопросы теории и истории. – Чебоксары: ЧГИГН, 1997. Вып. III. – С. 3–28.
293. Рахматуллин, У. Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения / У. Х. Рахматуллин. – М.: Наука, 1988. – 188 с.
294. Рекеев, А. Из чувашских преданий и верований / А. Рекеев. – Казань: Имп. ун-т, 1897. – 15 с.
295. Риттих, А. Ф. Материалы для этнографии России. XIV: Казанская губерния / А. Ф. Риттих. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1870. Ч. I. – 224 с.
296. Роднов, М. И. Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав / М. И. Роднов. – М.: ИЭА РАН, 2009. – 121 с.
297. Розенфельд, А. З. Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана / А. З. Розенфельд // Советская этнография. – 1970. – № 3. – С. 114–119.
298. Романов, Н. Р. Чувашские пословицы, поговорки и загадки / Н. Р. Романов. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. – 359 с.
299. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. – СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1901. – 599 с.
300. Руденко, С. И. Чувашские надгробные памятники / С. И. Руденко // Материалы по этнографии России. – СПб.: Гос. рус. музей, 1910. Т. 1. – С. 81–88.
301. Руденко, С. И. Башкиры: историко-этнографические очерки / С. И. Руденко. – Уфа: Китап, 2006. – 376 с.
302. Русские. – М.: Наука, 2005. – 828 с.
303. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1987. – 784 с.

304. Рычков, П. И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинции, кратко и возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии / П. И. Рычков // Тр. ВЭО. 1767. Т. 2. № 8. Ч. VII. – С. 111–212.
305. Садиков, Р. Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты) / Р. Р. Садиков. – Уфа: Гилем, 2001. – 181 с.
306. Садиков, Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития) / Р. Р. Садиков. – Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2008. – 232 с.
307. Садиков, Р. Р. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга) / Р. Р. Садиков, К. Х. Хафиз. – Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2010. – 100 с.
308. Садиков, Р. Р. Процессы межконфессионального взаимодействия в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: история и современные тенденции развития / Р. Р. Садиков // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 6. – С. 9–22.
309. Салмин, А. К. Народная обрядность чувашей / А. К. Салмин. – Чебоксары: ЧГИ, 1994. – 339 с.
310. Салмин, А. К. Семантика дома у чувашей / А. К. Салмин. – Чебоксары: ЧГИГН, 1998. – 64 с.
311. Салмин, А. К. Народные обряды чувашей в фотографиях / А. К. Салмин. – Чебоксары: ЧГИГН, 2001. – 112 с.
312. Салмин, А. К. Вербальный религиозно-обрядовый текст / А. К. Салмин // Этнология религии чувашей. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. Вып. I. – С. 85–112.
313. Салмин, А. К. Система религии чувашей / А. К. Салмин. – СПб.: Наука, 2007. – 654 с.
314. Салмин, А. К. Традиционные обряды и верования чувашей / А. К. Салмин. – СПб.: Наука, 2010. – 240 с.
315. Салмин, А. К. Дикие животные в верованиях чувашей / А. К. Салмин // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 3. – С. 158–162.
316. Салмин, А. К. Новогодние гадания о будущем у чувашей / А. К. Салмин // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам: сб. науч. ст. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 114–121.
317. Салмин, А. К., подг. к изд. Традиционная культура чувашей: тексты (материалы научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук). – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. – 358 с.

318. Сбоев, В. А. Исследования об инородцах Казанской губернии / В. А. Сбоев. – Казань: Издание книгопродавца Дубровина, 1856. – 188 с.
319. Свадебные обряды у горных черемис // Памятная книга Казанской губернии на 1864/65 год. – Казань: Губ. тип., 1865. – С. 109–124.
320. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков / Э. В. Севортян. – М.: Наука, 1980. – 395 с.
321. Сепеев, Г. А. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX–XX вв.) / Г. А. Сепеев. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975. – 247 с.
322. Сепеев, Г. А. Особенности типологии и планировки марийских поселений / Г. А. Сепеев // Поселения и жилища Марийского края. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1982. – С. 159–189.
323. Симбирско-Саратовские чуваша. – Чебоксары: ЧГИГН, 2004. – 274 с.
324. Сироткин, М. Я. Чувашский фольклор: Очерк устно-поэтического народного творчества / М. Я. Сироткин. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 132 с.
325. Сказки. – М.: Художественная литература, 1989. – 634 с.
326. Смирнов, А. П. Древняя история чувашского народа (до монгольского завоевания) / А. П. Смирнов. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1948. – 80 с.
327. Смирнов, А. П. Волжские булгары / А. П. Смирнов. – М.: ГИМ, 1951. – 375 с.
328. Смирнов, И. Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. – Казань: Имп. ун-т, 1889. – 255 с.
329. Смирнов, И. Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. – Казань: Имп. ун-т, 1890. – 354 с.
330. Смирнов, И. Н. Пермьки. Историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. – Казань: Имп. ун-т, 1891. – 289 с.
331. Смирнов, И. Н. Мордва. Историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. – Казань: Имп. ун-т, 1895. – 310 с.
332. Смирнов, И. Чуваша / И. Смирнов // Энциклопед. словарь. Т. 76. – СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1903. – С. 933–938.
333. Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. – 140 с.
334. Соколова, А. А. Диалектология и гуманитарная география / А. А. Соколова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2011. – Т. 1. Филология. – № 4. – С. 142–146.

335. Соколова, З. П. Народы Западной Сибири: Этнографический альбом / З. П. Соколова. – М.: Наука, 2007. – 342 с.
336. Соловьева, Г. И. Марийская народная резьба по дереву / Г. И. Соловьева. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1986. – 191 с.
337. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006. – 908 с.
338. Степанов, И. Д. С. Казанлы. Материальная культура (внешний быт) / И. Д. Степанов // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения: этнографический сборник. – Саратов: Издание Н.-Волжского областного научного общества краеведения. – 1926. Вып. 34. Ч. IV. – С. 37–44.
339. Степанова, О. Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представление о круговороте жизни и душе / О. Б. Степанова. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2008. – 392 с.
340. Столярова, Г. Р. История формирования и обрядность чувашей-язычников Татарстана / Г. Р. Столярова // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 2. – С. 96–115.
341. Султангареева, Р. А. Жизнь человека в обряде: фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов / Р. А. Султангареева. – Уфа: Гилем, 2006. – 355 с.
342. Сурхаско, Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.) / Ю. Ю. Сурхаско. – Л.: Наука, 1977. – 238 с.
343. Сухарева, И. В. Политика христианизации Русского государства и конфессиональное состояние чувашей Башкирии (до 1917 года) / И. В. Сухарева. – Уфа: БашГУ, 2011. – 64 с.
344. Сыщиков, А. Д. Лексика крестьянского деревянного строительства: Материалы к словарю / А. Д. Сыщиков. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – 292 с.
345. Татары. – М.: Наука, 2001. – 583 с.
346. Терюков, А. И. Предсказание будущего в традиционной культуре народов коми / А. И. Терюков // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам: сб. науч. ст. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 100–113.
347. Тишков, В. А. Культурный смысл пространства / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 1. – С. 14–31.
348. Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1997. – 397 с.
349. Трофимов, А. А. Народное и самодеятельное искусство / А. А. Трофимов // Чувашки Приуралья: культурно-бытовые процессы. – Чебоксары: ЧНИИ ЯЛИЭ, 1989. – С. 72–93.
350. Трофимов, А. А. Чувашская народная культовая скульптура / А. А. Трофимов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. – 237 с.

351. Трофимов, А. А. Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура / А. А. Трофимов. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – 256 с.
352. Тульцева, Л. А. Концепты Света и новые поколения детей в календарной обрядности русских. Рождество – Новый год / Л. А. Тульцева // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 4. – С. 141–157.
353. Уразманова, Р. К. Годовой цикл общественных обрядов и праздников молькеевских кряшен: похоронно-поминальная обрядность / Р. К. Уразманова // Молькеевские кряшены. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1993. – С. 77–91.
354. Уразманова, Р. К. Годовой цикл общественных обрядов и праздников нагайбаков / Р. К. Уразманова // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. – С. 74–88.
355. Уразманова, Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. XIX – нач. XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа / Р. К. Уразманова. – Казань: Изд-во Дом печати, 2001. – 198 с.
356. Ушаков, Н. В. Мужские и женские образы русской демонологии, связанные со сферой «дом» (соотношение домашних духов и реалий русского жилища) / Н. В. Ушаков // Женщина и вещественный мир народов России. Сборник МАЭ РАН, т. XLVII. – СПб., 1999. – С. 131–148.
357. Ушаков, Н. В. Жилище Санкт-Петербургской губернии начала XX века / Н. В. Ушаков. – СПб.: МАЭ РАН, 2004. – 152 с.
358. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е–Муж) / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.; Т. 3 (Муза–Сят). – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.; Т. 4 (Т–ящур). – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.
359. Федоров, П. А. Плотничное ремесло. Постройка сельских деревянных домов и принадлежностей к ним / П. А. Федоров. – СПб.: Книгоиздат. А. Ф. Сухой, 1902. – 160 с.
360. Федоров-Давыдов, Г. А. Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) / Г. А. Федоров-Давыдов // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. № 111. – С. 49–89.
361. Федотов, М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / М. Р. Федотов. – Саранск: Изд-во Сарат. ун-та, Саран. фил., 1990. – 336 с.
362. Федотов, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 1. А–Р / М. Р. Федотов. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996. – 470 с.; Т. 2. С–Я. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996. – 509 с.
363. Филоненко, В. И. У язычников-инородцев Уфимской губернии / В. И. Филоненко. – Уфа: Электрич. губ. тип., 1914. – 35 с.

364. Фокин, П. П. Овинная сушка хлебов у чувашей в конце XIX – начале XX вв. / П. П. Фокин // Традиционное хозяйство и культура чувашей. – Чебоксары: ЧНИИ ЯЛИЭ, 1988. – С. 64–71.
365. Фокин, П. П. Строительные обряды современной чувашской семьи / П. П. Фокин // Этнология религии чувашей. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. Вып. I. – С. 65–84.
366. Фукс, А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии / А. А. Фукс. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1840. – 329 с.
367. Харузин, Н. Н. Очерк истории развития жилища у финнов / Н. Н. Харузин. – М.: Высочайше утв. тов-во скоропечати А. А. Левенсон, 1895. – 107 с.
368. Харузин, Н. Н. Очерки истории развития жилища у финнов / Н. Н. Харузин // Этнографическое обозрение. – 1895. – Вып. 1. Кн. XXIV. – 99 с.
369. Харузин, Н. Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России / Н. Н. Харузин. – М.: Высочайше утв. тов-во скоропечати А. А. Левенсон, 1896. – 128 с.
370. Чăваш диалектологийĕн вĕрентÿпе справка материалĕсем тата Уралсум чăвашĕсен калаçăвĕн диалектологи словарĕ / Хатĕрл. Л. В. Власова, Н. И. Егоров. Икĕ пайпа тухать. – Стерле: Стерле патшалăх педагогика академийĕ, 2004. 1 пай. А–Р. – 200 с.
371. Чагин, Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века / Г. Н. Чагин. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1995. – 364 с.
372. Черемшанский, В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях / В. М. Черемшанский. – Уфа: Тип. Оренбург. губ. правления, 1859. – 472 с.
373. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. I. А – Пантомима / П. Я. Черных. – М.: Рус. яз., 1999. – 624 с.
374. Черных, Е. М. Жилища Прикамья (эпоха железа) / Е. М. Черных. – Ижевск: Изд-во Удмуртский ун-т, 2008. – 272 с.
375. Черных, А. В. Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии / А. В. Черных, М. С. Каменских. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2014. – 272 с.
376. Черняков, З. Е. Очерки этнографии саамов / З. Е. Черняков. – Рованиemi: Университет Лапландии, 1998. – 126 с.
377. Численность населения по населенным пунктам Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. Уфа: Башкортостанстат, 2012. – 153 с.

378. Чистов, К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории / К. В. Чистов. – Л.: Наука, 1986. – 304 с.
379. Чубарьян, А. О. (отв. ред.). Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / А. О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – 576 с.
380. Чуваши: этнографическое исследование. Материальная культура. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. Ч. 1. – 415 с.
381. Чуваши: этнографическое исследование. Духовная культура. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. Ч. 2. – 308 с.
382. Чуваши Самарской Луки. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – 160 с.
383. Чуваши: история и культура. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. – 415 с.
384. Чуваши: история и культура. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 2. – 335 с.
385. Чувашские сказки. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. – 159 с.
386. Шабаев, Ю. П. Баня в народной медицине пермских и волжских финнов / Ю. П. Шабаев, Г. И. Мальцев // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5. – С. 53–66.
387. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М.: Просвещение, 1961. – 542 с.
388. Шарифуллина, Ф. Л. Традиционная обрядность молькеевских кряшен / Ф. Л. Шарифуллина // Молькеевские кряшены. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1993. – С. 92–98.
389. Шервашидзе, И. Н. Фрагмент общетюркской лексики: Заимствованный фонд / И. Н. Шервашидзе // Вопросы языкознания. – 1989. – № 2. – С. 54–92.
390. Шитова, С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир (вторая половина XIX – первая четверть XX в.) / С. Н. Шитова. – М.: Наука, 1984. – 252 с.
391. Шитова, С. Н. История архитектурного декора в башкирских аулах / С. Н. Шитова. – Уфа: Гилем, 2004. – 219 с.
392. Шкалина, Г. Е. Традиционная культура народа мари / Г. Е. Шкалина. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2003. – 208 с.
393. Шкляев, Г. К. Обряды и поверья удмуртов, связанные с жилищем / Г. К. Шкляев // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. – Ижевск: УрО АН СССР, 1989. – С. 28–43.
394. Шутова, Н. И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников / Н. И. Шутова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. – 263 с.
395. Шутова, Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования / Н. И. Шутова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – 304 с.

396. Шутова, Н. И. Об одной древнетюркской черте в традиционных удмуртских представлениях: археолого-этнографический аспект / Н. И. Шутова // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Наука, 2010. – С. 207–210.
397. Шутова, Н. И. Деревенские жрецы в традиционной религии удмуртов (конец XIX – первая половина XX в.) / Н. И. Шутова // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 1 (26). – С. 130–137.
398. Щепанская, Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. / Т. Б. Щепанская. – М.: Индрик, 2003. – 528 с.
399. Элиаде, М. Космос и история / М. Элиаде. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
400. Элиаде, М. Мифы, сновидения, мистерии / М. Элиаде. – М.: Рефл-бук, 1996. – 288 с.
401. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М.: Академический проспект, 2010. – 256 с.
402. Эрзянско-русский словарь: Ок. 27000 слов. М.: Рус. яз., Дигора, 1993. – 803 с.
403. Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. – Чебоксары: ЧНИИ ЯЛИЭ, 1993. – 269 с.
404. Этнографическое описание Казанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. – 1841. – № 3. – С. 350–410.
405. Этнография марийского народа: учеб. пособие для старших классов. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2001. – 184 с.
406. Ягафова, Е. А. Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.) / Е. А. Ягафова. – Чебоксары: ЧГИГН, 2007. – 530 с.
407. Ягафова, Е. А. Чувашское «язычество» в XVIII – начале XXI века / Е. А. Ягафова. – Самара: Изд-во СГПУ, 2007. – 128 с.
408. Ягафова, Е. А. Чуваши-мусульмане в XVIII – начале XXI вв. / Е. А. Ягафова. – Самара: ПГСГА, 2009. – 128 с.
409. Ягафова, Е. А. Чуваши в межэтническом взаимодействии в Закамье / Е. А. Ягафова // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 6. – С. 35–53.
410. Ягафова, Е. А. Чуваши и мордва в Урало-Поволжье: межкультурное взаимодействие в XVIII–XX веках / Е. А. Ягафова // Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 15–16 ноября 2011 г.). – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 18–32.
411. Яковлев, Г. Религиозные обряды черемис / Г. Яковлев. – Казань: Православ. миссионер. об-во, 1887. – 87 с.
412. Якупов, Р. И. Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности / Р. И. Якупов. – М.: Старый сад, 2001. – 268 с.

413. Ahlgvist August. Tsshuwasshiska. Bd. I / August Ahlgvist. – Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiado, 2008. – LX, 178 s.
414. Batchelor John. An Ainu – English – Japanese Dictionary / John Batchelor. – Tokyo: Kyobunkan, 1926. – 366 p.
415. Czeglédy Károly. A kazár *kil~kel* eredete / Károly Czeglédy // Magyar Nyelv. 49. 1953. – S. 175–178.
416. Harva (Holmberg) Uno. Der ursprung des *kuala-kultes* bei den wotjaken / Uno Harva (Holmberg) // Finnisch-Ugrische Forschungen. Bd. 22. Helsinki, 1934. – S. 146–154.
417. Mészáros Gyula. Csuvas népköltési gyűjtemény. I köt.: A csuvas ösvallás emlékei / Gyula Mészáros. – Budapest: Kiada a Magyar tud. akad., 1909. – 471 l.
418. Munkácsi Bernát. Čuwaš. *kil* «Haus» / Bernát Munkácsi // Keleti Szemle. VI. Budapest, 1905. – 184 s.
419. Paasonen Heikki, von. Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen / Heikki Paasonen, von. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1949. – VI, 381 s.
420. Wichmann Yrjö. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen / Yrjö Wichmann. – Helsingfors: Druckerei der Finnischen literaturgesellschaft, 1903. – XXVIII, 171 s.

Авторефераты, диссертации

421. Главацкая, Е. М. Религиозные традиции хантов и их изменения в XVII–XX вв. : автореф. дис. ... док. ист. наук : 07.00.02 / Главацкая Елена Михайловна. – Екатеринбург, 2006. – 46 с.
422. Орлов, П. А. Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Орлов Павел Анатольевич. – Ижевск, 1999. – 215 с.
423. Павлов, Г. Н. Чувашская народная архитектура (эволюция, особенности и связи с русской народной архитектурой) : автореф. дис. ... канд. арх. наук / Павлов Г.Н.–М., 1963. – 23 с.
424. Рыбалко, А. А. Традиционная архитектура оренбургских казаков (вторая половина XIX – начало XX века) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Рыбалко Андрей Александрович. – Челябинск, 2007. – 194 с.
425. Семенова, Т. В. Особенности обрядового календаря чувашей в этноконтактной с татарами зоне : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Семенова Татьяна Витальевна. – СПб., 2015. – 261 с.
426. Сулейманов, Ф. М. Башкирский двор в конце XVIII – первой половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Сулейманов Фуат Мурзагалиевич. – Уфа, 1998. – 26 с.

427. Сулейманова, Д. Н. Интерьер жилища волго-уральских татар: развитие и этнокультурная специфика : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Сулейманова Диляра Наилевна. – Казань, 2007. – 290 с.

428. Сухарева, И. В. Чуваши Башкортостана: историко-культурное развитие в XVIII – начале XX веков : автореф. дис. ... док. ист. наук: 07.00.02 / Сухарева Ирина Витальевна. – Уфа, 2013. – 48 с.

Список сокращений

- БАССР** – Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
- в.** – волость
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области
- губ.** – губерния
- д.** – деревня
- д.** – дело
- ед. хр.** – единица хранения
- ИВР РАН** – Институт восточных рукописей РАН
- ИИМК РАН** – Институт истории материальной культуры РАН
- МАЭ РАН** – фонды и коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
- НА ИЭИ УНЦ РАН** – научный архив Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН
- НА ЧГИГН** – научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
- обл.** – область
- оп.** – опись
- отд.** – отдел
- п.** – поселок
- ПМА** – Полевой материал автора
- ПМ** – Полевой материал
- РАН** – Российская академия наук, СПб.
- РБ** – Республика Башкортостан
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив
- РГО** – Российское географическое общество
- р-н** – район
- РНБ** – Российская национальная библиотека
- РТ** – Республика Татарстан
- РЭМ** – Российский этнографический музей
- с.** – село
- СПБИН РАН** – Санкт-Петербургский институт истории РАН
- ТАССР** – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика

у. – уезд

ф. – фонд

х. – хутор

ЦИА РБ – Центральный исторический архив Республики Башкортостан

ЧАССР – Чувашская Автономная Советская Социалистическая Республика

ЧР – Чувашская Республика

Приложение. Список информантов

Содержательная часть исследования была завершена благодаря встречам и беседам с информантами, которым, пользуясь возможностью, хотелось бы выразить искренние слова благодарности. Люди разных возрастов и профессий, из разных деревень и сёл, административных районов и субъектов Российской Федерации перечислены в этом списке.

Республика Башкортостан

Зилаирский район (2009 г.)

Волкова (Иванова) Нина Александровна – 1926 г.р., родилась в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает в г. Уфа РБ.

Герасимова (Гаврилова) Светлана Леонтьевна – 1965 г.р., родилась в д. Пугачево Хайбуллинского района РБ, проживает в с. Бердяш Зилаирского района РБ.

Захаров Николай Алексеевич – 1933 г.р., родился в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает там же.

Захарова (Кузнецова) Зоя Платоновна – 1936 г.р., родилась в д. Пугачево Хайбуллинского района РБ, проживает в с. Бердяш Зилаирского района РБ.

Захаров Мефодий Алексеевич – 1937 г.р., родился в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает там же.

Захарова (Давыдова) Людмила Федотовна – 1942 г.р., родилась в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает там же.

Захаров Анатолий Михайлович – 1956 г.р., родился в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ.

Захарова (Михайлова) Лидия Владимировна – 1956 г.р., родилась в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ, проживает там же.

Иванов Василий Федорович – 1930 г.р., родился в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ, проживал в г. Сибай РБ.

Иванова (Вавилова) Клавдия Ивановна – 1928 г.р., родилась в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ, проживала в г. Сибай РБ.

Иванова Татьяна Николаевна – 1964 г.р., родилась в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает там же.

Иванов Александр Федорович – 1930 г.р., родился в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ, проживал там же.

Иванов Анатолий Федорович – 1932 г.р., родился в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ, проживает там же.

Иванова (Проломова) Клавдия Андреевна – 1932 г.р., родилась на х. Оренбуркино Зилаирского района РБ, проживала в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ.

Карманов Федор Митрофанович – 1935 г.р., родился в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ, проживает там же.

Кустанаева (Тимофеева) Зоя Николаевна – 1942 г.р., родилась в с. Базлык Бижбулякского района РБ, проживает в с. Бердяш Зилаирского района РБ.

Максимова (Гаврилова) Ольга Ивановна – 1932 г.р., родилась в с. Сулейманово Зианчуринского района РБ, проживает в с. Бердяш Зилаирского района РБ.

Медведева (Иванова) Людмила Васильевна – 1954 г.р., родилась в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ, проживает в г. Сибай РБ.

Михайлова (Иванова) Анна Федоровна – 1933 г.р., родилась в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ, проживала там же.

Никитина (Иванова) Матрёна Федоровна – 1927 г.р., родилась в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ, проживает в г. Магнитогорск Челябинской обл.

Петров Николай Иванович – 1930 г.р., родился в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ, проживал там же.

Пенькова (Кириллова) Нина Ивановна – 1941 г.р., родилась в д. Пугачево Хайбуллинского района РБ, проживает в с. Бердяш Зилаирского района РБ.

Сантиметрова Елена Васильевна – 1921 г.р., родилась в с. Яковлевка Хайбуллинского района РБ, проживала в с. Бердяш Зилаирского района РБ.

Ситников Геннадий Иванович – 1939 г.р., родился в с. Зилаир Зилаирского района РБ, проживает в с. Бердяш Зилаирского района РБ.

Ситникова (Никитина) Зоя Владимировна – 1929 г.р., родилась в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживала там же.

Соколов Кирилл Георгиевич – 1935 г.р., родился в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживал там же.

Степанов Владимир Семенович – 1955 г.р., родился в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ, проживает там же.

Степанов Анатолий Семенович – 1956 г.р., родился в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ, проживает там же.

Степанова (Михайлова) Валентина Владимировна – 1958 г.р., родилась в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ, проживает там же.

Скуратов Иван Иванович – 1945 г.р., родился в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ, проживает там же.

Терентьева (Соколова) Астра Петровна – 1930 г.р., родилась в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает там же.

Терентьева Ольга Григорьевна – 1932 г.р., родилась в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает там же.

Терентьев Анатолий Алексеевич – 1959 г.р., родился в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает там же.

Трофимова (Никифорова) Христина Евсеевна – 1941 г.р., родилась в с. Кинзябулатово Зиянчуринского района РБ, проживает в с. Бердяш Зилаирского района РБ.

Трофимова (Андреева) Евдокия Михайловна – 1936 г.р., родилась в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает там же.

Филиппов Александр Кузьмич – 1931 г.р., родился в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает там же.

Филиппова (Иванова) Маруся Николаевна – 1936 г.р., родилась в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает там же.

Филиппова Светлана Александровна – 1960 г.р., родилась в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает там же.

Шихова Тамара Николаевна – 1937 г.р., родилась в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает там же.

Яковлева (Фадеева) Анастасия Ильинична – 1930 г.р., родилась в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает там же.

Аургазинский район (2010 г.)

Алексеева (Иванова) Анна Ануфриевна – 1949 г.р., родилась в д. Юламаново Аургазинского района РБ, проживает там же.

Иванов Николай Алексеевич – 1947 г.р., родился в с. Бишкаин Аургазинского района РБ, проживает там же.

Иванова (Михайлова) Елена Гавриловна – 1948 г.р., родилась в с. Бишкаин Аургазинского района РБ, проживает там же.

Иванова (Яковлева) Ирина Васильевна – 1962 г.р., родилась в д. Юламаново Аургазинского района РБ, проживает там же.

Игнатьев Иван Иванович – 1950 г.р., родился в д. Юламаново Аургазинского района РБ, проживает там же.

Кириллов Федор Николаевич – 1937 г.р., родился в с. Бишкаин Аургазинского района РБ, проживает там же.

Кириллова (Герасимова) Антонина Матвеевна – 1941 г.р., родилась в с. Бишкаин Аургазинского района РБ, проживает там же.

Кузьмина (Атмасова) Агния Антоновна – 1942 г.р., родилась в д. Юламаново Аургазинского района РБ, проживает там же.

Савельев Александр Сергеевич – 1932 г.р., родился в д. Юламаново Аургазинского района РБ, проживает там же.

Савельева (Осипова) Феодосья Федоровна – 1929 г.р., родилась в с. Чувашский Нагадак Аургазинского района РБ, проживала в д. Юламаново Аургазинского района РБ.

Сидорова (Тимофеева) Лидия Соломоновна – 1963 г.р., родилась в с. Дубровка Стерлитамакского района РБ, проживает в д. Юламаново Аургазинского района РБ.

Фадеева (Кондратьева) Ольга Федотовна – 1927 г.р., родилась в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ, проживает в с. Бишкаин Аургазинского района РБ.

Фомин Демьян Филиппович – 1937 г.р., родился в д. Юламаново Аургазинского района РБ, проживает там же.

Бакалинский район (2010 г.)

Баймурзин Симуха Минухович – 1932 г.р., родился в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Баймурзина (Шишкина) Антонина Викторовна – 1938 г.р., родилась в с. Васильевка Шаранского района РБ, проживает в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ.

Бедриков Леонид Яковлевич – 1954 г.р., родился в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Бедрикова (Степанова) Людмила Петровна – 1958 г.р., родилась в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Ванюков Николай Александрович – 1936 г.р., родился в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Ванюкова (Горбатова) Юлия Федоровна – 1937 г.р., родилась в с. Аксаково Шенталинского района Самарской области, проживает в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ.

Емельянова Ирина Сергеевна – 1954 г.р., родилась в д. Александровка Бижбулякского района РБ, проживает в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ.

Измайлов Егор Евгеньевич – 1948 г.р., родился в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Измайлов Владимир Георгиевич – 1954 г.р., родился в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Измайлов Николай Николаевич – 1957 г.р., родился в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Иванов Андрей Ильдукович – 1952 г.р., родился в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Иванова (Юльtimiрова) Евгения Ивановна – 1937 г.р., родилась в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Калымбаева (Туйдулова) Раиса Валентиновна – 1947 г.р., родилась в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Калымбаева (Баймурзина) Раиса Ильинична – 1961 г.р., родилась в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Митрофанова (Петрова) Зоя Григорьевна – 1933 г.р., родилась в с. Васильевка Шаранского района РБ, проживает в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ.

Петров Артемий Ситрукович – 1925 г.р., родился в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Петрова (Петрусева) Анисия Ивановна – 1925 г.р., родилась в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Петров Евгений Артемьевич – 1951 г.р., родился в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Петрухина (Тылдырякова) Валентина Петровна – 1937 г.р., родилась в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Петрусев Миннибай Миникеевич – 1926 г.р., родился в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Петрусева Людмила Николаевна – 1950 г.р., родилась в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Саватеева (Семенова) Зинаида Моисеевна – 1948 г.р., родилась в с. Ермошкино Вурнарского района ЧР, проживает в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ.

Сазонова (Юльtimiрова) Антонина Викторовна – 1946 г.р., родилась в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Туйдулова (Морзалева) Антонина Александровна – 1950 г.р., родилась в с. Старые Маты Бакалинского района РБ, проживает в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ.

Юльtimiрова (Иванова) Сайра Тимуховна – 1925 г.р., родилась в с. Ахманово Бакалинского района РБ, проживает в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ.

Юльtimiров Леонид Иванович – 1949 г.р., родился в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Юльtimiров Лев Юльевич – 1952 г.р., родился в д. Юльtimiровка Бакалинского района РБ, проживает там же.

Зилаирский район (2010 г.)

Егорова (Яковлева) Нина Васильевна – 1937 г.р., родилась в д. Серегулово Зианчуринского района РБ, проживает в с. Ямансаз Зилаирского района РБ.

Иванова Нина Никаноровна – 1934 г.р., родилась на х. Надеждинский Зилаирского района РБ, проживает в с. Ямансаз Зилаирского района РБ.

Иванова (Ивлева) Зоя Михайловна – 1944 г.р., родилась в с. Петровка Зилаирского района РБ, проживает в с. Ямансаз Зилаирского района РБ.

Иванова (Харитоновa) Акулина Александровна – 1941 г.р., родилась в с. Сулейманово Зианчуринского района РБ, проживает в с. Ямансаз Зилаирского района РБ.

Кашкарова (Юланова) Раиса Ахмадуловна – 1955 г.р., родилась в д. Ташкурга Зилаирского района РБ, проживает в с. Ямансаз Зилаирского района РБ.

Купцова (Иванова) Елизавета Никаноровна – 1946 г.р., родилась на х. Надеждинский Зилаирского района РБ, проживает в с. Ямансаз Зилаирского района РБ.

Платонов Олег Михайлович – 1939 г.р., родился в д. Пугачево Хайбуллинского района РБ, проживает в с. Ямансаз Зилаирского района РБ.

Хайбуллинский район (2010 г.)

Алексеев Владимир Ильич – 1932 г.р., родился в д. Верхнее Сазово Кугарчинского района РБ, проживает в д. Пугачево Хайбуллинского района РБ.

Алексеев Михаил Васильевич – 1940 г.р., родился в д. Пугачево Хайбуллинского района РБ, проживает там же.

Алексеева (Федорова) Ольга Андреевна – 1939 г.р., родилась в д. Пугачево Хайбуллинского района РБ, проживает там же.

Алексеева (Дмитриева) Нина Николаевна – 1937 г.р., родилась на х. Надеждинский Зилаирского района РБ, проживает в д. Пугачево Хайбуллинского района РБ.

Алексеева (Федорова) Нина Андреевна – 1966 г.р., родилась в д. Пугачево Хайбуллинского района РБ, проживает там же.

Алексеев Григорий Алексеевич – 1929 г.р., родился в с. Яковлевка Хайбуллинского района РБ, проживает там же.

Алексеева (Никифорова) Елена Лазаревна – 1930 г.р., родилась в с. Яковлевка Хайбуллинского района РБ, проживает там же.

Дмитриева (Романова) Мария Арсеньевна – 1935 г.р., родилась на х. Надеждинский Зилаирского района РБ, проживает в с. Яковлевка Хайбуллинского района РБ.

Кудрев Иван Иванович – 1943 г.р., родился на х. Надеждинский Зилаирского района РБ, проживает в с. Яковлевка Хайбуллинского района РБ.

Михайлов Илья Александрович – 1936 г.р., родился в д. Пугачево Хайбуллинского района РБ, проживает там же.

Молодцова Татьяна Николаевна – 1955 г.р., родилась в д. Пугачево Хайбуллинского района РБ, проживает в с. Яковлевка Хайбуллинского района РБ.

Никифорова Лидия Лазаревна – 1940 г.р., родилась в с. Яковлевка Хайбуллинского района РБ, проживает там же.

Платонов Петр Васильевич – 1929 г.р., родился в с. Бердяш Зилаирского района РБ, проживает в д. Пугачево Хайбуллинского района РБ.

Платонова (Федорова) Елизавета Егоровна – 1927 г.р., родилась в с. Яковлевка Хайбуллинского района РБ, проживает в д. Пугачево Хайбуллинского района РБ.

Романова (Соловьева) Зоя Васильевна – 1937 г.р., родилась в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района РБ, проживает в с. Яковлевка Хайбуллинского района РБ.

Цикало (Алексеева) Нина Васильевна – 1955 г.р., родилась в д. Пугачево Хайбуллинского района РБ, проживает в с. Бурибай Хайбуллинского района РБ.

Гафурийский район (2011 г.)

Алексеев Анатолий Иванович – 1958 г.р., родился в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает там же.

Алексеева (Яннова) Раиса Степановна – 1933 г.р., родилась в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает там же.

Алексеев Илья Павлович – 1940 г.р., родился в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает там же.

Алексеева (Трифорова) Нина Васильевна – 1941 г.р., родилась в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает там же.

Васильева (Иванова) Феня Викторовна – 1952 г.р., родилась на кордоне Алыкманский Аургазинского района РБ, проживает в с. Антоновка Гафурийского района РБ.

Виноградов Павел Степанович – 1931 г.р., родился в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает там же.

Герасимова (Яковлева) Маруся Ивановна – 1939 г.р., родилась в д. Юламаново Аургазинского района РБ, проживает в с. Антоновка Гафурийского района РБ.

Емельянов Николай Андреевич – 1931 г.р., родился в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает там же.

Емельянова (Михайлова) Раиса Сергеевна – 1939 г.р., родилась в д. Ахметка Гафурийского района РБ, проживает в с. Антоновка Гафурийского района РБ.

Емельянова (Герасимова) Анна Степановна – 1942 г.р., родилась в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает там же.

Иванова (Михайлова) Мария Петровна – 1931 г.р., родилась в д. Юламаново Аургазинского района РБ, проживает в с. Антоновка Гафурийского района РБ.

Михайлова (Маленкова) Ольга Степановна – 1932 г.р., родилась в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает там же.

Морозова (Леонтьева) Клавдия Захаровна – 1930 г.р., родилась в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает там же.

Морозова (Павловна) Зоя Леонтьевна – 1963 г.р., родилась в с. Бишкаин Аургазинского района РБ, проживает в с. Антоновка Гафурийского района РБ.

Сидоров Лукьян Владимирович – 1937 г.р., родился в д. Таштамак Аургазинского района РБ, проживает в с. Антоновка Гафурийского района РБ.

Сидорова (Иванова) Мария Дмитриевна – 1935 г.р., родилась в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает там же.

Тарасов Иван Степанович – 1939 г.р., родился в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает там же.

Таносова (Иванова) Мария Андреевна – 1930 г.р., родилась в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает в д. Дмитриевка Гафурийского района РБ.

Трифорова (Захарова) Ольга Васильевна – 1916 г.р., родилась в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживала там же.

Трифорова (Осипова) Ольга Андреевна – 1938 г.р., родилась в д. Мраково Гафурийского района РБ, проживает в с. Антоновка Гафурийского района РБ.

Тимофеева (Юдина) Ольга Ивановна – 1926 г.р., родилась в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает там же.

Ульянова (Иванова) Елена Александровна – 1954 г.р., родилась в д. Толмачевка Аургазинского района РБ, проживает в с. Антоновка Гафурийского района РБ.

Челатканов Николай Сергеевич – 1936 г.р., родился в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает в д. Дмитриевка Гафурийского района РБ.

Челатканова (Сильвестрова) Раиса Семеновна – 1929 г.р., родилась в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ, проживает в д. Дмитриевка Гафурийского района РБ.

Яннов Семен Ильич – 1935 г.р., родился в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает там же.

Яннова (Герасимова) Мария Васильевна – 1936 г.р., родилась в с. Антоновка Гафурийского района РБ, проживает там же.

Свердловская область

Талицкий район (2012 г.)

Алексеева (Николаева) Людмила Моисеевна – 1954 г.р., родилась в д. Савка Ибресинского района ЧР, проживает в д. Первунова Талицкого района Свердловской обл.

Афанасьев Алексей Афанасьевич – 1933 г.р., родился в д. Эпшики Вурнарского района ЧР, проживает в с. Горбуновское Талицкого района Свердловской обл.

Деревнина (Федорова) Альбина Федоровна – 1945 г.р., родилась в д. Малдыкасы Вурнарского района ЧР, проживает в с. Горбуновское Талицкого района Свердловской обл.

Иванов Петр Яковлевич – 1942 г.р., родился в д. Хора-Сирма Вурнарского района ЧР, проживает в с. Горбуновское Талицкого района Свердловской обл.

Иванова (Петрова) Надежда Ефимовна – 1946 г.р., родилась в с. Синькасы Вурнарского района ЧР, проживает в с. Горбуновское Талицкого района Свердловской обл.

Константинов Геннадий Петрович – 1959 г.р., родился в д. Тузи-Сярмус Вурнарского района ЧР, проживает в с. Горбуновское Талицкого района Свердловской обл.

Матвеева (Николаева) Анастасия Николаевна – 1926 г.р., родилась в д. Савка Ибресинского района ЧР, проживала в д. Первунова Талицкого района Свердловской обл.

Мефодьев Анатолий Мефодьевич – 1950 г.р., родился в д. Сугут-Торбиково Вурнарского района ЧР, проживает в с. Горбуновское Талицкого района Свердловской обл.

Михайлов Петр Михайлович – 1932 г.р., родился в д. Ямбахтино Вурнарского района ЧР, проживает в с. Горбуновское Талицкого района Свердловской обл.

Михайлова (Иванова) Евдокия Емельяновна – 1934 г.р., родилась в д. Вутланы Аликовского района ЧР, проживает в с. Горбуновское Талицкого района Свердловской обл.

Николаева (Иванова) Зоя Лаврентьевна – 1939 г.р., родилась в с. Багат Беловского района Кемеровской обл., проживает в д. Первунова Талицкого района Свердловской обл.

Петров Василий Петрович – 1927 г.р., родился в д. Малдыкасы Вурнарского района ЧР, проживает в с. Горбуновское Талицкого района Свердловской обл.

Пирожок (Парамонова) Валентина Федоровна – 1939 г.р., родилась в д. Савка Ибресинского района ЧР, проживает в с. Горбуновское Талицкого района Свердловской обл.

Семенов Гурий Семенович – 1933 г.р., родился в д. Крымдарайкино Чебоксарского района ЧР, проживает в д. Первунова Талицкого района Свердловской обл.

Семенова (Канюкова) Лидия Клементьевна – 1928 г.р., родилась в с. Синькасы Вурнарского района ЧР, проживает в д. Первунова Талицкого района Свердловской обл.

Стафеева (Денисова) Елизавета Денисовна – 1936 г.р., родилась в с. Синькасы Вурнарского района ЧР, проживает в с. Горбуновское Талицкого района Свердловской обл.

Христофорова Зоя Николаевна – 1938 г.р., родилась в д. Малдыкасы Вурнарского района ЧР, проживает в с. Горбуновское Талицкого района Свердловской обл.

Челябинская область

Сосновский район (2013 г.)

Березова (Максимова) Зинаида Михайловна – 1954 г.р., родилась в с. Самаркино Асекеевского района Оренбургской обл., проживает в с. Чипышево Сосновского района Челябинской обл.

Григорьева (Яковлева) Галина Андреевна – 1956 г.р., родилась в с. Новоюмашево Шаранского района РБ, проживает в п. Полетаево Сосновского района Челябинской обл.

Кудрявцева (Макарова) Валентина Павловна – 1949 г.р., родилась в с. Чипышево Сосновского района Челябинской обл., проживает там же.

Кузнецова (Миронова) Людмила Александровна – 1955 г.р., родилась в с. Самаркино Асекеевского района Оренбургской обл., проживает в п. Полетаево Сосновского района Челябинской обл.

Макаров Петр Павлович – 1947 г.р., родился в с. Ключевка Абдуллинского района Оренбургской области, проживает в с. Чипышево Сосновского района Челябинской обл.

Савельева (Дмитриева) Юлия Терентьевна – 1951 г.р., родилась в с. Артемьевка Абдуллинского района Оренбургской обл., проживает в п. Полетаево Сосновского района Челябинской обл.

Савельев Юрий Николаевич – 1954 г.р., родился в с. Ключевка Абдуллинского района Оренбургской обл., проживает в с. Чипышево Сосновского района Челябинской обл.

Савельева (Захарова) Валентина Тимофеевна – 1941 г.р., родилась в п. Красное Озеро Асекеевского района Оренбургской обл., проживает в с. Чипышево Сосновского района Челябинской обл.

Самарина (Степанова) Нина Ивановна – 1937 г.р., родилась на ст. Абдуллино Абдуллинского района Оренбургской обл., проживает в п. Полетаево Сосновского района Челябинской обл.

Уканеев Валерий Самидуллович – 1953 г.р., родился в п. Ибрайкино Бижбулякского района РБ, проживает в п. Полетаево Сосновского района Челябинской обл.

Уканеева (Тихонова) Елена Васильевна – 1953 г.р., родилась в с. Самаркино Асекеевского района Оренбургской обл., проживает в п. Полетаево Сосновского района Челябинской обл.

Устинов Геннадий Яковлевич – 1940 г.р., родился в Асекеевском районе Оренбургской обл., проживает в с. Чипышево Сосновского района Челябинской обл.

Федоров Владимир Тарасович – 1942 г.р., родился в д. Новопетровка Шаранского района РБ, проживает в п. Полетаево Сосновского района Челябинской обл.

Федорова Зоя Федоровна – 1946 г.р., родилась в д. Рождественка Шаранского района РБ, проживает в п. Полетаево Сосновского района Челябинской обл.

Шешмина (Иванова) Раиса Сергеевна – 1953 г.р., родилась в с. Захаркино Абдуллинского района Оренбургской обл., проживает в с. Чипышево Сосновского района Челябинской обл.

Ярута (Егорова) Валентина Сергеевна – 1941 г.р., родилась в с. Захаркино Абдуллинского района Оренбургской обл., проживает в с. Чипышево Сосновского района Челябинской обл.

Республика Башкортостан

Аургазинский район (2013 г.)

Алексеев Геннадий Акимович – 1939 г.р., родился в д. Ташлыкуль Аургазинского района РБ, проживает там же.

Алексеева (Яковлева) Нина Кирилловна – 1946 г.р., родилась в д. Ташлыкуль Аургазинского района РБ, проживает там же.

Васильев Виктор Данилович – 1929 г.р., родился в д. Ташлыкуль Аургазинского района РБ, проживает в д. Утаркуль Аургазинского района РБ.

Васильева (Максимова) Ольга Федоровна – 1931 г.р., родилась в с. Бишкаин Аургазинского района РБ, проживает в д. Утаркуль Аургазинского района РБ.

Васильев Никон Федорович – 1936 г.р., родился в д. Ташлыкуль Аургазинского района РБ, проживает там же.

Васильева (Мартынова) Нина Прохоровна – 1936 г.р., родилась в д. Ташлыкуль Аургазинского района РБ, проживает там же.

Германова (Волкова) Василиса Михайловна – 1926 г.р., родилась в с. Тряпино Аургазинского района РБ, проживает в д. Куезбашево Аургазинского района РБ.

Германов Леонтий Герасимович – 1936 г.р., родился в д. Куезбашево Аургазинского района РБ, проживает там же.

Германова (Лукьянова) Валентина Кузьминична – 1937 г.р., родилась в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ, проживает в д. Куезбашево Аургазинского района РБ.

Давыдова (Ефимова) Клавдия Ильинична – 1942 г.р., родилась в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ, проживает там же.

Ефимова (Алексеева) Ольга Васильевна – 1926 г.р., родилась в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ, проживает там же.

Ефимов Иван Васильевич – 1947 г.р., родился в с. Месели Аургазинского района РБ, проживает там же.

Ефимова (Никитина) Людмила Исааковна – 1952 г.р., родилась в с. Месели Аургазинского района РБ, проживает там же.

Ефремова (Григорьева) Зинаида Семеновна – 1954 г.р., родилась в с. Тряпино Аургазинского района РБ, проживает в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ.

Иванов Архип Григорьевич – 1933 г.р., родился в п. Ермолаевка Аургазинского района РБ, проживает в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ.

Иванова (Афанасьева) Елизавета Сергеевна – 1933 г.р., родилась в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ, проживает там же.

Леонтьев Анисим Евдокимович – 1935 г.р., родился в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ, проживает там же.

Леонтьева (Алексеева) Анисия Васильевна – 1939 г.р., родилась в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ, проживает там же.

Мартынова (Иванова) Агафья Капитоновна – 1916 г.р., родилась в д. Ташлыкуль Аургазинского района РБ, проживала там же.

Михайлова (Савельева) Вера Леонтьевна – 1931 г.р., родилась в с. Бишкаин Аургазинского района РБ, проживает в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ.

Никитин Алексей Павлович – 1928 г.р., родился в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ, проживает там же.

Никитина (Казанцева) Анастасия Георгиевна – 1928 г.р., родилась в с. Чувашский Нагадак Аургазинского района РБ, проживает в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ.

Никитина (Ефимова) Зоя Ивановна – 1932 г.р., родилась в с. Месели Аургазинского района РБ, проживает там же.

Платонов Родион Николаевич – 1941 г.р., родился в д. Куезбашево Аургазинского района РБ, проживает там же.

Платонова (Шляпкина) Вера Тимофеевна – 1941 г.р., родилась в д. Куезбашево Аургазинского района РБ, проживает там же.

Тимофеева Антонина Павловна – 1934 г.р., родилась в п. Ермолаевка Аургазинского района РБ, проживает в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ.

Федоров Николай Тихонович – 1930 г.р., родился в с. Наумкино Аургазинского района РБ, проживает там же.

Филиппов Митрофан Дмитриевич – 1927 г.р., родился в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ, проживает там же.

Филиппова (Павлова) Вера Федоровна – 1923 г.р., родилась в д. Куезбашево Аургазинского района РБ, проживала в с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района РБ.

Филиппов Петр Степанович – 1942 г.р., родился в д. Утаркуль Аургазинского района РБ, проживает там же.

Шляпкин Георгий Леонтьевич – 1935 г.р., родился в д. Куезбашево Аургазинского района РБ, проживает там же.

Шляпкина (Савельева) Антонина Андреевна – 1935 г.р., родилась в с. Бишкаин Аургазинского района РБ, проживает в д. Куезбашево Аургазинского района РБ.

Шляпкин Родион Михайлович – 1941 г.р., родился в д. Куезбашево Аургазинского района РБ, проживает там же.

Республика Татарстан

Альметьевский район (2014 г.)

Айкин Владимир Савдимирович – 1939 г.р., родился в с. Новое Суркино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Альмукова (Бикбова) Инна Ивановна – 1967 г.р., родилась в с. Старое Суркино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Бикбов Иван Иванович – 1943 г.р., родился в с. Старое Суркино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Григорьева (Айдукова) Раиса Родионовна – 1938 г.р., родилась в с. Новое Суркино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Ильмурина (Языкова) Елизавета Васильевна – 1931 г.р., родилась в с. Клементейкино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Ильмурина Людмила Ивановна – 1964 г.р., родилась в с. Клементейкино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Каликов Анатолий Мидюкович – 1939 г.р., родился в с. Клементейкино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Корюшова Вардюк Степановна – 1925 г.р., родилась в с. Старое Суркино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Кучуева Хертилет Туктаровна – 1937 г.р., родилась в с. Клементейкино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Лисина (Зайкова) Лидия Вениаминовна – 1948 г.р., родилась в с. Старое Суркино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Лисина Эльпике Исмаиловна – 1934 г.р., родилась в с. Старое Суркино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Михайлова Сайреби Симендеевна – 1927 г.р., родилась в с. Клементейкино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Осипова (Трифоновна) Татьяна Дмитриевна – 1961 г.р., родилась в с. Клементейкино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Падияров Анатолий Пайкович – 1940 г.р., родился в с. Клементейкино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Сатыбалова Унеслу Сидулловна – 1924 г.р., родилась в с. Старое Суркино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Сидоров Петр Павлович – 1968 г.р., родился в с. Клементейкино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Тимиров Михаил Геннадьевич – 1951 г.р., родился в с. Клементейкино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Тимирова (Кузьмина) Лидия Павловна – 1947 г.р., родилась в с. Клементейкино Альметьевского р-на РТ, проживает там же.

Лениногорский район (2014 г.)

Ванюкова (Савукова) Санихер Тимофеевна – 1948 г.р., родилась в с. Новое Серезкино Лениногорского р-на РТ, проживает там же.

Савуков Тимофей Демьянович – 1921 г.р., родился в с. Новое Серезкино Лениногорского р-на РТ, проживает там же.

Черемшанский район (2014 г.)

Ильтеряков Василий Иванович – 1945 г.р., родился в с. Новое Ильмово Черемшанского р-на РТ, проживает там же.

Кузнецов Илья Алексеевич – 1941 г.р., родился в с. Новое Ильмово Черемшанского р-на РТ, проживает там же.

Портнова Ольга Юльдимировна – 1933 г.р., родилась в с. Новое Ильмово Черемшанского р-на РТ, проживает там же.

Самарская область

Шенталинский район (2014 г.)

Алексеев Виталий Михайлович – 1933 г.р., родился в с. Старое Афонькино Шенталинского р-на Самарской обл., проживает там же.

Етриванова Ольга Туйдулловна – 1932 г.р., родилась в с. Старое Афонькино Шенталинского р-на Самарской обл., проживает там же.

Рыбакова (Таймухина) Роза Васильевна – 1949 г.р., родилась в с. Старое Афонькино Шенталинского р-на Самарской обл., проживает там же.